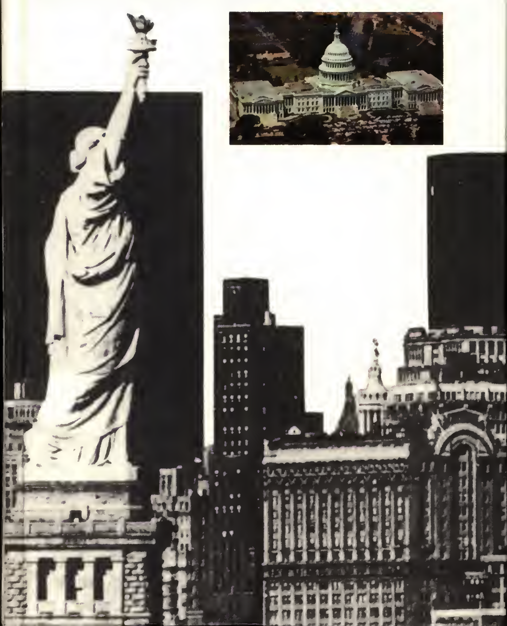
Н. Н. Яковлев

СИЛУЭТЫ ВАШИНГТОНА

Н. Н. Яковлев

СИЛУЭТЫ ВАШИНГТОНА

СИЛУЭТЫ

Н.Н. Яковлев

ВАШИНГТОНА

Политические
очерки

Москва
Издательство
политической
литературы
1983

66.4(7США)
Я47

Я $\frac{0804000000-009}{079(02)-83}$ 260—83

АМЕРИКАНСКОЕ ПОЛИТИЧЕСКОЕ КРЕДО
(эскиз)

Те, кто стоял у колыбели Соединенных Штатов, были большими мастерами пера и слова. Они заметно выделялись в XVIII веке, гордившемся тем, что на исходе его собирается обильная жатва эры разума. Свою правоту в войне за независимость 1775—1783 гг. против Англии они сумели доказать. Что было не очень сложно — война велась за безбрежным по тем критериям океаном и осязаемо ударила разве по горстке английских купцов и промышленников, связанных с колониальной торговлей. Для остального мира дело далекой Америки ощущалось лишь в сфере идей, а вводят в нее перо и язык.

Кредо американизма, как оно существует по сей день, было сформулировано в отдаленные от нас двумя столетиями времена. Неотъемлемой чертой его было указание на особые способности «отцов-основателей» США. Когда Соединенные Штаты праздновали 200-летие страны, об этом напоминали и лица, почитающиеся очень компетентными в отечественной истории. И продолжают напоминать: юбилей отмечается с 1976 г. (200-летие Декларации независимости) до 1989 г. (200-летие вступления в силу американской конституции).

Выступая на симпозиуме по проблемам войны за независимость, профессор Г. Коммаджер сослался на джефферсоновские «Записки о штате Вирджиния» и сказал: «Одно поколение (в США.— *Н. Я.*) дало самое сверкающее созвездие политических деятелей, каких не сыскать больше нигде: ни в том столетии, ни, возможно, и позднее. Джефферсон... без тени улыбки утверждал, что если считать пропорционально населению, то Франция должна была бы иметь восемь Вашингтонов и восемь Франклинов (лишь скромность заставила его воздержаться от того, чтобы добавить: также восемь Джефферсонов. Или он понимал, что читатель сам догадается сделать это?). И самое удивительное: ...поколение, председательствовавшее при рождении республики, направляло ее судьбы еще 50 лет!» [1]

Внутренняя логика такого рода рассуждений властно повелевает: с вершины пирамиды власти в США могут звучать только истины в конечной инстанции. Первой среди них в американской мифологии является утверждение о том, что государственное устройство США и сопутствующий ему образ жизни, что ни говори, самые идеальные во всей писаной и неписаной истории человечества.

В 1973 г. палату представителей американского конгресса

---

[1] The Development of Revolutionary Mentality. Washington, 1972, p. 19.

озарила идея рассеять любые сомнения на этот счет. Суть ее изложена в резолюции палаты представителей № 185, поддержанной сенатом: «...опубликовать в качестве документа палаты представителей собрание инаугурационных речей от президента Джорджа Вашингтона до президента Ричарда М. Никсона... с иллюстрациями»[1]. Конгресс заботило главное: еще раз вооружиться до зубов коллективной идеологической мудростью всех без исключения президентов, или, если угодно, положить под руку памятку при решении текущих дел. Ибо что такое каждая инаугурационная речь? Речь при вступлении на пост президента — подведение итогов и программа на ближайшие четыре года. В совокупности они обрисовывают генеральную линию, как она видится из Белого дома, причем на протяжении всей истории 200-летней республики.

Слов нет, каждый из 40 президентов, правивших за эти столетия, обращался к наиважнейшим, по разумению данного государственного мужа, делам своего времени. Получилась достаточно пестрая мозаика. Но она заключена в жесткие рамки общего мировоззрения, отличительная черта которого — пылкая вера в превосходство Соединенных Штатов над всеми остальными странами и народами. Без изъятий!

Первый президент Дж. Вашингтон, вступая в должность в 1789 г., отнес объединение 13 британских колоний в самостоятельное государство за счет «провидения», присовокупив, что «сохранение священного огня свободы и судьба республиканской формы правления по справедливости вручены в руки американского народа, которому доверен этот последний эксперимент». Т. Джефферсон в 1801 г. нашел, что американский образ правления — «лучшая надежда мира». Дж. Монро, напомнив в 1817 г., что истекло 40 лет со времени войны за независимость, предложил согражданам «возрадоваться по поводу совершенства наших институтов». Суровый воин, президент Э. Джексон не уставал учить американцев: «Глаза всего мира устремлены на эту республику» (1833 г.). М. Ванбюрен в 1837 г. подхватил тему, сообщив: «Мощь и влияние республики поднялись на высоты, очевидные для всего человечества».

Первое столетие существования США, по мнению Дж. Гарфилда (1881 г.), увенчал «триумф свободы и зако-

[1] Inaugural Addresses of the Presidents of the United States from George Washington 1789 to Richard Nixon 1973, House Document 93—208. Washington, 1974, p. II.

на». Г. Кливленд спустя четыре года говорил о «гениальности наших институтов... каковые наилучшая форма правления, когда-либо дарованная человечеству». В начале XX века Т. Рузвельт возгласил: «От успеха нашего эксперимента зависит многое, не только наше благополучие, но и благополучие всего человечества». Поднимая страну на войну, профессор В. Вильсон в 1917 г. отчеканил: «Мы будем бóльшими американцами, если останемся верными принципам, на которых воспитаны. Это принципы не провинции или одного континента. Мы знаем и гордимся этим — речь идет о принципах всего свободного человечества». Когда отгремела первая мировая война, У. Гардинг подытожил в 1921 г.: «Я должен выразить свою веру в божественное вдохновение отцов-основателей. Несомненно, в создании республики в Новом Свете проявился промысел божий».

С вступлением мира в эру новейшей истории, открытой Россией в 1917 г., сначала подспудно, а затем открыто о достижениях США начинают говорить в сравнительном плане. К. Кулидж в 1925 г. изрек: «Нет необходимости говорить, что наша система всегда была совершенной. Достаточно знать, что ничего лучшего не было изобретено». Г. Гувер в 1929 г., в самый канун жесточайшего мирового экономического кризиса, как гвозди вгонял в сознание американцев: «Ни в одной другой стране институты прогресса не получили такого развития. Ни в одной другой стране плоды достижений так не обеспечены. Ни в одной другой стране правительство не заслуживает такого уважения».

В конце второй мировой войны, в 1945 г., Ф. Рузвельт нашел объяснение: «Бог даровал нашей стране веру, которая стала надеждой всех народов истерзанного мира». Г. Трумэн, принявший эстафету президентства, в 1949 г. уточнил: «Народы мира... как никогда раньше, обращаются к Соединенным Штатам за доброй волей, силой и мудрым руководством».

В 1957 г. Д. Эйзенхауэр высказал мнение, что «американский эксперимент на протяжении поколений возбуждал страсть и мужество миллионов в других странах». Дж. Кеннеди в 1961 г., дав «ту же торжественную клятву, которую наши предки произносили почти 175 лет назад», добавил: «Мы ныне не смеем забыть: мы наследники той первой революции... гордимся нашим древним наследием и не позволим себе быть свидетелями или разрешить медленное угасание» его. Вступая на пост президента в 1969 г., Р. Никсон заве-

рил: «Ни одна страна во всей истории никогда не была так близка к достижению справедливого общества изобилия и не обладала такой волей достичь этого». В 1973 г., бросив взгляд в прошлое, он обнаружил: «Будем горды тем, что наша система дала больше свободы и изобилия, наилучшим образом распределенных, чем любая другая система в истории человечества». Вглядываясь в будущее, Р. Никсон узрел в конце своего президентства (он думал сдать полномочия 20 января 1977 г.) 200-летний юбилей США и поэтому сказал: «Поклянемся вместе сделать грядущее четырехлетие самым лучшим в истории Америки, с тем чтобы в день своего двухсотлетия Америка была столь же молодой и жизнеспособной, как при рождении, и таким же маяком для всего мира».

Принимая бразды правления 20 января 1977 г., президент Дж. Картер объявил: «Два столетия тому назад рождение нашей страны было вехой в длительных поисках свободы. Смелая, сверкающая мечта, вдохновлявшая отцов-основателей, все еще ждет своего осуществления. Сегодня у меня нет новой мечты, я призываю только к новой вере в старую мечту» [1].

Государственная мудрость правителей республики в самом сжатом изложении! Менялись материальные условия мира, в жизни человечества происходили громадные изменения, но символ веры Америки, сформулированный в риторике президентов, не тускнел. Тогда что это за чудодейственный сплав идей, дерзко противостоящих коррозии времени?

* *
*

Один из крупнейших американских историков середины XX столетия, Р. Хофштадтер, пришел к четкому выводу относительно «Американской политической традиции». Назвав так свою книгу, Р. Хофштадтер написал: «Общее достояние главных политических традиций в США — вера в право собственности, в философию экономического индивидуализма, ценность конкуренции, в то, что экономические добродетели капиталистической культуры — неотъемлемые свойства людей... Святость частной собственности... была гранитной основой символа веры в американскую политическую идеологию. Эту концепцию в огромной степени разделяли такие различные деятели, как Джефферсон, Джексон, Линкольн, Клив-

[1] Vital Speeches of the Day, February 15, 1977, p. 258.

ленд, Брайан, Вильсон и Гувер. Задача политики, гласит это кредо,— защищать мир конкуренции, при необходимости поощрять его или ликвидировать случайные злоупотребления в нем, но не подрывать его какими-либо планами коллективистских действий» [1].

Сказано куда как ясно. Со дня основания Соединенных Штатов по сей день (и во веки веков, объясняют президенты) вершина всего и всяческого прогресса — священный институт частной собственности. Любые другие формы общественного устройства — ересь.

Эта идеология носит в высшей степени разработанный и изощренный характер. Примерно 50 лет назад В. Паррингтон, завершая монументальный трехтомный труд «Основные течения американской мысли», обратил особое внимание на эту сторону дела.

Паррингтон попытался оценить силу критики «разгребателей грязи» в США в начале XX века, которые подметили, что «реальные факты прошлого Америки оказались погребенными под толстым слоем патриотических легенд, которые появились на свет в ту непритязательную эпоху, когда молодая республика, страдая от естественного комплекса неполноценности, создавала вокруг себя защитную ограду от язвительной критики реакционной Европы. Все эти выдумки уже давно отслужили свою службу и стали удобным убежищем для летучих мышей и сов. А теперь настало время отбросить их в сторону, подойти к прошлому с объективпой меркой науки... С самого начала, как установили ученые, демократия и собственность яростно враждовали между собой... Причины постоянных побед собственности в этом непрекращающемся столкновении между человеком и долларом, между демократией и собственностью искали в положениях основного закона, и результатом критического изучения конституции явилось открытие, которое произвело впечатление разорвавшейся бомбы: оказалось, что возникновение плутократии не только не противоречит общему духу конституции, но является неизбежным следствием ее положений, что наши предки задумали ее вовсе не как орудие демократии, а как документ, явно враждебный ей... Конституция... была задумана и осуществлена с одним лишь намерением — ограничить политическую власть большинства,

[1] *Hofstadter R.* American Political Tradition. N.Y., 1948, p. VIII.

власть, внушающую острый страх собственническому сознанию всех времен»[1].

Это проливает яркий свет на суть американской демократии. Поборники ее превозносят плюрализм и назойливо требуют его от других стран. Но сами признают разумной единственную форму организации общества — американскую, основанную на частной собственности, откуда неизбежно вытекает громадное имущественное неравенство. Это и признается единственно нормальным человеческим обществом. И еще: коль скоро владение собственностью в американском понимании тождественно понятию «свобода», защита последней и есть оборона или наступление (в зависимости от обстоятельств) Собственника.

Массовая пропаганда США, нацеленная на обывателя или простака, объясняет, естественно, по-иному понятие «свобода». Надлежащая интерпретация восходит к Декларации независимости, принятие которой 4 июля 1776 г. считается датой основания Соединенных Штатов. Под изобретательным пером Т. Джефферсона сухая формулировка естественных прав английского философа Локка приобрела куда более волнующее звучание. Если Локк говорил, что естественные права состоят «в жизни, свободе и собственности», то Джефферсон установил: «в жизни, свободе и стремлении к счастью». Вдумчивый исследователь без труда определит последствия подмены термина. Причем для этого отнюдь не обязательно не одобрять порядки, существующие в Соединенных Штатах. Это прекрасно доказал профессор Р. Моррис, благонамереннейший американский историк, который возглавил клан служителей этой профессии в США, разъяснявших на уровне тамошней науки значение 200-летнего юбилея.

За плечами Морриса тогда было 70 лет жизни и 40 книг, он не мог не знать о великих трудностях изображения США в романтическом духе поборников разнообразных «свобод». Моррис напомнил коллегам: «Дело резко осложняется тем, что с течением времени Американская Мечта была связана с индивидуальным предпринимательством и капиталистической системой. Поэтому любой, кто отстаивает ту или иную форму коллективизма, тем самым выступает против американского пути, который мы, тем или иным образом, связы-

---

[1] *Паррингтон В.* Основные течения американской мысли. М., 1963, т. 3, с. 486—487.

ваем с американской революцией... Джефферсон был осторожен и исключил слово «собственность» из Декларации независимости. Он не считал его достаточно романтичным идеалом. Стремление к счастью означало несколько больше, чем собственность,— несомненно право приобретательства, право осуществить свое призвание и исповедовать религию по собственному выбору. Но он же не написал «капиталистическая система», или «частное предпринимательство». Поэтому мы могли бы проявить большую терпимость в отношении других систем, которые не обязательно имеют в виду экономические цели, разработанные нами на протяжении XIX столетия» [1].

Моррис, как мог, смягчил жесткие пропагандистские клише, которые, конечно, интеллектуально оскорбляют общину американских историков, ожидающих к себе дифференцированного подхода. Заокеанские специалисты знают подлинную цену пропагандистских труизмов относительно «свободы». Канадский профессор Э. Фриденберг, взявшийся в середине 70-х годов за проблему, «как избавляться от свободы и иных отбросов индустриальной эры», без большого труда пришел к выводу, что «современная концепция индивидуальной свободы коренится в эксплуатации».

Фриденберг точно и уместно указал: «У отцов-основателей США едва ли были сомнения в том, что обладание большим состоянием дает возможность куда лучше удовлетворить стремление к счастью. Свобода и собственность очень хорошо уживаются бок о бок, соответственно увеличивая ценность друг друга... Классическая концепция свободы, воплощенная в Билле о правах, сама является инструментом буржуазных привилегий и классовых предрассудков, порожденных идеологией развивающегося капиталистического общества. Эта концепция с акцентом на права индивидуума за счет коллектива враждебна как в принципе, так и по своим последствиям интересам индустриального пролетариата. Лишь класс патрициев мог выработать Билль о правах, который толкует понятие свободы в буквальном смысле как свободу от необоснованных поползновений извне. А такое могло прийти в голову только богатым людям... Гражданские свободы — плоды привилегий, они более привлекательны для привилегированного меньшинства, они питают психологию привилегированных».

[1] *Hornflower M.* American Revolution: Myth and Realities.— The Washington Post, July 6, 1975.

Однако, каковы бы ни были теоретические выкладки, разговоры об «индивидуальной свободе» — неотъемлемая и господствующая часть представления американцев о себе. По всем этим вопросам Фриденбергу есть что сказать. «Американские усилия,— замечает он,— добиться поддержки большинства в пользу гражданских прав представляются мне в определенной степени бесчестными и бесплодными. Достаточно указать, что это законная цель меньшинства». Сокрушительная критика профессором идеологических основ общества, в котором он живет, предпринята отнюдь не для того, чтобы потрясти их. «Нет другой формы правления, которую я предпочел бы носящей название демократической» [1],— определенно оправдывается он. Его цель много у́же — попытаться разобраться с научной точки зрения в смысле официальной американской риторики. А она не выдерживает соприкосновения даже с умышленно затупленными инструментами социального анализа, которые только и дает в распоряжение исследователя буржуазная наука.

Другой впечатляющий пример тому — набег на деликатную область понятия «демократия», предпринятый профессором Д. Адэром. Меньше всего он стремился подорвать обыденное представление о «демократии», бытующее в США. Адэр просто прочитал в 1965 г. группе специалистов лекцию «Клио озадачена», в которой профессионально отметил нелепости официальной трактовки драгоценного понятия. Адэр высмеял «сладкую диалектику», которая давала возможность легко преподносить американскую историю с самого начала как «рост демократии», «подъем демократии», «прогресс демократии» и пр. «Старое здание стоит,— предупредил Адэр,— главным образом потому, что историки повторяют друг друга».

Просмотрев груду общепринятой в США исторической литературы, Адэр вздохнул: «Трактовка в наших учебниках нашей революции как первой, в которой фермерско-рабочий класс привел к власти аристократию, просто рассыпается, если внимательно изучить события. «Дух 76 года» вовсе не был повивальной бабкой младенца «демократии». Адэр обратился к тому, как понималась «демократия» «отцами-основателями» США, и быстро обнаружил, что уже изначально предполагалось построить очень прочное государство,

---

[1] *Friedenberg E.* Thoughts on Liberty and Rancor.— Harper's Magazine, June 1975, p. 41, 43, 47.

которое сумеет обуздать любое истинно демократическое, народное движение. Основанная в США система правления, по Адэру,— синтез монархии, аристократии и демократии, т. е. всех известных в то время форм правления. «Отцы-основатели» создали институт президентства максимально близко к учреждению выборного короля. Иначе говоря, при всем кажущемся противоречии в термине — учредили демократического монарха... Джефферсон высоко поднялся в XIX веке, выдвинув идею «глас народа — глас божий», но на практике джефферсоновская система — попытка использовать демократию для преобразования количественного большинства в качественную интеллектуальную элиту — «естественную аристократию».

Адэр, разумеется, открыл немногое, а повторил азбучные истины, очевидные в первой половине XIX века, но крепко и сознательно преданные забвению. Тот прославленный рабочий-наборщик Дж. Брей, по справедливости именовавшийся «старейшим социалистом Америки», еще в 40-е годы минувшего столетия учил английских рабочих, что за океаном порядки похлеще, чем в Европе: «Политические учреждения Соединенных Штатов основаны на широком принципе равноправия, на принципе, который, соответствуя природе вещей, неизбежно должен быть хорош. Но просто из того, что справедливость принципа признана, еще не следует, что он действительно применяется. Равноправие, которым якобы пользуется народ Соединенных Штатов, существует лишь в воображении. Там господствует то же неравноправие, что у нас, ибо и там люди делятся на богатых и бедных, на капиталистов и производителей, и последние там, как и здесь, отданы на произвол первых... Нет бóльших тиранов, чем республиканские толстосумы Соединенных Штатов. Свобода и равноправие — слова, смысл которых им еще неизвестен» [1].

Но уже и тогда подлинные правители Соединенных Штатов умели ставить себе на службу тех, кто верил в «демократию». А. И. Герцен, искавший в изгнании разумные формы правления, сокрушенно писал:

«У нас перед глазами страшный пример. С тех пор как род человеческий запомнит себя, не встречалось никогда такого стечения счастливых обстоятельств для разумного и свободного развития государственного, как в Северной Америке...

[1] *Брей Дж.* Несправедливости в отношении труда и средства к их устранению, или Век силы и век справедливости. М., 1956, с. 40, 42.

Что же вышло из всего этого?

Общество, большинство захватило диктаторскую и полицейскую власть; сам народ исполняет должность Николая Павловича, III отделения и палача...»[1] Такие порядки нашел в США Герцен, обозревая внешнюю сторону событий.

Адэр, который рассматривал этот феномен спустя более ста лет после Герцена, отнес описанный образ действия не за счет народа, а того, что его погоняет в надлежащем направлении правящее меньшинство. Адэр, коснувшись «демократии» в чистом виде, особо подчеркнул: «отцы-основатели» «относились к ней, как к ребенку,— он благонамерен, но не способен в силу легкомыслия и нетвердости характера быть держателем свободы, безопасности и единства страны. Основная отличительная черта народа в том, что он не думает и не рассчитывает в политике, а действует, исходя из своих непосредственных ощущений, больше того, сверхреагирует». Но, быть может, все это относится к далеким временам юности Соединенных Штатов? Вовсе нет. Адэр ссылается на «поворот» после 1945 г. в сторону настроений, типичных для «холодной войны», но свидетельствует это не о том, что народные массы страдают от некой «нестабильности», а лишь указывает на подавляющую силу аппарата манипулирования общественным мнением в наше время. Адэр сам подтверждает это, подчеркивая: «Наша система правления была разработана таким образом, чтобы регулировать поведение гражданина, ибо человек, предоставленный самому себе, без руководства, не создает необходимой гармонии»[2].

Так рационализируется в политическом мироздании Соединенных Штатов безраздельное господство денежного мешка, олицетворенное правящей олигархией. В психологическом климате, искусственно поддерживаемом в этом государстве ее усилиями вот уже два столетия, любое покушение на собственность признается равноценным ограничению хваленой «свободы». Крупные собственники, правящие в этой стране, прекрасно знают, в чем их сила. Она в деньгах. Они готовы пустить их в ход, чтобы отстоять и приумножить свои капиталы.

Механизм превращения денег в орудие насилия хорошо известен. Т. Джефферсон, когда новое государство только-

[1] *Герцен А. И.* Собр. соч. В 30-ти т. М., 1957, т. 11, с. 226.

[2] Time and the Founding Fathers. Essays by Douglas Adair. Ed. by T. Calbourn. N. Y., 1974, p. 297—302.

только становилось на ноги, напомнил: «За деньги мы достанем людей, говорил Цезарь, а с людьми мы сделаем деньги»[1]. В самом конце XIX века, когда в США возникла реальная возможность избрания президентом У. Брайана, носившегося с неопределенными, но отдававшими эгалитарным душком идеями, политиканствовавший монополист М. Ханна отрезал любопытному журналисту: «Неужели вы думаете, что мы когда-нибудь пустим этого проклятого фанатика в Белый дом? Никогда! К вашему сведению, всегда можно нанять половину народа, чтобы расстрелять другую. На это денег у нас хватит!»[2]

Решимости Собственнику не занимать. Он готов отразить покушения на нее, откуда бы они ни исходили — изнутри страны или извне. Любыми средствами. В середине 70-х годов нашего столетия известные эксцессы исполнительной власти при президенте Р. Никсоне привели к беспримерному скандалу — Уотергейту, по пятам за которым пошли различные «расследования». Пожалуй, самое известное из них — работа сенатской комиссии Ф. Черча в 1975—1976 гг., обобщившей свои труды в многотомном докладе. Обозревая его, известный американский публицист И. Стоун заметил: «Нельзя руководить империей без секретности. Нужно быть готовым расправляться с беспокойными за рубежом и инакомыслящими внутри страны. ФБР прекрасно подготовлено для оказания помощи ЦРУ в выполнении этой задачи. Их генеалогическое древо, их предубеждения против либералов, левых, милейшие отношения с правыми восходят к инстинктивной ненависти имущих к любым элементам в нашем обществе, которые могут представить угрозу собственности. Именно так собственники относились к аболиционистам, организаторам профсоюзов, социалистам, анархистам, любым радикалам, больше того, любым «доброхотам» (любимое бранное слово в устах Эдгара Гувера). Отряды по борьбе с бомбистами, анархистами, красными, создававшиеся во многих американских городах в XIX веке, были предшественниками ФБР. Они остаются его союзниками и ныне.

Американскую историю уместно рассматривать как постоянную борьбу между демократией и Собственником, и с

[1] *Джефферсон Т.* Заметки о штате Вирджиния.— В кн.: Американские просветители. Избранные произведения. В 2-х т. М., 1969, т. 2, с. 53.
[2] *Colletta P.* William Bryan. Political Evangelist 1860—1908. University of Nebraska Press, 1964, p. 199.

этой точки зрения нет никакого сомнения, какое место в ней занимает тайная полиция. Конечно, ее истинная роль — янычаров Собственника — только подразумевается в тщательно препарированных докладах комиссии Черча» [1].

* *
*

Десятилетиями исследователи Соединенных Штатов разбирают двухпартийную систему, фиксируя ее работу на том или ином этапе, делают предположения, формулируют выводы. Общее место их рассуждений — существенных различий между партиями нет. Что совершенно правильно. Однако существуют ли партии? Вопрос не праздный, ибо ученые-неамериканцы нередко употребляют это слово в смысле, принятом в их странах, понятие ассоциируется с программой, организационными формами и пр.

В последние годы, однако, в самих Соединенных Штатах укрепляется несколько иной взгляд на так называемую двухпартийную систему. Показательны взгляды видного профессора социологии С. Липсета и известного публициста Р. Ринджера. Они стоят у противоположных концов политического спектра в США, при этом достаточно представительны. Как подобает либеральствующему социологу, С. Липсет рассматривает в первую голову роль идеологии. Он предупреждает: «Для понимания общего значения идеологии, точнее, различных идеологических группировок в американском обществе следует помнить — если мы используем термин «партия» в европейском смысле, тогда в США двухпартийной системы нет» [2]. Для доказательства сказанного Липсет расщепляет американское общество на бесчисленные группировки и группы. Важно не это, а приведенное суждение насчет нереальности самой двухпартийной системы.

Идеолог консервативного толка Р. Ринджер, как подобает людям такой ориентации, мыслит категорически: «На деле в Соединенных Штатах однопартийная система — демопубликанская партия, замаскированная в двух партиях — демократической и республиканской. Независимо от того, кому вы отдаете свой голос, вы голосуете за демопубликанскую партию. Если же нарушить правила приличия, тогда можно

[1] *Stone I. F.* The Threat to the Republic.— The New York Review of Books, May 27, 1976, p. 3.
[2] *Horowitz I., Lipset S.* Dialogues on American Politics. N. Y., 1978, p. 2.

прямо сказать: так называемая двухпартийная система в США — вздор и надувательство.

Когда эта единственная партия в США ощущает угрозу себе, она не колеблясь обнаруживает свою тоталитарную сущность. Так всегда случается при появлении любой новой партии... Вспомните, когда это кандидат в президенты от демопубликанцев обсуждал по телевидению кандидата от третьей партии?

Многим новым партиям даже не удавалось протиснуться на политическую арену, а считанные из них, которые как-то просовывали ногу в щель двери, заканчивали тем, что ковыляли прочь с распухшей ногой. Наша Система находится под контролем демопубликанской партии, и, пока она сможет распространять ложь насчет «правления большинства», она избегнет ужасов, расходов и неопределенности, сопряженных с применением силы для удержания народа в узде».

Р. Ринджер напоминает: если в 1960 г. не пошли на выборы 37% избирателей, то в 1976 г.— 45%, т. е. 70 млн. избирателей. «Это также означает, что за Джимми Картера в лучшем случае голосовала примерно четверть избирателей... Поэтому говорить здесь о «мандате народа» — абсурд» [1].

Вывод не новый. Еще в 1913 г. тогдашний патриарх американских историков Ч. Бирд подсчитал: в конце XVIII века конституцию США приняли 100 тыс. голосов в стране, население которой составляло около 4 млн. Или скажем подругому: за конституцию высказался один из шести взрослых мужчин. «В любом случае,— заметил Бирд,— лишение права голоса масс имущественным цензом, их невежество и апатия в значительной степени объясняют победу имущих. Последние были на страже везде, ибо знали не теоретически, а в долларах и центах цену новой конституции» [2]. По ней США и живут примерно 200 лет.

Ресурсы описанной системы, созданной Собственником, находит Р. Ринджер, исчерпываются. Он подмечает: «Главная забота для стоящих у власти с начала писаной истории человечества — как наиболее практично сохранять контроль над народом. Демократия, хотя и имеет массу неудобств для власть предержащих, по-видимому, самый практичный способ сохранения этого контроля, ибо создает иллюзию согласия. Если народ можно заставить верить, что он свободен,

[1] *Ringer R.* Restoring the American Dream. N. Y., 1980, p. 60, 58.

[2] *Beard Ch.* An Economic Interpretation of the Constitution of the United States. N. Y., 1965, p. 250—251.

а правительство представляет его, тогда энергию правящего класса не нужно растрачивать на полицейские меры. Больше того, иллюзия согласия имеет то преимущество, что при ней весьма маловероятны восстания. Однако опрометчиво полагать, что даже демократия бесконечно долго держит народ в узде» [1].

Эти рассуждения, приближающиеся к академическим, нередки в современной американской социальной и политической литературе, и выводы, проистекаемые из них, весьма разнообразны. Для наших целей, однако, в первую очередь важны выводы тех, кто стоит у власти или состоит при власти, т. е. формирует американскую государственность. Более чем за 10 лет до Р. Ринджера проблемой занялся директор Исследовательского института по проблемам коммунизма Колумбийского университета профессор З. Бжезинский. В 1967 г. он выступил с тощей брошюрой «Америка в век технетроники», разумея под последним термином научно-техническую революцию (техника плюс электроника). В бурные для США 60-е годы Бжезинский ударил в набат и предложил по-иному вести дела при капитализме. «В течение нескольких последующих десятилетий люди, живущие в развитых странах,— утверждал он,— претерпят столь же коренную мутацию, как и та, через которую они прошли в медленном процессе эволюции от животного к человеку. Разница в том, что процесс будет резко сжат во времени, а потому шок, который вызовут эти изменения, окажется очень сильным. Поведение людей станет менее спонтанным, менее загадочным, более предопределенным и поддающимся программированию». Бжезинский оперировал принятыми на Западе категориями уходящего в прошлое «индустриального» общества и нарождающегося в ходе научно-технической революции «постиндустриального» общества.

На взгляд Бжезинского, «в индустриальном обществе массы координируются через профсоюзы и политические партии, их интегрируют простыми, в известной степени идеологическими, программами. Политические взгляды формируются обращениями к национальным чувствам, которые передаются через развитую систему газет, радио и телевидение, естественно, на родных языках. В обществе технетроники тенденция, по-видимому, будет идти к организации совокупной поддержки миллионов отдельных, некоординированных

[1] *Ringer R.* Restoring the American Dream, p. 288.

людей, которых будут легко вести за собой магнетические и привлекательные деятели, эффективно использующие новейшие средства массовой коммуникации и контроля над разумом»[1]. Звучало бы очень абстрактно, как профессорское упражнение в футурологии, если бы не место Бжезинского в политической элите Соединенных Штатов.

Внимательный американский исследователь У. Боварт взял приведенное предсказание Бжезинского о методах правления в «технекратическом» обществе эпиграфом к своей книге «Операция контроль над разумом», в которой обобщил собственные многолетние трудные изыскания в этой области на примере США. Он прямо указал: «Где-то в США совершенствуется технология для создания образцового рабовладельческого государства». (Сравним с тезисом Р. Ринджера «прививается любовь к рабству».) У. Боварт пытается предостеречь против уже вызревшей в США новой формы власти, для обозначения которой он отчеканил термин «криптократия». «Криптократия контролирует правительство США... Криптократия систематически манипулирует Америкой. В результате разложения основ политических институтов криптократия тайком распространяется уже почти четыре десятилетия, о чем знает лишь горстка принимающих решения»[2].

Довольно туманно о тех, кто стоит на вершине власти, но предельно ясно о методах классового господства, охраны интересов богачей и сверхбогачей. З. Бжезинский называл грядущий строй «меритократия» (правление «достойных»). Гудзоновский институт Г. Кана, специализирующийся на прогнозировании, подхватил и раскрыл термин: «При переходе к постиндустриальному обществу... в перспективе нескольких столетий можно представить в сущности как конфуцианское меритократическое социальное устройство, где будут господствовать патерналистские мандарины и бюрократы с университетскими дипломами, служащие только себе»[3]. Г. Кан относит реализацию этих проектов достаточно далеко, по крайней мере лет на 200.

З. Бжезинский, однако, в бытность только профессором торопил время, мерил не столетиями, а считанными годами.

---

[1] *Brzezinsky Z.* America in the Technetronic Age. Columbia University Press, 1967, p. 5, 10—11.

[2] *Bowart W.* Operation Mind Control. Glasgow, 1978, p. 284, 145—147.

[3] *Kahn H., Brown W., Martel L.* The Next 200 Years. A Scenario for America and the World. N. Y., 1976, p. 199.

В основном труде, написанном в преддверии 200-летнего юбилея США и на близких подступах к своей политической карьере, он настаивал: «Приближающаяся годовщина двухсотлетия Декларации независимости может оправдать созыв конституционного конвента для пересмотра официальной структуры государственных институтов страны. Либо 1976 год, либо 1989 год может оказаться подходящей датой для завершения национальной дискуссии о целесообразности нынешнего государственного устройства, работе представительных учреждений, желательности заимствования ряда европейских реформ и упрощения административной процедуры. Еще более важно то, что любая из этих дат может явиться подходящим поводом для формулирования значения современной демократии — задача, несомненно, колоссальная, но не больше, чем та, которая стояла перед отцами-основателями республики» [1]. Фантазер? Несбывшиеся планы? Но беспочвенных фантазеров не берут на ключевые посты, как случилось с Бжезинским при администрации Дж. Картера.

На рубеже администраций Дж. Форда и Дж. Картера американский публицист Ш. Волин, обозрев идейное наследие Г. Киссинджера, попытался нащупать связь между сдававшим и принимавшим вахту помощниками президента по национальной безопасности: «Если Киссинджер внес вклад в рационализацию американского сознания, его преемник отчеканил уместное название политики, соответствующей этому сознанию — «технетропика». Совсем неудивительно, что самый приметный при Джимми Картере теоретик должен иметь биографию, аналогичную биографии Киссинджера» [2]. Сказано куда как осторожно, но приоритет этой доктрины закрепляется за двумя «европейскими умами» на американской земле.

Совершенно несправедливо! Они не первооткрыватели, а строили свои концепции в основном из американских материалов. Не Бжезинский внес, скажем, нетерпимость, обязательную для «криптократии», а вписал ее в рамки «технетроники». Нет более убедительного примера, каков фундамент здания, возведенного Бжезинским, чем директива Совета национальной безопасности № 68, утвержденная Г. Трумэном в 1950 г. Один из рецензентов мемуаров госу-

[1] *Brzezinsky Z.* Between Two Ages. America's Role in the Technetronic Age. N. Y., 1970, p. 258—259.

[2] *Wolin Sh.* Consistent Kissinger.— The New York Review of Books, December 9, 1976, p. 31.

дарственного секретаря Д. Ачесона (руководившего разработкой директивы СНБ-68) — Г. Смит метко подметил: «Большинство ее комментаторов... игнорировали философские разделы директивы, которые, хотя и составленные с элегантностью, присущей Ачесону, говорят, как это делал Маккарти, о необходимости контроля над мыслями и нетерпимости к инакомыслящим» [1].

В директиве СНБ-68 устанавливался основополагающий принцип для американцев: индивидуум «должен уметь выбирать; занимаясь свободным поиском истины, он знает, когда нужно слепо верить, он различает между терпимостью и необходимостью справедливой репрессии». Сам индивидуум в США никак не в праве обнаружить предписанные качества, ибо «инициатива в этом процессе принадлежит правительству». Во имя чего? «Достижения в наших собственных интересах мирового господства... стратегией «холодной войны» [2]. Перед нами, следовательно, отнюдь не умозрительные построения, а то, что по крайней мере с 1950 г. установлено как государственная политика Соединенных Штатов.

Католик З. Бжезинский усиливал во всем этом разве дух нетерпимости и, пожалуй, пытался еще форсировать события.

* *
*

Американская политическая мысль переживает кризис. Его глубину можно измерить разве высотой книжной пирамиды, сооружаемой интеллектуальными рабами фараона — Собственника. Снова и снова все те же рефрены. В 1979 г. под редакцией С. Липсета выходит пухлый футурологический том. мы находим в нем новый термин: верховная власть в США неизбежно приобретет черты «профилактического президентства». Итак, еще один эпитет для обозначения уже написанного в директиве СНБ-68, сказанного З. Бжезинским и другими:

«Когда ведение дел во всех сферах политики будет скоординировано, мы достигнем стадии демократии, предвидящей будущее. Тогда каждая политическая сфера приобретет черты, свойственные самому разгару «холодной войны»: секретность, «сотрудничество» или почтение к исполнительной власти, ссылки на моральный авторитет президента,

---

[1] The New York Times Book Review, September 12, 1976, p. 7.

[2] Foreign Relations of the United States, 1950, vol. 1, p. 255, 252 (далее: FRUS).

принимающего (бесконечные) ключевые решения. Профилактическое президентство сможет функционировать только в том случае, если ему будут безоговорочно верить; только вера позволяет доверять руководству, принимающему решение отвратить опасности, которых пока не видно».

Разобрав политику администрации Картера, авторы утверждают, что она в ряде случаев (например, принятие энергетической программы) уже вписывается в доктрину «профилактического президентства». Следовательно, «секретность и централизованное принятие решений, а затем ссылки на срочность и требование верить... Гражданам не дозволено самим определять, перед каким риском они встанут. Индивидуальные суждения заменяются действиями правительства, с помощью которых зло автоматически предотвращается еще до того, как оно появилось. Но если президенты вступают в дело, дабы предотвратить любое воображаемое зло, тогда где кончается и начинается их контроль?» [1]

Приглашение к новому спору, но в старых рамках. Пройти еще один заколдованный круг? Не надо! Достаточно констатировать: на глазах нашего поколения происходит существенная ломка сверху прежних методов классового господства монополистического капитала в США. Соразмерно темпу научно-технической революции подданным «демократии» откровенно указывают их место. Отчетливо проступают те черты американского государственного устройства, которые в свое время Джек Лондон назвал «железной пятой». Великий Октябрь пресек глобальное развитие зловещих процессов. Но они идут там, где всевластен капитал, в первую очередь в США.

Социализм на деле показал, что для мира реален иной путь. Он стал щитом, прикрывающим народы от уготованной им крупным капиталом страшной участи. Пример социализма неизбежно поднимает на борьбу. Именно поэтому классовая ненависть Собственника сфокусировалась на Советском Союзе со всеми вытекающими последствиями. Эта ненависть стабильна, умонастроения заокеанских «верхов» в этом отношении постоянны. Но в зависимости от изменений на международной арене тактика Вашингтона, разумеется, иногда претерпевает изменения.

---

[1] *Weiner S., Wildavsky A.* The Prophylactic Presidency.— The Third Century. America as a Post-Industrial Society. Ed. by S. Lipset. The University of Chicago Press, 1979, p. 138—140.

* *
*

Видение мира тех, кто определяет политическую погоду в Соединенных Штатах свойственно только этой стране. В Старом Свете исторически сложилась практика выносить суждения о политике, сравнивая ее с общепринятыми представлениями о морали. Когда обнаруживается разрыв различной глубины между политикой и моралью, тогда следуют ламентации, соответствующие размерам обнаруженной пропасти. Господствующая политическая доктрина в США по сути своей воинствующе аморальна.

Совершенно бесполезно указывать на разрыв между словами и делами Вашингтона, а следует помнить: перехваленный американский прагматизм исключил из сферы практических действий мораль вообще. Мы имеем дело с политиками, руководствующимися иной системой ценностей, хотя государственные деятели в США, вероятно, держат первенство по частоте отсылок к богу, морали и прочему. Отношение к внешним делам — универсальная лакмусовая бумага, которая помогает прояснить и уяснить сказанное. Где же лежат наиболее авторитетные и по-своему искренние оценки американскими деятелями целей и сущности политики их государства? Такой источник, приближающийся к объективному, на какое-то время появился в 70-е годы: материалы различных обсуждений в комитетах конгресса и самом конгрессе, ибо они по необходимости носили деловой характер. Это позволяет «изнутри» взглянуть на американскую политическую практику.

Вьетнам и Уотергейт катапультировали было конгресс на его конституционное место в политической пирамиде США. Те 535 человек, составляющих высший законодательный орган республики, вдруг почувствовали себя прямо сопричастными к выработке политики. Достоянием гласности стало немало из того, что прежде прямо исключалось из публичных «слушаний». Что касается исполнительной власти, то Уотергейт открыл редчайшую возможность взглянуть вплотную на функционирование Белого дома. Обнаруженное, разумеется, не в интересах любомудрия, шокировало и потрясло США, а исследователям удалось пусть приблизительно взвесить вес морали в американской политике на самом верху.

В июле 1975 г. комитет палаты представителей по иностранным делам выделил подкомитет по вопросам разработки «будущей внешней политики» США на ближайшие 10 лет.

Перед подкомитетом выступили как крупные политические деятели, так и ведущие ученые, попытавшиеся подняться па высоты теории и оттуда бросить взгляд, ретроспективный и перспективный. Государственный секретарь в 1961—1969 гг. Д. Раск (по длительности нахождения на этом посту уступающий только К. Хэллу за всю историю страны) в ответ па вопрос, в чем он видит основную цель внешней политики Соединенных Штатов, привел слова Д. Ачесона: «Попытаться создать такое мировое окружение, в котором может существовать и процветать наш великий эксперимент свободы» [1].

По достаточно компетентной оценке американского историка Д. Халберштама, Раск воспитан в системе кондовых ценностей заокеанского общества по кодексу, учившему «не подставлять другую щеку, не быть мягким или терпимым», что в политической сфере выразилось так: «Он верил в нашу мораль в противоположность аморальности коммунистического мира, он верил в использование силы, главенство военной мощи» [2]. С таким мандатом не уступают, а требуют уступок от других, причем считают это совершенно закономерным образом действия. Подход этот, однако, отнюдь не исключительно личное достояние Раска, а общепринят в верхнем эшелоне власти в США.

Выступая в сенатском комитете в октябре 1974 г., председатель АФТ—КПП Дж. Мини настаивал: Советский Союз «не придерживается наших ценностей. Я считаю, что если ныне существует тот великий подход к разрядке с русским народом, то должны измениться ценности одной из сторон. Их ценности, конечно, не изменились, и я не думаю, что мы должны изменить свои». Откровение профсоюзного босса привело в восторг сенатора Г. Хэмфри, который присовокупил: «Я очень благодарен г-ну Мини за недвусмысленность вашего заявления. Другими словами, оно очень точно. ...Я полностью согласен с вами, что нужно быть твердыми в политических вопросах. В этом я всей душой с вами... Я не верю, что можно иметь дело с русскими, обмахивая их опахалом и твердя — люблю вас, дорогуши. Я не верю во все это» [3].

---

[1] Reassessment of U. S. Foreign Policy. Hearings before the Subcommittee on Future Foreign Policy. Research and Development. 94th Congress, 1st Session. Washington, 1975, p. 74.

[2] *Halberstam D.* The Best and the Brightest. N. Y., 1973, p. 385, 423.

[3] Détente. Hearings before the Committee on Foreign Relations. U. S. Senate, 93rd Congress, 2nd Session. Washington, 1975, p. 395—411.

Неизбежно возникает вопрос: почему американские государственные деятели, возводящие прагматизм в абсолют, пекутся о том, чтобы другая сторона тем не менее уступила в сфере «моральных ценностей» или «морали», т. е. в том, что за океаном именуют «идеологией»? В самом начале 1976 г. государственный секретарь Г. Киссинджер обсчитал параметры морали в уместной аудитории, где привыкли считать и оперируют только осязаемыми величинами. Он растолковал комитету по финансовым вопросам сената: «Советская мощь продолжает возрастать частично в результате их идеологии, частично в результате развития промышленности и технологии» [1].

Первое место, отведенное «идеологии» Г. Киссинджером, говорит само за себя. Профессор — государственный секретарь напомнил сенаторам, что за американскую бездуховность приходится платить, она дорого обходится в конфронтации или соревновании с Советским Союзом. Иными словами, суть разговоров о том, что другая сторона должна уступить в области идеологии, означает: добровольно откажитесь от того, что составляет основу вашей мощи. А засим будем вести политику в терминах, привычных для буржуазного, двухмерного мира,— только и исключительно голой, физической силы. Но, конечно, освященной с той стороны истинами американизма.

Так в Вашингтоне пытались упростить высшую математику международных отношений современной эпохи, когда существуют страны с различным социальным строем, низведя ее до элементарной арифметики комплекса отношений социально однотипных государств, чего нет в действительности. Право на жизнь признается только за теми «принципами», согласно которым Соединенные Штаты должны по неведомой с точки зрения здравого смысла логике «вести мир» и пр. Такого рода доктрина, конечно, самодовольно аморальна.

* *
*

И силуэтами идет и проходит вереница государственных деятелей США, действующих в рамках обозначенного в самых общих чертах американского политического кредо.

---

[1] Oversight Hearings on U. S. Foreign Trade Policy. Hearings before the Committee on Finance. U. S. Senate, 94th Congress, 1st Session. Washington, 1976, p. 130.

ЭПИЛОГ ЭПОХИ

Ничего этого больше не было — ослепительной улыбки, сверкающего пенсне на снимках, отработанного голоса патриция по радио. На 82-м дне года 13-го своего президентства скончался Франклин Д. Рузвельт. С 13 апреля 1945 г. его заместил вице-президент Гарри С. Трумэн. Кто он, 33-й правитель США? С портретов буравили увеличенные сильными линзами зрачки пристальных глаз на совинообразном лице. В американской печати подчеркивали внешнее сходство с чиновником, каких тысячи и тысячи.

Припомнили недавнюю кампанию 1944 г. Ф. Рузвельт, прося избрать его в четвертый раз, баллотировался вместе с Г. Трумэном. Уже тогда популярнейший журнал «Тайм» снисходительно объяснял: партнером ФДР[1] выступает «седой, маленький младший сенатор от штата Миссури». Д. Брикер, претендовавший на пост вице-президента от республиканской партии, заметил: «Как его? А, Трумэн», почесал в затылке и добавил: «Никак не могу запомнить его имени». Вероятно, этот лукавил: Трумэна неплохо знали в политическом мирке Вашингтона, хотя в масштабах страны он был мало примечателен.

Всеобщее мнение, как сложилось в апреле 1945 г., сводилось к повторению сентенции газеты «Канзас-Сити стар»: «Гарри Трумэн не раскачает лодки», досидит четвертый срок ФДР и опять уйдет в неизвестность, откуда вынырнул со смертью великого президента. Кто мог оспорить мнение газеты, выходившей в городе, где вырос Трумэн. «Тайм» присовокупил, что друзья Трумэна «почти единодушно согласились: ему-то не бывать великим президентом». Верховный судья Х. Стоун, приводивший Трумэна к присяге, сурово осведомился: «Вы принесли Библию?» — «О,— смутился Трумэн,— э, знаете, я не знал». Молчание. Услышали трагический шепот привратника Белого дома в трубку телефона: «Загляни в нижний ящик моего стола и достань ту Библию. Бегом сюда и не забудь стереть пыль». Судья начал произносить присягу при вступлении в должность президента и тут же запнулся. Что значит «С» после Гарри? Кто-то подсказал: одного из дедов Трумэна звали Шипп (Shippe), посему так и назвал его: Гарри Шипп Трумэн.

Тогда наверняка и сам Трумэн не представлял, откуда он и кто его предки, да и не задавался праздным вопросом в годы президентства. Какое в самом деле это имело значение, как и клятва, данная Трумэном в 1934 г. себе, когда он впервые выходил на национальную арену (баллотировался в се-

[1] Так в США часто называют Франклина Делано Рузвельта.

нат): «Если всемогущий господь решит, что я пойду туда, я буду, как царь Соломон, молиться дать мне мудрость». А был он до 1945 г. одним из 96 сенаторов и еще отставным полковником артиллерии. «Моя вся политическая карьера,— скажет он на закате жизни,— основывалась на военной службе и товарищах по войне» [1]. Как понять?

Отставной полковник артиллерии в Белом доме

Но почему, почему Франклин Рузвельт на выборах 1944 г. взял своим компаньоном Гарри Трумэна? — судачили высшие должностные лица республики, следовавшие на похороны в траурном поезде за телом усопшего президента 15 апреля 1945 г. Они, профессиональные политики, и в час печали не могли говорить ни о чем другом, кроме политики. В кружке осиротевших членов кабинета Г. Гопкинс, самый близкий соратник Рузвельта, заверял: выбор Трумэна пять месяцев назад не случаен, покойный давно следил за работой сенатора, возглавлявшего важный специальный комитет, наблюдавший за военной экономикой. Трумэн, повторял Гопкинс, имел престиж в Капитолии, был популярен (где?) и понадобится в сенате при ратификации мирных договоров. Тогда ожидалось, что и эта война окончится, как прежние, быстрым мирным урегулированием.

Тогдашний ход мысли Рузвельта очевиден. Благосостояние, которое принесла война американцам, притупило те проблемы, над которыми билось правительство «нового курса». В борьбе против держав фашистской «оси» сложилось определенное единомыслие в стране, во всяком случае начало укореняться представление о правящей администрации как отражающей интересы всего народа, под прессом военной пропаганды пожухли иные классовые требования. Складывалось мнение, что потребны «практики». Это отвечало внутреннему убеждению Рузвельта: в послевоенные годы он надеялся консолидировать национальное единство как «президент всего народа», наследие лет войны вселяло в него уверенность, что социальное экспериментирование в разбога-

[1] *Cochran B.* Harry Truman and the Crisis Presidency. N. Y., 1973, p. 69—70, 44.

тевшей стране будет излишним по крайней мере в плане продолжения «нового курса», ренессанса которого не будет. Трумэн отлично вписывался в политику такого рода. Рузвельт не скрыл, что представление на перевыборы тогдашнего вице-президента Г. Уоллеса, кокетничавшего с либеральными доктринами, обойдется партии в миллион голосов [1].

Выбор Трумэна решил Рузвельт единолично, хотя и в своем стиле. Те, кто склонны усматривать в Рузвельте и Трумэне антагонистов — в 1944 г. слабевший президент-де уступил под нажимом боссов партийных машин, в первую очередь Э. Келли в Чикаго и Ф. Хейга в Джерси-Сити,— просто не знают фактов. Бывший председатель национального комитета демократической партии уже в 70-е годы рассказал: «В действительности произошло противоположное: именно президент приказал распространить эти слухи». К чему дочь и биограф Г. Трумэна добавила: «Рузвельт остро осознавал необходимость создать иллюзию по крайней мере открытого конвента, ибо республиканцы выдвигали обвинение в единоличном правлении» [2].

Вероятно так, но боссы-то руководствовались мыслью, которую Рузвельт, если бы она и возникла у него, отогнал напрочь: «Для политических боссов пост вице-президента представлялся критически важным, ибо они подозревали — президент не проживет свой четвертый срок. Они хотели иметь при деле доступного человека, надежного, могущего удерживать вместе агломерат различных элементов, каким стала партия». Сам Трумэн прекрасно понимал, зачем его провели в вице-президенты. Вскоре после выборов в ноябре 1944 г. миссурийский бизнесмен Г. Эзли, друг Трумэна, провел с ним ночь без сна, обсуждая будущее. Трумэн «сказал, что у Рузвельта печать смерти на лице и если он сам будет жив, то станет президентом до истечения срока... Он знал, что ему быть президентом, и это страшно пугало его» [3]. Примерно аналогичное суждение, хотя и под специфическим углом зрения, высказывал генерал Д. Макартур. Ненавидевший Рузвельта, он в 1944 г. также обнаружил у него на лице «печать смерти».

---

[1] *Dallek R.* Franklin D. Roosevelt and American Foreign Policy 1932—1945. N. Y., 1979, p. 612, 482.

[2] *Truman M.* Harry S. Truman. N. Y., 1973, p. 170—171.

[3] *Robbins Ch.* Last of His Kind. An Informal Portrait of Harry S. Truman. N. Y., 1979, p. 91, 95.

Если определить человеческие качества Трумэна коротко, то уместнее всего выбрать слово «службист», винтик государственной машины. Конечно, он не родился таковым, а выработался в системе американской «демократии». Почти до 40 лет Трумэн бедствовал в прямом смысле, все усилия пробиться в зарослях свободного предпринимательства кончались крахом. В этом отношении он шел по стопам отца, незадачливого спекулянта и фермера. Что только не перепробовал Гарри (родившийся в 1884 г.) — фермер, торговец, искатель нефти и пр. Везде убытки, заложенная и перезаложенная ферма, а плохое зрение погубило мечту стать профессиональным военным. Служба в артиллерии национальной гвардии штата Миссури в 1905 г. хотя и удовлетворила потребность в пушечной романтике, но все же была суррогатом.

На высшее образование денег так и не собралось, оставалось чтение. Он был «книжным пьяницей» до смерти и, будучи президентом, одновременно читал пять-шесть разных книг. «Я не ученый,— как-то признался президент Трумэн.— Я знаю, что читал не те книги, но читал я много, прочитал и читаю и хорошие». На исходе первой мировой войны капитан Г. Трумэн командовал батареей в составе 35-й дивизии на Западном фронте во Франции. Грамотный артиллерист, а когда как-то под вражеским огнем прислуга побежала от орудий, книголюб обнаружил знание слов, которые и не печатают.

Как и другие американцы, Трумэн провоевал считанные месяцы, но прослужил в армии два года и был демобилизован в 1919 г. в чине майора. Ностальгия по армии на всю жизнь: там под знаменами упорядоченно идет ежемесячное содержание. С тех пор он носил как форму двубортный пиджак, никогда не снимал его на людях, держался, как будто аршин проглотил, и шел — 120 шагов в минуту. Демобилизованный майор помыкался было в торговле, галантерейный магазин, открытый на паях с приятелем, прогорел и лет 15 он погашал долги. В конце 1922 г. банкрот открылся владельцу гаража в городе Индепенденс, штат Миссури, что подается в политику. Тот оторопел: «Ты сошел с ума!» — «Есть надо»,— ответил Трумэн.

В 1923—1934 гг. Трумэн — судья в округе Джексон в штате Миссури. Пост, не имеющий ничего общего с юридическими функциями: сбор налогов, надзор за дорогами, домами и другой собственностью штата. Он был исполнителен

(военная косточка) и узнал изнанку политической жизни в США. Когда босс партийной машины Канзас-Сити Т. Пендергаст вывел Трумэна в 1934 г. в сенаторы, свежеиспеченный законодатель знал: он прошел «с помощью 50 000 фальшивых бюллетеней, которые обеспечила ему машина Пендергаста в Канзас-Сити» [1]. Что до сената, то земляк Трумэна старик судья напутствовал его в столицу: «Гарри, не являйся в сенат с комплексом неполноценности. Первые полгода ты будешь заседать, удивляясь, как же ты попал туда. А потом будешь удивляться, как попали туда все остальные».

Высокопоставленные и высокородные чины в Вашингтоне удивлялись уже в первые дни пребывания Трумэна президентом. Они, как правило, ожидали увидеть дремучего политикана, едва ли обучившегося за десятилетие в столице. Он в самом деле мало знал о текущих делах. Рузвельт не считал нужным вводить вице-президента в их курс. ФДР правил сам, по делам внешней политики, например, Трумэн черпал информацию по большей части из «Вашингтон пост». Не учли одного. Трумэн хотел и мог учиться, подгоняемый простой мыслью. Наблюдая за Рузвельтом, говорил он, «я пришел к выводу: быть президентом — все равно что оседлать тигра. Либо ехать на нем, либо быть проглоченным... Я не мог позволить себе расслабиться хоть на мгновение».

Первыми обнаружили это высшие американские военачальники. Президент схватывал на лету все, что ему докладывали. Ему не приходилось повторять дважды: сведения о собственных и вражеских войсках, названия кораблей, запутанные проблемы боевого обеспечения и т. д. и т. п. Посол США в СССР А. Гарриман поспешил в Вашингтон, чтобы наставить нового президента, дабы неофит не поддался дурным советам. «Уже через несколько минут разговора с г-ном Трумэном я понял, что он по-настоящему знает дело. Поразительно, и какое облегчение! Он успел прочитать все доклады и телеграммы, которыми обменялись государственный департамент и я за многие месяцы. Он знал факты, последовательность событий и понимал, что это значило» [2].

Еще примерно с год Трумэну пришлось доказывать свою компетентность. Вероятно, этот процесс завершился в августе 1946 г., когда в Белом доме состоялось совещание, на котором обсуждались советские предложения о режиме чер-

[1] *Lasky V.* It didn't start with Watergate. N. Y., 1977, p. 122.
[2] *Phillips C.* The Truman Presidency. The History of a Triumphant Succession. N. Y., 1966, p. 79.

номорских проливов. Трумэн на глазах толпы высших чинов молниеносно одобрил рекомендации комитета начальников штабов в пользу конфронтации с СССР. «Тут,— писал очевидец,— генерал Эйзенхауэр, сидевший рядом с Ачесоном, шепотом усомнился в том, что президент отдает себе отчет в значении решения и его возможных последствиях. Эйзенхауэр обратился прямо к президенту и, подчеркнув серьезность дела, предложил, чтобы Ачесон еще раз изложил факты и возможные последствия. С согласия Трумэна Ачесон выступил вторично. Затем президент вытащил из ящика стола большую карту и прочитал 10—15-минутную лекцию об историческом значении и нынешнем стратегическом положении этого района, которую по крайней мере один из присутствовавших оценил как «мастерскую». Закончив, он по-доброму спросил Эйзенхауэра, удовлетворен ли он пониманием обстановки. Эйзенхауэр присоединился к общему взрыву хохота» [1].

Так на деле оправдалось то, о чем сказано в академическом исследовании администрации Г. Трумэна. «Он читал много по истории и политике и во многих отношениях был лучше осведомлен и был более проницательным, чем думали даже его обожатели» [2]. Д. Эйзенхауэру, читателю преимущественно только детективной литературы, конечно, было не по плечу тягаться с эрудитом, оставалось только смехом замять неловкость.

Тогда откуда же устойчивое представление о том сереньком человеке в кресле президента? Это пример, как внешняя сторона принимается за суть. Трумэн вел себя с нарочитой скромностью, всегда подчеркивая свой демократизм, «солдат-гражданин». Так, рядовой ветеран Американского легиона, дослужившийся в запасе до полковника артиллерии, с приличествующим старому вояке (каким он не был!) жаргоном. Энергичные и малопечатные выражения Трумэна все же попадали в печать. Стоило музыкальному критику «Вашингтон пост» П. Хьюму объективно оценить в рецензии бездарный дебют дочери президента Маргарет, возомнившей себя певицей, как он получил отзыв Трумэна. Президент, осыпав автора бранью, грозил за «вшивую» рецензию избить его, предвкушая результаты. «Тебе, мерзкому старику, потребуется новый нос, будешь прикладывать ком-

[1] *Jones J.* The Fifteen Weeks. N. Y., 1955, p. 63—64.
[2] *Hamby A.* Beyond the New Deal: Harry S. Truman and American Liberalism. N. Y., 1973, p. 508.

прессы к подбитым глазам, а быть может, понадобится и костыль». Сенсация.

Журналисты рванулись к Маргарет, она вспыхнула: «Папочка не мог написать так!» — и в слезах бросилась к нему. Трумэн потупился: «Иногда я поддаюсь слабости». Хьюм начал следующую рецензию: «Если мне будет дозволено», а зеленый конгрессмен Ричард М. Никсон благостно прокомментировал: президентам подобает вести себя с большим достоинством.

О выходках «солдата-гражданина» можно писать бесконечно, только новейшие извлечения из его архива наводят на мысль, что крылось за навязчивой простотой и бесшабашностью. В частном письме в 1956 г. по поводу правления Д. Эйзенхауэра: «Боюсь, что, имея во главе Короля Гольф, мы возбудим прискорбные эксцессы, как во время французской революции». Из наброска универсальной речи: «Я президент всего народа. Это моя работа. Легко быть президентом части народа. Легко быть президентом железных дорог. Легко быть президентом мясников, но трудно быть президентом тех, кто покупает мясо. Мой титул — президент США, ни одного штата, ни нескольких, но всех и всех, живущих в них» [1].

В вопросах внутренней политики Трумэн был последователем Рузвельта. В своем стиле, интеллектуально высокомерным, посему безразличным к материальным благам, и скромность его, продиктованная осознанием внутреннего превосходства над чиновно-правительственной массой, не была показной, а отражала суть этого человека. Она была и отличной политической мимикрией: хрестоматийный правитель «демократической» страны.

Бомба для русских

До того как Трумэн хозяином переступил порог Белого дома, собственно, лишь одно его высказывание облетело США. Оно было сделано 24 июня 1941 г. Американский профессор А. Улам, «советолог» весьма скверной разновидности, вздохнул: «В советском досье на Трумэна хранился откровенный, но отнюдь не дипломатический выпад сенатора от

[1] *Robbins Ch.* Last of His Kind, p. 23, 145—146.

штата Миссури, который в июне 1941 г. объявил: прекрасно, что Германия и СССР воюют, и он надеется, что они прикончат друг друга [1]. В 1945 г. об этом не упоминалось, но в долгие годы «холодной войны» в книгах и статьях советскому читателю часто напоминали это циничное заявление, которое будто бы объясняет многое в американской политике после 1945 г.» [2]. Конечно, объясняет, ибо вводит в тот призрачный мир иллюзий, в котором уютно чувствовали себя Г. Трумэн и другие ряд лет.

Они, костяк правящей элиты США, никак не ожидали марша победной весны 1945 г. Красная Армия освобождала страны Восточной и Юго-Восточной Европы в блеске несравненной мощи и воинского мастерства. Не истощенная, а уверенная, насыщенная могучей военной техникой отечественного производства, она добивала вермахт, несла освобождение народам. Как это могло случиться? — задавался вопросом обескураженный Трумэн. Ведь все было устроено: двое дерутся, третий радуется, тому учили дорогие сердцу книжника-президента древние, недаром он сохранил твердые знания школьной латыни. Что-то не сработало, рейх доживал последние дни, а Советский Союз выходил из войны сильнейшей военной державой мира.

Конечно, американские стратеги не могли понять, что первопричина их просчета — непонимание того, что они оказались свидетелями и в какой-то мере участниками исполинской классовой битвы, хотя грани борющихся сторон в ней прошли по национально-государственному признаку. Социализм как система поверг и разбил в прах самую совершенную военную машину, созданную в сумерках капитализма — при фашизме. Взяли верх социалистические принципы организации общества, прежде всего экономики, ставшей по нужде военной, помноженные на традиционные мужество и стойкость народа. Коль скоро гигантские сражения Великой Отечественной развернулись не в двухмерном мире однотипных по строю государств, а в трехмерном мире — против фашизма сражался весь народ,— инструментарий кон-

---

[1] 24 июня 1941 г. Трумэн заявил: «Если мы увидим, что выигрывает Германия, то нам следует помогать России, а если будет выигрывать Россия, то нам следует помогать Германии, и, таким образом, пусть они убивают как можно больше, хотя я не хочу победы Гитлера ни при каких обстоятельствах» (New York Times, June 24, 1941).

[2] *Ulam A.* The Rivals. America and Russia Since World War II. N. Y., 1971, p. 63.

довой политики Запада — «баланс сил» — двое дерутся, третий радуется, отказал.

Хотя варвары XX века нанесли нам чудовищные потери и ущерб — СССР утратил 20 млн. жизней (наши союзники во второй мировой войне — американцы — 405 тыс.), мы восторжествовали. Не только изгнали врага из пределов своей земли, но советский солдат-победитель грудью прикрыл тогда хрупкие ростки новой жизни, пробивавшиеся победной весной в освобожденных странах. Они наконец переставали быть буфером между Западом и СССР, а обретали подлинную независимость, порукой которой были добрые отношения с великим соседом на Востоке. Там, где пролегал «санитарный кордон» против большевизма, миллионы и миллионы людей, спасенных от фашистского порабощения и физического истребления, видели в Советском Союзе надежду на будущее и властно заявляли: с СССР навеки вместе!

Освобождение европейских стран советскими солдатами-победителями вызывало иные эмоции в американском посольстве в Москве, т. е. там, откуда в Вашингтон поступала информация из первых рук, ложившаяся в основу формулирования политики США. Послом тогда был 54-летний А. Гарриман. В последние месяцы жизни Рузвельта Гарриман бомбардировал его телеграммами, взывая: «Коренным образом изменить нашу политику в отношении этого (Советского.— *Н. Я.*) правительства... Я не предлагаю резких действий, но стою за твердую и дружественную позицию — ты мне, я — тебе» [1]. Какую именно, послу так и не удалось уточнить, ибо президент не подал к тому повода: он попросту игнорировал томление посольства. По причине очень понятной: все человечество испытывало величайшее уважение и признательность к Советскому Союзу, добивавшему фашистскую нечисть.

Ушел Рузвельт, пришел Трумэн, и Гарриман поспешно вылетел в Вашингтон. Он открыл президенту: США стоят перед лицом «вторжения варваров в Европу» — и ушел из Белого дома, как мы видели, донельзя довольный понятливостью высокопоставленного собеседника. Морского министра Д. Форрестола посол предупредил: «Мы вполне можем встать перед лицом идеологического крестового похода, не менее напористого и опасного, чем нацизм или фашизм», а руководству государственного департамента разъяснил: «Планы России

[1] FRUS, 1945, vol. 4, p. 998.

создать государства-сателлиты — угроза миру и нам», США имеют «громадные возможности» противодействовать этому, приняв надлежащие меры в экономических отношениях с СССР [1].

Начальник штаба при Рузвельте адмирал У. Леги наставлял нового президента взять «твердую линию» в отношении СССР уже по той причине, что одно упоминание о коммунизме вызывало у старца «гнев и злобу» [2]. Масса аналогичных рекомендаций исходила в основном от штатских. Особенно отличились на недостойном поприще заместители государственного секретаря Дж. Грю и Н. Рокфеллер. Однако генералы оторопели: как же США намереваются завершить войну с Японией (о вступлении в нее СССР договорились на Ялтинской конференции)? Начальники штабов в Вашингтоне, Макартур на театре военных действий заключили: без участия СССР борьбу против Японии удастся привести к концу лишь спустя 18 месяцев после победы в Европе. Вторжения на Японские острова не миновать, а «стоимость этой операции — продвижение из района высадки до центра Токио — оценивалась в миллион жертв со стороны американцев и, вероятно, еще примерно пятьсот тысяч англичан» [3]. Но Токио — это еще не край земли японской!

Военные предложили взвесить: прогрызание внешних обводов обороны Японии — война на островах — стоило США 170 596 человеческих жертв, а овладение первым плацдармом на Хонсю (начало операции планировалось на 1 ноября 1945 г.) потребует 50 000 жертв. Как справиться с тысячами самолетов «камикадзе», укрытых в пещерах? Как штурмовать японские укрепления в глубине страны без привычной поддержки тяжелых калибров флота? Множество вопросов без определенных ответов и самый сложный: а если японцы отойдут в горы и перейдут к партизанской борьбе? Тогда Макартур предвидел по крайней мере десятилетнюю войну и отказывался назвать даже приблизительно цифру американских потерь.

Президент с большим хладнокровием выслушал военных и, вероятно, заключил: они не видят дальше театра, где велись и предстояли военные операции. Он смотрел много шире: корень дела — Европа! Дальний Восток пока подождет. Он

[1] *Yergin D.* Shattered Peace. The Origins of the Cold War and the National Security State. Boston, 1977, p. 77.

[2] *Leahy W.* I Was There. N. Y., 1950, p. 347.

[3] *Phillips C.* The Truman Presidency, p. 67.

никогда не был пассивным слушателем тех, кто стремился побудить его к действиям против Советского Союза. Он не хотел сидеть сложа руки, быть сторонним свидетелем того, как рушился «санитарный кордон». Он уже успел составить для себя представление: на Ялтинской конференции Советский Союз-де не возражал против восстановления по его западным границам враждебных русским режимов. То было чудовищное извращение сути решений глав трех великих держав, но Трумэн пытался навязать личную интерпретацию этих решений Советскому Союзу. А. Гарриману и государственному секретарю Э. Стеттиниусу он объявил: «Мы, конечно, не можем рассчитывать получить 100% желаемого, но по важнейшим вопросам должны обеспечить себе 85%».

Не откладывая дела в долгий ящик, он изыскал случай объясниться с СССР, благо проездом на конференцию в Сан-Франциско в Вашингтоне был советский нарком иностранных дел. Днем 23 апреля Трумэн созвал совещание высших американских политических и военных руководителей. Без всяких объяснений президент отчеканил: «До сих пор наши соглашения с СССР были улицей с односторонним движением, так не может продолжаться, теперь или никогда нужно решать», если СССР не согласится с тем, что, по сути, означало восстановление «санитарного кордона» (теперь это называлось «демократизацией»), то «пусть русские убираются ко всем чертям». Вопрос, сформулированный таким образом, исторг одобрительное эхо почти всех присутствовавших. Только генерал Маршалл и военный министр Стимсон, имевшие на уме войну против Японии, усомнились в мудрости решения немедленно рвать с СССР. Даже адмирал Леги промямлил: «Ялтинские решения допускают две интерпретации». Президент лихо отправил военных с совещания и продолжил приятный разговор с единомышленниками.

Через несколько часов Трумэн в том же кабинете предъявил советскому наркому американские условия, практически ультиматум [1]. «Прием советского дипломата в Белом доме был отнюдь не теплым,— отмечает американский историк Дж. Гэддис,— Трумэн вел себя в манере капитана артиллерии времен первой мировой войны» [2]. Современные средства коммуникации сблизили континенты, и уже 24 апреля И. В. Сталин прокомментировал в послании Трумэну: «...Вы

[1] *Yergin D.* Shattered Peace, p. 81—83.

[2] *Gaddis J.* Russia, the Soviet Union and the United States. An Interpretive History. N. Y., 1978, p. 169.

требуете от меня слишком многого. Попросту говоря, Вы требуете, чтобы я отрешился от интересов безопасности Советского Союза, но я не могу пойти против своей страны»[1].

Наскок Трумэна горячо приветствовали вашингтонские чины. Ч. Болен вспоминал: «Как я наслаждался, переводя фразы Трумэна! Вероятно, первые резкие слова американского президента высокопоставленному русскому представителю». Только вот ведь какое возникло затруднение, сокрушался Болен: «...беседа Трумэна с Молотовым не могла быть тогда предана гласности, ибо война продолжалась, и как американцы, так и другие были потрясены, если бы выяснилось, что между США и СССР существуют серьезные разногласия». Да, едва ли народы антигитлеровской коалиции возблагодарили бы нового президента США за подрыв союзнического единства, обеспечившего победу над врагом. В чем без труда убедился самый красноречивый зачинщик трумэнского начинания. «Обеспокоенный и раздраженный политическим курсом СССР,— продолжает Болен,— Гарриман встретился с рядом американских журналистов и осторожно высказался в том смысле, что цели СССР и США в высшей степени противоположны и поэтому сама возможность сотрудничества между ними в будущем нереальна. Прорусские симпатии в те дни были настолько сильны, что некоторые присутствующие пришли в ярость. Кажется, Уолтер Липпман покинул помещение, где давалось интервью. Раймонд Грэм Свинг в последовавшей радиопередаче сказал, что дипломаты, утратившие веру в конечные цели нашей дипломатии в отношении СССР, не нужны»[2].

А. Гарриман — мультимиллионер, наследник дела отца, введенный в правление железных дорог «Юнион пасифик рэйлроудс» еще студентом, банкир международного класса. Когда ему перевалило за 50 лет, он решил заняться политикой. Отныне за Гарриманом подобных эскапад на трибуне не замечалось. В 1971 г., давая показания в комитете палаты представителей, обсуждавшем генезис «холодной войны», Гарриман только мимоходом помянул эту вылазку: «Наши философии (США и СССР.— *Н. Я.*) непримиримы, я сказал об этом в 1945 г., и меня осудили за недобрые чувства к со-

---

[1] Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. М., 1976, т. 2, с. 235.

[2] *Bohlen Ch.* Witness to History 1929—1969. N. Y., 1973, p. 213, 215.

юзнику» [1]. В 1945 г. пустить политику США по враждебному СССР пути оказалось необычайно трудным. Вашингтонские герои дня на некоторое время прикусили языки, на что у Трумэна и у некоторых в высшем руководстве США были дополнительные причины, помимо выявившегося неудобства плыть против общественного мнения.

Как-то летом 1944 г. сенатор Трумэн, возглавлявший комитет по делам военной экономики, решил направить ревизоров на предприятия в западной части штата Теннесси. Они заглатывали сотни и сотни миллионов долларов, и решительно никакой отдачи. Непорядок. В кабинет сенатора явился крайне взволнованный военный министр Г. Стимсон. «Сенатор! — сказал он.— Я не могу открыться вам, но заверяю — речь идет о величайшем предприятии в истории. Дело в высшей степени секретное. Многие из занятых им и не догадываются, над чем работают, а мы, знающие, оценим, если вы не будете стараться разузнать, что делается на этих заводах». Дисциплинированный Трумэн без слова отступился.

Он наверняка вспомнил необычайный разговор, когда в конце апреля 1945 г. тот же Стимсон ввел его в Белом доме в курс дела,— на исходе работы по созданию самого страшного оружия в истории человечества. Как они представляли грядущее, говорит оценка Стимсона — в середине июля предстоит взрыв экспериментального устройства, сила взрыва эквивалентна 500 *т* тринитротолуола. Когда за Стимсоном закрылась дверь, адмирал Леги, оставшийся в кабинете президента, проворчал: «Проклятая штука никогда не взорвется, и я говорю это как эксперт по взрывчатым веществам» [2]. На деле оказалось — эквивалент 20 000 *т* тринитротолуола...

Леги был не одинок, атомная бомба все же оставалась пока гигантским вопросительным знаком. До успешного испытания кто мог возразить Леги, утверждавшему: ученые «надули» правительство, пустив по ветру 2 млрд. долл. [3]. Но все больший вес получало мнение, которое выразил Дж. Бирнс: «Бомба даст нам возможность продиктовать наши условия в конце войны» [4]. Мнение компетентное — новый государственный секретарь Бирнс пришел с поста директора управления

[1] The Cold War: Origins and Developments. Hearings before the Subcommittee on Europe of the Committee on Foreign Affairs. House of Representatives, 92nd Congress, 1st Session. Washington, 1971, p. 81.

[2] *Phillips C.* The Truman Presidency, p. 53—54.

[3] *Leahy W.* I Was There, p. 441.

[4] *Truman H.* Memoirs: Year of Decisions. N. Y., 1955, p. 87.

военной мобилизации и реконверсии, следовательно, был в курсе всего, связанного с атомной бомбой. А конец войны в Европе — вот он! Германия капитулировала перед западными союзниками в Реймсе 7 мая 1945 г., на следующий день Трумэн приказал прекратить помощь по ленд-лизу Советскому Союзу. Но никак нельзя было избежать подписания общего акта о безоговорочной капитуляции Германии перед всеми основными победителями, т. е. в первую очередь с СССР, что и было проведено 8 мая 1945 г.

Логика событий диктовала немедленную встречу глав трех великих держав. Трумэн оттянул ее, ибо не хотел отправляться на встречу с И. В. Сталиным с пустыми руками, без уверенности в том, что США имеют атомную бомбу. Или, по выражению Г. Стимсона, сесть за стол конференции без этой «козырной карты». Как он внушал президенту, «страшно вступать в игру с такими высокими ставками в дипломатии без козырной карты у вас в руках... над всем запутанным клубком проблем должна доминировать тайна С-1 (атомная бомба)». Больше того, «до успешного применения первой бомбы против Японии нельзя открывать России или кому-либо другому наших работ по С-1» [1]. Дело отнюдь не в Японии, впоследствии Стимсон подчеркнул в мемуарах: «Уже тогда было ясно, что критические проблемы в американской политике в отношении атомной энергии будут прямо связаны с Советской Россией» [2]. С этой точки зрения продолжавшая сражаться Япония неизбежно становилась полигоном для демонстрации американской атомной мощи. Очень удобно и морально: цинизм испепеления сотен тысяч мирных жителей можно было списать за счет непреодолимой военной необходимости.

Комплекс проблем вокруг атомных бомбардировок Японии породил на Западе гигантскую литературу, дискуссии продолжаются по сей день, и конца им не видно. Каковы бы ни были различия в подходах, остается главное, что сформулировал, например, английский историк профессор К. Торн: «Использование этого оружия для ряда американских политиков было неотделимо от характера будущих отношений с Советским Союзом. Это, однако, не означает, что для многих, возможно для большинства, связанных с решением сбросить

[1] *Bernstein B.* Roosevelt, Truman and the Atomic Bomb, 1941—1945. A Reinterpretation.— Political Science Quarterly, Spring 1975, p. 40—41.
[2] *Stimson H., Bundy M.* On Active Service in Peace and War. N. Y., 1948, p. 636.

бомбу, первостепенным соображением было спасти жизни американцев и ускорить поражение Японии. Взять один пример — в дневнике Генри Стимсона, несшего особую ответственность за это дело, отражена не только уверенность, что создание оружия даст «козырную карту» в разрешении спорных проблем между США и СССР, но также желание продемонстрировать решительно всем, включая, разумеется, Москву, новую мощь. 6 июня Стимсон, например, сказал Трумэну, что «опасается такого разгрома Японии с воздуха еще до того, как мы будем готовы, что не найдется пригодного места продемонстрировать силу нового оружия». Президент, записал Стимсон, «рассмеялся и сказал, что понял» [1].

Завершение подготовки атомного оружия и отъезд Трумэна в Потсдам на конференцию глав правительств СССР, США и Англии было синхронизировано. В предвидении встречи с И. В. Сталиным Г. Трумэн заполнил паузу дипломатическими маневрами. В конце мая в Москву для переговоров с И. В. Сталиным отправился Г. Гопкинс. Президент напутствовал его: «Можешь прибегнуть к дипломатическому языку или использовать бейсбольную биту, если сочтешь, что это уместно со Сталиным» [2]. Гопкинс нашел в Москве желание продолжить сотрудничество с США, о чем и доложил президенту. Это не произвело большого впечатления на Трумэна. По дороге в Потсдам он открылся самым близким сотрудникам: «Если эта штука взорвется, у меня наконец будет дубина для этих парней (русских, а также японцев)» [3].

При раздутых надеждах на атомную бомбу ни Трумэн, ни другие руководящие деятели США не могли уйти от главного — нужно добиться вступления СССР в войну против Японии. Какие бы концепции ни создавались задним числом о том, что американских деятелей в те дни вдруг-де перестал занимать этот вопрос, факт остается фактом (о чем Трумэн также задним числом написал в мемуарах): «Я выехал в Потсдам по многим причинам, но самая главная для меня — получить от Сталина личное подтверждение вступления в войну с Японией, т. е. по тому вопросу, которому наши военные руководители придавали величайшее значение» [4]. По причинам слишком очевидным.

---

[1] *Thorn Ch.* Allies of a Kind. The United States, Britain and the War against Japan, 1941—1945. N. Y., 1978, p. 500.
[2] *Truman M.* Harry S. Truman, p. 252.
[3] Political Science Quarterly, Spring 1975, p. 49.
[4] *Truman H.* Memoirs: Year of Decisions, p. 121.

Во время Потсдамской конференции высшие штабы США и Англии по-прежнему считали, что вторжение в Японию потребует громадных жертв. Начальник имперского Генерального штаба фельдмаршал Алан Брук в самом конце июля 1945 г. ориентировал американских коллег: Квантунская армия способна «серьезно задержать» советское наступление [1]. Американское Управление стратегических служб (УСС) в эти дни предупреждало: при вторжении неизбежно массированное использование «камикадзе». Особенно зловещими представлялись оценки результатов сражения за Окинаву: американские потери в наступлении приближались к японским потерям в обороне [2].

Итак, суммировал Э. Стеттиниус, «как в Ялте, так и в Потсдаме американские штабы особенно тревожили японские войска в Маньчжурии. Считавшаяся цветом японских вооруженных сил, эта самообеспечивавшаяся армия с отдельным командованием и собственной промышленной базой, как ожидалось, продолжит борьбу даже после утраты Японских островов, если Россия не вступит в войну. Руководствуясь этими соображениями, военные советники президента считали совершенно неотложным вступление России в войну. Наши потери оказались бы значительно меньше, если бы Япония отвлекла свои силы, чтобы схватиться с русскими на Севере» [3]. Американцы хотели на этом театре того, что было основой их стратегии в войне против европейских держав фашистской «оси»: взвалить бремя сухопутных операций с соответствующими потерями на Советский Союз!..

Представлялось очень логичным. Только американский генералитет мерял возможности японских вооруженных сил своим аршином, т. е. опытом кампаний США против Японии на Тихом океане. Высшее японское командование куда более реалистически смотрело на перспективы вооруженной борьбы с СССР. Японские генералы решили в канун вступления нашей страны в войну на Дальнем Востоке: «Мощь советских экспедиционных армии и авиации неизмеримо выше американских сил» [4]. В Токио извлекли надлежащие уроки из разгрома Германии и ее сателлитов Советским Союзом и не строили иллюзий об исходе противоборства с Красной Армией.

[1] *Thorn Ch.* Allies of a Kind, p. 527.
[2] *Kolco G.* The Politics of War. N. Y., 1968, p. 555—556.
[3] *Stettinius E.* Roosevelt and the Russians. N. Y., 1949, p. 98.
[4] *Kolco G.* The Politics of War, p. 596.

Потсдамская конференция глав правительств СССР, США и Англии была самым длительным совещанием «в верхах» в годы войны: две с половиной недели. На ней была сделана попытка подвести некоторые итоги войны в Европе, а Трумэн получил подтверждение о вступлении в войну против Японии Советского Союза. Позиция Трумэна на конференции определялась тем, что произошло 16 июля,— успешным испытанием атомного оружия. 21 июля, спустя пять дней после начала конференции, специальный курьер доставил Трумэну полный отчет об испытаниях. Стимсон повидался с Трумэном после ознакомления с отчетом. «Президент,— записывал Стимсон,— невероятно воспрянул духом и непрерывно говорил об этом при каждой встрече со мной. Он говорил, что обрел новую уверенность». Когда Стимсон прочитал отчет Черчиллю, тот воскликнул: «Теперь я знаю, что случилось с Трумэном вчера. Я не мог понять. Он пришел на совещание другим человеком. Он говорил русским, что они должны или не должны делать, и вел себя хозяином на совещании» [1]. Судя по тому, что в Потсдаме все же был принят ряд согласованных решений, Черчилль определенно принимал желаемое за действительное, но по крайней мере ясно настроение обоих лидеров англосаксонского мира.

Там, в Потсдаме, 24 июля 1945 г. Трумэн отдал приказ: «509-я смешанная группа 20-й воздушной армии сбросит первую специальную бомбу, как только позволят условия погоды для наблюдения за бомбардировкой, примерно после 3 августа на одну из следующих целей: Хиросима, Кокура, Ниигата, Нагасаки». 6 августа с острова Тиниан стартовал бомбардировщик Б-29, пилотируемый командиром 509-й смешанной группы полковником П. Тиббетсом. Он привел бомбардировщик, названный им по имени матери «Энола Гей», к Хиросиме и в 8.15 утра нажал кнопку сброса. Вопреки широко распространенным слухам, атомная бомба пошла на город не на парашюте, механизм сработал, как было рассчитано, через минуту. Гигантский взрыв, зафиксированный в 8.16 на остановившихся часах на испепеленных руках жертв. 4 кв. мили сожженной земли, где был центр Хиросимы. Более 90 тыс. убитых и пропавших без вести.

Спустя 16 часов в Вашингтоне Трумэн объявил: «Мы овладели величайшей силой мироздания. То, что питает мощь солнца, ныне обрушено на развязавших войну на Дальнем

[1] *Cochran B.* Harry Truman and the Crisis Presidency, p. 172.

Востоке». Что, виновны жители Хиросимы? И сухая бухгалтерская справка: «Мы истратили два миллиарда долларов на самую азартную игру за всю историю — и выиграли!» 9 августа вторая атомная бомба была сброшена на Нагасаки. 46 000 испепеленных. К этому нужно добавить еще сотни тысяч людей, умерших от последствий атомных взрывов (всего погибло более 300 тыс. человек).

В США утверждали: имелось в виду только ускорение разгрома Японии. Но недвусмысленное совпадение — в день сожжения Нагасаки Трумэн обратился по радио к стране с отчетом о Потсдамской конференции. Он заверил, что США не откроют секрета атомного оружия до тех пор, пока мир не перестанет быть «беззаконным», а посему Вашингтон «сохранит за собой военные базы, необходимые для полной защиты наших интересов». На будущее: «Мы должны оставаться гарантами этой новой мощи, чтобы ею не злоупотребляли, а она использовалась на службе человечества». И в прямой связи с монополией Вашингтона на атомное оружие президент подчеркнул: страны на Балканах «не должны быть сферой влияния какой-нибудь одной державы».

Нескрываемая угроза в адрес Советского Союза, причем в день, когда Красная Армия выступила на Дальнем Востоке. Удар неслыханной силы, обрушенный на Квантунскую армию, привел в считанные недели к завершению войны против Японии. В молниеносной кампании советские войска наголову разгромили Квантунскую армию, потерявшую 677 тыс. человек, из них 84 тыс. убитыми. Наши потери составили 32 тыс. человек. Такого исхода не ожидали ни враг, ни наши союзники. Поражение в Маньчжурии сломило хребет военной мощи Японии. Главнокомандующий ВВС США генерал Г. Арнольд усмотрел: капитуляция Японии оказалась «неожиданностью» [1]. То было не его личное мнение, даже 19 июля 1945 г. объединенный комитет начальников штабов США и Англии указывал: окончания организованного японского сопротивления следует ожидать не раньше 15 ноября 1946 г.[2] 2 сентября 1945 г. был подписан акт о безоговорочной капитуляции Японии. Вторая мировая война закончилась. Исход ее на Западе и Востоке решил Советский Союз.

В этих условиях рельефно выступает бессмысленность применения атомной бомбы против Японии. Как заметил уже

[1] *Arnold H.* Global Mission. N. Y., 1949, p. 598.

[2] FRUS. The Conference of Berlin (The Potsdam Conference), vol. 2, p. 115.

в 1949 г. английский ученый, всемирно известный физик П. Блэкетт, атомная бомбардировка «была не столько последним военным актом второй мировой войны, сколько первой крупной операцией в дипломатической «холодной войне» против России»[1]. В 60-е и 70-е годы это положение подробно документировали так называемые «ревизионисты» в американской историографии, в первую очередь Г. Алпровиц, В. Вильямс, Г. Колко и ряд других. Что до Трумэна, то один из его биографов замечает: «В последующие годы он все твердил, а не стоило бы этого делать: «Я никогда не страдал бессонницей по поводу моего решения», «Я бы сделал это снова», «Не стоит тревожиться по поводу этого решения, речь шла не больше, чем о применении артиллерии»[2].

В январе 1953 г., в последние дни пребывания Трумэна у власти, в Белый дом явился премьер-министр Англии Черчилль. За обедом в присутствии тогдашних высших американских руководителей Черчилль внезапно обратился к Трумэну: «Г-н президент, у вас готов ответ к тому часу, когда вы и я предстанем перед святым Петром и он скажет: «Вы оба ответственны за сбрасывание атомных бомб. Что вы можете сказать в свое оправдание?»

Неловкое молчание прервал профессиональный вашингтонский острослов, заместитель государственного секретаря Р. Ловет, ответивший Черчиллю вопросом: «А вы уверены, что будете стоять рядом с президентом?» Общий смех. Постановили призвать великих для вынесения вердикта. Присутствующие составили жюри, назвав себя Александром Македонским, Юлием Цезарем, Сократом, Аристотелем, Вашингтоном. Вольтера отвели как атеиста. Судьей стал Трумэн, а единственным подсудимым — Черчилль, которого единогласно оправдали. Премьер пустился в воспоминания, припомнил, что неверно оценивал Трумэна, когда он сменил Рузвельта. «Но с тех пор,— заверил Черчилль,— вы сделали больше, чем кто-либо другой, ради спасения западной цивилизации»[3].

Ради «спасения» ее (в понимании Черчилля) Трумэн был готов заплатить любую цену. Что обнаружил американский журналист У. Роббинс, многократно беседовавший с Трумэном на исходе его жизни. «Правильно ли,— спросил

---

[1] *Blackett P.* Fear, War and the Bomb. N. Y., 1949, p. 138.
[2] *Cochran B.* Harry Truman and the Crisis Presidency, p. 175.
[3] *Truman M.* Harry S. Truman, p. 555—556.

я,— что сначала так мало было известно о новом оружии, что следовало считаться с возможностью уничтожения всего мира?» — «Да,— он ответил,— вопрос был поднят с учеными. Они сказали, что на это был один шанс из миллиона. Это удовлетворило меня». Для меня же соотношение один на миллион взорвать мир было слишком. ...Я понимал мотивы Трумэна... возможность закончить войну одним ударом и навязать Pax Americana... Но все же я не мог понять, как он или кто-нибудь другой могли взорвать бомбу при наличии шанса, пусть любого, уничтожить мир».

Трумэна никогда не терзали моральные соображения. Пушечная романтика превыше всего! В письме к физику Н. Голдбергу он заметил в 1957 г.: «Когда артиллерия была впервые использована в Италии, артиллеристов повесили, как зверей. К сожалению, аналогичное отношение существует ныне в связи с нашими усилиями использовать атомную энергию, что, на мой взгляд, весьма прискорбно» [1].

А. Эйнштейн сказал просто: «Если бы я знал, что немцы не создадут атомную бомбу, я бы не пошевелил пальцем» [2]. Где было великому физику постигнуть логику американских политиков.

Возможности тогдашнего атомного оружия беспредельно преувеличивались, что частично объяснялось основательной неосведомленностью в области физики, а в основном — стремлением принимать желаемое за действительное. Девицы в бурлесках поторопились обозвать себя «анатомическими бомбами». Умники-журналисты оповещали: в одном грамме столько энергии, что можно поднять груз в миллион тонн на десять километров, а в одном выдохе таится «горючее», достаточное для суточного полета тяжелого самолета.

Командующий стратегической авиацией США на Тихом океане генерал К. Спаатс пристально обозрел контейнер, в котором была доставлена атомная бомба, сброшенная на Нагасаки. Он глубокомысленно заметил ученому, дававшему пояснения: «Ну, конечно, атомы материала, привезенного в нем, взорвали атомы воздуха над Нагасаки». Ученый повторил объяснение: взрыв произведен веществом, которое поместилось в контейнере. «Молодой человек,— отрезал генерал,— вы вольны верить этому. Я не верю».

---

[1] *Robbins Ch.* Last of His Kind, p. 25, 118—119.

[2] *Batchelder R.* The Irreversible Decision: 1939—1950. N. Y., 1965, p. 38.

Комитет начальников штабов утвердил 18 сентября 1945 г. директиву 1496/2 «Основа формулирования военной политики», а 9 октября 1945 г.— директиву 1518 «Стратегическая концепция и план использования вооруженных сил США». В них врагом назывался Советский Союз, и против него надлежало вести войну. Составители этих документов указывали, что война должна носить превентивный характер. Положение о «первом ударе» было внесено в директиву 1496/2, ибо, записано в протоколе заседания, посвященном ее подготовке, «нужно особо подчеркнуть это положение, чтобы было ясно — мы принимаем новую концепцию политики, отличную от прежней американской позиции по отношению к ведению войны».

Объединенный разведывательный комитет указал на поводы, достаточные для начала войны атомным ударом против Советского Союза: «...и в том случае, если успехи врага в области экономики и науки говорят о создании возможностей «в конечном итоге напасть на США или создать оборону против нашего нападения». ...Комитет добавил, что атомные бомбардировки относительно мало эффективны против обычных вооруженных сил и транспортной системы, т. е. признал — атомная бомба будет пригодна только для массового истребления (населения) городов» [1].

3 ноября 1945 г. объединенный разведывательный комитет представил высшему командованию оценку целей в СССР, подлежащих атомной бомбардировке. В преданном гласности в 1980 г. документе № 329 этого комитета перечислялись 20 советских городов, на которые в первую очередь должны были быть обрушены атомные бомбы: Москва, Горький, Куйбышев, Свердловск, Новосибирск, Омск, Саратов, Казань, Ленинград, Баку, Ташкент, Челябинск, Нижний Тагил, Магнитогорск, Пермь, Тбилиси, Новокузнецк, Грозный, Иркутск, Ярославль. Пояснение: «Города отобраны по принципу их общего значения с учетом 1) производственных мощностей, особенно производства самолетов и другого вооружения; 2) наличия государственных и административных учреждений и 3) наличия научно-исследовательских учреждений...

Мы располагаем лишь неполной информацией о расположении и функциях ведущих научно-исследовательских учреждений, находящихся в ведении Академии наук СССР (ее

[1] *Sherry M.* Preparing for the Next War. American Plans for Postwar Defense, 1941—45. Yale University Press, 1977, p. 201, 213.

штаб-квартира в Москве). Эти институты, возможно работающие в контакте с ведущими университетами, представляют собой главные исследовательские центры. Следует полагать, что значительная часть этих учреждений расположена в отобранных для бомбардировок районах». Добавим: население перечисленных 20 советских городов составляло 13 млн. человек. Их по традиции геноцида в ведении боевых действий, восходящей хотя бы к Шерману, надлежало испепелить.

В директиве Объединенного комитета военного планирования 432/Д 14 декабря 1945 г. подчеркивалось: «Единственным оружием, которое США могут эффективно применить для решающего удара по основным центрам СССР (перечисленным 20 городам.— *Н. Я.*), является атомная бомба, доставленная самолетами дальнего действия... используя все 196 атомных бомб (куда входят 100 процентов резерва), Соединенные Штаты смогли бы нанести такой разрушительный удар по промышленным источникам военной силы СССР, что он в конечном счете может стать решающим» [1]. Значит, 196 атомных бомб для 20 советских городов? Но как Соединенные Штаты накопили такое количество атомных бомб за каких-нибудь четыре месяца после Хиросимы и Нагасаки?

Решение о немедленной атомной бомбардировке Японии, объясняет очень компетентный американский политический писатель У. Манчестер, было принято летом 1945 г. помимо прочего потому, что «американцы не могли истратить впустую атомные бомбы. Помимо статического устройства, подлежавшего взрыву в пустыне, было всего две бомбы — «малыш» и «толстяк». После испытания атомного оружия в июле 1945 г., продолжает Манчестер, руководитель работ по его созданию генерал Гровс заметил своему заместителю: «Войне конец. Сбросим одну или две такие штуки на Японию и с ней покончим». Ученые, стоявшие вокруг, помалкивали, но один из них тайком скрестил пальцы, ибо «одна или две» — все, что они имели. Испытания в Лос-Аламосе были зашифрованы под словом «Троица», ссылка на то, что было только три атомные бомбы. Если бы в Токио доискались до истины, положение США оказалось бы в высшей степени затруднительным. Только к исходу года удалось бы создать еще одну атомную бомбу» [2]. Или, как замечает Б. Кохран: «Поче-

[1] Новое время, 1980, № 8, с. 29.

[2] *Manchester W.* The Glory and the Dream. N. Y., 1978, p. 376, 378.

му мы сбросили две атомные бомбы?» Потому что в нашем арсенале их было всего две. Если бы у нас были еще две атомные бомбы, мы бы сбросили и их, как предусматривала директива Гровса генералу Спаатсу» [1]. Ему в качестве целей атомной бомбардировки предоставлялось на выбор четыре города в Японии.

Мир торжествовал — конец войне, а Соединенные Штаты в глубокой тайне поставили на конвейер производство атомных бомб. Две атомные бомбы для Японии, а к исходу 1945 г. 196 атомных бомб для Советского Союза, недавнего союзника! Штабные планировщики, разрабатывая атомную агрессию против Советского Союза, отлично понимали, что зачинщиком войны будут только и исключительно Соединенные Штаты. Эта мысль проходила через соответствующие документы. Как говорилось, например, в директиве 432/Д, «в настоящее время СССР не располагает возможностью причинить аналогичные разрушения промышленности Соединенных Штатов. Когда же Советский Союз создаст стратегическую авиацию с бомбардировщиками радиусом действия в 5 тысяч миль и атомную бомбу, он будет в состоянии нанести ответный удар, и тем самым будет сведено к нулю нынешнее решающее преимущество Соединенных Штатов».

Почему американские бомбардировщики не стартовали с атомными бомбами и не сожгли намеченные штабами советские города? Тогда без большого труда можно было сопоставить честолюбивые выкладки штабных планировщиков с опытом недавней войны. 196 атомных бомб — много или мало? Уже в 1949 г. известный в США публицист (который, конечно, не мог знать размеров американских стратегических арсеналов) размышлял: «Попытка подсчитать, сколько атомных бомб потребуется для данной кампании на уничтожение, вероятно, бесцельное и ошибочное занятие. Военные планировщики должны заниматься такими подсчетами, это их дело. Но они делают лишь профессиональные догадки, ибо не знают, сколько самолетов с атомными бомбами достигнут целей, сколько атомных бомб упадут достаточно близко к указанным целям и нанесут существенный ущерб, какое влияние местность окажет на их военную эффективность. Прилежный ученый д-р Филипп Моррисон подсчитал, что потребовалось бы по крайней мере 1000 атомных бомб, чтобы причинить Рос-

---

[1] *Cochran B.* Harry Truman and the Crisis Presidency, p. 174.

сии хотя бы такой ущерб, как нанесли немцы только во время похода на Сталинград»[1].

Указание на то, что атомные бомбы образца 1945 г. не означали революции в военном деле, в наши дни общее место в западной исторической литературе. Английские авторы с точки зрения конца 70-х годов растолковывают: «Ядерному мифу широко верили, но действительность-то заключалась в том, что атомных бомб было слишком мало, они были неточны, слишком слабы и неуклюжи, чтобы дать возможность США доминировать над Советским Союзом. Грубо говоря, бомба мощностью в 20 килотонн, т. е. эквивалентная 20 тыс. *т* тринитротолуола, причиняла ущерб в 2 тыс. *т* тринитротолуола. Таким образом, 300 атомных бомб были равны 600 000 *т* бомб, которые союзники обрушили на Германию в 1944 г., а военное производство в Германии росло. В Хиросиме и Нагасаки американцы достигли таких стратегических результатов, которые спустя 15 лет, в эру ядерного оружия, рассматривались бы лишь как тактические»[2].

То, что впоследствии выплеснулось на страницы исторических сочинений, наверняка осознавали руководители США, способные сойти с узковоенной точки зрения. К ним принадлежал Трумэн. Как бы ни смущали его атомные сирены и как бы ни бунтовал в президенте инстинкт старого артиллериста, он принимал в соображение истинное соотношение сил. Больше того, учитывал и политический фактор. Как сообщает американский исследователь М. Шерри, облазивший военные архивы своей страны, «уже сам ужас атомного оружия уменьшал его полезность, что установил директор бюро бюджета Смит в беседе с Трумэном. Пытаясь рассеять опасения президента по поводу быстрой демобилизации американских обычных вооруженных сил, Смит напомнил Трумэну: «У вас есть в запасе атомная бомба».— «Да,— ответил Трумэн,— но я не уверен, что ее когда-либо удастся использовать». Трумэн, очевидно, опасался как внутренней, так и международной реакции на новое использование этого оружия». Трумэн, несомненно, понимал, что предварительным условием использования атомного оружия против Советского Союза должно было быть создание пресловутого «консенсуса», т. е. определенного единомыслия в отношении СССР в

[1] *Hessler W.* Operation Survival. America's new role in world Affairs. N. Y., 1949, p. 146—147.

[2] *Mooney P., Bown C.* Truman to Carter. A Post-War History of the United States of America. L., 1979, p. 34.

США, а еще лучше и на Западе. Но для изменения политического климата требовались годы и годы.

Трумэн верил, что США располагают временем. Эксперты доложили правительству: СССР потребуется по крайней мере 20 лет для изготовления атомного оружия. «Во время войны ВВС США полагали, что СССР для создания крупных сил стратегической бомбардировочной авиации нужно по крайней мере 20 лет. Осенью 1945 г. этот срок был сокращен до 5—10 лет» [1]. Ревизовали свои оценки, сократив сроки, и специалисты в области атомного оружия. Но все равно, рассудили политики школы Трумэна, времени не в обрез, его достаточно для создания «позиций силы», с которых надлежит вести дела с Советским Союзом. «Позиций силы» в самом широком смысле, включая внутриполитическую обстановку в Соединенных Штатах.

Представлявшееся бесспорным политикам, прошедшим вторую мировую войну в тени исполинских побед Советского Союза, для современной генерации государственных людей США — ересь, глупость, непредусмотрительность, заблуждения. Они догматики известной американской военной традиции, восходящей к XIX веку. Свои мемуары в 1979 г. Г. Киссинджер открыл сжатым обзором истории внешней политики приемной родины, в котором заявил: «В непосредственно послевоенный период... истинная мощь Советского Союза была только частицей нашей. Советский Союз был истощен четырехлетней войной, потерял 20 млн. людей. У нас была атомная монополия и в течение еще двадцати лет громадное ядерное превосходство. Относительно наша мощь никогда не была больше, чем в начале периода, скоро названного «холодной войной»... То было время попытаться начать серьезное обсуждение будущего Европы. Мы упустили возможность... Совершенно неожиданно мы отложили серьезные переговоры до мобилизации наших потенциальных ресурсов. Таким образом, мы дали Советскому Союзу время, самое ценное, в чем он нуждался, чтобы консолидировать свои завоевания и оправиться от войны».

В подтверждение Киссинджер вызвал из небытия тень Черчилля и сослался на его «основательно забытую речь в октябре 1948 г.», в которой он, «как и часто раньше, был прав». Тогда Черчилль сказал: «Ни один человек в здравом уме не считает, что у нас есть неограниченное время. Мы

[1] *Sherry M.* Preparing for the Next War, p. 210, 229.

должны схватиться и достичь окончательного решения... пока западные страны имеют атомную мощь и до того, как русские коммунисты также овладеют ею». Киссинджер сокрушается, что Черчилль говорил это, находясь «не у власти». Вот именно. За такого рода намерения, хотя бы и словесные, левая волна, захватившая после войны и Британские острова, смыла его от власти, хотя осталась неприкосновенной репутация Черчилля как военного лидера.

Вместо образа действия, сформулированного им и Черчиллем не у власти (неизвестно, как бы последний вел себя у власти), сокрушается Киссинджер, «в определенной степени мы применили на международной арене принципы нашего собственного нового курса, ожидая, что политический конфликт растворится в экономическом прогрессе» [1]. В этом откровении проявился схоластически-догматический склад мышления человека, «подозреваемого» на Западе в государственных талантах! Если в контурах внешней политики США во второй половине 40-х годов только угадывался подход, сходный с «новым курсом», то в самих Соединенных Штатах администрация Трумэна, в отличие от позднейших умников типа Киссинджера, знала: в соревновании с социализмом по горячим следам войны против фашизма иного не дано.

От «нового» к «справедливому» курсу

Трумэн творил в густой тени покойного президента. Ему на первый взгляд было трудно тягаться с предшественником, но он пытался... Реконверсия, предсказывали почти единодушно, поставит перед ним проблемы не меньшие, чем встали перед нацией в 1932 г. В войну мобилизовали 16,4 млн. человек, 12,1 млн. из них носили форму в день прихода мира. Уже виделись толпы голодных ветеранов, баррикады, поляризация бедных и богатых. Из Англии великий фантаст Г. Уэллс предсказывал в 1945 г.: в США «дело подошло к концу». Некоторые экономисты предвещали 15 млн. безработных.

В американских войсках за океанами широко распространился слух: Элеонора Рузвельт рекомендовала-де создать в Панаме специальные лагеря, в которых ветеранов научат, как

[1] *Kissinger H.* White House Years. N. Y., 1979, p. 62—63, 61.

вести себя на гражданке. Но повсеместно ожидавшиеся эксцессы так тогда и не проявились. «Из всех удивительных событий послевоенных лет спокойное приспособление массы мужчин, вероятно, было самым поразительным» [1],— заметит американский исследователь вопроса в 1969 г.

«Солдатский билль о правах», принятый еще в 1944 г. и проводившийся с железной настойчивостью администрацией Трумэна, призван был обеспечить относительно спокойную адаптацию миллионов людей, привыкших обращаться с оружием. Демобилизованные должны были получать ссуды на строительство жилищ, основание мелких предприятий, в течение года пособие по безработице. Оплачивалось в зависимости от срока службы в армии образование. К 1950 г. ежегодные расходы Администрации ветеранов достигли 9 млрд. долл.

Но попытки Трумэна ввести всеобщую воинскую повинность (полтора года службы для юношей, достигших 18 лет) не прошли конгресс. Американские законодатели, многие, несомненно, с не меньшим изумлением, чем президент, обнаружили, что среднестатистический американец с величайшим отвращением относится к перспективе снова облечься в мундир. Разве идет война? В первые послевоенные месяцы тысячи и тысячи американских военнослужащих на бывших театрах военных действий делами продемонстрировали свое отношение к милитаризму. Они вышли на демонстрации, требуя немедленной отправки домой и демобилизации.

На рубеже 1945—1946 гг. американские вооруженные силы скатились на грань мятежа. Перед изумленными парижанами продефилировали колонны американских солдат, скандировавших: «Домой!» Во Франкфурте-на-Майне четыре тысячи солдат устроили бунт под тем же лозунгом. Они подступили за объяснением к генералам — те извинялись, обещая ускорить отправку на родину. На Филиппинах генеральские «разъяснения» имели обратные последствия. «Нью-Йорк таймс» сообщила на первой странице под лаконичным заголовком: «20 000 солдат в Маниле освистали генерала». По Токио проходили парады-демонстрации под лозунгами: «Служба — да, рабство — нет», «Японцы разошлись по домам, а почему не мы?» В зените силы вооруженная мощь США рассыпалась на глазах, и ничего с этим поделать было нельзя. Глас народа!

[1] American Society since 1945. Ed. by W. Neill. Chicago, 1969, p. 4.

В Вашингтоне Эйзенхауэр просветил лидеров конгресса. О публичных слушаниях не могло быть и речи, тайком собрались в запыленной комнате на задворках Капитолия. Эйзенхауэр сокрушался: в вооруженных силах нужно 1,5 млн. с небольшим, а добровольцев едва 400 тыс. Генерал был, как всегда, осмотрителен в выражениях, посему процитировал начальника штаба 8-й американской армии в Японии: «По-видимому, действуют подрывные элементы, которые, руководствуясь зловещими замыслами, подрывают моральный дух армии». А от себя добавил: в Европе «влияние» США придется уступить «другой державе» [1]. Так народ разоружил американский империализм. Это во многом ограничило свободу действий Вашингтона. Для проведения политики, угодной правящей элите, повелительно требовалось изменить психологический настрой в стране.

К чему и приступили, прибегнув к разнообразным изощренным и противоречивым мерам. Последнее определение верно только при поверхностном подходе и изобильно употребляется, когда нет ясности. Между тем генеральная цель администрации Трумэна кристально ясна — приступ к подготовке тыла.

Хотя Соединенные Штаты вошли в послевоенный мир, отнюдь не захлебываясь от изобилия, самое ближайшее будущее сулило значительную сытость. Таков единодушный вердикт нынешней американской историографии. У. Миллер в учебнике, обобщающем монографические разыскания, заметил: «Благосостояние, добытое в войну, послужило искрой социальной революции в США, которая развивалась с нарастающей силой в послевоенные годы» [2]. В большом академическом исследовании Р. Поленберга изменений в США в военные годы сказано: «За три года войны было построено заводов столько, сколько за предшествующие пятнадцать лет... Вторая мировая война радикально изменила характер американского общества» [3]. Только вот что заметил по поводу этого суждения английский исследователь профессор А. Марвич: «Единственная слабость отличной книги профессора Поленберга «Война и общество: США в 1941—1945 гг.» — изложение обрывается на конце войны. Совершенно очевидно, что

---

[1] *Manchester W.* The Clory and the Dream, p. 410.
[2] *Miller W.* A New History of the United States. N. Y., 1970, p. 351.
[3] *Polenberg R.* War and Society: The United States 1941—1945. N. Y., 1972, p. 13, 4.

научное исследование ее социальных последствий должно включать в себя послевоенный период. Трудности при анализе США состоят в том, что немало процессов, восходивших к войне, деформировались или ушли в другую сторону в результате последовавшей «холодной войны» [1].

Если уж в нынешней общине ученых, умудренных опытом, никак не договорятся о дальнейшем развитии, начавшемся в 1941—1945 гг. в США, то что спрашивать с тогдашних рядовых американцев? Они знали: в пять лет средняя недельная заработная плата за 48-часовую неделю почти удвоилась — с 24 до 44 долл. Видели и «но»: неизбежное сокращение рабочей недели до 40 часов приведет к снижению заработной платы, ибо время свыше этих часов оплачивалось в полуторном размере. Отсюда боевой клич трудящихся: оплата 40-часовой недели как 48-часовой, что означало 30-процентное увеличение почасовой заработной платы. Орудие борьбы — забастовки, во главе которых окрепшие профсоюзы, в их рядах вместо 9 млн. (до войны) 15 млн. членов. Организованное рабочее движение и отправилось добывать лучшую долю для трудящегося.

Трумэн не бездействовал. 4 сентября 1945 г. он собрал конгресс на чрезвычайную сессию, представив программу из 21 пункта. Аморфный документ — почти 100 страниц машинописного текста (таких посланий не видывали со времен Т. Рузвельта!) и обо всем. Говорилось о «полной занятости» и повышении минимальной почасовой зарплаты, обещали новое социальное законодательство, строительство 15 млн. квартир за 10 лет, увеличение жалованья членам конгресса и многое другое. Для воплощения упомянутого в жизнь президент требовал сохранить за ним чрезвычайные полномочия военных лет в области регулирования экономики. Законодатели встали на дыбы. Не в состоянии заглянуть в будущее, они оперировали истасканными формулировками. Лидер меньшинства в палате представителей Д. Мартин возгласил: «Сам президент Рузвельт не требовал столь многого от одной сессии конгресса. Это неприкрытая попытка превзойти «новый курс».

Да, соглашается, пусть с оговорками, большой знаток Рузвельта историк У. Лехтенбург: «Преисполненный решимости продолжать традиции «нового курса», Трумэн... назначал

---

[1] *Marwick A.* War and social Change in the Twenteth Century. L., 1974, p. 179.

на государственные посты карьеристов, проигрывавших в сравнении с видными деятелями «нового курса». «Важнее иметь связи с 4-й батареей 129-го артиллерийского полка, чем с Феликсом Франкфуртером [1]»,— заметил кто-то. Для приверженцев Рузвельта Трумэн никогда не поднимался на должную высоту. Что бы он ни делал, они спрашивали: «Как бы повел себя Рузвельт?» (В первое время своего президентства Трумэн советовался с вдовой предшественника, «как будто он обращался к медиуму», написали Джозеф и Стюарт Олсопы.) Даже в январе 1947 г. бывший мэр Нью-Йорка Фиорелло Лагардия сказал: «Как нам не хватает Рузвельта!» [2] Сразу после памятного 1946 г. трудно было не затосковать.

В тот год американское организованное рабочее движение не стало дожидаться исхода схватки в конгрессе по поводу программы Трумэна, а перешло в наступление, требуя повысить почасовую заработную плату. В 1946 г. в стачках было потеряно 116 млн. рабочих дней, в них участвовало 4,6 млн. рабочих. Абсолютный, выдающийся рекорд во всей истории Соединенных Штатов, которым, по причинам очень понятным, не гордятся в этой стране. Если открыть разрекламированный как «самый современный, самый полный, самый точный» известнейший американский справочник «Международный альманах», то после указания — в войну в забастовках потеряно 36 млн. рабочих дней с числом стачечников 6,7 млн. человек — идет 1947 год, когда бастовало 2,1 млн. человек, что обошлось в 34,6 млн. потерянных рабочих дней [3]. Год 1946-й пропущен...

К середине мая забастовка на железных дорогах грозила парализовать всю экономику. Одновременно приступали к забастовкам горняки под руководством главы профсоюза Д. Льюиса. Трумэн вызвал в Белый дом руководителей профсоюзов железнодорожников. Они уперлись. Президент ледяным тоном заключил совещание: «Если вы думаете, что я позволю вам связать всю страну, вы рехнулись». Он немедленно познакомил правительство со своим планом: припять закон, по которому президент мобилизует в армию всех забастовщиков, невзирая на возраст и семейное положение. Министр юстиции Кларк заикнулся было о законности. Трумэн отрезал: «Сначала мобилизуем, а потом потолкуем о зако-

[1] Член Верховного суда США.
[2] *Leuchtenburg W.* A Troubled Feast. American Society since 1945. Boston, 1973, p. 12.
[3] The World Almanac, 1979, p. 123.

нах». Выступление в конгрессе Трумэн решил предварить речью по радио, которую позаботился написать сам. Наметил и адресат — бывшие служивые. Трумэн решил употребить их энергию для наведения порядка с профсоюзами. Оповещая ветеранов, что в войну они «противостояли пулям, бомбам и болезням», Трумэн указал, что «все нынешние стачечники и их лидеры-демагоги в то время жили в роскоши, работали как им заблагорассудится и получали в 4—40 раз больше сражавшегося солдата». Он перечислил поименно лидеров профсоюзов, начиная с Д. Льюиса, и призвал «ликвидировать» их вместе «с коммунистами», а также «русскими сенаторами и конгрессменами и превратить наше правительство из народа в правительство для народа». Как? «Мои соратники по оружию! Вы, сражавшиеся ради спасения страны, как я 25 лет назад, пойдемте со мной... восстановим транспорт и производство, перевешаем предателей и сделаем нашу страну безопасной для демократии. Ребята, за дело!» [1]

Совершенно невозможно представить, что бы случилось, если бы пламенный призыв Трумэна по национальной радиосети достиг нации — бывших служивых и иных. Советники президента во главе с К. Клиффордом убедили его снизить накал, но все равно в речи по радио 24 мая президент сообщил: «Речь идет о схватке небольшой группы людей с правительством». Он пригрозил: если к четырем часам дня следующего дня бастующие не возобновят работу, он потребует от конгресса мобилизации в армию «всех рабочих, бастующих против собственного правительства». Когда в назначенный час Трумэн появился на трибуне объединенного заседания конгресса и начал речь, ему передали записку от К. Клиффорда — руководители стачечников капитулировали.

Сияющий Трумэн воскликнул: «Господа, стачка улажена!» Господа покрыли аплодисментами слова оратора и на радостях 306 голосами против 13 вотировали закон, дававший полномочия президенту мобилизовать в армию рабочих, когда забастовка угрожает «национальной безопасности». В сенате восторжествовал здравый смысл, точнее, республиканцы во главе с сенатором Р. Тафтом оценили пыл президента, но восстали против неслыханного расширения прерогатив исполнительной власти. Закон не прошел.

Но какой толк, что железнодорожники вернулись на работу, продолжались спорадические забастовки горняков, а тогда

[1] *Phillips C.* The Truman Presidency, p. 116.

95% всей тяги на железных дорогах обеспечивали паровозы, на угле работало 55% промышленности и 62% электростанций. Д. Льюис, которого в свое время побаивалась администрация Ф. Рузвельта, хозяин объединенного профсоюза горняков, был преисполнен решимости к борьбе. Уже 15 мая Трумэн взял управление шахтами в ведение правительства, на что Льюис бросил: «Уголь штыками не добыть». Совершенно справедливо, а посему правительство обратилось в суд с просьбой издать предписание, запрещающее профсоюзу расторгать коллективный договор с правительством. Очень шаткая юридическая аргументация: еще закон Норриса — Лагардия 1932 г., а главное, закон Вагнера 1935 г. (вершина завоеваний рабочего движения в годы «нового курса»!) категорически запретили эту традиционную процедуру разгрома забастовок. Правительственные юристы настаивали, что запрещение касается-де предпринимателей, а не правительства, которое взяло в управление шахты.

Боевой дух горняков был хорошо известен, как и неукротимый нрав потомственного шахтера Льюиса. Вся страна затаила дыхание, ожидая драматической схватки в суде. Ничего не случилось. 26 ноября окружной судья в Нью-Йорке признал иск правительства обоснованным и скучным голосом объявил, что профсоюз за неуважение к суду штрафуется на 3,5 млн. долл., а Льюис — на 10 тыс. долл.

Исполин бурных стачек 30-х годов открыл было рот и в тот же миг, видимо, сообразил: судья, способный наложить крупнейший штраф в истории США, не поскупится и на тюремный срок. Он промолчал. Стачке пришел конец. С тем Льюис и ушел с арены американского рабочего движения.

К. Клиффорд заключил: «Схватка с Льюисом и была тем рубежом, когда Трумэн навсегда вышел из тени ФДР и превратился в самостоятельного президента. Старик изменился. Наконец он сам стал боссом». Съезд Конгресса производственных профсоюзов в 1948 г. заклеймил Трумэна «штрейкбрехером № 1», а руководитель одного из «братств» железнодорожников поклялся употребить всю кассу своего профсоюза — 47 млн. долл., чтобы провалить Трумэна, если тот осмелится баллотироваться на выборах 1948 г.

А пока на выборах в конгресс демократы впервые за 18 лет утратили большинство в обеих палатах. Заместили их отнюдь не поборники прав трудящихся, а республиканцы. Журнал «Лайф» приветствовал «значительный сдвиг в центре тяжести правления». Политические неофиты — сенатор

Дж. Фулбрайт и впервые избранные в палату представителей Р. Никсон и Дж. Маккарти, погнавшиеся за немедленной популярностью, высказались за то, чтобы Трумэн в интересах национального единства ушел со сцены. Совещание руководителей-республиканцев с большой помпой подтвердило догмы партии: сокращение бюджета, «конец философии правления, предусматривающей вмешательство в дела бизнеса и труда», отмена всего социального законодательства, принятого с 1933 г. Под этим лозунгом начал работать пресловутый конгресс 80-го созыва, республиканское большинство которого приготовилось демонтировать «новый курс».

В 1947 г. конгресс принял закон Тафта — Хартли, поставивший профсоюзы в жесткие рамки. Всем должностным лицам в них надлежало дать подписку в том, что они не являются «коммунистами». Отказ влек роспуск профсоюза. Стачки на правительственных предприятиях запрещались. Правительство получило право обращаться в суд за предписаниями о прекращении стачек, в серьезных случаях президент через суд оттягивает начало забастовки на 80 дней. Финансовая сторона деятельности профсоюзов попала под контроль правительственных ведомств, они не могут больше прямо выделять средства на политические цели. Запрещение вторичного бойкота и отнесение вопроса о «закрытом цехе» к компетенции штатов создали величайшие трудности для умножения численности профсоюзов. С 1947 г. начался процесс относительного падения доли организованных рабочих среди всех занятых.

Трумэн наложил вето на закон. Он рассудил, что закон взвалил на правительство слишком много, ассоциировав его с предпринимателями в трудовых конфликтах, из-за чего блекнет представление о нем как об «арбитре», стоящем над трудом и капиталом. Конгресс мстительным повторным голосованием обошел вето. Вступление в силу закона Тафта — Хартли не вызвало горячего восторга Трумэна. Он всецело одобрял его политическую направленность — изгнать коммунистов и любых подлинно демократических деятелей из рабочего движения, обменять политическую кастрацию на материальный выигрыш, но методы разрешения трудовых конфликтов прямым вмешательством государства претили ему. Они мало помогали созданию «консенсуса», притуплению классовых конфликтов, сколачиванию единомыслия в поддержку всего курса правительства.

Приступ к созданию «консенсуса»

В конце 1945 г. Трумэн не уставал повторять доверенным советникам: «У меня будет прекрасное правительство, если в моем распоряжении будут хорошее министерство труда и хороший государственный департамент». Оп сознательно ставил на одну доску оба министерства: без «спокойствия» внутри страны совершенно невозможно уверенно вести угодпую Вашингтону внешнюю политику.

Окрыленный успехом политической кастрации профсоюзов, оп уверенно смотрел в будущее. Директор Управления экономической стабилизации У. Боулс записывал после беседы с ним в середине 1946 г.: «Президент заявил, что обязательства профсоюзов не стоят и бумаги, на которой написаны, их руководители ненадежны, но он президент США и пустит в ход все полномочия своего поста... Было трудно составить четкое представление, как он видел проблему и пути ее разрешения... он только непрестанно непристойно бранился» [1]. Коль скоро лидеры профсоюзов струсили, Трумэн не видел необходимости церемониться с ними в будущем.

По-иному обстояли дела в первый послевоенный период в сфере внешнеполитических дел. Руководящим принципом во внешних делах в Вашингтоне положили обеспечение «национальной безопасности». Доктрина эта выкристаллизовалась в годы второй мировой войны и рационализировала претензии США на мировое господство. Суть ее в том, что, коль скоро интересы США якобы распространились на весь мир, любое событие, не отвечающее видам американской правящей элиты, будто бы «угроза» этой стране и требует незамедлительных мер — от дипломатических протестов до использования вооруженных сил. Калибр последних должен соответствовать величине «вызова», точнее, представлению о «серьезности» его в американских правительственных ведомствах. Коль скоро само существование социализма, по мнению создателей этой доктрины, «угрожало»-де Соединенным Штатам, «национальная безопасность» могла быть обеспечена только конечной ликвидацией этой «опасности». Следовательно, враждебная политика в отношении нашей страны была не только неизбежна, но и совершенно обязательна.

---

[1] *Yergin D.* Shattered Peace, p. 157, 277.

Как предпосылки, так и выводы доктрины находились в кричащем противоречии со здравым смыслом, а после недавнего сокрушения в сотрудничестве с СССР держав фашистской «оси» представлялись самоочевидным абсурдом. Администрация Г. Трумэна, однако, выступила в идеологический крестовый поход, с тем чтобы объединить вокруг доктрины «национальной безопасности» страну, начав с ее верхних эшелонов, где иные, пусть немногочисленные, не были готовы без промедления принять на веру вновь открытую «мудрость».

Даже государственный секретарь Дж. Бирнс не сразу сообразил, что отныне требуется. Отнюдь не миролюбиво настроенный к СССР, он тем не менее попытался было строить отношения с нами, как принято в нормальной дипломатической практике. За что в Вашингтоне был заклеймен «мюнхенцем», а Трумэн, вызвав его в Белый дом, познакомил с доктриной «национальной безопасности» в самом сжатом изложении. «Если России не показать железный кулак и не говорить с ней решительно,— гремел президент,— новая война неминуема. Мы не должны идти больше на компромиссы. Мы не должны признать Румынию и Болгарию, пока они не согласятся с нашими требованиями, мы должны категорически изложить нашу позицию по Ирану, мы должны настаивать на интернационализации Кильского канала, водных путей по Рейну и Дунаю, черноморских проливов, должны сохранить полный контроль над Японией и Тихим океаном. Мы должны восстановить Китай, посадив там сильное правительство. То же самое в Корее. Затем мы должны настаивать, чтобы Россия вернула наши корабли, и принудить ее выплатить долг по ленд-лизу. Я устал нянчиться с Советами» [1].

Так выглядел разнос государственного секретаря по версии, преданной гласности Трумэном спустя много лет. Бирнс опроверг ее, указав, что, если бы с ним так поговорили, он немедленно ушел бы в отставку [2]. Наверное, он прав. Эпизод этот, однако, примечателен тем, что показывает: на пути к искомому администрацией единомыслию были препятствия. Самое досадное для трумэновцев — публичные. В феврале 1946 г. маститый сенатор-республиканец Ч. Тоби, например, резко высказался по поводу «попыток возбудить общественное мнение против Советского Союза... Я считаю их опасными и неразумными... Основные государственные интересы

[1] *Hillman W.* Mr. President. N. Y., 1952, p. 28.
[2] *Byrnes J.* All in One Lifetime. N. Y., 1958, p. 402—403.

наших стран не войдут в конфликт. У нас уже есть различия, будут и другие, но они никогда не будут важнее наших общих интересов и общих целей». Были и другие выступления в том же ключе, а в середине февраля «ушли в отставку» давнего соратника Рузвельта Г. Икеса. Министр внутренних дел США с 1933 г. в сердцах выругал на прощание президента за то, что он «собирает вокруг себя омерзительную компанию политических лилипутов».

Вероятно, и по этой причине трумэновцы пригласили для оглашения нового символа веры политического Гулливера Запада — У. Черчилля. С января 1946 г. он отдыхал в США, где в муках творчества с Трумэном, Бирнсом и Леги подготовил речь, которую произнес 5 марта 1946 г. в колледже заштатного городка Фултон в штате Миссури. Над странами Восточной и Юго-Восточной Европы, сказал Черчилль, опустился «железный занавес». Черчилль призвал к военному союзу между США и Англией, основанному на атомном оружии. Оратор много говорил об угрозе «христианской цивилизации», якобы исходящей от Советского Союза. Он был куда как красноречив, наконец получив возможность поносить коммунизм под благожелательным взором председательствовавшего на собрании президента США. А Трумэн радовался.

На Западе многие считают вылазку Черчилля в Фултоне началом «холодной войны». И. В. Сталин в облетевшем мир интервью четко сказал: «По сути дела г. Черчилль и его друзья в Англии и США предъявляют нациям, не говорящим на английском языке, нечто вроде ультиматума: признаете наше господство добровольно, и тогда все будет в порядке,— в противном случае неизбежна война... Я не знаю, удастся ли г. Черчиллю и его друзьям организовать после второй мировой войны новый военный поход против «Восточной Европы». Но если им это удастся... то можно с уверенностью сказать, что они будут биты так же, как они были биты в прошлом, 26 лет тому назад».

«Война со здравым смыслом», открытая Черчиллем, вызвала немало нелюбезных откликов и на Западе, что побудило Трумэна откреститься от речи. Он объявил, что не видел предварительно ее текста. Бирнс божился, что его обошли и не посоветовались по поводу речи, а Д. Ачесон, сославшись на занятость, уклонился от участия в церемонии приветствия Черчилля в Нью-Йорке государственным департаментом. Последний из близких к Рузвельту член кабинета, министр торговли Г. Уоллес обратился к Трумэну с предложением

вступить с СССР в переговоры по экономическим делам. Президент отделался бессодержательным ответом. В публичном выступлении 19 марта Уоллес предупредил: «США ничего не выиграют, напротив, все потеряют, забив в барабаны войны против России».

Слова крупного государственного деятеля немедленно заглушил рокот военных барабанов, антисоветская кампания набирала силу. Любые переговоры с СССР на равных отметались как «умиротворение». Именно в это время в ход был пущен лукавый аргумент: настаивающие на них уподобляются мюнхенцам, об Уоллесе соответственно так и отзывались: он-де взял на себя роль Н. Чемберлена[1]. Адмирал Леги распространил эту квалификацию на весь государственный департамент, намекая в высших сферах столицы, что в нем окопались «умиротворители». В первой половине июня в двух номерах журнала «Лайф» появляется статья Джона Ф. Даллеса «Мысли о советской внешней политике и что нам делать». Он обвинил СССР в экспансии, требовал противостоять ему везде и порекомендовал читателям почаще посещать церковь. Глава издательского концерна, выпускавшего «Лайф», тепло поздравил автора: «За всю мою работу в журналистике не помню другой статьи, так точно попавшей в цель. Для многих и многих ваша статья положила конец всем сомнениям о неизбежной реальности русско-коммунистической проблемы»[2].

Люс, давно носившийся с идеей, что XX век должен стать «американским столетием», все же упрощал. Р. Мэрфи, политический советник при командующем американскими оккупационными силами в Германии генерале Л. Клее, примерно в то же время сообщал в Вашингтон: «Должен со всей силой подчеркнуть — мы, быть может, на местах политически целомудренны, но никогда не верили и не верим в неизбежность советской агрессии. Я убежден, что самая невероятная вещь для любого русского, с которым я встречался здесь,— затеять в ближайшее время большую войну». «На местах» даже спорадически давали отпор тем, кто оказывался зараженным идеями поверженного врага.

Военным губернатором Баварии был самый популярный в США генерал Дж. Паттон, коим неустанно восхищаются американцы по сей день, включая президента Р. Рейгана.

---

[1] *Elson R.* The World of Time Inc. N. Y., 1973, vol. 2, p. 60—66.
[2] *Yergin D.* Shattered Peace, p. 174.

Тогда Паттон рассуждал: «Почему мы уступаем и вежливы с потомками Чингисхана? Мы разрешаем им диктовать нам, в то время как очевидно: мы немедленно должны начать категорически диктовать им». Встретившись с Мэрфи, он, записывал политический советник, «с блестящими глазами осведомился, когда же мы пойдем походом на Москву, которой, по его словам, достигнет со своими танками за тридцать дней»[1]. Эти разговоры американские чины списывали за счет эксцентричности генерала, он приободрился, распустил язык и публично объяснил (как написали в газетах по всему миру): «Американский генерал считает, что нацисты такие же, как республиканцы и демократы!» Пришлось первейшего болтуна в вооруженных силах снять с поста и бросить на военно-историческую работу. Вскоре автомобильная катастрофа поставила точку на жизни и карьере Паттона.

Администрация Трумэна просвещала направо и налево не только словом, но и делом. Вопреки даже опасениям Бирнса, что новые испытания атомного оружия «могут оказать скверное воздействие и на без того тревожную обстановку в мире», военно-морской флот США в июле 1946 г. провел их на атолле Бикини.

Снова подал голос Г. Уоллес, написавший президенту: «Меня тревожит все распространяющееся убеждение среди американцев о том, что новая война грядет и единственный способ отвратить ее — вооружаться до зубов». Уоллес осведомился, к каким бы выводам пришли США, «если бы Россия имела атомные бомбы, а у нас их не было, если бы Россия, а не мы имела 10 000 бомбардировщиков и базы в 1000 милях от наших границ»[2].

Коль скоро Трумэн не взялся объясняться с министром, Уоллес заявил, что вынесет разногласия на суд американцев, и показал Трумэну проект речи. 12 сентября перед многотысячной аудиторией в Нью-Йорке Уоллес призвал к заключению «истинного мирного договора, а именно — между США и Россией». Он заметил: «Чем жестче мы становимся, тем жестче будут русские... мы должны признать, что нас не касаются политические дела в Восточной Европе, как России не касаются политические дела в Латинской Америке, Западной Европе и США». И еще добавил: США следует приступить к разоружению и поделиться тайной атомного оружия с другими странами.

[1] *Murphy R.* Diplomat among Warriors. N. Y., 1965, p. 329—331.
[2] *Cohran B.* Harry Truman and the Crisis Presidency, p. 182.

Вслед за речью Уоллеса в Вашингтоне разразился скандал. Трумэн на пресс-конференции на вопрос о том, соответствует ли эта речь линии администрации, ответил утвердительно. Никто ничего не понял. В письме дочери он разъяснил: президент не может жить «на нагорной проповеди», а должен быть Макиавелли, Людовиком XI, Цезарем, Борджиа, Талейрапом и еще «лжецом, мошенником и прочим» [1]. Что тут же продемонстрировал, уволив 20 сентября Уоллеса в отставку. Последний (из считанных!) сотрудников Рузвельта на вершине власти был выброшен. Настало время заставить шагать в ногу всех, кто прямо зависел от правительства,— государственных служащих. Иначе говоря, простукать всю пирамиду власти с очень широким основанием — на государственной службе числилось 2 млн. человек. Время не терпело, республиканцы избирались в конгресс 80-го созыва под лозунгом: «Очистить правительственные органы от коммунистов и их попутчиков».

О чем, собственно, шла речь? Комиссия сенатора Ф. Черча, расследовавшая в 1975—1976 гг. американские органы политического сыска, обнаружила, что ФБР в описываемое время держало в поле своего зрения не более 100 государственных служащих, отнесенных к «потенциальным» коммунистам, но и в отношении их в досье ФБР «не имелось сведений, пригодных для представления в суд, или иных, которые свидетельствовали об их членстве в коммунистической партии» [2]. Оно и понятно: сказались десятилетия методического преследования Компартии США. Что до формально-юридической стороны, то закон Хэтча уже в 1939 г. закрыл доступ на государственную службу выступавшим «за насильственное свержение» правительства, т. е., по принятой в великой «демократии» терминологии, коммунистам.

С узкоохранительной точки зрения сил политического сыска в США было сверхдостаточно для того, чтобы справиться с указанной «угрозой». Плечом к плечу с ФБР стояли военная контрразведка, секретная служба, масса иных подразделений в органах власти, включая полицию. Служба внутренних доходов учитывала до цента материальное положение лиц, которые находились под наблюдением, а комитет по расследованию антиамериканской деятельности пала-

[1] *Yergin D.* Shattered Peace, p. 252.

[2] Final Report of the Select Committee to Study Governmental Operations with Respect to Intelligence Activities, U. S. Senate, Book III. Washington, 1976, p. 436 (далее: Final Report...).

ты представителей в любой момент мог организовать публичную травлю неугодных. На одного «коммуниста» приходились тысячи и тысячи штатных тружеников в карательных органах. Омерзительная антикоммунистическая кампания помимо ее непосредственных целей была отличным поводом для «дисциплинирования» государственного аппарата США сверху донизу. 21 марта 1947 г. Трумэн исполнительным приказом № 9835 основал национальное управление по проверке лояльности служащих федерального правительства. Возникла сложная и разветвленная структура: в каждом учреждении создавались соответствующие отделы, подчиненные региональным управлениям по проверке лояльности. И дело завертелось!

По материалам ФБР проверялся каждый государственный служащий. Основной критерий — есть ли «разумные сомнения» в его лояльности, причем, сказано в специальном исследовании вопроса, «в программе проверки лояльности термин «разумные основания» не был определен и толковался против, а не в пользу обвиняемого» [1]. Процедура носила чудовищный характер: обвинения формулировались «конкретно и полностью» только в том случае, если это допускали соображения «национальной безопасности». Не было решительно никакой возможности выяснить, что именно инкриминируется, ибо ФБР не разглашало имен как штатных филеров, так и добровольных доносчиков.

Цепенящий страх охватил миллионы. «Ужас сложившегося положения,— замечает У. Манчестер,— редко выплескивался на страницы газет, ибо все было слишком обыденным, примерно как быть безработным в 1932 г. Помимо иных возмутительных вещей исполнительный приказ № 9835 толкал американцев следить за коллегами, друзьями, соседями и даже родственниками... Проведение полного расследования очень часто унижало человека и его семью. Уже виновный в глазах многих, пока невиновность не была доказана, он становился подозреваемым с момента начала расследовапия. Соседи, которых опрашивали сотрудники органов госбезопасности, избегали его на улице, не принимали приглашений от его жены, запрещали своим детям играть с его детьми. Его сыновей не брали в бойскауты. Он не мог даже зайти к своим товарищам по службе, чтобы не бросить тень подозре-

[1] *Bontecou E.* The Federal Loyalty-Security Programm. Cornell University Press, 1953, p. 70.

ния на них» [1]. Иные, не выдержав преследований, кончали с собой, а тысячи ушли с государственной службы по собственному желанию.

Примерно за пять лет действия программы проверки лояльности, когда она была сменена другой, проверила 6 млн. 600 тыс. человек, в отношении 25 750 человек было проведено «полное расследование», 490 человек уволили как «нелояльных» [2]. Ни одного случая шпионажа, о чем шумели, затевая программу, не было раскрыто. Что, гора родила мышь? Вовсе нет. Прочесывание государственных служащих дало толчок лавинообразному процессу проверки всех и каждого бесчисленными инквизиторами. Министерство юстиции бесперебойно печатало списки «подрывных» организаций, принадлежность к любой из них или хотя бы знакомство с ее членами означала гражданскую смерть.

Исполнительный приказ № 9835 вырвал лакомый кусок — государственных служащих у комитета по расследованию антиамериканской деятельности палаты представителей. Комитет осенило: можно добиться невероятной «паблисити», занявшись Голливудом, разоблачив зловещие козни «коммунизма», каковые нетрудно усмотреть в любом фильме, правдиво рисующем США. С конца 1947 г. комитет занялся расследованием «проникновения» коммунизма в Голливуд (продолжалось с перерывами девять лет), что, естественно, привлекло большое внимание — для дачи показаний вызывались и кинозвезды. Председатель комитета Д. Томас определенно дал волю своим садистским наклонностям, орал на допрашиваемых, стучал молотком, приказывал полицейским стаскивать с трибуны неугодных свидетелей и т. д. Все на глазах журналистов.

Многие герои на экране, в жизни стремились выслужиться перед грозным комитетом, но, увы, оказались на редкость косноязычными. «Сверхзвезде» Джинджер Роджерс пришла на помощь мама, которая объяснила, что не допускала появления дорогой дочери в фильмах, «создающих гнетущее представление о жизни в США». По ее просвещенному мнению, такие ленты «служат целям коммунизма». Немногого удалось добиться и от актеров-мужчин — Гарри Купера, Роберта Тейлора, Адольфа Менжу и др. Изобличая «коммунизм», они несли сущий вздор. Проблеск надежды. Звучным, муже-

[1] *Manchester W.* The Glory and the Dream, p. 494—496.
[2] Final Report... Book III, p. 431—435.

ственным голосом президент Лиги киноактеров Р. Рейган растолковал комитету: «Внутри Лиги есть небольшая группа, постоянно выступающая против политики правления Лиги и ее должностных лиц, что показывает ее голосование по различным вопросам. Упомянутая небольшая клика подозревается в том, что она в той или иной мере следует тактике, которую мы связываем с компартией».

Комитет подхватил нить и принялся за «голливудскую десятку»: восемь сценаристов и двух администраторов, возведя на них самые нелепые обвинения. Сценарист Дж. Лоусон бросил в лицо ищейкам: «Вы используете старую технику, к которой прибегали в гитлеровской Германии, чтобы теперь нагнетать страх в нашей стране и в этой фальшивой атмосфере вести расследование и очернить кино». Финал: за неуважение к комитету восьмеро из «голливудской десятки» получили по году, двое — по шесть месяцев тюрьмы. Все заплатили штраф по тысяче долларов. Продюсеры извлекли уроки из набега на Голливуд, поспешно составив черные списки. Сотни сценаристов и актеров изгнали с работы. Несколько из них, например Филипп Леб, покончили с собой. Последствия для американского кино слишком понятны.

Но все же, сокрушался Р. Рейган, он не извлек ожидавшихся дивидендов. В автобиографической книге он заметил: «Самое трагичное (в кино) — вам отказывают в возможности заниматься своим профессиональным делом, когда некто, распределяющий роли, высказывается против вас. Я это испытал» [1]. В середине 60-х годов, будучи губернатором Калифорнии, он высказался яснее: «Несомненно, антикоммунизм повредил моей карьере» [2]. В 1981 г. в книге о президенте Рейгане подведен итог: «Рейган считал, что антикоммунизм нанес ущерб его карьере и лишил его ролей в кино, как и Адольфа Менжу» [3]. Если верить Р. Рейгану и его биографам, тогда понятно, что инквизиторам еще предстояли труды...

Окрыленный расправой в Голливуде, Томас вознамерился ликвидировать компартию. Он создал подкомитет для подготовки закона «об обуздании или контроле над Компартией США», назначив его председателем Р. Никсона. В 1948 г. прошли слушания по поводу разработанного под руководством Никсона законодательства — о запрещении или регистра-

[1] *Reagan R., Hubber R.* Where's the Rest of Me. N. Y., 1981, p. 301.
[2] *Cannon L.* Ronnie and Yess: A Political Odyssey. Garden City, 1969, p. 39.
[3] *Evans R., Novak R.* The Reagan Revolution. N. Y., 1981, p. 25.

ции компартии. Спорили до хрипоты, состязались в благих намерениях в изничтожении ненавистного коммунизма. Дает показания почтенный юрист А. Хейс. Он с большой серьезностью внес на рассмотрение подкомитета собственный «билль, обеспечивающий средства для ликвидации коммунистической помехи», в котором помимо прочего предусматривалось:

«Учитывая, что наша страна была счастливой, не испытавшей никаких бед, пока орды коммунистов не возобладали у нас, взвинтив цены, вызвав забастовки, составили заговоры...

Учитывая, что опыт минувшей войны убедительно свидетельствует, что ФБР, полиция, военные, все суды и законы не в состоянии справиться со своим делом — перехватать предателей... Посему сенат и палата представителей, составляющие конгресс, постановляют:

1. Ассигновать 10 млрд. долл. на создание комиссии с целью изобрести машину для чтения мыслей, которая установит — «коммунист», если гражданин нелоялен.

2. До изобретения такой машины всем коммунистам носить сапоги, красные рубахи, меховые шапки (мужчинам и женщинам), отрастить бороды (мужчинам и женщинам)».

Огласив билль, Хейс обвел глазами зал. Мертвое молчание, ни улыбки. Присутствовавшие безропотно переваривают сказанное седовласым юристом. Помолчав, не услышав ни возгласа, не увидев жеста протеста, Хейс, полный сарказма, объявил — шутка. Он высмеял саму идею кодификации борьбы с коммунизмом. Члены комитета, однако, сурово отчитали его за несерьезное отношение к серьезнейшему делу. По одобрении комитетом билль, предусматривавший регистрацию организаций «коммунистического фронта», был принят палатой представителей 319 голосами против 58. Его провел Никсон, взявший на себя организационную сторону и пояснения [1].

Дальнейшие подвиги комитета по расследованию антиамериканской деятельности временно приостановились: председатель Томас в 1950 г. сел в тюрьму за мошенничество — присвоение средств, ассигнованных на борьбу с «коммунизмом». По иронии судьбы он отбывал наказание вместе с двумя осужденными из «голливудской десятки»...

---

[1] *Dorman M.* Witch Hunt. The Underside of American Democracy. N. Y., 1978, p. 65—67, 71, 95—96.

От расправ в Голливуде кругами по всей стране пошли преследования творческой интеллигенции. Куска хлеба нередко лишались по доносу соперников, обычно малоспособных людей, которые таким путем пробивались на сцену, в литературу, на радиостудии. Распространялись дикие инсинуации, и самое поразительное — не нашлось ни одного, ни единого владельца киностудии, радиостанции или издательства, который вступился бы за ошельмованного! Расхожее оправдание — нет дыма без огня! Описанное проходило все же поблизости от политической рампы, бесчинства на местном уровне просто не доходили до широкого сведения. Легислатуры 30 штатов приняли законы, требовавшие присяги в верности от учителей. Присягали почти единодушно. В университете Калифорнии 11 тыс. преподавателей дали ее, 157 усомнившихся в том, что так обеспечивают «академическую свободу», выбросили с работы. Добровольные цензоры из столь компетентных инстанций, как Американский легион, или организаций домохозяек изучали учебную литературу, выискивая крамолу.

Разнузданную травлю инакомыслящих удерживал в заданном направлении политический гироскоп — коммунистическая «угроза» отождествлялась с существованием Советского Союза. Результаты потрясающие. По данным института Гэллапа, уже в мае 1946 г. 58% опрошенных утвердительно ответили на вопрос, что «Россия стремится стать господствующей державой мира», и только 29% придерживались мнения, что «Россия просто стремится защититься от нападения в следующей войне». К октябрю 1947 г. это соотношение было соответственно 76 и 18%, к исходу 1948 г. институт Гэллапа констатировал: «Почти единодушное согласие с тем, что Россия — агрессивная держава, стремящаяся к экспансии» [1].

Какую бы ответственность за этот исход ни возлагать на американские средства массовой коммуникации, в первую очередь на печать и радио, перестройка сознания миллионов происходила на более солидной базе — страхе. Животном страхе оказаться заклейменным инакомыслящим, что по меньшей мере влекло потерю средств к существованию. Просто и понятно.

---

[1] *Levering R.* The Public and American Foreign Policy 1918—1978. N. Y., 1978, p. 97.

Дихотомия методов — СНБ, ЦРУ, «сдерживание» и пр.

В полуофициальной истории ЦРУ рассказ начинается с оценки Управления стратегических служб (УСС), созданного Рузвельтом в 1941 г. УСС в значительной степени тайными, по большей части политическими методами помогло США с минимальными издержками миновать тяготы второй мировой войны. О деяниях УСС — использовании других, врагов и союзников в высших интересах Вашингтона,— вероятно, полностью знал только ФДР, который унес их тайну в могилу. Итак, сказано в этой книге: «Историю УСС, неотделимую от тайной политической истории войны, отмечает равная озабоченность коммунизмом и достижением победы над Германией... Фокус внимания (Аллена Даллеса) начал переключаться с Германии на Россию уже со Сталинграда... Впоследствии длительные споры по поводу генезиса «холодной войны» ветеранам УСС представлялись глупостью. Для них перехода от настоящей войны к «холодной» просто не было, одна последовала за другой» [1]. Не для них одних. Р. Никсон в 1980 г. обнародовал открытие: «Третья мировая война началась еще до завершения второй» [2].

Только с приходом к власти администрации Р. Рейгана в США воздали, разумеется не вдаваясь в детали, должное спецслужбам в той войне. В громадном томе официальной публикации «Мандат на руководство» необходимость всемерного усиления ЦРУ обосновывается ссылками на опыт второй мировой войны, а именно: «В той смертельной схватке Запад развил потенциал для победы не только на видимых полях сражений, но и полях невидимой войны — в шпионаже, пропаганде и саботаже. Свершения союзников в обеих областях достигли таких ужасающих размеров, что первоначальные громадные преимущества держав «оси» были решительным образом устранены. Великие победы союзников во второй мировой войне в значительной степени оказались возможными, ибо союзники господствовали в тайной войне разведки и Сопротивления. Побеждая в этой тайной войне, США создали могучую и эффективную разведывательную организацию для выведывания тайн врага и эффективного

[1] *Powers T.* The Man who kept the Secrets. Richard Helms and the CIA. N. Y., 1979, p. 24—25.

[2] *Nixon R.* The Real War. N. Y., 1980, p. 17.

руководства сопротивлением тех, кто были завоеваны врагом. Вероятно, было бы глупо предполагать, что конец второй мировой войны каким-то образом приведет западные демократии к попустительству — предать забвению технику тайной войны и демонтировать новые орудия войны» [1].

Ныне ясно, что тогда, в начале второй половины 40-х годов, иные в Вашингтоне сначала не проникли в суть «новых орудий войны» в той же мере, как в механизм действия атомного оружия.

Трумэн сначала так и не понял предназначения УСС, доставшегося ему в наследство. Помимо того, УСС имело массу соперников среди высшей вашингтонской бюрократии. Не схватив на лету, что неприглядные цели требуют не менее неприглядных средств, по важности превосходящих официальные инструменты политики, Трумэн распустил УСС, точнее, разделил его между госдепартаментом и военным министерством. В госдепартаменте были до глубины души потрясены «подарком» президента, там, хоть и понаслышке, знали, что работавшие в УСС никак не дипломаты, а мастера подрывной работы. Теперь дипломатическому ведомству предлагалось отвечать за их темные дела. Неслыханно!

По причине соблюдения дипломатических приличий Трумэна убедили восстановить то, что он счел централизованной разведкой. 22 января 1946 г. президент учредил центральную разведывательную группу. Шутливая церемония, устроенная им в Белом доме, лучше пространных объяснений убеждает: Трумэн все еще не понимал, к чему клонили ревнители централизации. Президент роздал руководителям группы черные шляпы, черные плащи и деревянные кинжалы, а адмиралу Леги сверх того приклеил внушительные черные усы. Он полагал, что речь идет всего-навсего об усилении ведомства «рыцарей плаща и кинжала», т. е. сообщества банальных шпионов.

Глубокое заблуждение! В последующие полтора года при подготовке реорганизации высшего руководства страной «упрямому миссурийскому мулу», как порой ласково именовал себя Трумэн, разъяснили, в чем суть. Дихотомия в ведении внешней и военной политики не каприз ФДР, а властно диктовалась задачами, которые пыталось решить правительство первой империалистической державы. То, что относи-

[1] Mandate for Leadership. Policy Management in a Conservative Administration. Ed. by Ch. Heatherly. Washington, 1981, p. 903—904.

ли за счет пресловутой несобранности ФДР (в действительности ее не было!), упорядочили в положениях Закона о национальной безопасности, вступившего в силу в июле 1947 г. Класс, обреченный историей, больше не мог и не смел доверять ведение политики только конституционным органам с их традиционными методами, а создал структуру, неслыханную в буржуазно-демократических государствах. Закон этот уравнял в правах официальную государственную внешнюю политику с подрывной работой против других стран. Больше того, в рамках доктрины «национальной безопасности» не делалось различия между политическими и военными мерами.

Так был учрежден Совет национальной безопасности, определенный в докладе Ф. Эберштадта, где давалось обоснование «полной реорганизации нашей высшей системы правления», как «постоянно заведенный, быстро и эффективно работающий механизм» в интересах «ведения как мира, так и войны» [1]. СНБ под председательством президента состоит из ключевых министров и ряда назначенных им лиц. Решения принимает единолично президент, остальные члены совета только советуют. По закону 1947 г. над министрами трех видов вооруженных сил поставили министра обороны. В прямое подчинение СНБ вошли несколько управлений, ведавших военно-экономическими вопросами, а главное — вновь созданное Центральное разведывательное управление, строившееся по принципам, отработанным в свое время в УСС. Основная задача ЦРУ — ведение психологической войны, т. е., проще говоря, подрывной работы в интересах свержения неугодных Вашингтону правительств и режимов, в широком смысле попытка тайными методами внести лепту в переделку всего мира в соответствии с восторжествовавшей в США доктриной «национальной безопасности».

Разработка стратегии в отношении СССР проходила в глубокой тайне с учетом прежде всего выводов УСС, сделанных еще в военные годы. Генеральная цель была очевидной. Американский профессор Дж. Гэддис, просмотрев (разумеется, в рамках допустимого!) архивы УСС, замечает: «Основная тема анализа в УСС в годы войны — непрерывное исследование, как Запад сможет своей политикой определять поведение Советского Союза».

---

[1] *Yergin D.* Shattered Peace, p. 214.

Первый из рычагов — посулы экономической помощи в обмен на политические уступки. Отсюда разговоры на исходе президентства Рузвельта и в начале президентства Трумэна, что США-де предоставят СССР заем чуть ли не в 10 млрд. долл. Увы! Пересказывая выводы УСС, Гэддис подчеркивает: «Ни одна из попыток применить давление не подействовала. Русские отнюдь не зависели от американской помощи настолько, чтобы сделать существенные уступки. УСС давно указало — американская помощь ускорила бы восстановление народного хозяйства в СССР всего на несколько месяцев». Атомная бомба? «Русские,— замечает Гэддис,— эффективно отвергли и эту «увязку», проигнорировав ее существование». Не сулил успеха и последний из «рычагов», имевшихся в распоряжении Вашингтона,— организовать против СССР идеологическое наступление по всему миру, которого-де «испугается» Москва.

В общем, заключает Дж. Гэддис, «основная трудность состояла в том, что Советский Союз был неуязвим для оказания давления извне». Громадная, самообеспечивающаяся страна с экономикой, сумевшей справиться с тяжелейшей войной и уверенно наращивавшей темпы в мирном строительстве. По этим причинам различные прожекты «увязок» были сданы пылиться в архивы УСС[1].

Тупик, в который зашло планирование политики США в отношении СССР, как представилось в Вашингтоне, ликвидировал советник американского посольства в Москве Дж. Кеннан. В 1946 г. 42-летний Кеннан не выделялся в массе американских профессиональных дипломатов, разве прослыл интеллектуалом в крошечном мирке госдепартамента. Репутация не очень лестная по меркам чиновников: «умников» не слишком жаловали на дипломатической службе. К его идеям прислушивались не потому, что руководство США вдруг воспылало любовью к философским суждениям, а потому, что в Вашингтоне все терялись в бесплодных догадках, в чем причины могучего послевоенного роста сил демократии в мире, почему их оплотом стал Советский Союз. Кеннан пришелся ко времени, предложив объяснение, удовлетворившее правящую элиту США, а главное, размашистыми мазками нарисовал картину, как империализм может возобладать над социализмом.

[1] *Gaddis J.* Strategies of Containment. A Critical Appraisal of Postwar American National Security Policy. N. Y., 1982, p. 17, 12, 18.

Само «объяснение» не поражало новизной: подъем демократических сил — дело рук Советского Союза, который-де стремится овладеть всем миром. Очень приятное и понятное чтение для высших американских руководителей, эксперт по советским делам все расставил по местам. Примерно так Кеннан уже писал в своих донесениях в госдепартамент и раньше, но прославился «длинной телеграммой» 22 февраля 1946 г. Спустя примерно 20 лет, уже будучи мемуаристом, он напишет: «Полугодом раньше это послание в госдепартаменте встретили бы с поднятыми бровями и неодобрительно сжатыми губами, а спустя полгода его бы сочли излишним, своего рода обращением к уже убежденным». А тогда пришелся ко времени.

Еще он написал в мемуарах: «Теперь я перечитываю его с ужасом и изумлением. Большая часть его звучит как наставления перепуганных комитетов конгресса или «Дочерей американской революции», предназначенных пробудить граждан к осознанию опасности коммунистического заговора». И из-за этого сочинения, «полученного в Вашингтоне в день рождения Вашингтона, из-за этой диссертации по телеграфу мое одиночество на службе пришло к концу, по крайней мере на два-три года. Моя репутация установилась. Отныне я что-то значил» [1]. Нескольких извлечений из «длинной телеграммы» достаточно, чтобы понять, за что отметили сочинителя власть предержащие:

«Перед нами политическая сила, фанатически придерживающаяся убеждения, что с США не может быть никакого постоянного модус вивенди... Проблема, как справиться с ней, несомненно, величайшая задача, когда-либо выпадавшая на долю нашей дипломатии. Это исходный пункт, от которого должен ныне исходить наш политический генеральный штаб. К ней нужно подойти столь же основательно, как и к решению серьезнейшей стратегической задачи в войне...

...Наш первый шаг — понять, с каким движением мы имеем дело», т. е. принять на веру сказанное Кеннаном и другими в том же духе. Он требовал, чтобы правительство США взялось «практически» воспитывать народ в надлежащем духе, Вашингтон должен сплотить вокруг себя Запад. Последует ухудшение отношений с СССР? Ну и что — «у нас нет здесь (в СССР) капиталовложений, нуждающихся в за-

[1] *Kennan G.* Memoirs 1925—1950. Boston, 1967, p. 294—295.

щите, нечего практически терять в торговле, почти нет граждан, права которых нужно охранять, а культурные контакты, подлежащие сохранению, ничтожны. На карту ставятся только наши надежды, а не реальные интересы. Я убежден, что мы лучше осуществим наши надежды, если просветим наш народ и поставим отношения с Россией на почву реализма» [1].

Анализ Кеннана очаровал морского министра Дж. Форрестола, он счел, что наконец из Москвы поступили добрые вести, и рассказал об этом многим в американской столице. С соблюдением секретности, разумеется. Тут же решили разослать копии телеграммы Кеннана министрам, командованию вооруженных сил, американским посольствам за рубежом и т. д. Ознакомили с ней ведущих журналистов, одно из последствий «утечки» информации — появление в журнале «Тайм» 1 апреля 1946 г. статьи, в которой утверждалось: «Россия добивается могущества. Россия добивается престижа. Нынешнее состояние мира предоставляет России такую возможность, о которой цари только могли мечтать». Приложенная к статье карта, озаглавленная «Зараза коммунизма», показывала Иран, Турцию и Маньчжурию как «зараженные», а Саудовскую Аравию, Египет и Индию как «незащищенные».

Кеннановское бумагомарательство приятно поразило Трумэна. Он поручил своему специальному помощнику К. Клиффорду провести опрос высших должностных лиц республики, собрав их мнения о политике в отношении Советского Союза. Главнокомандующий ВМС США адмирал Ч. Нимиц объяснил, что наличие или появление советского флота в Балтийском, Черном, Средиземном морях, Северном Ледовитом океане, Атлантике или Тихом океане — «угроза безопасности США», поэтому ВМС США должны быть сильными, находиться в боеготовности, особенно в Атлантике и Средиземном море. Военный министр Р. Паттерсон доложил: Советский Союз «несет ответственность» за экономические трудности в мире, ослабление устоев колониальных империй, рост национализма. Россия «использует свои вооруженные силы в глобальном масштабе. В свете этой оценки следует вести подготовку в области безопасности, как политическую, так и военную». Недалеко от этой околесицы ушло руководство госдепартамента и других ведомств.

[1] FRUS, 1946, vol. 6, p. 707—709.

Потрудившись не покладая рук несколько месяцев, Клиффорд 24 сентября 1946 г. вручил Трумэну совершенно секретный доклад «Американо-советские отношения». В сопроводительной записке он обильно цитировал «длинную телеграмму» Кеннана и доложил, что опрошенные сплошь стоят за «суровую политику» в отношении СССР. «Главным» средством против СССР называлась военная мощь, «Соединенные Штаты должны, не упуская времени, готовить атомную и бактериологическую войну», создать высокомобильные вооруженные силы.

«Любые переговоры об ограничении вооружений следует вести медленно и осторожно, непременно памятуя, что предложения о запрещении атомной войны и наступательных видов вооружений дальнего действия серьезно затронут мощь США».

Предлагалось сплотить капиталистические государства, ибо «весьма эффективный барьер против коммунизма — экономическая поддержка. Торговые соглашения, займы и технические миссии укрепят наши связи с дружественными государствами и внушительно продемонстрируют, что капитализм по крайней мере равен коммунизму». Все ради всяческого укрепления внутренней структуры капиталистических государств, по рецепту, уже прописанному в «длинной телеграмме». Итак, «Советскому правительству нужно ясно показать: нашей мощи будет достаточно для отражения любого нападения и достаточно для разгрома наголову Советского Союза в войне».

Война в будущем, а пока необходимо «предпринять энергичные усилия, чтобы влиятельные лица в СССР лучше поняли Соединенные Штаты, противостоять антиамериканской пропаганде, которую Кремль ведет среди советского народа. В рамках, максимально терпимых Советским правительством, мы должны распространять в СССР книги, журналы, газеты, фильмы, давать радиопередачи на СССР, выступить за обмен туристами, студентами и преподавателями... Это, однако, не означает, что под видом программы обмена мы потерпим коммунистическое проникновение в США»[1]. Уже в этом докладе просматриваются контуры подрывной работы против нашей страны под видом обмена в гуманитарной области. Определенного ответа, какой образ действия —

[1] *Krock A.* Memoirs: Sixty Years on the Firing Line. N. Y., 1968, p. 468—482.

война или подрывная деятельность сулит больше шансов на успех, в докладе не давалось.

Трумэн с жадностью впился в резюме коллективной мудрости его администрации, потратив на чтение почти всю ночь. Наутро он осведомился у Клиффорда, сколько экземпляров доклада отпечатано. Десять! Трумэн распорядился доставить ему все до одного. «Их нужно держать под замком,— объяснил Трумэн, пересчитав экземпляры.— Доклад настолько горяч, что, если о нем узнают, это окажет в высшей степени прискорбное воздействие на наши попытки развить хоть какие-то отношения с Советским Союзом» [1]. Президент, по-видимому, быстро усваивал дихотомию методов в отношении СССР — сочетание публичных высокоморальных сентенций с тайной подготовкой атомной и бактериологической войны...

Тут в начале 1947 г. в Вашингтоне объявился Дж. Кеннан. Он чувствовал себя героем дня, поучая всех желающих слушать, а их оказалось немало, включая только что назначенного государственного секретаря Дж. Маршалла. Крупнейший американский кабинетный стратег военных лет, сняв мундир полного генерала, отныне возглавлял внешнеполитическое ведомство США. Он высоко ценил четкую штабную работу и уже приискал Кеннану кресло главы вновь созданного в недрах госдепартамента отдела планирования политики. Было от чего закружиться голове: «В рамках госдепартамента отдел планирования политики обладал функциями и нес ответственность, аналогичные комитету начальников штабов в военных делах» [2]. Кеннан выяснил, что его кандидатуру на этот пост предложил Форрестол. Он отблагодарил благодетеля, послав морскому министру в конце января 1947 г. «только для личного просвещения» обширное сочинение на тему, как именно нанести поражение СССР. Форрестол пришел в восторг как от содержания документа, так и от намерения автора опубликовать его под псевдонимом для просвещения всей читающей Америки.

В июльской книжке журнала «Форин афферс» и появилась статья «Источники поведения Советов», подписанная «м-р Х». В публичном откровении автор не коснулся святая

---

[1] *Freeland R.* Truman Doctrine and the Origins of McCarthyism. N. Y., 1972, p. 67.

[2] *Etzold T.* American Organization for National Security 1945—1950.— Containment: Documents on American Policy and Strategy 1945—1950. N. Y., 1978, p. 17.

святых — подготовки войны против СССР, а обратился к теме, приятной во всех отношениях для вашингтонских фарисеев: как погубить Советский Союз, вызвав к жизни некие разрушительные антигосударственные внутренние процессы. Статья обобщала многое, что Кеннан уже доводил до сведения госдепартамента в секретных докладах.

Вот ведь что проповедовал Кеннан в закрытых лекциях для высших чинов Пентагона. Отвечая на вопрос после лекции в Военном колледже ВВС 10 апреля 1947 г., он подчеркнул: «Рассмотрение превентивной войны в США против СССР вполне оправдано» [1]. Вообще, поучал он слушателей в Национальном военном колледже в те времена, «вы и представить не можете, как помогает упорядоченной дипломатии, когда у вас за спиной вооруженные силы... существование их, вероятно, самый важный фактор в ведении внешней политики США».

Официальная вашингтонская риторика — США-де за всеобщий мир. О том говорил и Кеннан публично. Но в лекции в Национальном военном колледже 18 июня 1947 г. он открыл американскому генералитету: «По всей вероятности, сама идея международного мира преждевременна, неосуществимая грандиозная утопия. Наша цель должна состоять в следующем: «Мир, если это возможно, и в такой мере, в какой он соответствует нашим интересам»... На мой взгляд, мир менее приемлем для безопасности США, чем изолированные применения силы... Такое ограниченное применение силы более желательно, чем альтернатива — глобальные войны с нашим участием, в которых не будет победителей» [2]. Итак, не доводить дело до крайности, что при соотношении сил, сложившемся после второй мировой войны, чревато фатальными последствиями для США.

Памятуя о том, что говорил Кеннан за закрытыми дверями, обратимся к напечатанному в то время его откровению в «Форин афферс»: «Война принесла ужасающие разрушения, смерть и физическое истощение. Население России ныне физически и духовно устало... Россия по сравнению с западным миром в целом значительно слабее... в советском обществе есть наверняка слабые места, которые в конечном итоге ослабят его общий потенциал. Все это само по себе оправдывает вступление Соединенных Штатов с ра-

[1] *Wright B.* Mr. «X» and Containment.— Slavic Review, July 1976, p. 19.

[2] *Gaddis J.* Strategies of Containment, p. 39, 28—30.

зумиой уверениостью иа дорогу твердого сдерживаиия, имеющего в виду противопоставить русским в каждом пуикте неумолимую контрсилу». Зачем? Кеннаи откровеиио объяснил: «Возможиости американской политики никоим образом не ограничиваются удержаиием лииии и отсюда иадеждами на будущее. Для США вполие достижимо своими действиями повлиять иа внутреииее развитие как России, так и всего междуиародиого коммуиистического движения».

В этих считаииых строках и формулировалась пресловутая доктрина «сдерживания», о которой слишком иаслышались в последующие десятилетия. Не утаил тогда Кеннаи конечных целей «сдерживаиия»: «Было бы преувеличением полагать, что США без помощи, едииоличио смогут решить вопрос жизии или смерти коммуиистического движения и привести к скорому падению советской власти в России. Но США в состояиии в громадиой степени увеличить иапряжеиие для советской политики... и тем самым способствовать теидеициям, которые в коиечиом счете иайдут выход либо во взрыве, либо в постепенном схождеиии иа иет советской мощи». Не переводя дыхания он обозиачил срок для достижения этого: «Потребуется период десять — пятнадцать лет»[1].

За все это Кениаи был возведен в ранг крупнейшего теоретика, а «сдерживаиие» было положеио граиитиой основой американской виешней политики. Когда же в сроки, самоуверенио обозиачеииые Кеинаном, погибели иашей страны не воспоследовало, автор распрекрасной доктриiы объявил, что американское руководство не так поняло его и поэтому ие сумело воспользоваться дивиым оружием, которое он вложил им в руки. Сегодия Кеииаи призиает разве одно: «Серьезный недостаток статьи «м-ра X», вероятио, самый серьезный из всех — я ие уточиил, говоря о сдерживании, что имелось в виду ие воеиное сдерживаиие военной угрозы, а политическое сдерживаиие политической угрозы... В то время и в последующие годы я в беседах и лекциях выражал мнение, что в мире есть только пять региоиов — США, Англия, долииа Рура с прилегающими промышлеиными областями, СССР и Япоиия, где может коваться достаточная современная мощь. Я указывал: только один из этих регионов под коммуиистическим контролем — и определял соответственно основную задачу сдерживаиия: не допустить, что-

[1] *Kennan G.* American Diplomacy 1900—1950. N. Y., 1960, p. 100—102, 104—105.

бы любой из оставшихся подпал под их контроль. Почему это не было разъяснено в статье «м-ра X», для меня загадка... Эти промахи столь возмутительны, что я принимаю на себя ответственность за величайшее и самое прискорбное недоразумение, к которому они привели» [1].

Звучит это в высшей степени странно. Речь идет о политике «баланса сил», испытанном оружии США на всем протяжении их истории. Кеннан в унисон с ней на исходе 1947 г. порекомендовал: «В целом наша политика должна быть направлена к восстановлению баланса сил в Европе и Азии» [2]. В этом отношении он убеждал убежденных: решительно все ведомства в США, имеющие отношение к внешним делам, помнят: достигать своих целей руками других — высший принцип американской буржуазии!

Как подчеркнуто в уже упоминавшейся полуофициальной истории ЦРУ, «говоря просто, ЦРУ, как и правительство, которое оно обслуживает, занято поддержанием международного порядка, основывающегося на балансе сил... ЦРУ — неотъемлемая часть того, что его критик Рандольф Бурн как-то назвал «военной системой», и тот факт, что мы не знаем, как выйти из нее, не должен закрывать нам глаза на более чем возможное — в будущем она приведет нас к тому, к чему всегда приводила в прошлом,— к войне» [3]. Вот от этого — признания, что политика «баланса сил» неизбежно приводит к войне,— и открещивается Кеннан, ссылаясь на то, что его-де не так поняли.

Поняли прекрасно! Не кто другой, как Кеннан, в закрытой лекции в Национальном военном колледже учил в декабре 1948 г.: «Мы должны использовать враждебные (США) или ненадежные силы в мире друг против друга, с тем чтобы они истощили себя в этих конфликтах... в противном случае они обратятся против нас, а заставив их обескровить друг друга в этой борьбе, мы обеспечим жизнь конструктивным силам», т. е. США [4].

Сожаления Кеннана, в сущности, сводятся к другому: в психологической войне США не достигли искомых целей и лишь потому, объяснил он комиссии Ф. Черча в 1975 г., что подрывная работа «не велась так, как я задумал ее» [5].

---

[1] *Kennan G.* Memoirs 1925—1950, p. 359.
[2] FRUS, 1947, vol. 1, p. 771.
[3] *Powers T.* The Man who kept the Secrets, p. X—XI.
[4] *Gaddis J.* Strategies of Containment, p. 29.
[5] Final Report... Book IV, p. 31.

На протяжении многих лет Кеннан все размышляет, почему подрывная работа против СССР и других социалистических стран не принесла обещанных в 1947 г. плодов. С годами он обнаружил внутреннюю слабость своей тогдашней аргументации. Ведь Соединенные Штаты, добиваясь сокрушения «коммунизма», неизменно противопоставляли ему свое понимание лучшего государственного и общественного устройства — капитализм, разумеется именовавшийся «демократией», заботящейся-де о «правах человека» и прочем. Не годится такое противопоставление, заключил Кеннан в конце 70-х годов, и вот почему: «Разве мы не должны признать на основе исторического опыта, что для большей части человечества демократия (читай: капитализм.— *Н. Я.*) вовсе не является естественной формой правления? Напротив, этот строй возникает из конкретных и своеобразных условий, в которых находится небольшая часть человечества, существующих в основном в Северо-Западной Европе, создавшая свои филиалы на двух континентах. А если это так, то не являются ли наши попытки навязать другим наши концепции прав человека не только неоправданными, но и просто донкихотством? А разве упорное стремление следовать по стопам Дон Кихота не влечет за собой неизбежное возмездие?» [1]

Спорам по поводу смысла «сдерживания» в обозримом будущем конца не предвидится. В ретроспективе, в конце 70-х годов, профессор Дж. Гэддис сделал вывод: «Администрация Трумэна не ушла дальше первой стадии сдерживания — восстановления баланса сил на периферии Советского Союза. Только в начале 70-х годов США предприняли сосредоточенные попытки использовать трещины в международном коммунистическом движении...

Как бы в насмешку бóльшая часть этих шагов пришлась на администрацию президента, который в начале своей политической карьеры энергично осуждал сдерживание. Дипломатию Ричарда М. Никсона и Генри А. Киссинджера можно с определенными основаниями рассматривать не как новшество, а возврат, намеренный или нет, к невыполненной концепции сдерживания, выдвинутой Джорджем Ф. Кеннаном четверть века тому назад» [2].

[1] *Kennan G.* Ethics and Foreign Policy: An Approach to the Problem.— Foreign Policy and Morality. N. Y., 1979, p. 44.

[2] *Gaddis J.* Strategy of Containment.— Containment: Documents on American Policy and Strategy 1945—1950, p. 37.

Но почему и эти не преуспели? Кеннан в 1981 г. попытался дать ответ: случилось это из-за того, что «политический истеблишмент чувствителен к эмоциям и банальностям общественного мнения, особенно в наше время запутанного взаимодействия между мнением публики и коммерческими средствами массовой информации; лобби и другие организованные меньшинства оказывают чрезмерное влияние на внешнюю политику; необычайно трудно для демократического общества составить сбалансированное представление о любой другой стране, которая считается военным и политическим врагом» [1]. Итак, промах американской стороны? Многое понял Кеннан, но остановился перед главным — признать, что пагубна и неосуществима сама концепция «сдерживания»...

Время принесло и такие суждения самого автора доктрины, а тогда, во второй половине 40-х годов, после кеннановских и иных разъяснений, руководителям США будущее представилось ясным и определенным. Они решили, что знают, чего и как добиваться.

---

[1] *Kennan G.* Cease this Madness.— The Atlantic, January 1981, p. 25.

В ТЕНИ «ДРОПШОТА»

Осенью 1945 г. американский герой войны генерал ВВС Дж. Дулиттл явился в комитет конгресса побеседовать о «национальной безопасности». Слушатели ловили каждое слово бравого воина: в начале тяжкого 1942 г. мужественный авиатор привел группу бомбардировщиков разбомбить Токио. Дулиттл, слов нет, знал свое ремесло, ему верили.

С невинной ухмылкой он объявил, что избавит высоких слушателей от технических деталей. «Ложные теории», кротко произнес он, порождает взгляд на карту мира в проекции Меркатора, а «теперь взгляните на полярную проекцию. Мы не знаем, кто наш будущий враг. Надеюсь, что у нас не будет нового врага, но мы должны считаться с возможностью — он объявится... Конечно, мы можем исключить определенные регионы и народы, которые никогда не будут потенциальными врагами Америки». Полярная проекция давала ответ, кто не подпадал под последнюю категорию: совсем поблизости от США — Советский Союз. Отныне американская граница «в воздухе»,— сменив тон, рявкнул генерал и воззвал: «нужно догнать» по воздушной мощи потенциального противника. К этому присовокупил: «Большая часть рассуждений об этой самой «обороне» — пустозвонство, лучший вид обороны — хорошее нападение». Рассказав об экскурсе генерала в географию, американский историк Д. Ерджин вздохнул: «Самое странное в предложенной кампании — догонять-то было некого. Разведывательные данные самих ВВС не оставляли и тени сомнения: Россия на многие годы отстала от США в воздухе», имея в виду стратегическую авиацию.

Кампания, однако, нарастала. Устрашающими вестями о советской авиации напрочь разбомбили Америку. Один только пример: в передовой журнал «Авиэшн уик» 2 апреля 1947 г. утверждал: в СССР «военная авиация более чем вдвое превосходит американскую... Конгресс, пробудись!» Сенатор не из последних У. Остин — ему предстояло представлять США в ООН — серьезно настаивал в 1946 г.: в Советском Союзе армия-де в 10 млн. человек и т. д.[1] На глазах, с большой поспешностью сочинялся миф о «советской военной угрозе». Цели этой общеизвестной провокации во всей послевоенной истории США очевидны: этим мифом неизменно освящается бешеная, безумная гонка вооружений. Тогда нагнетание страха перед Советским Союзом преследовало и совершенно неотложные политические задачи: рационализировать укрепление капитализма в Европе, потря-

[1] *Yergin D.* Shattered Peace, p. 210, 454, 269—270.

сенного войной. Под барабанный бой об «угрозе» с Востока объявить, что вмешательство США в дела Европы закономерно-де в ее собственных интересах.

Народы Западной Европы, пережившие ужас нацистской оккупации, ждали лучшего будущего. Капитализм вверг их в бесконечные несчастья, именно здесь, в центре Европы, возник очаг минувшей войны. Перед их глазами был близкий пример: в странах Восточной и Юго-Восточной Европы конец капиталистических порядков представлялся в высшей степени справедливым, понесли всю меру исторической ответственности те, кто обрушили неслыханные бедствия на миллионы и миллионы людей. На повестку дня вставали социальные изменения и на Западе европейского континента, одним из предвестников которых были коммунисты в правительствах в Париже, Риме и Брюсселе. Они завоевали это право беззаветной борьбой в годы гитлеровской оккупации.

Массовая база компартий в Западной Европе стремительно расширялась, в организации общества на социалистических началах отдававшие голоса за коммунистов видели единственную возможность ликвидировать экономический хаос. На благодеяния из-за океана смотрели с величайшим недоверием. Антиамериканизм, пустивший глубокие корни в Западной Европе в 20-е и 30-е годы, отнюдь не был забыт. Разговоры о том, что избавление от массовых бедствий придет из США, немедленно вызывали яркие ассоциации с американской политикой в Европе между мировыми войнами. Вспоминали особенно во Франции: тогда США восстановили врага — Германию, а с союзников беспощадно требовали выплаты военных долгов. В ушах снова звучали тогдашние слова: «Что за несправедливость — одолжив деньги на сукно для наших солдат, от нас требуют оплатить его с процентами за каждую шинель, в которой они умерли!»

Как заметил французский исследователь профессор А. Гроссе, «в какой мере такое представление об Америке соответствовало американским реалиям, неважно. Решающее значение имеет то, что в первую очередь во Франции, а также в Италии оно наложило неизгладимый отпечаток на людей, которым было суждено играть решающую роль в политической и интеллектуальной жизни после 1945 г... Американцам никогда не понять ту силу, которая даже после 1945 г. брала истоки в течениях 30-х годов». Больше того, если до войны США все же лежали далеко (описанные в

книгах типа «Американская угроза», 1930; «Америка завоевывает Британию», 1930; «Американская раковая опухоль», 1932, и т. д.), то теперь европейцы воочию увидели американца-победителя. «В приказе по войскам в начале 1946 г. генерал Макнери был вынужден назвать основные язвы, разъедавшие вверенную ему армию: широкая спекуляция на черном рынке, самовольные отлучки, автомобильные катастрофы, венерические заболевания, неряшливость. Дисциплина несколько улучшилась после 1946 г., но черный рынок получил еще большее распространение — как избежать соблазна обменять сигареты на «лейки» [1].

Европейская цивилизация вплотную столкнулась с американской. «Антиамериканизм распространился,— пишет У. Манчестер,— армейский капеллан отметил, что в глазах европейцев американские солдаты выглядели жалкими молодыми парнями, абсолютно не знавшими, за что они воевали, что означала победа... «Вот он стоит в мешковатой форме,— описывал преподобный Ренвик Кеннеди типичного американского солдата в оккупационных войсках,— жирный, перекормленный, одинокий, нагловатый, мало примечающий и понимающий еще меньше.— Завоеватель с плиткой шоколада в одном кармане и пачкой сигарет в другом... Шоколадка и сигареты — это почти единственное, что он, Завоеватель, может дать завоеванным». О настроениях европейцев узнали на Капитолийском холме, вызвав острую реакцию, впервые с 30-х годов законодатели забормотали о том, что Европа так и не рассчиталась по своим долгам» [2].

С точки зрения правительства Трумэна, окопавшиеся на холме положительно не видели дальше своего носа! Нужно срочно спасать капитализм в Западной Европе, а в конгрессе готовились сводить счеты в лучших традициях мелочных американских шейлоков! США уже приступили к оказанию «помощи» западноевропейским государствам ради стабилизации существовавших режимов, но только на двусторонней основе. Англия получила в 1946 г. заем в 3750 млн. долл., при утверждении его в конгрессе напоминали: англичане не погасили долгов еще первой мировой войны. Под такой же аккомпанемент шли средства во Францию, Италию. По статье «управление и помощь в зонах оккупации» Западная

---

[1] *Grosser A.* The Western Alliance. European-American Relations since 1945. N. Y., 1980, p. 9, 47.

[2] *Manchester W.* The Glory and the Dream, p. 435.

Германия получила 2 млрд. долл., «практически прямая дотация, о чем правительственные круги ФРГ и пресса редко упоминают» [1].

Миф о «советской военной угрозе» давал возможность упорядочить субсидирование капитализма в Европе в рамках единой целевой программы. Оставалось найти регион, где СССР якобы непосредственно «угрожал» Западу, изобразив вмешательство Вашингтона в дела лежащих там стран как продолжение дела, за которое сражались Соединенные Штаты в годы второй мировой войны. Психологически попытка бесстыдной спекуляции на антифашистских настроениях послевоенной Европы. К этому времени пропагандистская машина Запада набирала темпы, отштамповывая в самой грубой форме лживую «тоталитарную модель» социализма.

В конце февраля 1947 г. Лондон информировал Вашингтон, что Англия не в состоянии больше удерживать свои позиции в восточной части Средиземного моря. Бремя вмешательства в гражданскую войну в Греции с 1944 г. оказалось не по силам Великобритании. Американская миссия, посланная в Грецию разведать обстановку, мрачно сообщала: режим коррумпирован, царит экономический хаос, партизаны пользуются поддержкой народа, их победа не за горами. Казалось бы, внутреннее дело, но миссия, твердя азы доктрины «национальной безопасности», заключила: «Если Греция падет перед коммунизмом, тогда весь Ближний Восток и часть Северной Африки наверняка перейдут под советское влияние» [2]. Внутреннюю борьбу в Греции американская пропаганда драматизировала, представив конфликт в глобальных терминах — капитализм против коммунизма.

Прослышав о том, что предстоит смена караула — США возьмут место Англии в Восточном Средиземноморье,— Пентагон размахнулся. От имени военного ведомства генерал Д. Эйзенхауэр предложил вломиться с американской военной «помощью» во все страны, которые, по мнению американских стратегов, нуждались в ней. Слишком! На этом этапе намерения Вашингтона были бы совсем прозрачны, поэтому пока ограничились регионом, о котором шла речь. Трудность состояла в том, чтобы убедить лидеров конгресса в реальности «угрозы», задача не из самых легких.

[1] *Grosser A.* The Western Alliance, p. 35.
[2] FRUS, 1947, vol. 5, p. 17—22, 25.

Итак, вспоминал Д. Ачесон, тогда заместитель государственного секретаря: «Когда мы собрались в Белом доме с нашими хозяевами из конгресса, я знал — предстоит Армагеддон... Мой выдающийся начальник (Маршалл) неожиданно и весьма прискорбно скомкал вступительную речь. В отчаянии я шепотом попросил у него разрешения выступить. То был мой кризис. Я вынашивал его вот уже неделю. Эти из конгресса не могли взять в толк, какой вызов брошен нам, и мне предстояло разъяснить дело. Никогда я не говорил с большим пылом, ибо понимал, что успех предприятия зависит от меня одного. Времени рисовать объективную картину не было. За последние полтора года советское давление в районе черноморских проливов, в Иране и Северной Греции привело к тому на Балканах, что весьма возможный прорыв СССР может открыть три континента для советского проникновения. Как единственное гнилое яблоко в корзине заражает все остальные, так и гниение в Греции заразит Иран и все лежащее к Востоку. Из Греции инфекция через Малую Азию и Египет перенесется в Африку, а в Европу через Италию и Францию, которым уже угрожают сильнейшие коммунистические партии в Западной Европе» [1] и т. д.

Размягчение мозгов вирусом антикоммунизма сделало свое дело, лидеров конгресса ханжеское красноречие Ачесона убедило. 12 марта 1947 г. на суждение конгресса поступила «доктрина Трумэна» об оказании немедленной «помощи» Греции и Турции на 400 млн. долл., посылки туда американских военных и иных миссий. Трумэн сполна воздал риторике «нового курса», объявив, что «бедность и нужда» вызывают к жизни «тоталитаризм». Однако отнюдь не в традициях Рузвельта он назвал военные средства главным методом борьбы с ними. Он дал справку: «США выделили 341 млрд. долл. для победы во второй мировой войне. Таковы наши инвестиции в международную свободу и международный мир. Помощь, которую я прошу для Греции и Турции, составляет немногим больше одной десятой от 1% этих инвестиций. Уже здравый смысл диктует нам охранять указанные инвестиции, чтобы деньги не пропали зря». Трумэн бросил лозунг: «Почти каждая страна должна выбрать между альтернативными образами жизни» [2].

[1] *Acheson D.* Present at the Creation. My Years in the State Department. N. Y., 1969, p. 219.

[2] Public Papers of the Presidents: Harry S. Truman, 1947. Washington, 1963, p. 180, 178.

Несмотря на замысловатые пропагандистские уловки в «доктрине Трумэна», в США без большого труда усмотрели: президент зовет к антикоммунистическому крестовому походу. Пришла эпоха, невиданная в истории человечества,— война без войны, названная «холодной войной». Генезис термина — словесная эскалация враждебной политики в отношении Советского Союза. «Термин отчеканил публицист, трижды лауреат премии Пулитцера Герберт Своуп, который иногда писал речи для престарелого государственного деятеля Бернарда Баруха. В 1946 г., примерно в то время, когда Черчилль говорил о «железном занавесе», Своуп использовал термин «холодная война» в проекте речи Баруха об американо-советских отношениях (в противовес недавней «горячей» войне). Барух счел, что термин слишком сильный, и использовал его год спустя в речи в Колумбии, штат Южная Каролина: «Не будем вводить себя в заблуждение, мы в разгаре «холодной войны» [1]. Сказал 13 апреля 1947 г., ровно через месяц после провозглашения «доктрины Трумэна».

Словоблок подхватил и популяризировал ветеран американской журналистики У. Липпман в серии статей в «Вашингтон пост», затем собрал и издал их в том же 1947 г. в книжке «Холодная война: анализ внешней политики США». Правоверный служитель истеблишмента Липпман не высказался против генерального направления трумэновского начинания, упаси бог, но крепко высказался по поводу предложенных методов. В размашистых формулировках «доктрины Трумэна» он различил изящный почерк автора «сдерживания», которого вежливо именовал «м-р Х» (Кеннан не торопился раскрывать псевдоним). «Моя критика политики сдерживания или так называемой доктрины Трумэна состоит в том, что мы вступаем в борьбу, не имея более осязаемой цели, чем надежда,— через десять или пятнадцать лет советская мощь в результате постоянных провалов «взорвется» или «сойдет на нет». То ведь будет помимо прочего соревнование, отмечал Липпман, и, «как мы дерзаем ожидать: в этом соревновании СССР сломает ногу, в то время как у США отрастут крылья и они устремятся вперед».

Что до непосредственного выполнения «сдерживания», то Липпман терялся в догадках: «Непонятно, как м-р Х мог

---

[1] The New Language of Politics. Ed. by W. Safire. N. Y., 1972, p. 117.

порекомендовать такую чудовищную стратегию... США не могут выставить «неумолимую контрсилу» из американских войск. Следовательно, требуемая им контрсила должна состоять из китайцев, афганцев, персов, турок, курдов, арабов, греков, итальянцев, австрийцев, антисоветских поляков, чехов, болгар, югославов, албанцев, венгров, финнов и немцев. Эту политику можно выполнить, только рекрутируя, оплачивая и поддерживая разнородную массу сателлитов, клиентов, иждивенцев и марионеток. Инструмент сдерживания — коалиция дезорганизованных, разъединенных, слабых стран и фракций по периметру границ Советского Союза»[1]. Для сокрушения Советского Союза нужны более изощренные методы, чем толстолобая и прямолинейная «доктрина Трумэна».

Нападки Липпмана страшно обидели Кеннана. Он засел за письмо к вредному публицисту, в котором хотел «взять на себя вину за то, что ввел его в заблуждение» трактатом «м-ра X» о «сдерживании». Он хотел оправдаться, хотел объясниться. Липпман исходил из официально провозглашенного администрацией Трумэна: США-де выступают против «угрозы» со стороны СССР, против его «экспансии». В письме, набросанном Липпману, Кеннан открылся: «Русские никуда не хотят вторгаться... Они против любой войны... Они предпочитают политические средства... Обратите внимание: когда я говорю о политических средствах, это не означает — без насилия. Но это означает внутреннее, а не международное насилие... Политика сдерживания имеет в виду поощрить другие страны оказать сопротивление этому виду насилия»[2]. Он так и не отправил письмо, а оставил в своем архиве. Почему?

Из него, говоря простым языком, явствовало: в Вашингтоне знали, что советской «угрозы» нет. В глазах Трумэна, Кеннана и иных лживая кампания против нее прикрывала наглое вмешательство в дела всего мира. Не только ради консервации изжитых временем капиталистических порядков, но и восстановления целостности капиталистической системы путем «холодной войны». В противном случае Запад, в первую очередь США, проиграет в соревновании с социализмом. Развитие объективных процессов смены низшей формации высшей и стремился остановить силой Ва-

[1] *Lippman W.* The Cold War: A Study in U. S. Foreign Policy. N. Y., 1947, p. 35, 13, 33.
[2] *Kennan G.* Memoirs 1925—1950, p. 360—363.

шингтон. «Куда в большей степени, чем любой другой фактор, антикоммунизм «доктрины Трумэна» стал руководящим принципом американской внешней политики со второй мировой войны» [1],— подвел итог сенатор Дж. Фулбрайт в 1972 г.

Главнокомандующий в «холодной войне» выбран

Экономические показатели в середине 1947 г. в Западной Европе: индекс промышленного производства 86 (1938 г. = = 100). Успехи в восстановлении не радовали. А СССР в сентябре 1947 г. достиг довоенного уровня. В целом так же обстояли дела в странах народной демократии. Весьма впечатляющее сравнение возможностей социализма и капитализма, тем более что на Востоке война принесла несопоставимо большие разрушения и массовое разорение. Западноевропейский капитализм проигрывал в сравнении с социализмом.

По извращенной логике американского руководства и экономические тяготы в Западной Европе — дело рук Советского Союза! В речи 18 апреля 1947 г. Д. Ачесон заявил: «Мы должны использовать нашу экономическую мощь, чтобы эффективно остановить экспансию и политическое проникновение Советского Союза, создав основу для политической стабильности и экономического благосостояния». Эксперт по антикоммунистическим акциям бывший президент США Г. Гувер, объехав к этому времени Западную Европу, заключил: если хаос будет продолжаться, социальные сдвиги неминуемы. В Ватикане он доверительно открылся папе: «Католицизм в Европе под серьезной угрозой со стороны коммунистического вторжения, двери которому широко распахнет голод» [2].

При ближайшем рассмотрении проблемы в Вашингтоне ясно обнаружилось: Соединенные Штаты никак не могут предложить себя для восстановления Европы, исключив с самого начала нашу страну, внесшую решающий вклад в разгром держав фашистской «оси». В этом случае замыслы правительства Трумэна были бы видны как на ладони — расколоть Европу, сплотив ее западную часть вокруг США

[1] Containment and the Cold War. Ed. by T. Paterson. Menlo Park, 1973, p. 212.

[2] *Yergin D.* Shattered Peace, p. 308, 305.

в интересах борьбы против Советского Союза и международного коммунистического движения. Пришлось прибегнуть к крайнему лицемерию. Выступая 5 июня 1947 г. с речью в Гарвардском университете, государственный секретарь Дж. Маршалл предложил всем европейским странам совместно обсудить свои нужды и вместе обратиться к США за помощью. Он заверил: «Роль США будет заключаться в дружественной помощи в составлении такой программы, а затем в поддержке ее в той мере, в какой мы сочтем это практичным». Возвышенно, благородно, благожелательно провозглашалась «Программа восстановления Европы», или «план Маршалла». Только:

Во-первых, в докладе объединенного комитета по вопросам стратегии комитету начальников штабов 29 апреля 1947 г. указывалось: «Первейшее правило при оказании помощи Соединенными Штатами — из числа ее получателей должны быть подчеркнуто исключены Советский Союз и все страны, находящиеся под его контролем»[1]. Это отражало взвешенное суждение высших инстанций Вашингтона.

Во-вторых, свидетельствует Ачесон, «заявление о целях программы было составлено так, чтобы переубедить критиков как в США, так и за рубежом, сожалевших об акценте в ней («доктрине Трумэна») на стратегической и идеологической конфронтации с Советским Союзом»[2]. Среди своих Трумэн отозвался как о своей доктрине, так и о «плане Маршалла»: «две половинки одного ореха»[3].

В-третьих, составитель речи Маршалла Ч. Болен подчеркнул: «План также имел значительное политическое содержание. В первоначальном варианте я написал, что наша политика не направлена против любой страны, идеологии или политической партии, и особенно не против коммунизма. Она направлена против голода, бедности и хаоса. Маршалл вычеркнул упоминание о коммунизме и добавил к списку целей «отчаяние». Тем самым коммунисты, выступавшие против плана, автоматически оказывались в положении сторонников голода, бедности, отчаяния и хаоса. С пропагандистской точки зрения звучало весомо в странах с крупными коммунистическими партиями»[4]. В представлении Болена, конечно, но изворотливость-то какая!

[1] FRUS, 1947, vol. 1, p. 739.
[2] *Acheson D.* Present at the Creation, p. 233.
[3] *Jones J.* The Fifteen Weeks, p. 233.
[4] *Bohlen Ch.* Witness to History 1929—1969, p. 265.

В-четвертых, как видно из анализа все еще в основном не опубликованных американских документов, «первоначальное предложение Кеннана о помощи как Восточной Европе, так и СССР преследовало тактическую цель создания напряжения между Москвой и ее союзниками, а не было серьезной попыткой помочь восстановлению этих стран... Задача состояла в том, чтобы либо возложить ответственность за раскол Европы на русских в случае их ожидаемого отказа, либо при их согласии, что было мало вероятно, использовать помощь как средство заставить страны Восточной Европы отказаться от почти полной ориентации своей экономики на СССР. В результате открылась бы возможность оказания помощи одним коммунистическим режимам в интересах сдерживания других» [1].

Рекомендация в духе чистейшей психологической войны.

Советский Союз признал, что помощь разоренной Европе нужна, пусть данная страна передает свои заявки США. Однако процедура, заведомо предусмотренная Вашингтоном,— установление под видом контроля над распределением помощи надзора над ее экономикой, наводнение страны-получателя бесчисленными американскими миссиями неприемлемо. Советский Союз и страны, вставшие на путь строительства социализма, отказались принять участие в «плане Маршалла», чем продемонстрировали свою солидарность.

Всю вторую половину 1947 и начало 1948 г. продолжается торг между 16 европейскими странами, изъявившими желание принять участие в «плане Маршалла», и Соединенными Штатами; в конечном счете сошлись: 17 млрд. долл. на четыре года. Затея американского правительства подвергалась острой критике со многих точек зрения: маршаллизированные страны окажутся беззащитными перед вторжением американского капитала, США будут сбывать хлам, инфляция подрежет физический объем поставок и т. д. Немало из сказанного тогда оправдалось, «план Маршалла» оказался острием клина в империалистической экспансии США в Западную Европу. В самих США пронзительно звучали голоса тех, кто звал не давать долларов и без того сидевшим по уши в долгах европейцам.

Нагнетание Вашингтоном напряженности в мире в это время получило новый импульс — помочь протолкнуть «план Маршалла». На Западе была раздута вылазка реакции в

---

[1] *Gaddis J.* Strategies of Containment, p. 38, 66—67.

Чехословакии в феврале 1948 г., окончившаяся бесславным провалом. Трумэн был генератором алармистских настроений, как сказал его биограф: «Трумэну нужно было напугать страну до чертиков, чтобы конгресс, уже думавший о выборах 1948 г., ассигновал астрономические суммы. «План Маршалла» принимался в обстановке почти военной паники, доведенной до истерии случившимся в Чехословакии, зловещими призывами президента ввести всеобщую воинскую повинность. Устроители этой кампании заразились безумием, которое сами распространяли. 5 марта генерал Клей в телеграмме из Франкфурта-на-Майне паниковал: война разразится с драматической внезапностью, но предостережение это, признался он сам, нельзя подкрепить «никакими данными, оно основывается на личном ощущении». Этого оказалось достаточным, чтобы разведывательные службы рванулись действовать. 16 марта ЦРУ, поразмыслив над зловещими предзнаменованиями, вероятно пустив в дело технику, отработанную в свою очередь дельфийским оракулом, изрекло: в течение ближайших шестидесяти дней войны не будет» [1].

«План Маршалла» начал осуществляться с апреля 1948 г. США предоставили 16 европейским странам за четыре года около 13 млрд. долл. в виде различных поставок и кредитов; аналогичную сумму в национальных валютах участники «плана Маршалла» истратили на цели, указанные им американской администрацией, в основном имевшие военное значение. Удалось расшить ряд «узких мест» в европейской экономике, провести модернизацию производственных процессов, прежде всего в Западной Германии. Программа в Западной Европе в социальной области преследовала цели и осуществлялась методами, сходными с «новым курсом» в США в 30-е годы и дала сходные результаты: капитализм, хотя медленно и неустойчиво, стабилизировался. Ко временам «плана Маршалла» восходят процессы начала европейской «интеграции», нашедшие завершение к исходу 50-х годов в основании «Общего рынка».

В тени перестройки европейской экономики, проходившей на виду, США через свои спецслужбы боролись с демократическими силами, в первую голову коммунистами, пытались ограничить их влияние. В этом помимо создания базы для военного производства усматривали в Вашингтоне выс-

[1] *Cohran B.* Harry Truman and the Crisis Presidency, p. 197.

ший смысл «Программы восстановления Европы». О чем открыто стали говорить много позднее. Выступая в 1975 г. в одном из подкомитетов палаты представителей, А. Гарриман поделился воспоминаниями об «одном из лучших периодов нашей внешней политики — днях Трумэна».

В то прекрасное время, сказал Гарриман, «вместе с ЦРУ я занимался конструктивной работой. Я отвечал за осуществление «плана Маршалла» в Европе. ЦРУ дополняло выполнявшуюся работу великолепно. Например, мы помогали некоммунистическим профсоюзам... Иногда мы помогали им через каналы АФТ — КПП. Мы также помогали некоммунистическим газетам. Нас не интересовало, что они писали. Мы обеспечивали их дефицитной тогда бумагой... Вот так и выполнялись конструктивные программы». Прервем воспоминания. Гарриман и ЦРУ не интересовались, о чем писала подкупленная пресса? Конечно нет! Ставки были слишком велики, надвигались выборы 1948 г. Кеннан в своем официальном качестве руководителя отдела планирования политики настаивал: «В Европе ключевой пункт, вне сомнений, Италия. Победа коммунистов на выборах подорвет наши позиции не только в Средиземноморье, но, вероятно, во всей Европе» [1]. Если это случится, тогда Кеннан рекомендовал открытую американскую военную интервенцию, итальянская армия уже начала получать от США вооружение и разнообразную «помощь».

Если уж говорить о делах, рисуемых Гарриманом в пастельных тонах, то на основании разысканий в истории ЦРУ Т. Пауэрс зафиксировал: «Трумэн и итальянское правительство не смирились бы с поражением на выборах. Достаточно прозрачно указывалось: за этим последует антикоммунистический государственный переворот. Угрозы такого рода — крупнокалиберное оружие в психологической войне... ЦРУ пустило в ход и традиционную пропаганду — плакаты, брошюры, инспирировало статьи в печати и т. д., но не остановилось на этом. ЦРУ обратилось ко всем средствам дезинформации — распространялись фальшивые документы и письма, якобы исходящие от коммунистической партии. В анонимных материалах расписывались зверства русской оккупационной армии в Германии... вся кампания основывалась на страхе» [2].

---

[1] *Cline R.* Secrets, Spies and Scholars. Acropolis, 1976, p. 102.
[2] *Powers T.* The Man who kept the Secrets, p. 30.

Гарриман суммировал: «Непосредственно после войны в Европе было очень сильное коммунистическое давление, которое... остановил «план Маршалла». Конгрессмены забросали его вопросами (Л. Вольф: «Не стоит ли нам принять новый «план Маршалла»?» Дж. Бингхэм: «Вы не исключаете тайных действий позитивного характера ЦРУ?» и т. д.). В ответ Гарриман снова восхвалил «план Маршалла» и ЦРУ, «тайных действий которого я вовсе не исключаю... иногда трудно провести линию между тем, что делается открыто и что делается тайно» [1]. В Италии во времена «плана Маршалла», подтвердил У. Колби в 1978 г., «была выполнена величайшая во всей истории ЦРУ программа, продемонстрировавшая, что тайная помощь может помочь нашим друзьям и расстроить планы врага без применения насилия» [2].

Тем временем в Соединенных Штатах грянула избирательная кампания 1948 г. Памятная, например, для Дж. Форда — в том году он впервые прошел в палату представителей. В памяти будущего президента США она запечатлелась так: «Выяснилось, что главный вопрос избирательной кампании — внешняя политика. Между Джокманом (конгрессмен, соперник Форда.— *Н. Я.*) и мною лежала пропасть. Он стоял против «плана Маршалла» и любой иностранной помощи. Я же был убежден и повторял: это не только необходимо, но и морально оправдано. Даже в сельских районах моего избирательного округа избиратели видели разницу между нашими позициями» [3]. Поразительно! Если верить Форду, «план Маршалла» повернул сердца в медвежьих уголках штата Мичиган, от которого он проходил в палату представителей.

Типичный случай смещения исторической перспективы. Д. Ачесон оказался много ближе к истине. «Если генерал Маршалл верил (я убежден, дело обстояло наоборот), что американский народ растрогает предложенное им великое предприятие по причине выдвинутой платонической цели — сразиться с «голодом, бедностью, отчаянием и хаосом», то он ошибался. Однако он был абсолютно прав, настаивая, что в том состояла цель правительства» [4]. Особенность кампании 1948 г.— вознаграждались верные правительственному курсу. Не имело никакого значения, что Форд — республиканец.

[1] Reassessment of U. S. Foreign Policy. Hearings before the Subcommittee on Future Foreign Policy. Research and Development, p. 7—17.

[2] *Colby W.* Honorable Men. My Life in the CIA. N. Y., 1978, p. 109.

[3] *Ford G.* A Time to Heal. N. Y., 1980, p. 64.

[4] *Acheson D.* Present at the Creation, p. 233.

Он понял конъюнктуру и унес награду — мандат конгрессмена.

Президент обратился к самому популярному американскому военачальнику — начальнику штаба армии генералу Д. Эйзенхауэру. Партийная принадлежность? Эйзенхауэр сам не знал, где лежат его симпатии. Нужен был генерал. Трумэн пригласил Эйзенхауэра в кандидаты от демократической партии, прося зарезервировать за собой пост вице-президента. Его переговоры с генералом, ответившим отказом, происходили в глубокой тайне и так бы пребывали, если бы в обеих партиях не нашлись жаждавшие согнуться под генеральской дланью. Они страстно и шумно взывали к обожаемому Айку, готовые на собственных плечах внести его в Белый дом.

Эйзенхауэра вынудили публично заявить: «Я не согласен на выдвижение на высший государственный пост. Это окончательное решение. Необходимое и мудрое подчинение военных гражданским властям будет наилучшим образом сохранено, если профессиональные военные воздержатся от претензий на высокие государственные посты. Страшная трагедия для нашей страны, если придет день, когда при назначении военных на командные должности будет учитываться их будущий политический потенциал». Звучало очень возвышенно, только спустя всего четыре года Эйзенхауэр сломал обозначенный самим принцип. Почему не в 1948 г.? По причине скорее всего той, что в стране еще не был наведен должный, с точки зрения военного, порядок, до искомого «консенсуса» оставалось немалое расстояние. Генералу рановато садиться в кресло президента.

Итак, на выборах схватились уже примерившиеся друг к другу в кампании 1944 г. Г. Трумэн и побитый тогда Рузвельтом республиканец Т. Дьюи. Республиканские стратеги были уверены в победе — противник в расстройстве, взбунтовались оба фланга демократической партии. Выставил претензии на Белый дом Г. Уоллес со своей организацией «Прогрессивные граждане Америки». Она объединяла прогрессивную интеллигенцию, озабоченную угрозой атомной войны, некоторых профсоюзных деятелей Конгресса производственных профсоюзов (КПП), коммунистов. Уоллес звал предотвратить сползание к войне, ухудшение отношений с СССР. По предварительным оценкам, Уоллес мог бы собрать 5—10 млн. голосов, однако он запоздал с выступлением — в 1948 г. уже сгустились свинцовые антикоммунистические тучи. «Прогрес-

сивные граждане Америки» подверглись массированной травле. Правые в демократической партии объединились в ряде южных штатов под водительством губернатора Южной Каролины С. Термонда, выдвинув его кандидатом в президенты. «Диксикраты» (газетное сокращение названия их организации — «Демократы — сторонники прав штатов») осуждали выступление Трумэна за гражданские права черных и вообще, признался губернатор Арканзаса Б. Лени, «мы не желаем вести кампанию с политически дохлым миссурийским мулом».

Перед лицом Т. Дьюи, под ударами справа и слева Трумэн взял курс в кампании как «кандидат всего народа». 26 июля он созвал чрезвычайную сессию конгресса, которой предложил внушительную программу социального законодательства — контроль над инфляцией, увеличение минимальной почасовой заработной платы, расширение социального обеспечения и государственного жилищного строительства. Сессия отвергла практически все предложения Трумэна. Указав, что жизнь в США стала лучше, ожидаемой после войны массовой безработицы не воспоследовало, Трумэн горько жаловался избирателям — республиканцы мешают прогрессу. Жаловался на бесчисленных митингах: он проехал в поезде почти 50 тыс. *км,* показавшись 6 млн. человек, рекорд для тех времен!

С небольшими вариациями он рассказывал: «Республиканцы трудятся для блага считанных кровопийц, засевших на Уолл-стрите. Идет крестовый поход народа против привилегированных, крестовый поход, чтобы страну не отдали на съедение псам. Поддержите меня, и мы возобладаем в нашем крестовом походе». Лозунг кампании Трумэна: «Против меня все, кроме народа». Рабочим он разъяснял: закон Тафта — Хартли — «только предвестник того, что вы получите, если позволите республиканской реакции вырасти», фермерам — «республиканский конгресс уже воткнул фермерам вилы в спину», Дьюи — «фашист» и сравнил его с Гитлером. Пробивную силу эпитета измерить трудно, но емкие формулировки типа «республиканцы распинают американского потребителя гвоздями алчности» определенно действовали.

Где Дьюи было тягаться с шустрым противником! Он-то неторопливо призывал к своему крестовому походу — за единство, чистоту в США в буквальном смысле, лучшую очистку питьевой воды и укрепление веры в бога.

В интересах победы на выборах Трумэн сослался на вести с фронтов «холодной войны». Летом 1948 г. оккупационные

власти западных держав сепаратной денежной реформой спровоцировали «берлинский кризис». Введение новой валюты в западных секторах Берлина грозило вызвать хаос в советской зоне. Советская военная администрация в конце июня 1948 г. ввела временные ограничения на перевозки в Берлин с Запада, одновременно Совет Министров СССР принял решение о выделении продуктов для снабжения населения города. Американская пропаганда взяла высокий тон, объявив о «блокаде» Советским Союзом Берлина. США устроили «воздушный мост» в западный сектор города. В рыке американской пропаганды умалчивалось лишь о «пустяке» — «берлинский кризис» возник по вине западных держав, которые не допустили поставок продовольствия из советской зоны.

Трумэна рекламировали спасителем «голодающих» берлинцев, больше того, как президента, озабоченного созданием фронта против советской «угрозы». Почти одновременно с открытием «воздушного моста» американские бомбардировщики вернулись на базы на Британских островах — самолеты Б-29, известные как носители атомных бомб.

Оголтелая внешняя политика поддерживала накал тревоги в избирательной кампании, а ее горячечный ритм, в свою очередь, облегчал выполнение, мягко говоря, спорных акций в сфере внешних дел, по крайней мере на условиях, которые в иной обстановке отнюдь не вызвали бы единодушного согласия в США. Влиятельные сионистские круги определяли позицию значительной части избирателей. «По прямому приказу президента Трумэна США признали Израиль через 11 минут после создания там правительства 14 мая 1948 г.»[1]. Г. Меир не связывала признание с избирательной борьбой: «Как большинство чудес, это было вызвано к жизни двумя простыми обстоятельствами: Гарри Трумэн понимал и уважал наше стремление к независимости, потому что он был человеком такого склада, который в другой ситуации вполне мог бы быть одним из нас, а также глубоким впечатлением, которое на него произвел Хаим Вейцман. Трумэн принимал Вейцмана в Вашингтоне, и он сумел объяснить наше дело, как никто раньше в Белом доме»[2].

Если вынести за скобки проблемы внешней политики, по которым на выборах между двумя партиями не было разногласий, то республиканцы так и не взяли в толк: Трумэн

---

[1] *Phillips C.* The Truman Presidency, p. 198.
[2] *Meir G.* My Life. L., 1978, p. 188.

спекулировал на наследии Рузвельта, держателем которого заявил себя. Другое дело — методы, коими он оберегал свое положение. Республиканцев шокировал дурной тон затеянной им кампании, и посему они не давали ему потачки ни в чем. Лидеры республиканцев даже не вняли советам осторожных в собственной среде: подорвать позиции Трумэна, согласившись на чрезвычайной сессии конгресса хоть с некоторыми из его предложений. «Этот тип не получит от нас ничего» [1],— отрезал влиятельнейший сенатор Р. Тафт. В результате не получили искомого республиканцы.

Трумэн победил, получив 49,5% голосов против 45,1%, отданных Дьюи. Уоллес и Термонд — по миллиону с небольшим избирателей. Если условно считать их сторонников, принадлежавшим к электорату демократической партии, то в целом это составит 54,9% избирателей. Дьюи не удержал даже своих позиций 1944 г. против Рузвельта: тогда он имел 45,8% от всех голосов. В обеих палатах конгресса демократы получили большинство, выиграв 9 мест в сенате и 75 мест в палате представителей.

У. Липпман подытожил: «Победа мистера Трумэна, демократическое большинство в обеих палатах конгресса, их победы во многих штатах — свидетельство громадной жизнеспособности демократической партии, построенной и руководимой Рузвельтом с 1932 по 1944 г... Сформированная им партия пережила его смерть, это, несомненно, доминирующая сила в американской политике». Выборы 1948 г. привели в сенат тех, кто вскоре заявил себя на всеамериканской арене,— Линдона Джонсона и Губерта Хэмфри.

Первое сражение «холодной войны» проиграно

Крупный американский дипломат Ч. Болен, обращаясь к происхождению «холодной войны», предложил своим соотечественникам помнить: «Совершенно естественно нащупать момент, открывающий эру. Для «холодной войны» такого точного момента нет... С американской точки зрения ко времени «доктрины Трумэна» и «плана Маршалла» наш спор с Советским Союзом принял форму «холодной войны». В чем

[1] *Ross I.* The Loneliest Campaign. N. Y., 1968, p. 137.

причина «холодной войны»? Мой ответ прост: «холодная война» началась с захвата власти большевистским крылом русской социал-демократической партии в 1917 г... «Холодная война» была обращена против Америки как часть глубокой и неизменной враждебности большевиков к капиталистическим странам. США были избраны ее объектом, так как они остались основным центром мощи в некоммунистическом мире после войны... Я удивлен и серьезно встревожен тем, что ныне с готовностью соглашаются с тезисом ряда историков — «холодную войну» в действительности начали США. Нет иной исторической неправды, которая могла бы привести к более катастрофическим последствиям» [1].

Так рассуждал в 70-х годах Болен с позиции класса, которому верой и правдой прослужил свою жизнь. Великий Октябрь 1917 г. в России открыл подлинную историю человечества, зримо продемонстрировав, что не заказан иной путь развития, помимо капиталистического рабства. Ленинская доктрина мирного сосуществования обеспечивала мирное соревнование двух систем, в ходе которого каждая из них может продемонстрировать свои преимущества и жизнеспособность. Мир капитала, однако, не принял вызова социализма на этих условиях, а обрушил на Советское государство интервенцию, войны, бесконечные заговоры. Датировать «холодную войну» 1917 г., как делает Болен, или эрой, которую открыла вторая мировая война, с этой точки зрения безразлично. Идеям социализма капитализм неизменно противопоставлял голую силу. После 1945 г. агрессивные круги США преисполнились решимости разрешить исторический спор двух систем на путях войны, испепелив Советский Союз атомной агрессией.

Военно-стратегическое планирование в Вашингтоне в этот период исходило из того, что предпосылки для успеха затеваемого предприятия налицо: США держат монополию в атомных вооружениях. По мере роста атомных арсеналов Соединенных Штатов расширялись масштабы планируемой агрессии. Американские штабисты самоуверенно предполагали, что удары стратегических ВВС США окажутся настолько сокрушительными, что для разгрома СССР не потребуется массовых обычных вооруженных сил. Собственно, то была основополагающая предпосылка ранних планов атомной агрессии против Советского Союза, относившихся к 1945—

[1] *Bohlen Ch.* Witness to History 1929—1969, p. 273.

1949 гг.,— от плана «Тоталити», составленного под руководством командующего американскими войсками в Европе Д. Эйзенхауэра в 1945 г., до плана комитета начальников штабов «Чариотир» 1948 г. и его последующих вариантов — «Когуил», «Ганпаудер», «Даблстар», «АБС-101», «Дуализм», «Флитвуд» (перечислены, разумеется, не все).

Стратегическая концепция, как она постепенно выкристаллизовалась в штабах, была удручающе проста: нанести Советскому Союзу массированный атомный удар, поставив нашу страну на колени. Различные варианты действий стратегических ВВС США сводились к тому, что на СССР будет сброшено в первый месяц войны 133 атомные бомбы (из них 8 на Москву и 7 на Ленинград). Это повлечет за собой гибель 6,7 млн. советских людей, уничтожит 30—40% советского промышленного потенциала. Если в ходе этих бомбардировок Советский Союз не сдастся, то планировалось сбросить еще 200 атомных бомб и 250 тыс. *т* обычных бомб на протяжении последующих двух лет [1].

Как ни увлекательно выглядели эти перспективы в расчетах и подсчетах пустоголовых авиаторов, ближайшее ознакомление с проблемой вскрывало все новые и новые трудности. В высших американских штабах, объединявших представителей всех видов вооруженных сил, заключили, что в ответ на агрессию выступит Красная Армия и в считанные недели, оставив за собой Западную Европу, выйдет на побережье Атлантического океана. Равным образом советские войска выдвинутся на Ближнем и Дальнем Востоке. «Непотопляемый авианосец» — Британские острова? Планировщики с глубоким прискорбием заключили: максимум за два месяца советские ВВС сметут американские базы на них, а при тогдашнем радиусе действия бомбардировщиков США Б-29 и Б-50 Москва находилась бы под ударом только из Англии. Американские генералы согласились, что в ходе атомного наступления против СССР стратегические ВВС США понесут такие потери, что практически будут выведены из строя. На штабных играх они исчислялись до 55% от числа бомбардировщиков, принимающих участие в налетах. Командующие знали вверенный им личный состав и не сомневались — никакими мерами не удастся принудить уцелевшие экипажи продолжить боевые вылеты.

---

[1] «Dropshot». The United States Plan for War with the Soviet Union in 1957. Ed. by A. Brown. N. Y., 1978, p. 6—7.

Пока в глубокой тайне штабы потрясали ожесточенные споры (к 1 февраля 1949 г. озаботились раздать по частям навигационные карты в масштабе 1 : 1 000 000 для атомных бомбардировок 70 советских городов), высшие американские руководители нагнетали военную тревогу, чтобы дать толчок лавине — крутому росту военной мощи не только Соединенных Штатов, но и всего Запада. Хотя негласные дискуссии среди военных далеко не завершились, политики в Вашингтоне, по всей вероятности, уже заключили: один на один тягаться с СССР — чистейшее безумие. Претензии генералов американских ВВС наверняка списывались как хвастовство. Помимо этого заверения бравых вояк, что они только атомными бомбардировками-де сокрушат врага — СССР, опрокидывали самую основу испытанной американской политики — в любом случае воевать чужими руками.

С середины 1947 г. трудилась комиссия Т. Финлеттера, назначенная Трумэном для исчисления размеров воздушной мощи США. Министр обороны Дж. Форрестол просвещал ее членов: «Теперь нельзя говорить об американской безопасности, не говоря о Европе, Ближнем Востоке, безопасности морских путей... Нельзя стать Спартой нашего полушария, в то время как в остальной части мира царит хаос. Мы кое-как выживем, но, на мой взгляд, не сохраним наш образ жизни».

— Афинам было бы полезно быть сильнее,— подал голос Финлеттер.

— Если бы в Афинах поменьше философствовали и побольше вооружались, то было бы прекрасное сочетание,— ответил Форрестол.

А. Гарриман присовокупил:

— Советские лидеры опасаются только американской воздушной мощи.

Трудам комиссии придали величайшую гласность, и в начале 1948 г. решили утроить американские ВВС. 54% военного бюджета 1949 г. шло на авиацию. Форрестол предрек: «Американская воздушная мощь в мире скоро будет доминировать, как в свое время господствовал британский военный флот» [1].

Дж. Форрестол до дна использовал ресурсы американского кредо, оживив давнее представление избранных в США о своей стране как Риме XX столетия, который, подобно античному, неким зовом судьбы вызван руководить миром. Неваж-

[1] *Yergin D.* Shattered Peace, p. 340—343, 360.

но, что не очень просвещенные в истории Форрестол, Финлеттер и К⁰ рассуждали об Афинах и Спарте. Генералы, надо думать, пропустили риторику мимо ушей, для них куда важнее были фантастические ассигнования на авиацию, следовательно, на новые бомбардировщики, что значительно упрощало споры, хватит или не хватит сил сокрушить атомными ударами Советский Союз. Форрестол, красноречивый адвокат военных, был в курсе этих дискуссий. Он-то и внешне мало отличался от генералов, оттачивавших злодейские планы. «В его совершенной внешности что-то от зверя. Он похож на гангстера на экране — стремительный, таящий в себе ярость под личиной сдержанности» [1].

Но нервы подвели Форрестола, по основной профессии юриста с Уолл-стрита. Людоедские дискуссии, не вызывавшие никаких эмоций у профессионалов, не прошли для него даром. Генералы рассуждали о враге, уже подступающем к США, во что истово поверил министр обороны.

Видели: с остановившимися глазами он бежал по улице, завывая: «Русские идут! Русские идут! Они здесь! Я видел русских солдат!» [2] В марте 1949 г. пришлось сдать пост министра Льюису Джонсону и отправиться в военный госпиталь Бетеcда в Вашингтоне. Там как-то на рассвете в мае Форрестол прилежно переписывал строки Софокла об Аяксе. Все войны! Положив ручку, он привязал конец пояса халата к радиатору отопления, а другой конец затянул вокруг шеи. Открыл окно и выбросился. Пояс задержал падение с шестнадцатого этажа только на мгновение.

Недолгое замешательство среди вашингтонских поджигателей войны. Сомкнув ряды, они продолжали начатое Форрестолом. В то время, когда в правительстве впервые заметили душевное расстройство Форрестола — во второй половине 1948 г.,— во исполнение его приказа совет планирования политики представил обширный доклад, утвержденный как директива Совета национальной безопасности 20/1. Ни исполнители — Дж. Кеннан со своим штатом, ни высшая инстанция — Трумэн и СНБ в полном составе не сомневались в целесообразности подготовки документа, инициатором которого был душевнобольной с манией самоубийства. Что не должно удивлять: сочинение Кеннана с коллегами, зарегистрированное как директива СНБ 20/1, носило интригую-

---

[1] *Daniels J.* Frontier on the Potomac. N. Y., 1946, p. 223.
[2] *Rogow A.* Victim of Duty. L., 1966, p. 228.

щее название: «Цели США в отношении России». Общее состояние отношений с Советским Союзом оценивалось в директиве как «политическая война», в ходе которой Вашингтон стремился нанести ему поражение.

Стратегия, намеченная в директиве СНБ 20/1, имела в виду достижение описанной цели как путем войны, так и в условиях мира. Как именно разгромить Советский Союз вооруженной рукой, конкретно не определялось (то оставалось прерогативой командования вооруженных сил), а намечались меры искоренения социализма в СССР после победы США. Составители директивы СНБ 20/1 с великим увлечением пустились в составление надлежащих прожектов. В СССР после его разгрома привезут антисоветских эмигрантов, которые и составят «власть». Но против оккупантов, предупреждали авторы директивы, поднимется сопротивление под руководством коммунистов.

Итак, «проблема, как справиться с ним (сопротивлением.— *Н. Я.*), относительно проста: нам окажется достаточным раздать оружие и оказать военную поддержку любой некоммунистической власти, контролирующей данный район, и разрешить расправиться с коммунистическими бандами до конца традиционными методами русской гражданской войны. Куда более трудную проблему создадут рядовые члены Коммунистической партии или работники (советского аппарата), которых обнаружат и арестуют или которые отдадутся на милость наших войск или любой русской власти. И в этом случае мы не должны брать на себя ответственности за расправу с этими людьми... Это дело любой русской власти, которая придет на смену коммунистическому режиму. Мы можем быть уверены, что такая власть сможет много лучше судить об опасности бывших коммунистов для безопасности нового режима и расправиться с ними так, чтобы они в будущем не наносили вреда... Мы должны неизменно помнить: репрессии руками иностранцев неизбежно создают местных мучеников».

Вдумаемся в эти положения директивы СНБ 20/1, утвержденной Трумэном 18 августа 1948 г. как основа государственной политики США в отношении Советского Союза. Она, как видно из документа, состояла в том, чтобы проводить геноцид по политическим мотивам. Подлежали поголовному физическому истреблению все коммунисты и все работники советских учреждений, т. е. неизбежную смерть готовили миллионам и миллионам. Дело не меняло то обстоя-

тельство, что массовое убийство коммунистов и советских работников рассудительно вверялось в руки пресловутых «русских властей». Они-то должны были действовать по американской указке.

Хотя директива СНБ 20/1 в то время была сверхсекретной, умонастроения ее составителей выплеснулись наружу без существенного промедления. Дж. Кеннан во втором томе мемуаров написал: «Целый номер журнала «Колльерз» (1951 г.) был посвящен вымышленному рассказу о нашей будущей войне с Россией. Припоминаю, что в то время я с ужасом взглянул на обложку журнала (на ней был изображен американский солдат со зверской физиономией, который, выставив винтовку со штыком-ножом, позировал на фоне карты оккупированного Советского Союза.— *Н. Я.*), с еще большим ужасом я услышал от других, что журнал предлагал отпраздновать нашу победу над СССР, поставив мюзикл «Гайз энд Доллз» в Большом театре в Москве. Я представил себе редактора журнала, считавшего верхом американского триумфа показать темным русским, для чего пригодна эта великая оперная и балетная сцена. Мне удалось раскопать в запасниках библиотеки этот номер журнала, который, признаюсь, раньше я не мог заставить себя прочесть. С замешательством я обнаружил, что идея поставить «Гайз энд Доллз» на сцене Большого исходила не от редактора «Коллльерз», а от видного английского драматурга и новеллиста Дж. Б. Пристли. А весь номер оказался попыткой удовлетворить мое требование заранее реалистически представить, что означает война с Россией. Этот номер ныне скончавшегося журнала был фантастическим шутовством, хотя статьи в него написали ряд достойных людей. Я по-прежнему отношусь к этому номеру журнала с омерзением» [1]. Одно дело, естественно, писать сверхсекретные директивы, и другое — видеть доведенными их до всеобщего сведения на страницах многотиражного журнала. И еще: этот том мемуаров был написан в 1972 г., а директива СНБ 20/1 впервые опубликована в 1978 г...

Директива СНБ 20/1 помимо взгляда в будущее была руководством к тому, что надлежало выполнять немедленно — усугубить психологическую войну против Советского Союза. Действовать отнюдь не в лоб, а самыми изощренными методами, заметая следы: «Мы не связаны определенным

---

[1] *Kennan G.* Memoirs. 1950—1963. Boston, 1972, p. 100—101.

сроком для достижения наших целей в мирное время... Мы стремимся к созданию таких обстоятельств и обстановки, с которыми нынешние советские лидеры не смогут смириться и которые им не придутся по вкусу. Возможно, что, оказавшись в такой обстановке, они не смогут сохранить свою власть в России... Речь идет прежде всего о том, чтобы сделать и держать Советский Союз слабым в политическом, военном и психологическом отношениях по сравнению с внешними силами, находящимися вне пределов его контроля» [1].

Категорический и, как видим, деликатный по форме императив для американской политики против Советского Союза, вверенный Вашингтоном в первую очередь ЦРУ. По понятным причинам эти ее части нельзя было открыто вверить государственному департаменту. ЦРУ неизбежно превращалось в политический орган, ибо на него возлагались функции, далеко превосходившие официально определенные при создании этого ведомства,— разведка. Совершенно напрасно Г. Трумэн много лет спустя, в декабре 1963 г., сокрушался: «Уже некоторое время меня тревожит, что ЦРУ отклонилось от своей первоначально определенной цели. Оно стало оперативным, а иногда и определяющим политику органом правительства... Создавая ЦРУ, я не мог и помыслить, что оно займется тайными операциями в мирное время. Некоторые наши осложнения и затруднения, по моему мнению, нужно отнести на тот счет, что эта секретная разведка президента настолько уклонилась от предначертанной ей цели, что ныне стала символом зловещих, тайных интриг в других странах» [2].

Колоритное признание, ставшее возможным лишь потому, что ЦРУ по большому счету (что прояснилось в начале 60-х годов) не преуспевало в выполнении описанной цели. Суждение Трумэна примечательно не только с этой точки зрения, это не больше чем пример «правдоподобного отрицания» подрывной работы, вверенной ЦРУ им самим. Публично гордиться таким занятием было трудно, поэтому уже секретная директива СНБ 10/2 от 18 июля 1948 г. определила для сведения руководства ЦРУ, какими методами должна достигаться поставленная перед ним цель, а именно:

---

[1] Containment: Documents on American Policy and Strategy 1945—1950, p. 176, 180—181.

[2] *Prouty F.* Secret Team. The CIA and its Allies in control of the United States and the World. Englewood Cliffs, 1973, p. 419.

«Под термином «тайные операции», употребляющимся в этой директиве, следует иметь в виду все виды деятельности (за исключением оговоренных ниже), которые проводятся или одобряются правительством США против враждебных иностранных государств или групп или в поддержку дружественных иностранных государств или групп. Однако эта деятельность планируется и проводится так, что внешне никак не проявляется ее источник — правительство США, а в случае ее разоблачения правительство США может правдоподобно отрицать до конца всю ответственность за нее.

Эти тайные операции включают: пропаганду; экономическую войну; превентивные прямые действия, включая саботаж, противодействие саботажу, разрушения и эвакуацию; подрывную деятельность против иностранных государств, включая помощь подпольному движению Сопротивления, партизанам и эмигрантским группам освобождения, поддержку антикоммунистических групп в странах свободного (капиталистического.— *Н. Я.*) мира...»

В рамках ЦРУ была создана сверхсекретная организация под невинным названием — Управление координации политики, во главе которого встал бывший заместитель государственного секретаря по делам оккупированных территорий Ф. Визнер, в прошлом ветеран УСС. Порядок подчинения и ответственности управления (прозванного даже в стенах ЦРУ «ведомством грязных дел») подчеркивал введение психологической войны в арсенал государственной политики США. Начальник его назначался государственным секретарем, подчинялся ему и министру обороны, но фонды получал из неподотчетных средств ЦРУ. Директиву СНБ 10/2 держали в сугубой тайне, для ознакомления с ней (экземпляр документа Ф. Визнер хранил в своем сейфе) требовался специальный допуск![1] Можно с уверенностью предположить, что только считанные «счастливчики» из тысяч и тысяч работников «ведомства грязных дел» удостоились лицезрения тогда этого произведения высшей государственной мудрости, в котором ставился знак равенства между террором, диверсиями и прочим и официальной внешней политикой Вашингтона.

Операции психологической войны вверялись самым верным и надежным, каковых, разумеется, отыскивали лишь в верхах американского общества. Руководящий состав ЦРУ

[1] *Powers T.* The Man who kept the Secrets, p. 31—32.

комплектовался из отпрысков богатейших семей США, они шли служить в ЦРУ, как в свое время в УСС, по высшим «идеологическим» соображениям: в кратчайший срок сокрушить классового врага — Советский Союз. Как подчеркивал А. Даллес, стоявший у истоков ЦРУ, «идеологический доброволец, если он искренен, почти выше подозрений в отношении лояльности, в то время как надлежит всегда быть настороже в отношении лояльности людей, работающих в основном за деньги или из любви к приключениям и интриге» [1]. Эти самые надежные, по определению А. Даллеса, служили в ЦРУ за «идею», ибо — сами богачи и сверхбогачи — могли презреть деньги.

Служение стране в рядах ЦРУ для них однозначно защите самого дорогого — собственных многозначных банковских счетов. Когда к середине 70-х годов в США стали разбираться, в чем собственно функции ЦРУ, проницательный публицист Г. Уиллс напомнил: «Элитарный дух УСС с еще большей силой проявился в раннем ЦРУ... Возобновившие службу в нем могли бы наслаждаться богатством и положением в обществе, но они предпочли невидимую, опасную и плохо оплачиваемую службу стране. Ничтожное признание они получали разве от своего начальства. Ныне мы слышим жалобы ветеранов этого полка, сокрушающихся, что герои не воспеты, а награды от правительства, розданные в глубокой тайне, нельзя носить... Они были тайной армией короля. Их руководители имели прямой доступ к высшей власти, к самому тайному бюджету и чудовищным научным разработкам, т. е. располагали такими знаниями, которые поставили бы США в самое затруднительное положение, если бы кто-либо из сотрудников оказался ненадежным...

ЦРУ стало ФБР джентльменов, им руководили куда более высокие люди, чем Эдгар Гувер. Оно наводило порядок среди непросвещенных полицейских, невидимый полк белых рыцарей на самых темных аллеях истории... Поэтому мы можем понять верность, проявленную Томом Брейденом, который устроил обед в честь Ричарда Хелмса, когда конгресс, видите ли, «принудил» его к лжесвидетельству. На том обеде тосты провозглашали Роберт Макнамара и Аверелл Гарриман, а осушал бокал Генри Киссинджер... Да, связи с ЦРУ берут верх при любых моральных коллизиях» [2].

[1] *Dalles A.* The Craft of Intelligence. N. Y., 1963, p. 183.
[2] *Wills G.* The CIA from beginning to end.— The New York Review of Books, January 22, 1976, p. 26.

«Клубом господ», или «высокорожденных», нередко именуют ЦРУ в избранном американском обществе. Баснословно богатый Ф. Визнер был не исключением, а правилом среди ответственных работников ведомства. Господа, однако, в основном руководили, а выполнение технических задач (убийство, по этике клуба, не больше чем вопрос техники) возлагалось на опытнейших профессионалов. Наверное, им льстило быть рядом с подлинными хозяевами Америки, во всяком случае так чувствовал себя У. Харви, когда его взяли из ФБР в ЦРУ. Харви наверняка польстило, что его привели в Белый дом и представили президенту Дж. Кеннеди, может быть, не без задней мысли — показать главе государства: США имеют на тайной службе своих Джеймсов Бондов. «Президент,— сказано в биографическом очерке о Харви,— не оставил никаких записей о том, как он прореагировал при виде американского Бонда, но, наверно, его вера в агента 007 (имеющего полномочия убивать.— *Н. Я.*) была восстановлена». Что до самого Харви, то «в ЦРУ он попал в высшее общество по сравнению с ФБР, из мира полицейских и юристов из небольших городков он попал в общество людей с голубой кровью — выпускников лучших университетов и юристов с Уолл-стрита. Многие из них были наследниками крупных семейных состояний. Он, шпион-люмпен, выглядел наивным по сравнению с высокорожденными коллегами, наслаждавшимися выполнением функций в духе имперского видения мира Редьярда Киплинга» [1]. В ЦРУ крупный капитал взял дело защиты своих классовых интересов в собственные руки и бьется за него до конца.

Подготовка вооруженных сил, возведение ЦРУ в ранг политического ведомства и многое другое в том же роде было мобилизацией американских ресурсов, а на авансцене с оглушительной шумихой проводилось объединение Запада вокруг США на антисоветской основе. Почти год, с лета 1948 г. по май 1949 г., ревели моторы американских самолетов, обслуживавших берлинский «воздушный мост». Их грохот, многократно усиливавшийся западной пропагандой, оглушал: каждые полторы минуты приземлялся самолет. В апреле 1949 г. поставили рекорд — в сутки 1398 самолето-вылетов в Западный Берлин. Все, чтобы накормить «бедных берлинцев». Американский посол в Москве Б. Смит сар-

---

[1] *Martin D.* The American James Bond: A True Story.— Playboy, April 1980, p. 138, 198.

кастически написал в то время в госдепартамент: «С политической точки зрения Берлин ныне стал важным символом только потому, что мы сами это сделали... Наши теперешние истерические припадки гуманных чувств к немцам напоминают мне: каких-нибудь три с половиной года пазад меня сочли бы героем, если бы я преуспел в уничтожении этих самых немцев бомбардировками» [1]. Ему было что вспомнить, генералу Б. Смиту, начальнику разведывательной службы в штабе Эйзенхауэра во время войны.

Кадровый военный разведчик, брошенный «холодной войной» в Москву дипломатом, отлично понимал подоплеку провокационной затеи с «воздушным мостом». Отвергая советские предложения урегулировать конфликт, созданный Западом, администрация Трумэна под оглушительный шум кампании, направленной против СССР, решала неотложные, с ее точки зрения, задачи. Очень многие. Знающий американский историк Р. Дивин заключил: «Ретроспективно очевидно, что «берлинский кризис» был величайшим достоянием Трумэна во время избирательной кампании 1948 г... Трумэн не только не пострадал от нападок республиканцев, а вновь обрел доверие своей рассчитанной политикой во время блокады Берлина» [2]. Пропагандистское радение Запада дало возможность сколотить агрессивную группировку — Североатлантический пакт и, одновременно отбросив предложения СССР, приступить к ремилитаризации Западной Германии.

То, что устроил Вашингтон в связи с «воздушным мостом», войдет в историю как выдающийся пример злостной кампании дезинформации. Под ее воздействием антикоммунистические стереотипы быстро отвердевали в умах многих на Западе. 4 апреля 1949 г. в Вашингтоне был подписан Североатлантический пакт. С заключением его отпала необходимость тратиться на дорогостоящие полеты в Западный Берлин, и обстановка с путями сообщения в город с запада была без промедления нормализована. Уже в мае 1949 г.!

На построенное и строившееся по «плану Маршалла» накладывалась военная структура агрессивного блока. НАТО облек в плоть и кровь доктрину «баланса сил», Соединенные Штаты договорно нанимали ландскнехтов для грядущей войны против Советского Союза. Во время обсуждения договора в сенате и его комитетах высшая мудрость создания НАТО

[1] *Yergin D.* Shattered Peace, p. 387, 395, 383.
[2] *Divine R.* The Cold War and Elections of 1948.— Journal of American History, June 1972, p. 109.

превозносилась и потому, что на США не налагалось обязательств автоматически вступать в войну, если подвергнется «нападению» какой-нибудь из его участников. То было, конечно, произвольное истолкование текста, но кто из повязанных договором мог возразить хозяину — Соединенным Штатам? Трумэн был убежден и довел это до сведения СНБ и комитета начальников штабов: должен быть установлен «ограничительный потолок» на военный бюджет порядка 15 млрд. долл. Вместо увеличения собственных военных расходов, что осложнит экономическую конъюнктуру в стране, давать больше американским союзникам, побуждая их к взвинчиванию и собственных военных затрат. Иными словами, вооружать и заставить вооружаться тех, кто встанет на первую линию огня.

Дальше больше. Д. Ачесон, возглавивший госдепартамент в январе 1949 г. и расхваливавший свое детище НАТО (по настоянию Трумэна он, а не президент подчеркнуто демонстративно подписал договор), во время сенатского обсуждения перед ратификацией в ответ на вопрос, пошлют ли США в страны-союзницы «значительное количество войск», заявил: «Ответ на этот вопрос, сенатор, ясное и категорическое — нет!» Спустя 20 лет в мемуарах он прокомментировал: «Даже с точки зрения краткосрочной перспективы ответ был прискорбно ошибочен. Он был почти глуп. Но я не собирался вводить в заблуждение. Диалог произошел почти за год до того, как стали раздумывать о создании единого командования НАТО, а наши войска считались только оккупационными в Германии, но не частью оборонительных сил в Европе»[1]. В Вашингтоне представлялось, что все устроилось наилучшим образом: вклад в войну против СССР со стороны США — атомное оружие (и по этой причине Трумэн не видел необходимости раздувать американские военные расходы), а многомиллионные армии поставят союзники. Предусмотрели, казалось, до точки, дело было только за временем — вооружить антисоветскую коалицию — и в бой!

Но, напишет исследователь американской внешней политики профессор Дж. Гэддис через 25 лет, «в начале осени 1949 г. американская разведка установила, что русские взорвали свою первую атомную бомбу. Трумэн спокойно принял это известие, он не ожидал, что монополия на атомное оружие продлится бесконечно. Однако взрыв в СССР произо-

[1] *Acheson D.* Present at the Creation, p. 285.

шел на три года раньше, чем предсказывали правительственные эксперты. Сообщение о нем разбило в прах основополагающие посылки 1945—1947 гг.— даже если разразится война с Россией, физическая безопасность США не будет поставлена на карту»[1]. Эпохальный успех советской науки и техники выбил самую основу из-под американской доктрины «баланса сил» — вести войну чужими руками, взвалив ее тяготы на союзников.

Триумфальное испытание атомного оружия в СССР положило начало цепной политической реакции в США. Не в сторону разума, а в бездну безумия.

«Дропшот», ядерное оружие и директива СНБ-68

Примерно с рубежа 40—50-х годов можно с разумными основаниями утверждать — в США дает себя знать чрезвычайная процедура принятия чрезвычайных решений. Рядом, помимо и за конституционными органами возникает зловещая структура ведения государственных дел. Историк, естественно, располагает только отдельными фактами, но существование этой структуры (как бы ее ни называли — «невидимое правительство» или в широком плане истеблишмент) сомнения не вызывает.

Американский публицист У. Боварт (отнюдь не адепт «дьявольской теории истории») дал термин «криптократия», вероятно уместный для определения положения дел, сложившегося в США с описываемого времени вплоть до наших дней: «Холодная война» является «тайной» во многих отношениях. Психологическая война, которая первоначально велась только против «враждебных» стран, развернулась и в самих США... Хотя ЦРУ было долго символом для совершавших преступления во имя национальной безопасности, тайная бюрократия, или криптократия, отнюдь не состоит только из ЦРУ. Это также широкая сеть союзов между отдельными лицами, работающими в государственных органах, которых никто не причисляет к разведывательному сообществу... Криптократия — братство, напоминающее тайные об-

[1] *Gaddis J.* Harry S. Truman and the Origins of Containment.— Makers of American Diplomacy. Ed. by F. Merli and T. Wilson. N. Y., 1974, p. 515.

щества минувших веков, со своей процедурой вступления и идеологической обработки, дабы развить в ее членах особое понимание ее тайн. Она обладает секретными кодами и клятвами сохранения тайны, необходимыми для обеспечения строжайшей лояльности... Ее члены анонимны. Ее фонды секретны. Проделанное ею — тайна. Даже ее цели тайны... Ее руководители менялись, но сама организация и закон об обеспечении национальной безопасности, взрастившие эту раковую опухоль, остаются в сути своей неизменными. Криптократия служит интересам большого бизнеса... Криптократия оправдывает собственный тоталитаризм, убеждая ведущих политиков: только огнем бороться с огнем. Практика криптократии, официально санкционированная лишь для операций вне США, стала неотъемлемой чертой американской действительности. В нее входят: шпионаж... шантаж, убийства и в пределах страны, которую она, как предполагается, оберегает и защищает. ...Со времен второй мировой войны криптократия использовала электронную технику для манипулирования другими народами, равно как и американцами, проводя тщательно спланированную кампанию дезинформации, обмана и пропаганды. Само существование криптократии зависит от манипулирования общественным мнением. Коль скоро она не может открыто выступить за свое дело, ведется идеологическая обработка для достижения этого. Существование криптократии также зависит от сохранения абсолютной тайны, без этого она бессильна»[1].

Да, издержки стиля и, по всей вероятности, не всегда точно расставленные акценты (что неизбежно, ибо У. Боварт вторгся в самую запретную, а следовательно, почти неведомую сферу). Тем не менее описанное функционирование криптократии наводит на печальные размышления о жестких границах перехваленной «демократии», якобы существующей в США. Данные, хотя и отрывочные, свидетельствуют, что криптократия, или истеблишмент, с утратой монополии Соединенными Штатами на атомное оружие рванулись переступить фатальную черту войны и мира. Наиболее впечатляющий из известных примеров — план «Дропшот».

Когда ранней осенью 1949 г. стало известно, что СССР располагает атомным оружием, в Вашингтоне в срочном порядке рассмотрели возможность «превентивной войны». По плану «Троян» с 1 января 1950 г. намечалось обрушить око-

[1] *Bowart W.* Operation Mind Control, p. 144—146.

ло 300 атомных бомб на 100 советских городов. Более тщательно изучили вопрос, и оказалось — шансов на победу нет. По причинам, уже рассмотренным в связи с ранними планами агрессии против Советского Союза.

Осенью 1949 г. по приказу Трумэна в рамках комитета начальников штабов разрабатывается план «Дропшот». Политическое обоснование войны давалось в соответствии с директивой СНБ 20/1, к чему прибавлялся «теоретический» экскурс: «Никогда еще в истории намерение и стратегические цели агрессора не определялись так ясно. На протяжении многих лет победа в классовой борьбе пролетариата против буржуазии определяется как средство, при помощи которого коммунизм будет господствовать над миром».

Планировалась коалиционная война, ядро врагов Советского Союза — блок НАТО, к которому произвольно прибавлялось множество других государств. Критерий отбора — классовый, поголовная мобилизация мира капитала против социалистического СССР и его союзников. Предполагалось, что против нас выступит воинство в 20 млн. человек. По канонам «баланса сил» вклад США — главным образом стратегическая авиация: уже в первый период войны ВВС США должны были уничтожить до 85% нашей промышленности, сбросив свыше 300 атомных и 250 тыс. *т* обычных бомб на Советский Союз. Побежденный на бумаге армиями коалиции, СССР подлежал, однако, оккупации американскими войсками. 23 дивизии должны были разместиться: две — в Москве и по одной — в Ленинграде, Минске, Мурманске, Горьком, Куйбышеве, Киеве, Харькове, Одессе, Севастополе, Ростове-на-Дону, Новороссийске, Батуми, Баку, Свердловске, Челябинске, Ташкенте, Омске, Новосибирске, Иркутске, Хабаровске, Владивостоке. Начало войны назначалось на 1 января 1957 г.

Открытие боевых действий предлагалось предварить решительным усилением психологической войны, уже развернутой Соединенными Штатами. «Психологическая война,— указывалось в плане «Дропшот»,— чрезвычайно важное оружие для содействия диссидентству и предательству среди советского народа; подорвет его мораль, будет сеять смятение и создавать дезорганизацию в стране... Широкая психологическая война — одна из важнейших задач Соединенных Штатов. Основная ее цель — уничтожение поддержки народами СССР и его сателлитами (так в плане названы страны Восточной Европы.— *Н. Я.*) их нынешней системы правле-

ния... Эффективного сопротивления или восстаний можно ожидать только тогда, когда западные союзники смогут предоставить материальную помощь и руководство, заверив диссидентов, что освобождение близко».

Составители плана «Дропшот» и минуты не сомневались в том, что агрессор — Соединенные Штаты и именно они нанесут первый удар. Они записали: «В настоящее время Советский Союз не начнет войны против Соединенных Штатов». Но все же, признавалась ли война фатальной неизбежностью? План «Дропшот» был достаточно гибким, необходимость войны, конечно, не в принципе, а в рассмотренных масштабах исключалась только в двух случаях: 1) если в ходе психологической войны рухнет советская система и 2) «националистические отклонения»... серьезно ослабят советский блок. Такую слабость Соединенные Штаты должны использовать. Если США в военном отношении окажутся достаточно сильными, чтобы удержать СССР от удара, то США могут использовать как острие клина для подрыва авторитета СССР создание группы антимосковских коммунистических государств»[1].

Подробное рассмотрение этого аспекта психологической войны, естественно, не входило в сферу военных стратегов, а оставалось прерогативой совета планирования политики госдепартамента. В плане «Дропшот» аннотировалась уже составленная директива СНБ-58 (утвержденная президентом 14 сентября 1949 г.) «Политика США в отношении советских сателлитов в Восточной Европе». Там указывались пути, как «ликвидировать господствующее советское влияние» в Болгарии, Венгрии, Польше, Румынии и Чехословакии. Желательный образ действия излагался (на жаргоне американских служебных документов) так: «Наша конечная цель, разумеется, появление в Восточной Европе нетоталитарных правительств, стремящихся связаться и устроиться в сообществе свободного мира. Однако серьезнейшие тактические соображения препятствуют выдвижению этой цели как непосредственной... Для нас практически осуществимый курс — содействовать еретическому процессу отдаления сателлитов. Как бы они ни представлялись слабыми, уже существуют предпосылки для еретического раскола. Мы можем способствовать расширению этих трещин, не беря на себя за это ни-

[1] «Dropshot». The United States Plan for War with the Soviet Union in 1957, p. 73, 241, 74—75, 62, 20.

какой ответственности. А когда произойдет разрыв, мы прямо не будем впутаны в вызов советскому престижу, ссора будет происходить между Кремлем и Коммунистической Реформацией».

Если США преуспеют в этой политике, подчеркивалось в директиве СНБ-58, тогда перед ними откроются возможности применения самого испытанного оружия Вашингтона в сфере внешних дел: «Мы сможем пустить в ход механизм баланса сил в коммунистическом мире». Методы? О всех судить трудно, в тексте директивы СНБ-58, впервые опубликованной в 1978 г., кое-что исключено по «соображениям безопасности», но общее направление очевидно: «Мы должны вести наступление не только открытыми, но и тайными операциями... Курс на подстрекательство к расколу внутри коммунистического мира следует вести сдержанно, ибо этот курс всего-навсего тактическая необходимость, и нельзя никак упускать из виду — ... задача состоит в том, чтобы облегчить рост еретического коммунизма, не нанеся серьезного ущерба нашим шансам заменить эти промежуточные режимы терпимыми, входящими в западный мир. Мы должны всемерно увеличивать всю возможную помощь и поддержку прозападным лидерам и группам в этих странах» [1].

Главы американских посольств и миссий, аккредитованные в социалистических странах Восточной и Юго-Восточной Европы, на совещании в Лондоне в конце октября 1949 г. сошлись во мнении: «Любое и все движения внутри международного коммунизма, имеющие тенденцию ослаблять контроль Кремля в коммунистическом мире, являются силами, действующими в интересах Запада, и, следовательно, их нужно поощрять и помогать им» [2]. Но делать это втайне. «Провокационный характер действий в этих странах должен соразмеряться с тем, что считается возможным в данной ситуации»,— записано в решениях совета планирования политики в 1949 г. «Нам нет нужды делать щедрые подарки советской пропаганде, беря на себя ответственность за процесс раскола в коммунистических странах» [3],— поучал в Пентагоне в то время Дж. Кеннан.

Пока сочинялись и вводились в действие приведенные и другие планы и директивы, Трумэн решил восстановить аме-

---

[1] Containment: Documents on American Policy and Strategy 1945—1950, p. 212, 217—222.

[2] FRUS, 1949, vol. 5, p. 10.

[3] *Gaddis J.* Strategies of Containment, p. 46—47.

риканскую монополию на средства массового уничтожения, теперь на несоизмеримо более высоком уровне,— 31 января 1950 г. он отдал приказ о разработке термоядерной бомбы. Одновременно он уполномочил государственного секретаря и министра обороны «переоценить наши цели в мире и войне и их связь с нашими стратегическими планами в свете потенциальной водородной бомбы и возможного овладения термоядерным оружием Советским Союзом» [1].

Решение Трумэна потрясло тех в США, кто представлял, что повлечет за собой введение в арсеналы нового оружия. Двенадцать ведущих американских физиков во главе с Г. Бете заявили: «Эта бомба не оружие войны, а средство поголовного истребления. Применить ее — значит предать все критерии морали и самой христианской цивилизации». Бете и некоторые другие ученые пока воздержались от участия в работах над ядерным оружием. В сенате два известнейших тогда сенатора, Б. Макмагон и М. Тайдингс, выступили с драматическими речами. Первый призвал положить конец атомным вооружениям, открыть «крестовый поход за мир», ассигновав 50 млрд. долл. на «глобальный план Маршалла». Второй, председатель сенатского комитета по делам вооруженных сил, предложил созвать международную конференцию по разоружению. Раздалось немало других публичных призывов покончить с безумием, во всяком случае войти в переговоры с Советским Союзом.

Как видно из хранящейся в библиотеке конгресса неопубликованной переписки видного деятеля администрации ФДР Г. Икеса, 31 января 1950 г. он выразил в письме Трумэну большую озабоченность в связи с его решением. Трумэн, не откладывая дело в долгий ящик, ответил Икесу на следующий день, 1 февраля 1950 г.: «Как вы знаете, на мою долю выпало решать, завершить ли работу над атомными бомбами, которые были сброшены на Хиросиму и Нагасаки. Я также вынес решение о демонстрации, проведенной на Бикини. Первоначальная программа, начатая президентом Рузвельтом, была нацелена на создание так называемой водородной бомбы. Нет решительно никаких оснований для всех этих разговоров и высказываемых публично глупостей, ибо запущенный механизм позволил прийти к этому решению в 1943 г.».

---

[1] *Lilianthal D.* The Atomic Energy Years, 1945—1950. N. Y., 1964, p. 624.

Правительство усмотрело во всем этом угрозу сколачиваемому «согласию». Хотя реакция малоинформированных — опрос Гэллапа показал: из пяти американцев четверо за создание термоядерного оружия[1] — ободряла, разномыслие понимавших, т. е. принадлежащих к высшим слоям общества, потребовало разъяснений. Их взял на себя Д. Ачесон, объехавший страну и произнесший множество речей. Он говорил: «Ни один троянский голубь от коммунистического движения не поможет разрешить наши общие трудности». Или некоторые полагают: стоит Трумэну и Сталину «поместить свои ноги под один стол», как будет достигнут успех в переговорах? Но дело не в том, где находятся их ноги, а где витают их мысли, учил оратор. Или: «Наше время должно рисовать в мрачных тонах Рембрандта. Фон черный, тени глубоки. Контуры неясны. Но в центре сияет свет, и, хотя он часто отдает блеском стали, отблески невыразимо прекрасны. Для нас главное — рост единства» и т. д. Понятно, с такими речами обращаются не к толпам, а к избранным, читавшим Гомера и стоявшим перед картинами Рембрандта.

Это публично, а втайне совет планирования политики госдепартамента, возглавляемый теперь вместо Дж. Кеннана П. Нитце под присмотром того же Д. Ачесона, приступил к выполнению приказа президента — подготовить руководство для ведения внешних дел в ядерную эру. Участники — люди тертые, способные ради нанесения поражения СССР с легким сердцем рассуждать о мегасмертях, составлять, как мы уже видели, каннибальские планы. Их внешний интеллектуальный лоск, особенно самого Д. Ачесона, не менял сути омерзительного дела, в которое они по уши погрузились. После почти трехмесячных трудов совета с участием представителей от Пентагона Ачесон пригласил министра обороны Льюиса Джонсона в госдепартамент обсудить проект документа, который подлежал утверждению СНБ. Министр явился в сопровождении блестящей свиты военных, включая председателя комитета начальников штабов генерала О. Брэдли. «После дружеских приветствий,— вспоминал Ачесон,— я попросил Нитце доложить содержание и выводы документа. Джонсон слушал, раскачиваясь на стуле, устремив взгляд на потолок, внешне спокойный и собранный.

[1] *Levering R.* The Public and American Foreign Policy 1918—1978, p. 96.

Внезапно он рванулся вперед, удар ножек стула о пол и удар кулаком по столу перепугали меня до смерти. Никому не дозволено, орал он, договариваться за него о встрече с другим министром в набитой людьми комнате и приказывать, что ему докладывать президенту. Кто, вопреки его приказу, разрешил совещание? Что это за документ, которого он не видел? Пытаясь успокоить его, я сказал, что мы работаем по приказу президента, а на связи (с Пентагоном) генерал Бернс. Что касается документа, то он ему послан неделю назад. Но он, не желая слушать, кликнув генерала Брэдли и других военных чинов, вылетел из комнаты. Мы, оставшиеся, застыли в шоке. Генерал Бернс рыдал, закрыв руками лицо.

Тут меня позвали в собственный кабинет, где Джонсон начал снова орать на меня, крича, что он оскорблен. Это было слишком. Я сказал, что он может убираться вон, а госдепартамент сам закончит работу над документом... Через час позвонил президент, выразил свое возмущение и приказал действовать, как было договорено. При малейшем признаке обструкции или медлительности Пентагона мне надлежало обращаться к нему. С этого момента вплоть до сентября, когда президент счел необходимым уволить Джонсона в отставку, все новые факты убеждали меня, что министр душевно заболел. Его возмутительное поведение нельзя было больше объяснять одной грубостью. Я не удивился, когда спустя несколько лет он подвергся операции на мозге» [1]. Так обстояло дело, по словам слишком хладнокровного Ачесона. История зафиксировала: вслед за Форрестолом рехнулся его преемник на посту министра обороны — Джонсон. Что немудрено, планировалась такая политика, которая в те времена могла свести с ума. Содержание документа (известного как директива СНБ-68) тому подтверждение.

Во вступлении к этой книге уже отмечалось, что сулило претворение в жизнь директивы СНБ-68 американскому народу,— насаждение принудительно-добровольного конформизма. Все-де в интересах спасения, ибо речь идет «о жизни или смерти не только нашей республики, но о существовании цивилизации вообще». Директива СНБ-68 развивала положения директивы СНБ 20/1 с поправкой на термоядерное оружие. Подчеркивалось: «Если США разработают термоядерное оружие раньше Советского Союза, США опреде-

[1] *Acheson D.* Present at the Creation, p. 373—374.

ленное время смогут оказывать возрастающее давление на СССР». На всем протяжении обширного документа многократно указывалось: в случае войны США применят атомное оружие, никогда и ни при каких обстоятельствах Вашингтон не должен заявлять, что США не прибегнут к нему.

Рассмотрев с разных углов зрения соотношение сил между США и СССР, составители директивы СНБ-68 приходили к выводу, что равновесие, возникшее в результате войны, существует. Это никак их не устраивало, ставилась задача достичь превосходства Запада над Советским Союзом. Отсюда необходимость принятия и неукоснительного проведения в жизнь программ перевооружения и вооружения США и их союзников. Рекомендации документа формулировались в виде триады:

1) всестороннее укрепление США, включая достижение внутреннего «согласия» сверху донизу;

2) руководство в этом же духе и в этих целях всем капиталистическим миром;

3) «наша политика и действия должны носить такой характер, чтобы вызвать коренные изменения в характере советской системы, а для этого первым и, возможно, самым важным шагом будет срыв замыслов Кремля. Очевидно, что окажется не только дешевле, но и более эффективно, если эти изменения в максимальной степени будут результатом действия внутренних сил советского общества».

Итак, в качестве непосредственной задачи выдвигалось ужесточение психологической войны, попыток подрывными действиями добиться свержения советского строя. Но все же почему не война? С невыразимой печалью констатировалось: при существующем соотношении сил «у нас нет свободы выбора, и прежде всего в использовании силы... Поэтому как практические, так и идеологические соображения принуждают нас к выводу — у нас нет выбора, кроме как продемонстрировать превосходство идеи свободы ее конструктивным применением и попытаться изменить международную обстановку методами, доходящими до грани войны так, чтобы разрушить замыслы Кремля и ускорить падение советской системы». Точнее: «Вести открытую психологическую войну, чтобы вызвать массовое предательство Советам и срывать замыслы Кремля другими путями; усилить своевременные меры и операции тайными средствами в области экономической, политической и психологической войны с целью

вызвать и поддержать волнения и мятежи в избранных стратегически важных странах-сателлитах».

Конечный вывод: «Единственный путь, гарантирующий несомненную победу в срыве замыслов Кремля,— неуклонное наращивание моральной и материальной мощи свободного мира, использование ее в советском мире таким образом, чтобы вызвать внутренние изменения в советской системе». Таковы общие контуры плана, разработанного под руководством Д. Ачесона, в котором в тугой узел завязывались агрессия, подрывная работа, наглая демагогия, коварство, тоталитарные устремления, борьба против демократии и трусость перед будущим. Написавшие этот неслыханный документ с иезуитской логикой осмелились утверждать: «Репутация нашей системы не будет запятнана любыми мерами, явными или тайными, с применением силы и без нее, которые служат срыву замыслов Кремля, так как необходимость утвердить наши ценности действиями или словами не препятствует проведению всех этих мер в жизнь» [1].

В директиве СНБ-68 умышленно опускались оценки, во что обойдется Соединенным Штатам спланированный курс. Трумэн потребовал от комитета начальников штабов справку. Ответ — военные расходы должны достичь 50 млрд. в год. Президент принял к сведению подсчеты, и, заключает Д. Ачесон, «после обсуждения документа в Совете национальной безопасности 25 апреля 1950 г. политика США отныне определялась директивой СНБ-68... Цель директивы СНБ-68 — ахнуть дубиной по массовому сознанию нашего высшего эшелона власти, не только дав возможность президенту принять решение, но и создать условия для его претворения в жизнь. Но все равно сомнительно, чтобы в ближайшие годы мы сумели проделать хотя бы приблизительно то, что было сделано, если бы русские не сглупили — не поощрили нападение на Южную Корею и не открыли антиамериканскую кампанию» [2].

Вот она психологическая война в одном из самых отвратительных проявлений! Проведение курса на подрыв и конечное уничтожение социализма в мире обосновывалось помимо прочего ссылками на американскую агрессию в Корее, вина за которую кощунственно перелагалась на СССР, а ра-

---

[1] FRUS, 1950, vol. 1, p. 238, 281, 241, 244, 285, 291, 245.
[2] *Acheson D.* Present at the Creation, p. 374.

зоблачение американского империализма объявлялось «антиамериканской кампанией»! Директива СНБ-68, высшее проявление бледной американской политической мысли со времен второй мировой войны по сей день, завершила процесс интеллектуального перевооружения в США. Одного, однако, не сумели предусмотреть его инициаторы — все это дало толчок тому, что Ачесон был вынужден назвать «нашествием приматов». Функциональное назначение этого нашествия с точки зрения «криптократии» заключалось в том, чтобы застраховать целостность курса директивы СНБ-68 от многих случайностей. Получилась перестраховка, едва не погубившая политически Ачесона с единомышленниками.

«Нашествие приматов»

Карательная машина в США набирала темпы, работая без сбоев, ритмично преследуя компартию. Формула обвинения — нарушение закона Смита 1940 г., объявившего преступным попытки свержения правительства США «силой», под понятие ее подпадает выражение мнения, расходящегося с официальной точкой зрения. С января по октябрь 1949 г. в Нью-Йорке проходил процесс над 11 лидерами американской компартии. Свидетели обвинения — шпики ФБР или ренегаты, состав «преступления» иллюстрировался оглашением в судебном следствии выдержек из «Манифеста Коммунистической партии», «Государства и революции» и многих других работ Маркса, Энгельса, Ленина.

Для вящего впечатления — в старшины присяжных возведена негритянка, которая от имени жюри и дала утвердительный ответ о виновности подсудимых. Их — во главе с Ю. Деннисом — приговорили к пяти годам тюрьмы и штрафу в 10 тыс. долл. каждого. Шестеро адвокатов, участвовавших в процессе, получили до полугода тюремного заключения за «неуважение к суду». До 1956 г. по закону Смита судили 145 человек, в общей сложности приговоры составили 418 лет тюремного заключения, а штрафы — 435 500 долл. Тем временем ФБР поставило в длинную очередь на расправу потенциальные жертвы. При введении чрезвычайного положения подлежали немедленному взятию под стражу:

1) «по индексу безопасности» — 11 982 человека;
2) «коммунистическому индексу» — 17 783 человека;
3) еще более 200 000 человек, «представлявших угрозу

для национальной безопасности», значились в списках местных отделений ФБР[1].

Накал антикоммунистической кампании позволил комитету по расследованию антиамериканской деятельности снова внести свою лепту в травлю государственных служащих. Трибуна комитета была особенно привлекательна для демагогов и лиц, стремившихся сделать карьеру на «расследованиях» — процедура конгресса освобождает от уголовной ответственности за клевету выступающих в его комитетах. Несколько ренегатов до конца использовали эту возможность. В конце концов они ничего не получили, но на их показаниях и последующих «расследованиях» сумели достойно зарекомендовать себя в глазах сильных в США антикоммунистическим рвением ряд деятелей, в их числе Р. Никсон. Ренегаты назвали, по большей части наугад, несколько десятков человек, которые, по их утверждениям, якобы были «коммунистами» в 30-е годы. Речь, конечно, далеко не всегда шла о членстве в партии, а о поддержке ими в годы «нового курса» антифашистской политики. Тогда, на подступах ко второй мировой войне, за эту политику выступали лучшие в американском обществе. Теперь с подачи подонков они, в подавляющем большинстве представители передовой интеллигенции, оказались в лапах темных инквизиторов.

Символ веры несравненных «расследователей» всех мастей был предельно прост — враг, т. е. Советский Союз, подозрительно быстро встал на ноги после войны, растет не только социалистическая экономика, но он располагает атомным оружием. Запад раздирают противоречия, а социалистическое содружество крепнет на глазах. Инквизиторы не могли допустить, что это закономерный результат претворения в жизнь социалистических идей. Они истово уверовали — это, дескать, последствие чудовищного «заговора» в самих США, кто-то, точнее, агенты «коммунизма» не только передают американские секреты (атомная бомба!) русским, но и формируют политику США так, чтобы она содействовала благополучию Советского Союза. Неугасавшая ненависть к покойному Ф. Рузвельту придавала особую пикантность этим параноидным измышлениям. В самом деле, с убийственной иронией заметил У. Манчестер, «простой американец не обладал научными познаниями, чтобы сообразить, о чем идет речь, а технические детали изготовления

[1] Final Report... Book III, p. 442—447.

атомного оружия никак не годились для политических, избирательных кампаний. Больше того, ни одного из виновных нельзя было связать ни с одной партией, кроме коммунистической. Республиканцам была нужна банда «ньюдилеров» (сторонников «нового курса».— *Н. Я.*), по крайней мере хоть один из них, кто бы передавал американские секреты Советскому Союзу» [1].

Арестовали по обвинению в «шпионаже» супругов Этель и Джулиус Розенберг, следствие не обещало скорых результатов, а сверхпатриоты торопились. В 1948 г. по показаниям провокаторов и ренегатов были уволены 11 сотрудников государственного департамента. Все же не очень драматично, хотя профессиональный дипломат Л. Дагган выбросился с шестнадцатого этажа, бывший заместитель государственного секретаря Г. Уайт, против которого накапливали «обвинения», скоропостижно скончался от разрыва сердца, У. Ремингтона сумели осудить за «лжесвидетельство». Убит в тюрьме. Наконец нашли того, кто мог послужить уроком для законопослушных американцев,— обложили со всех сторон Олджера Хисса.

Крупный юрист и видный дипломат, Хисс принадлежал к плеяде «ньюдилеров». Он был в американской делегации на Ялтинской конференции, генеральным секретарем учредительной конференции ООН в Сан-Франциско в 1945 г., занимал ряд других важных постов. Комитет по расследованию антиамериканской деятельности выделил подкомитет под председательством Р. Никсона, который, потрудившись полтора года (на основании показаний одного провокатора!), сумел состряпать «дело» против Хисса. Его предали суду, обвинение в «шпионаже» с треском провалилось, второй процесс — и в январе 1950 г. Хисса осудили на пять лет за «лжесвидетельство». Никсон торжествовал, он получил всеамериканскую известность и поздравительную телеграмму от Э. Гувера: «Осуждение Олджера Хисса — результат исключительно вашего терпения и настойчивости».

Украсив с бросающейся в глаза скромностью посланием Э. Гувера свои мемуары, Р. Никсон далее написал: «Хотя нет никаких сомнений, что репутация, полученная мною в деле Хисса, поставила меня на дорогу к вице-президентству, она также превратила меня из относительно популярного молодого конгрессмена, пользовавшегося благоприятной,

[1] *Manchester W.* The Glory and the Dream, p. 501.

хотя и ограниченной, поддержкой прессы, в одного из самых спорных деятелей в Вашингтоне, против которого ожесточенно выступали самые уважаемые и влиятельные либеральные журналисты и творцы общественного мнения того времени». В 1952 г., заканчивает Никсон, «мои антикоммунистические верительные грамоты от дела Хисса оказались решающей гирей на чаше весов, склонивших выбор в мою пользу», т. е. выдвижение на пост вице-президента. Эйзенхауэр сказал ему: «Знай, ты стал моим первым кандидатом в Чикаго (на этот пост) потому, что поймал Хисса» [1].

Д. Ачесон, да и в какой-то мере Трумэн считали, что дело против Хисса состряпано в определенных политических целях. Сразу за осуждением Хисса Ачесон объявил на пресс-конференции: «Я не собираюсь поворачиваться спиной к Хиссу». Любителей дальнейших объяснений он отослал «к главе 25-й Евангелия от Матфея, начиная от строки 34» (где не с 34-й строки, ошибочно указанной Ачесоном, а с 36-й значилось: «В темнице был, и вы пришли ко Мне... истинно говорю вам: так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне»). Своей дочери, уже тогда бывшей замужем за У. Банди — одним из тех, кто планировал американскую агрессию во Вьетнаме в 60-е годы, Ачесон открылся: «Сегодня состоялась моя пресс-конференция. Дело Олджера не выходит у меня из головы. Как я уже писал тебе, налицо мрачная трагедия, какими бы убедительными ни представлялись факты. Я знал, что меня спросят о нем, и ответ был труден — не в обычном смысле, кину ли я его или нет. Это нетрудно. Но сказать, что я в действительности думаю, забыв о завывающей своре у наших ног,— вот это трудно» [2].

Из указанной «своры» донеслось — от Никсона: заявление Ачесона «отвратительно», другие безуспешно позвали Трумэна «повернуться спиной к Ачесону». Ачесон так и ушел из жизни, не изменив своего мнения,— история с О. Хиссом «загадочна», а ошельмованный Г. Уайт невиновен. По сей день Хисс (1904 г. рождения) доказывает, что его дело сфабриковано. Главный доносчик умер в 1961 г.; Л. Рассел, шпик, доставивший Никсону «документы», положенные в основу обвинения, скончался при загадочных обстоятельствах после взлома в Уотергейте, в котором он при-

[1] The Memoirs of Richard Nixon. N. Y., 1978, p. 71, 88, 146.
[2] *Acheson D.* Present at the Creation, p. 359—360.

нимал участие. Хиссу отказали дать заключение о причине его смерти. Как бы то ни было, в 1975 г. Верховный суд штата Массачусетс вернул Хиссу лицензию адвоката, которой он был лишен по приговору 1950 г. Хисс и его друзья все пытаются установить, как были сфабрикованы материалы дела против него. Расследование «расследования» 1950 г. продолжается [1]. «Независимо от того, кто прав,— замечает знаток вопроса американский журналист М. Дорман,— дело Хисса сыграло громадную роль в истории охоты за ведьмами в Америке... Новые волны политической истерии потрясли страну. В обстановке этого смятения страна созрела для эры маккартизма» [2].

Расправа с Хиссом и другие менее известные эксцессы отражали тогдашнюю политическую атмосферу — спрос порождал предложение. Ставки были куда выше, чем личная судьба тех или иных людей. С правительства сурово спрашивали, как и почему Соединенные Штаты ухитрились «потерять» Китай и кто повинен в этом в Вашингтоне. На всем протяжении борьбы китайского народа, приведшей к исходу 1949 г. к созданию КНР, Соединенные Штаты стояли на стороне его врагов, поддерживая режим Чан Кайши. В войне, бушевавшей на просторах гигантской страны, против народа сражались армии, вооруженные, снаряженные, а иногда и обученные американцами. Они имели в своем распоряжении новейшее по тем временам вооружение, благо США имели его в достатке на Дальнем Востоке и Тихом океане. Оно было завезено туда во время второй мировой войны и не использовано в свое время против Японии.

По официальным данным, американская военная помощь чанкайшистам исчислялась в 6 млрд. долл., а по неофициальным (которые, конечно, ближе к истине) — в 18 млрд. долл.! При армиях Чан Кайши находилось в качестве инструкторов до 6 тыс. американских офицеров и экспертов. До августа 1946 г. американская авиация принимала непосредственное участие в боевых действиях в Китае. Но все было тщетно, руководимые американцами гоминьдановские армии терпели сокрушительные поражения, откатываясь все дальше к югу Китая. В Вашингтоне как мыльные пузыри лопались бесконечные планы массированного вмешательства в войну в Китае. Администрация Трумэна каждый раз спотыкалась на очевидном: Китай слишком велик. Поэтому

[1] *Hougan Y.* Spooks. N. Y., 1980, p. 282—285.
[2] *Dorman M.* Witch Hunt, p. 131.

пришлось отказаться от замыслов использовать там методы, аналогичные «доктрине Трумэна» в Европе.

Проблему отношений с победившим китайским народом США пытались решать только и исключительно силой. Попытки американских экспертов типа Дж. Дэвиса и Дж. Сервиса, которых поддерживал заведующий дальневосточным отделом госдепартамента Дж. Винсент, раскрыть глаза правительству — обратиться к политическим, а не военным методам — ни к чему не привели. Их выгнали и подвергли тщательному «расследованию» как симпатизировавших «коммунизму». А Дэвис и Сервис, сокрушались позднее в США, знавшие положение дел в Азии не хуже, чем Дж. Кеннан в Европе, могли бы дослужиться к 60-м годам до руководящих постов в госдепартаменте, и наверняка поэтому Д. Ачесон не стал гордиться расправой над ними в своих мемуарах. Просто умолчал [1].

Коль скоро альтернативный курс в отношении Китая почитался чуть ли не архипредательством, США упрямо дошли до конца с режимом, терпевшим банкротство. Когда стало очевидно, что крах недалек, государственный департамент 5 августа 1949 г. выпустил гигантскую — 1054 страницы — «Белую книгу» о политике США в отношении Китая. В предисловии к ней Ачесон сухо признал: «Исход войны в Китае достигнут действиями внутренних китайских сил, на которые мы попытались повлиять, но безуспешно. Решение было принято в самом Китае» [2].

С чувством унизительного бессилия Трумэн взялся было объяснять публицисту А. Кроку в 1952 г.: «Чан Кайши пал по собственной вине. Его генералы сдали вооружение, посланное нами, коммунистам, и его свергли собственным оружием и боеприпасами. Его могла бы спасти только американская армия в 2 000 000 человек, а это означало бы начало третьей мировой войны» [3]. Президент отправил это красноречивое письмо не адресату, а в свой архив.

Оно и понятно. Никакие рациональные доводы не звучали в иррациональной обстановке, складывавшейся тогда в США. Республиканцы торопились превратить «коммунистическую угрозу» в вопрос партийной борьбы. С легкой руки Р. Никсона они стали обзывать демократов «партией преда-

---

[1] *Halberstam D.* The Best and the Brightest, p. 139—142.

[2] United States Relations with China. Washington, 1950, p. 16.

[3] Off the Record. The Private Papers of Harry S. Truman. Ed. by R. Ferrell. N. Y., 1980, p. 276.

тельства». Конгрессмен Г. Велде открыл: «Шпионами кишит вся страна». Его коллега Р. Риг утверждал, что Ачесон оплачивается из Москвы. Сенатор У. Дженнер назвал генерала Дж. Маршалла «защитником предателей, самим воплощением лжи», объединившимся «с преступной шайкой предателей и умиротворителей коммунизма, которые под влиянием г-д Трумэна и Ачесона продают Америку». Эти-то ораторы были республиканцами и знали, чего добивались — возвращения партии к власти. Молодой конгрессмен Дж. Кеннеди был демократом, но и он сообразил, что антикоммунизм — отличный трамплин для политического прыжка. Он объявил в палате представителей: в 1945 г. «больной» Рузвельт отдал по совету генерала Маршалла и иных Курильские острова Советскому Союзу, Трумэн пытался побудить Чан Кайши вступить в коалицию с коммунистами, государственный департамент «расточил» военные приобретения США. В общем, заключил бывший командир торпедного катера, «что спасла наша молодежь, растратили наши дипломаты и президент» [1].

Сфокусировать обвинения по адресу правительства выпало на долю сенатора Дж. Маккарти. Тогда, в 1950 г., 41-летний сенатор пребывал в размышлениях неприятного рода: через два года переизбрание, а в послужном списке самое приметное — в опросе вашингтонских журналистов первое место как «самый плохой» член сената. Вполне заслуженно — путь, приведший на Капитолийский холм, мягко говоря, спорный. До войны со скандалами избирался на различные должности в родном штате Висконсин. В войну офицер разведки корпуса морской пехоты на Тихом океане. Спокойная штабная работа, опрос летчиков, возвращавшихся с боевых заданий. Несколько тренировочных полетов в кабине хвостового стрелка и сломанная нога, результат падения во время попойки с трапа на военном транспорте. Просиживание штанов в штабе после войны в изображении Маккарти превратилось в яростные схватки с врагом. Он прихрамывал (рана!) на сломанную ногу, когда забывал — на другую. Забывал нередко, ибо при себе всегда носил бутылку виски, к которой исправно прикладывался.

В начале января 1950 г. Маккарти с дружками обсуждал животрепещущую для него тему — антикоммунизм, с помощью которого он рассчитывал прославиться. В феврале в

[1] *Manchester W.* The Glory and the Dream, p. 491—492.

США празднуется День А. Линкольна. Маккарти попросил руководство партии найти ему аудиторию. Захудалому сенатору приискали глухой провинциальный городишко Уилинг в штате Западная Вирджиния, где поручили выступить в клубе домохозяек. Хотя сенатор представил себя глубоким знатоком проблемы, он не взял на себя труд подготовить надлежащую речь, а, использовав клей и ножницы, состряпал дежурную филиппику против коммунизма. Абзац речи, прославивший Маккарти на всю Америку, звучал так: «Хотя у меня нет времени, чтобы перечислить всех сотрудников государственного департамента, известных как члены коммунистической партии и участники шпионской организации, у меня в руках список, в нем числятся 205 человек, известных государственному секретарю членов коммунистической партии, которые все еще работают и определяют политику государственного департамента».

Арифметика сама по себе не имела для Маккарти решительно никакого значения, в ближайшие дни 205 превратились в 81, он называл и другие цифры. Суть дела была в другом — «математическими» выкладками он подтверждал тезис о том, что из-за злоумышленных козней США-де утратили Китай. Он выступил эпигоном Р. Никсона, как раз в это время доказывавшего, что политику США определяют «коммунисты».

В Уилинге Маккарти сказал: «Говоря о коммунизме, нужно помнить — речь идет не о шпионах, получающих по 30 сребреников за чертежи нового оружия. Речь идет о куда более зловещей деятельности, дающей возможность врагу направлять и формулировать нашу политику». Великое открытие Маккарти было не чем иным, как повторением слов Р. Никсона в речи в палате представителей 26 января 1950 г., а именно: «Основной урок, каковой нам надлежит извлечь из дела Хисса,— это то, что мы имеем дело не со шпионами, получающими 30 сребреников за чертежи нового оружия... речь идет о куда более зловещей деятельности, дающей возможность врагу направлять и формулировать нашу политику».

Никсон и К°, несшие этот вздор, добивались власти. Уже по этой причине они приветствовали прибавление к своим силам в лице Маккарти. Он привнес республиканцам (пресловутой партии крупного капитала!) ложный популизм. Пришел человек «из народа», чтобы высокомерные партийные стратеги услышали-де голос масс. Что до голоса Мак-

карти, то он изъяснялся с интонациями, а иногда и на жаргоне бостонского портового хулигана или бандита из южных предместий Чикаго. Коренастый, широкоплечий, с бегающими глазами, беспардонный лгун и отъявленный мошенник, он озверел от немедленной широкой популярности и рванулся разоблачать окаянных интеллигентов. Профессоров или служилый люд из госдепартамента, разницы для обывателя не было. То, что Маккарти почитывал «Майн кампф» и восторгался Гитлером, знали очень немногие.

Антиинтеллектуализм пронизывает политическую жизнь в США, а тогда травить интеллигенцию было самым обычным делом. Выступая в сенате 20 февраля 1950 г., Маккарти с величайшей серьезностью обнародовал свое открытие: «На мой взгляд, группа извращенно мыслящих интеллигентов захватила контроль над демократической партией». Бесчисленные добровольные помощники бросились снабжать демагога надлежащей информацией, и когда 8 марта специально созданный для расследования его обвинений сенатский комитет М. Тайдингса приступил к работе, Маккарти был вооружен до зубов. Тайдингс, просидевший в сенате 24 года, воплощал респектабельность. Где ему было устоять перед натиском громилы, дорвавшегося до национальной известности. Он набросился на посла по особым поручениям Ф. Джессепа, профессора международного права, и профессора О. Латтимора, специалиста по Дальнему Востоку, обозвав последнего «главным русским шпионом» в США. Вызванные в комитет, оба доказали абсурдность обвинений, а Латтимор ввел в обращение термин «маккартизм». Лопнули и другие инсинуации Маккарти в том же духе.

Но он не отступал и, чувствуя за собой поддержку, грозил новыми «разоблачениями». Складывалась парадоксальная ситуация: явный клеветник и демагог изображался «спасителем» Соединенных Штатов. Опросы института Гэллапа того времени отражают поразительную картину: 50% благоприятно отзывались о сенаторе, 21% не выражал никакого мнения и только 29% были против. На результаты повторных опросов не оказали никакого влияния ни выводы комитета Тайдингса, указывавшего, что Маккарти «прибегает к лжи и фальсификации», ни утверждение их большинством в сенате летом 1950 г.[1] Виднейший сенатор-республиканец Р. Тафт в ряде выступлений требовал: «Единственный

---

[1] *Dorman M.* Witch Hunt, p. 160—164.

способ избавиться от коммунистов в госдепартаменте — сменить главу правительства». Или: «Прокоммунистическая политика госдепартамента полностью оправдывает требование Маккарти провести расследование», а самому Маккарти благожелательно посоветовал: «Если проваливается одно дело, берись за другое». Он и старался — по наущению Маккарти подкомитет палаты представителей взялся за расследование интимной жизни сотрудниц госдепартамента[1].

Министры правительства Трумэна и тогда и впоследствии в своих мемуарах горько жаловались, что маккартизм обрек их на несвободу. Трумэн, осудив в своих воспоминаниях Маккарти, предложил помнить: «Никоим образом нельзя допускать конкуренции в борьбе против коммунизма между конгрессом и правительством, между демократами и республиканцами. Я никогда не рассматривал антикоммунизм как дело партийной политики. Я назначил видных республиканцев возглавлять программы проверки лояльности и сделал все, чтобы не превращать борьбу с коммунизмом в политический вопрос»[2]. То, по Трумэну, коренная функция американского государства, которую попытались было экспроприировать маккартисты. Едва ли они много преуспели в этом, органы политического сыска в США знают свое дело. Объективно, однако, «нашествие приматов» в значительной степени помогло «криптократии» реализовать то, что было разработано и согласовано в высших сферах Вашингтона,— широкую подготовку к войне. В атмосфере маккартизма складывался потребный «консенсус» — достаточно широкая поддержка агрессивного курса.

Маккартисты, однако, могли предъявить в пользу его в основном демагогию, администрация Трумэна ввела в действие куда более весомые аргументы. Получилось разделение труда: «приматы» истерически кричали о «советской угрозе», правительство сумело послать американских солдат отражать мнимую угрозу. Бросило их в реальную войну далеко от США. В Корею.

«Плачь, Корея!»

Вооруженную схватку в Корее, вылившуюся в трехлетнюю войну, принесшую неисчислимые страдания Стране утренней свежести, тщательно спланировали в Вашингтоне,

[1] *Manchester W.* The Glory and the Dream, p. 493, 527.
[2] Memoirs of Harry S. Truman. N. Y., 1965, vol. 2, p. 332.

хотя далеко не все развернулось так, как просчитали американские стратеги. То была гигантская провокация американского империализма, призванная одним ударом обеспечить свободу рук руководству США для воплощения в жизнь директивы СНБ-68.

В Вашингтоне преотлично знали о взрывоопасной обстановке в Корее, разделенной по 38-й параллели. Страна стояла на грани гражданской войны. В Сеуле вынашивались планы «похода на Север», южнокорейский режим надеялся преуспеть в ней с помощью США. А американские государственные деятели вдруг стали подчеркнуто заявлять, что дела на этом полуострове больше не касаются «национальной безопасности» США. Еще 15 августа 1948 г. главнокомандующий американскими оккупационными войсками в Японии генерал Д. Макартур декларировал в Сеуле: «Я буду защищать Корею как свою собственную страну, как бы я защищал Калифорнию» [1]. Через полгода с небольшим, однако, Макартур объявил: «Тихий океан превратился в англосаксонское озеро, наша оборонительная линия проходит по цепи островов, окаймляющих побережье Азии. Она начинается от Филиппин, продолжается через архипелаг Рюкю с главным бастионом — Окинавой. Затем она загибается назад через Японию и Алеутскую гряду и доходит до Аляски». Корея и Тайвань многозначительно оставлены вне пределов «оборонительной линии».

12 января 1950 г. Д. Ачесон выступил с программной речью «Кризис в Китае — анализ американской внешней политики». Дочери он писал: «В печати, в конгрессе, в речах я сделаю все, чтобы как-то разъяснить проблемы Дальнего Востока, пределы нашей мощи и направление наших целей». В речи государственный секретарь повторил сказанное Макартуром, единственное отличие — он провел отсчет с севера: «Наш оборонительный периметр проходит от Алеутских островов через Японию, оттуда к архипелагу Рюкю... далее оборонительный периметр идет от Рюкю к Филиппинам» [2]. Из всего этого напрашивался вывод — Соединенные Штаты-де отныне пускают развитие событий не только в Корее, но и на Тайване на самотек. Но...

Корея отнюдь не была самоцелью. Способствуя конфликту там, Вашингтон, несомненно, надеялся вывести из тупика США в отношениях с Китаем. 30 декабря 1949 г. после дли-

[1] *Manchester W.* American Caesar, Douglas MacArthur, p. 639.
[2] *Acheson D.* Present at the Creation, p. 355—357.

тельных споров в Совете национальной безопасности Трумэн подписывает директиву СНБ 48/2, конечный вывод которой гласил: «США должны использовать всеми подходящими политическими, психологическими и экономическими мерами любое расхождение между китайскими коммунистами и СССР... При этом ни в коем случае не создавать впечатления, что мы вмешиваемся. В зависимости от обстоятельств надлежит действовать как тайными, так и открытыми методами для достижения указанной цели» [1].

Глухим эхом тогда сверхсекретной директивы прозвучали слова Д. Ачесона 29 марта 1950 г. во время «слушаний» в сенатском комитете по иностранным отношениям: «В Китае нас беспокоит только одно — неважно, кто там правит, пусть хоть сам дьявол, но этот дьявол должен быть независимым» [2]. Как мы увидим дальше, затевая агрессию в Корее, в узком кругу высших руководителей США надеялись на пожаре войны на Дальнем Востоке сжечь отношения, существовавшие между СССР и КНР.

Горючего материала для этого припасли, как представлялось в Вашингтоне, предостаточно. Начальник штаба армии США генерал Дж. Коллинс через 19 лет написал: дислокация в Японии 8-й армии и 7-го флота у ее берегов означала, что «ни в каком другом регионе за рубежом мы не имели в полной готовности для использования таких сил всех родов оружия» [3]. Американский военный историк Р. Уигли спустя более чем 20 лет растолковал: «На границе между коммунистическим и некоммунистическим миром нельзя было сыскать другое место, которое было бы так удачно избрано для срыва коммунистического военного предприятия вооруженными силами Соединенных Штатов. Корейский полуостров через Цусимский пролив отделяет каких-нибудь сто с небольшим миль от Японии. В Корею без труда можно было перебросить четыре дивизии оккупационной армии Макартура в Японии, а они были самым крупным сосредоточением американских войск вне пределов США. Здесь также легко можно было использовать американскую морскую помощь» [4].

---

[1] FRUS, 1949, vol. 7, p. 1219.

[2] Review of the World Situation. Washington, 1950, p. 273.

[3] *Collins J.* War in Peacetime: The History and Lessons of Korea. Boston, 1969, p. 4.

[4] *Weigley R.* The American Way of War. A History of United States Military Strategy and Policy. N. Y., 1973, p. 383.

По крайней мере со второй половины 1949 г. параллельно с обострением обстановки в Корее происходило наращивание американской военной мощи, сопровождавшееся благочестивыми заявлениями о том, что США-де не заинтересованы в происходившем на далеком полуострове. Плелись и запутывались нити интриги в интересах создания «инцидента», который дал бы возможность Вашингтону прокричать о реальной «угрозе коммунизма». Вашингтон ввел в дело все ресурсы «правдоподобного отрицания», непременный атрибут психологической войны. Но уже быстрота, с которой США вмешались в конфликт в Корее и взяли на себя бремя агрессии, свидетельствует о бесспорном — акцию заранее спланировали. В США ударили во все колокола военной тревоги, представляя наглую агрессию «законной» обороной.

Боевые действия вдоль 38-й параллели открылись на рассвете 25 июня 1950 г. За несколько дней до этого глава американской военной миссии в Южной Корее генерал У. Робертс в интервью журналу «Тайм» называл своих подопечных: «Черт возьми, ведь это лучшая армия за пределами США». Лисынмановцы не оправдали возлагавшихся на них надежд, их войска побежали. Находившийся в это время в Токио Дж. Даллес доложил: «самое лучшее», если лисынмановцы справятся сами, «но, если выяснится, что они не преуспеют, тогда мы здесь считаем — нужно использовать американские силы даже с риском вызвать контрмеры русских» [1].

Отдав уже в первые сутки войны приказ воздушным и военно-морским силам США принять участие в боевых действиях, администрация Трумэна озаботилась прикрыть агрессию флагом ООН. Соединенные Штаты незаконно протащили в Совете Безопасности 25 июня резолюцию об объявлении КНДР «агрессором», а 27 июня рекомендацию членам ООН оказать помощь лисынмановцам. Одновременно Трумэн распорядился увеличить американскую помощь Франции, ведшей «грязную войну» во Вьетнаме, направил военную миссию на Филиппины, а флот США стал патрулировать воды вокруг Тайваня, на котором окопались чанкайшисты, изгнанные из континентального Китая. Все во имя борьбы против Советского Союза, хотя именно наша

---

[1] *Whitney C.* MacArthur: His Rendezvous with History. N. Y., 1956, p. 322.

страна с первых дней вооруженного конфликта в Корее прилагала все усилия к его ликвидации.

Десятилетия спустя американская суета вокруг войны в Корее была проанализирована историками США в свете частично рассекреченных документов. Профессор Дж. Гэддис счел необходимым подчеркнуть: «Если вдуматься в последствия решений администрации Трумэна, принятых через несколько часов после начала войны, то станет очевидно, что нейтрализация Тайваньского пролива и увеличение помощи французским войскам в борьбе против партизан в Индокитае были направлены в большей степени против русских, чем против китайских коммунистов. Забота о Тайване отражала опасение — вдруг Мао Цзэдун предоставит русским воздушные и морские базы там, а о помощи в Индокитае вынесли решения еще до Кореи как о средстве обеспечить больший вклад Франции в НАТО». Пусть часть этих расчетов лежала в области абсурда, но в Вашингтоне, по всей вероятности, постановили затеять агрессию в Корее и потому, что «надежда вбить клин между Москвой и Пекином никогда полностью не исчезала в Вашингтоне, даже в мае 1951 г. в документе Совета национальной безопасности (директива СНБ 48/5 «Задачи, политика и образ действия США в Азии».— *Н. Я.*) то была одна из главных целей США на Дальнем Востоке»[1]. Упорные попытки достичь ее наложили тяжелый отпечаток на американскую стратегию в Корее и в значительной степени объясняют то, что при поверхностном взгляде представлялось лишь как фантастические оперативные затеи Макартура.

Не прошло и недели после первых выстрелов, как правительство Трумэна направило в Корею сухопутные войска. Решение отнюдь не было единогласным в вашингтонской верхушке. Б. Бернстайн отметил: «Недавно рассекреченные документы опровергают утверждение Трумэна 1955 г. (в мемуарах.— *Н. Я.*) о том, что группа (правительство и начальники штабов.— *Н. Я.*) решила: «Нужно сделать все, дабы отразить агрессию». К разысканиям Бернстайна следует добавить: высшие американские военные думали не об отражении «агрессии», а планировали собственные удары. Председатель комитета начальников штабов генерал О. Брэдли: «Россия еще не готова к войне. Война в Корее дает нам великолепную возможность действовать». Главнокомандую-

[1] *Gaddis J.* Russia, the Soviet Union and the United States, p. 202—203.

щий ВМС США адмирал Ф. Шерман: «Русские сейчас не хотят войны... Нынешняя обстановка в Корее — отличная возможность для нас действовать». А как с СССР? — спросил Трумэн. Главнокомандующий ВВС США генерал Х. Ванденберг отрапортовал: «Через некоторое время мы выведем из строя советские воздушные базы на Дальнем Востоке, но только с использованием атомных бомб» [1].

Авиатор хватил далеко, всего-навсего повторив точку зрения командования стратегической авиации, уже зафиксированную в множестве планов. Он не видел, что для правительства Трумэна война в Корее была важна не сама по себе, а как спусковой крючок для приведения в действие всего механизма гонки вооружений, была законной «защитой». В атмосфере военной тревоги, граничившей с паникой, правительство смогло при горячей поддержке конгресса взвинтить военные расходы с 13 млрд. долл. в 1950 г. до 22,3, 44 и 50,4 млрд. долл. в три последующие года. Г. Бете и другие протестовавшие против создания термоядерного оружия сочли нужным с началом войны в Корее возглавить круглосуточную работу над бомбой. И, замечает Р. Уигли, «война в Корее спасла директиву СНБ-68 от забвения, превратив ее в основу американской стратегии» [2].

Нагнетание военного психоза позволило США двинуть милитаризм по всем линиям. Американский посол в Японии Р. Мэрфи подвел итог во вверенной ему области: «Война в Корее была даром небес для японцев, ибо она позволила им с максимальной быстротой перестроить их разрушенную промышленность для обслуживания американских войск... Макартур отправил на фронт все имевшиеся в Японии боевые части. Генерал был уверен, что японское правительство обеспечит прочную базу и японцы в удивительно короткие сроки превратили свои острова в гигантскую базу снабжения, без чего нельзя было вести войну в Корее... Японские специалисты морского флота и железнодорожники работали в Корее под командованием американцев. Тогда это держалось в строжайшем секрете, но наши войска с трудом бы держались в Корее без помощи тысяч японских специалистов» [3].

В июле 1950 г. на корейском фронте появились две первые американские пехотные дивизии из Японии. Под огнем

[1] *Bernstein B.* The Week we went to War: American intervention in the Korean Civil War.— Foreign Service Journal, January 1977, p. 34.
[2] *Weigley R.* The American Way of War, p. 398.
[3] *Murphy R.* Diplomat among Warriors, p. 387.

они ударились в бегство. Плененный командир 24-й дивизии генерал У. Дин объяснил, что нечего ожидать от оккупационных войск: солдаты «привыкли к японским девкам, опивались пивом и держали слуг для чистки ботинок». Не помогла и поддержка с воздуха, во что истово верили американские вояки. Обанкротились лучшие из лучших — палубная авиация США. С подведенных на расстояние удара от корейского побережья быстроходных авианосцев «Вэлли Фордж», «Филиппин Си» и эскортных авианосцев «Беденг стрейт» и «Сисили» ежедневно вылетали сотни зловещих «голубых самолетов». Пилоты бомбили и обстреливали все подряд, быстро зарекомендовав себя убийцами мирных жителей. Не помогло, к августу американские и южнокорейские войска отогнали к порту Пусан на юго-востоке полуострова.

Подкрепления из Японии и США, прибытие первых контингентов из 15 других стран — союзников США, принявших участие в войне, позволили уплотнить фронт. В США срочно призывали 600 000 человек и обещали подбросить новые войска. Но над пусанским плацдармом витал дух поражения, ожидали неизбежный «американский Дюнкерк». Моральный дух макартурова войска падал с каждым днем, газеты в США облетело суждение некоего сержанта из Чикаго, скорчившегося в окопе под Пусаном. «Готов сражаться за свою страну, но, тысяча дьяволов, я не могу взять в толк, почему воюю здесь».

Кругозор чикагца ограничивался выжженной напалмом рыжей землей через амбразуру бруствера, но и под белоснежным, просторным куполом Капитолия политическая видимость была немногим лучше. Трумэн объяснил отправку американских войск в Корею в отборных терминах антикоммунистической риторики. Не оспаривая ее, сенатор Р. Тафт все же обратил внимание коллег на то, что администрация, оставив Корею вне сферы «национальной безопасности» США, по всей вероятности, умышленно «пригласила» Север вести войну южнее 38-й параллели. Что махать руками после драки, посетовал Тафт, он поддерживает президента, который, открыв боевые действия без голосования в сенате, создал опасный прецедент, «узурпировав полномочия конгресса». По слишком прозрачным причинам сенат воздержался от обсуждения вопроса, удовлетворившись трумэновской формулировкой: это не война, а «полицейская акция». Указали, однако: президент «не вправе преследо-

вать корейские силы... севернее 38-й параллели» (сенатор Фландерс), с чем от имени правительства «горячо согласился» сенатор Лукас [1].

Макартуру было не до дебатов, он имел на руках войну. Генерал потребовал от Вашингтона немедленно прислать еще пять дивизий, комитет начальников штабов отказал, сославшись на потребности НАТО. Макартур был вне себя, со всей силой всплыли воспоминания о второй мировой войне, и тогда Тихий океан и Дальний Восток, по его мнению, необоснованно приносились в жертву европейскому театру. Он ухватился за предложение Чан Кайши направить в Корею 33 тыс. гоминьдановских солдат и организовать набеги с Тайваня на континентальный Китай. Вашингтон сурово предупредил генерала Макартура: предложения чанкайшистов неприемлемы. Тем не менее в самом конце июля он отправился на Тайвань, где вступил в оживленные переговоры с Чан Кайши, порядком озадачив Трумэна. Хотя генерал заверил правительство, что не переступил в них инструкций, своеволие военачальника отлично знали.

6 августа в Токио срочно прилетел «крокодил» (прозвище А. Гарримана в высших кругах США) привести Макартура в чувство. Он подтвердил строжайший запрет на использование чанкайшистов. Детали переговоров, как и все касающееся китайского аспекта войны в Корее, малоизвестны. По завершении бесед с генералом «крокодил» доложил Трумэну: генерал «принял позицию президента и будет действовать соответственно, но без полного убеждения. У него странное представление — мы, дескать, должны поддерживать любого, борющегося против коммунизма, хотя он сам не мог привести ни одного довода, почему борьба генералиссимуса против коммунизма окажется вкладом в эффективную политику против коммунистов в Китае» [2]. Коротко говоря, генералу указали место — заняться только войной и прекратить любительские вылазки в политику.

Вашингтон попытался решить головоломную задачу: захватить всю Корею, что поможет-де сближению Соединенных Штатов с Китаем. Б. Бернстайн заметил: «Анализ Ачесоном политики Китая был курьезной смесью оптимистических ожиданий и необоснованных выводов. Он полагал, что наступление Северной Кореи якобы полностью одобрено Россией и поэтому Китай не заинтересован ни в за-

[1] *Paige C.* The Korean Decision. N. Y., 1968, p. 218—219.
[2] *Manchester W.* American Caesar, Douglas MacArthur, p. 674.

щите Северной Кореи, ни в том, чтобы не допустить ее объединения Соединенными Штатами. По Ачесону, величайшую опасность для Китая являл русский империализм, что он и разъяснял китайцам. Для Китая «было бы безумием», убежденно указал он 10 сентября, вступить в войну ради спасения советских интересов. Китайцы тем самым оттолкнут «свободные страны, их естественных друзей... против этого империализма». А за десять дней до этого Трумэн публично высказал аналогичную точку зрения, стремясь заверить Китай в американских намерениях: «Мы надеемся... Китай не сделает ложного шага и не будет вынужден воевать против США... их друга» [1].

Поток этих и сходных заявлений из Вашингтона в общей перспективе отражал праздномыслие правительства Трумэна. Их непосредственная цель — выставить политическую завесу перед наступлением Макартура для захвата всей Кореи. 15 сентября к Инчхону, что на западном побережье Кореи, подошла армада — 261 корабль. Они высадили громадный десант, во главе которого шла первая дивизия морской пехоты, доставленная из Калифорнии. Лучшее ударное соединение американских вооруженных сил, ветераны Гуадалканала и Окинавы. Создав невероятное превосходство в боевой технике, американские захватчики сняли осаду с Пусана и двинулись на Север. Проученные в предшествовавших боях, интервенты шли очень осторожно, громя с воздуха и артиллерией при первых признаках сопротивления все и вся. Действовали по канонам американской военной традиции.

Развалины города Йондока, отметили очевидцы, выглядели как Нагасаки после взрыва атомной бомбы. Американские корреспонденты не торопились воспеть отвратительные «подвиги», это выпало на долю иных. Английский журналист Р. Томпсон в книге «Плачь, Корея!» описал стратегию и тактику массовых убийств, порожденных «громадной производственной мощью» США, «совершенно очевидно — без разбора убивают множество мирных мужчин, женщин и детей, уничтожают все их имущество» [2]. В ежегоднике английской армии за 1951 г. констатировалось: «Война велась при полном игнорировании южных корейцев, и их несчастная страна рассматривалась скорее как театр военных дей-

[1] Foreign Service Journal, March 1977, p. 17.
[2] *Thompson R.* Cry, Korea! L., 1951, p. 54, 143.

ствий, а не как подлежавшая освобождению. Операции ведутся беспощадно, и не будет преувеличением сказать — Южной Кореи больше нет. Города уничтожены, большая часть средств к жизни ликвидирована, а жители низведены до положения мрачной массы, живущей на подачки» [1]. Написано не эмоциональными журналистами, а хладнокровными военными обозревателями.

1 октября интервенты пересекли 38-ю параллель и, сея смерть и разрушение, неумолимо ползли на север, к границам СССР и КНР. Складывалась в высшей степени опасная обстановка. Советский Союз предложил немедленно вывести из Кореи все иностранные войска, оставив за корейским народом решение своей судьбы. Вашингтон оказался глух к голосу разума, правительство США требовало от Макартура захватить всю Корею. В этом отношении они были едины, хотя по сей день многое неясно — после провала марша войск Макартура к реке Ялу Вашингтон списал эту авантюру на счет своевольного генерала. Б. Бернстайн, однако, нашел: «Согласно данным одного исследователя, видевшего все еще засекреченные документы, обсуждение проблемы (между госдепартаментом и Пентагоном.— *Н. Я.*) носило «нереальный» характер», а именно в Вашингтоне «хотели открыть переговоры с Китаем после победы Макартура, с тем чтобы Америка могла вести их с позиций силы».

О чем? Американские источники молчат, точнее, засекречены. Ясно одно, замечает Б. Бернстайн, «не испытывая ни малейшей озабоченности или опасений по поводу наступления Макартура к реке Ялу,— указывает этот привилегированный ученый,— Ачесон... разделял всеобщую уверенность в том, что Макартур преуспеет в выполнении своей задачи» [2]. Попытки анализа политических аспектов наступления Макартура вскрывают лишь новые загадки. 15 октября на острове Уэйк Трумэн встретился с Макартуром. Отлично известно, что генерал заверил президента — к Новому году операция будет закончена и 8-я армия вернется в Японию. Пронырливые журналисты подметили высокомерие Макартура и смущение президента. Апокрифическое замечание Трумэна по поводу внешнего вида военачальника (расстегнутый воротник, старая, мятая фуражка): «Если бы он был лейтенантом в моем подразделении и шлялся в таком виде,

[1] Цит. по: *Stone I.* The Hidden History of the Korean War. N. Y., 1952, p. 312—313.
[2] Foreign Service Journal, March 1977, p. 21.

я бы так врезал ему, что он бы свалился с копыт»[1]. Это о генерале с пятью звездами на погонах! Иные колоритные подробности, а суть дела? Зачем Трумэн пролетел две трети окружности земного шара? Ради менее чем двухчасовой беседы с Макартуром? Нелепо предполагать, что описанный обмен мнениями нельзя было провести через надежнейшие закрытые каналы связи между Вашингтоном и Токио.

Сверхблагожелательные к Трумэну историки замечают по поводу свидания на Уэйке: «С любой точки зрения то было странное дело»[2]. У. Манчестер подтверждает: «Загадка тогда и тайна по сей день», т. е. в 1978 г. Даже после своего смещения, пылая ненавистью к Трумэну, Макартур в 1951 г. наотрез отказался ответить в сенате на вопросы, о чем он беседовал с президентом на Уэйке: «Я не считаю возможным открыть, о чем мы говорили»[3]. В своих мемуарах Трумэн и Макартур отделались банальностями, особенно отличился последний, написав: «Единственная цель (приезда Трумэна.— *Н. Я.*) — проявить добрую волю и принести пользу США»[4]. Хотя до своих последних дней оба пенсионера при каждом удобном случае обменивались оскорблениями, они унесли в могилу тайну Уэйка. Если так, приходится полагаться на логику исторического исследования.

Интервенционистский сброд Макартура наползал на китайскую и советскую границы. «В эти критические дни Советское правительство по просьбе правительства КНР перебросило в северо-восточные провинции Китая несколько советских авиационных дивизий. В воздушных боях советские летчики сбили десятки американских самолетов и надежно прикрыли Северо-Восток Китая от воздушных налетов. В боевых операциях участвовали опытные советские летчики. На случай ухудшения обстановки СССР готовился отправить в Корею пять дивизий для оказания КНДР помощи в отражении американской агрессии»[5]. В той или иной мере это не могло не быть известно в Вашингтоне. Автор жизнеописания Макартура заключает: «Россия, а не Китай считалась ближайшим союзником Северной Кореи, и правитель-

[1] *Miller M.* Plain Speaking. N. Y., 1973, p. 315—316.

[2] *Revere R., Schlesinger A.* The General and the President and the future of American Foreign Policy. N. Y., 1951, p. 130.

[3] *Manchester W.* The American Caesar, Douglas MacArthur, p. 705, 702.

[4] *MacArthur D.* Reminiscences. N. Y., 1964, p. 364.

[5] История внешней политики СССР. 1945—1980. М., 1981, т. 2, с. 161.

ство США боялось Сталина куда больше, чем Мао» [1]. Советский щит уже прикрыл с воздуха Маньчжурию. Какие бы расчеты в дальней перспективе не делали в Пекине в отношении США, китайский народ, недавно одержавший победу в гражданской войне, не мог мириться с американской угрозой на своих границах. Подлинные китайские революционеры дали отпор интервентам. Китайские добровольцы пришли на помощь КНДР, они были уверены в успехе — рядом с ними стоял Советский Союз. Отсюда высокая эффективность их действий.

К величайшему ужасу правительства Трумэна, выход интервентов к северной границе Кореи повлек не ожидаемые переговоры с КНР с позиции силы, а навлек на них ответный удар. Политические расчеты рухнули, пошла жестокая война. Южнокорейские и американские войска побежали без оглядки, турецкая бригада попыталась было контратаковать с саблями. Разбита. Английские части сунулись контратаковать, обращены в бегство. 30 ноября Трумэн на пресс-конференции намекнул: США могут применить атомное оружие. Последовал срочный визит в Вашингтон английского премьер-министра К. Эттли с нервным протестом. Трумэн заверил: решение об атомной бомбардировке — прерогатива президента, но не Макартура. Эттли все равно вернулся домой удрученным — в столице США истерика. Коечто просачивалось к союзникам США. Макартур требовал «признать состояние войны», «сбросить 30—50 атомных бомб на авиационные базы и другие стратегические объекты» в Маньчжурии, высадить в Корее 500 000 гоминьдановских войск с Тайваня и после захвата Кореи устроить зону из радиоактивного кобальта вдоль ее северной границы [2]. Прежде всего и больше всего Макартур рвался воевать с КНР, что никак не входило в планы администрации Трумэна.

К началу 1951 г. интервентов уже отбросили за 38-ю параллель, в Вашингтоне примирились с мыслью, что придется сдать Корею, эвакуировав оттуда американские войска. Честолюбивые планы «объединить» Корею были отброшены. Американские руководители сочли, что необходимые дивиденды из войны уже извлечены — гонка вооружений набрала темп, стремительно развертывается военная мощь

[1] *Manchester W.* The American Caesar, Douglas MacArthur, p. 703.
[2] *Smith R.* MacArthur in Korea. The Naked Emperor. N. Y., 1982, p. 191—192.

НАТО, Д. Эйзенхауэр отправился в Европу командовать вооруженными силами агрессивного блока. Расширение масштабов войны на Дальнем Востоке неизбежно отвлечет ресурсы, необходимые для развертывания НАТО. С войной нужно кончать. Но как? Вашингтон, совсем недавно высокомерно отвергавший любые предложения о мире, бросился на поиски его. Как образно напишет Ачесон, «мы, подобно своре гончих, идущей по следу, вынюхивали запах мира» [1].

Пока стая «вынюхивала», Макартуру по необходимости давались очень туманные инструкции о ведении боевых действий с ясным предупреждением не делать публичных заявлений. Фронт затих в районе 38-й параллели, а Макартур разбушевался — он по-прежнему стоял за выигрыш войны. Несмотря на запрет правительства, он выступил с рядом заявлений на одну и ту же тему: США должны победить в Корее. В начале апреля 1951 г. лидер меньшинства в палате представителей Дж. Мартин предал огласке письмо Макартура с бранью в адрес правительства, которое кончалось лихой фразой: «Мы должны победить, победе замены нет» [2]. Правительство было взбешено, 11 апреля Макартура сняли с поста. Трумэну немедленно припомнили — всего за полгода до этого на Уэйке, вручая Макартуру очередной орден, президент наговорил ему немало лестных слов, не раскаивается ли он? Трумэн: «Я раскаиваюсь лишь в том, что не сделал это два года тому назад» [3].

С лета 1951 г. в Корее начались переговоры о прекращении огня, а Вашингтон погрузился в болото дрязг и споров. Их предмет, по крайней мере Трумэну, был совершенно ясен. В апреле 1954 г. пенсионер Трумэн продиктовал в поучение будущим историкам свою версию: «Я снова и снова возвращаюсь к обстановке в Корее в конце 1950 г... Наш великий полководец предстал совсем иным, чем на Уэйке... Когда его выгнали, он занялся разговорами о том, что президент и главнокомандующий не разрешили ему вести войну в Маньчжурии. Генерал Марк Кларк в книжке «От Дуная до Ялу» дает понять, что «полицейская акция» в Корее превратилась бы в победоносную «войну» на Дальнем Востоке, если бы ему и его предшественникам разрешили бомбить Маньчжурию. Эти способнейшие генералы не видят дальше своего носа...

---

[1] *Acheson D.* Present at the Creation, p. 532.
[2] *MacArthur D.* Reminiscencses, p. 386.
[3] *Whitney C.* MacArthur: His Rendezvous with History, p. 390.

Допустим, главнокомандующий уступил бы своим генералам на местах, в большинстве своем не представляющим общей обстановки. Что бы случилось? Генералы говорят: несколько бомб на Маньчжурию, и вот она, победа на Ялу. Но чтобы добиться результатов, нужно было уничтожить Пекин, Шанхай, Кантон, Мукден, Дальний, Владивосток, Центральную Сибирь в районах Улан-Удэ и озера Байкал. То были бы односторонние действия США. Тогда на европейских границах советской империи русские вышли бы к Северному морю и Ла-Маншу... Их нельзя было бы остановить. На востоке мы бы стерли с лица земли эти великие китайские города, убив 25 000 000 невинных женщин, детей и гражданских лиц. У нас была бы на руках третья мировая война и никаких союзников. А под русским контролем оказались бы вся Центральная Европа, возможно, еще Турция, Греция, Италия, Северная Африка и богатейшие нефтяные районы Ближнего Востока... Я просто не мог начать третью мировую войну. Я знаю, я был прав» [1].

Скромная мудрость Трумэна, преданная огласке опубликованием томика его личных бумаг в 1980 г., не удовлетворяла ни Макартура, ни ряд позднейших руководителей США. Г. Киссинджер задним числом поучал в мемуарах в связи с тогдашней позицией Трумэна: «Можно поставить под сомнение тезис о том, что время работало на нас или что мы потеряли бы больше в тотальной войне против Советского Союза». Вместе с этим безответственным заявлением Киссинджер, не переводя дыхания, изложил альтернативный образ действия для своих предшественников: «Наше представление о силе и дипломатии как отличных и последовательных фазах внешней политики не дало нам возможности вступить в переговоры об урегулировании войны в Корее после высадки в Инчхоне, а тогда у нас была самая сильная военная позиция, она соблазнила нас эскалировать свои цели. Год спустя то же представление заставило нас приостановить военные операции, за исключением чисто оборонительных, тем самым устранив самый эффективный побудительный повод для врага прийти к скорейшему дипломатическому урегулированию... Относясь к силе и дипломатии как к отличным факторам, мы тем самым лишили нашу мощь цели, а наши переговоры не подкреплялись силой.

---

[1] Off the Record. The Private Papers of Harry S. Truman, p. 303—304.

В результате разразились внутренние потрясения, через новый консенсус по вопросам внешней политики прошла первая трещина — конфликт между генералом Дугласом Макартуром и гражданским и военным руководством в Вашингтоне»[1].

Претенциозные суждения Киссинджера куда как спорны. Бесспорно другое — «полицейская акция» администрации Трумэна вызвала порядочное смятение в умах в США, законопослушные американцы, разумеется, не вышли на улицу, но все больше из них (по разным основаниям!) раздумывали о том, как свести счеты с правившей администрацией, поставив в надлежащее положение рычаги в избирательных кабинах. Но отнюдь не подрывая основ порядка в США.

---

[1] *Kissinger H.* White House Years, p. 63—64.

ЕГО (ЭЙЗЕНХАУЭРА) СЛЕД В ИСТОРИИ

В 1935 г. из-за распрей с президентом Ф. Рузвельтом генерал Д. Макартур покинул США и с тех пор американским проконсулом пребывал на Тихом океане и Дальнем Востоке. Он и ногой не ступил в родных краях до 1951 г., когда из-за распрей с президентом Г. Трумэном генерал вернулся в Соединенные Штаты. Возвращался обиженный, терзаемый чувством оскорбленной правоты.

Опрос института Гэллапа показал — он не одинок. 69% — за Макартура, и только 29% — за Трумэна. С трибуны сената сенатор У. Дженнер требовал: «Я утверждаю, что ныне наша страна в руках тайной клики, которой руководят советские агенты. Единственный выход — к суду президента Трумэна!»

Р. Никсон пошел туда, куда, как ему представлялось, дул ветер. Он объявил: «Больше всех возрадуются в нашей стране коммунисты и их ставленники... Президент дал им то, чего они всегда домогались,— скальп Макартура... [генерала] уволили, ибо он по здравому смыслу патриотически потребовал, чтобы руки сражавшихся в Корее не были связаны». Никсон предложил сенату принять резолюцию, осуждавшую Трумэна и требовавшую восстановить Макартура в должности[1].

Сенатор Маккарти объяснил на митинге: президент окружен прихвостнями, «опившимися виски и ликерами», и перешел к действиям. Во время обеда в честь публициста Дрю Пирсона, которому исполнилось 53 года, Р. Никсон нашел именинника в туалете в дюжих лапах Маккарти. Увидев в дверях партийного собрата, Маккарти радостно взвизгнул: «А это от тебя, Дик!» — и нанес жертве новый удар в лицо. Остолбеневшему Никсону Маккарти доверился: «Я доказываю аксиому — дай мужику как следует в пах, и кровь брызнет из глаз!» Разумеется, сказано было в иных словах. Никсон все же не одобрил действия Маккарти и кое-как развел дерущихся, получив несколько увесистых тумаков[2].

Макартур презирал методы «приматов», но накал его злобы против «политиков» оставлял позади силу ударов Маккарти. Макартур героем летел из Токио в США: остановка на Гаваях — 100 тыс. зевак, почетная степень доктора наук от Гавайского университета; Сан-Франциско — 500 тыс. встречающих, орудийные салюты; Вашингтон — еще

[1] *Costello W.* The MacArthur Affair.— New Republic, December 14, 1959.

[2] *Brodie F.* Richard Nixon. The Shaping of His Character. N.Y., 1981, p. 294.

500 тыс., истерически взвинченные толпы. Впереди речь на объединенном заседании конгресса. В Сан-Франциско представитель военного министерства попросил генерала представить текст для предварительного просмотра. Генерал надменно отказал, оставшись в счастливом убеждении, что первыми ознакомятся с его шедевром избранники народа. Он заблуждался. Трумэн получил текст, прочитал и бросил доверенным: «Кучка вонючего дерьма». Президент не стал распространяться, как именно удалось раздобыть текст, «военный министр достал его» [1].

19 апреля Макартур предстал перед конгрессом и страной (30 млн. телезрителей, включая Трумэна и правительство). Он говорил 34 минуты, 30 раз речь прерывалась аплодисментами. Генерал сложил душераздирающую сагу о муках военных под игом политиков. Отлично играя голосом, он сообщал: «Почему, почему, вопрошали солдаты, мы уступаем преимущества на поле брани врагу?» И драматическим шепотом: «Я не мог ответить». В войне «нет замены победы», наставлял он, зовя конгресс принять его предложения, клонившиеся к открытию военных действий против КНР. Обливаясь слезами, генерал упомянул, что носит мундир 52 года, напомнил «балладу дней моей молодости — старые солдаты не умирают, они просто уходят в небытие. Вот и я, как старый солдат из той баллады, завершаю свою военную карьеру и ухожу в небытие, старый солдат, который попытался выполнить свой долг, как бог дал право выполнять его. Прощайте!»

Коллективный плач с мест, возгласы: «Мы слышали голос бога!» Кто мог знать, что позер использовал в речи весь свой словесный хлам: фраза «нет замены победы» была взята из его приветствия футбольной команде Вест-Пойнта. Слова насчет уходящих в «небытие» старых солдат он постоянно употреблял в письмах больным генералам и т. д.[2] В некой комнате у погасшего экрана телевизора книжник Трумэн приободрил впавшее было в уныние правительство: речь — «стопроцентное дерьмо», «эти распроклятые идиоты-конгрессмены льют слезы, как бабы». Величественный Макартур тем временем исчез из зала конгресса, но не в «небытие», а объявился на конференции «Дочерей американской революции». 6 тыс. дам, уже проголосовавших за то, чтобы

[1] *Miller M.* Plain Speaking, p. 336—337.
[2] *Smith R.* MacArthur in Korea, p. 149, 165.

не сидеть в шляпах (ничто не должно мешать созерцать кумира), получили все возможное удовлетворение. В 71 год подтянутый Макартур далеко не потерял внешних атрибутов красавца мужчины. Трумэн знал секрет: «Наш великий плешивый полководец с крашеными волосами»[1]. Дамы же глазели на аккуратную прическу генерала, который заверил их: «В этот час кризиса все патриоты смотрят на вас. Я давно хотел, открыв свое сердце, лично воздать вам должное»[2].

Никто не мешал полководцу открывать свое сердце. В ответ нередко с улюлюканием сжигали чучела Трумэна и Ачесона в Нью-Йорке, куда прибыл Макартур на бесплатное местожительство в роскошном отеле. Ему устроили неслыханную встречу. Генералу потребовалось 7 часов, чтобы проехать 35 *км*. По оценке полиции, 7,5 млн. нью-йоркцев вышли на улицы поглядеть на своего кумира. Иные крестили автомобиль с генералом, другие крестились сами, женщины рыдали навзрыд. В тот день город не работал. Знамена и плакаты с приветствиями, особо выделялась надпись: «Боже, спаси нас от Ачесона!» Гремели приветствия от лидеров американских профсоюзов — У. Рейтера, Дж. Кэррана. После проезда Макартура мусорщики подбили итог — убрано с улиц 2859 *т* бумажного мусора (конфетти и пр.), выброшенного в направлении машины генерала.

Макартур начал открывать свое сердце 3 мая перед комиссией из 25 сенаторов, что заняло первых три дня. Работа комиссии продолжалась до 25 июня, перед ней прошли 13 высших руководителей военного и дипломатического ведомств. Заседания были закрытыми, в прессу давались обширные обзоры после просмотра цензорами. Из пяти томов немедленно изданных «слушаний» американская «демократия» предстала во всем блеске — оказалось, что, по соображениям «национальной безопасности», правительство не представляло толковищу сколько-нибудь важных документов. Какой бы ненавистью ни пылал Макартур к администрации, он благоразумно помнил, что находится на государственной службе, и по этой причине не возражал.

Если так, тогда словесное состязание свелось к теоретическим спорам. Макартур звал сенаторов согласиться со следующим: захватить всю территорию КНДР, добившись «объединения» Кореи, попутно «подорвав и сведя на нет

---

[1] Off the Record. The Private Papers of Harry S. Truman, p. 324.
[2] *Manchester W.* The Glory and the Dream, p. 563—564.

способность Китая вести агрессивную войну». На недоуменный вопрос, должны ли США добиться этого единолично, генерал, указав на неоспоримое — 90% военной мощи, введенной в дело в Корее, составляют американские вооруженные силы,— подтвердил: «Если необходимо, конечно, единолично. Если другие страны мира не в состоянии усмотреть, куда ведет умиротворение за умиротворением (а это привело ко второй мировой войне), если они не понимают, на какую дорогу они встали в Азии, тогда мы должны сами и единолично защитить себя» [1]. Приверженность Макартура к бескомпромиссному антикоммунизму можно было сопоставить только с его полным пренебрежением к канонам политики «баланса сил». Что и отметили для себя пытливые сенаторы.

Дальше больше. Генерала пригласили высказаться по поводу того, как вписывается предложенный им курс в глобальную стратегию Вашингтона. Сенатор Макмагон осведомился: «Как вы думаете, сможем ли мы противостоять сегодня русскому удару в Западной Европе?» Макартур ответил: «Сенатор, я уже несколько раз просил не впутывать меня в дела, выходящие за пределы моего театра военных действий». Всеобщее замешательство. Трумэн прокомментировал: «Мы погрязли в великом споре по поводу внешней политики. Многие рассматривают его как политическую борьбу. Но речь идет о другом — об атомной войне, а это вопрос жизни и смерти». Трумэн крепко заклеймил воинственного полководца. Что до проблем, связанных собственно с Кореей, то военачальники твердили комитету одно и то же. Генерал А. Ведемейер: в Корее вражеская «третьестепенная команда противостоит нашей первостепенной команде», которая составляет 80% американской военной мощи. Председатель комитета начальников штабов генерал О. Брэдли отчеканил звучную формулу: война в Корее «не та война, не в том месте, не в то время и не с тем врагом» [2].

На этой ноте и кончились слушания, комитет без комментариев передал их материалы сенату. Образ генерала решительно поблек. Правительство сумело доказать, что стратегия Макартура чревата самыми гибельными последствиями

---

[1] Military Situation in the Far East. Hearings before Armed Services and Foreign Relations Committes, U. S. Senate. Washington, 1951, p. 111.

[2] *Manchester W.* American Caesar, Douglas MacArthur, p. 801, 803, 804, 730.

для Соединенных Штатов. Когда же генерал по завершении «слушаний», не связанный их процедурой, сунулся в чистую политику и сообщил на съезде Американского легиона, что сорвал «тайный план» правительства — в обмен на перемирие в Корее отдать КНР Тайвань и предоставить ей место в ООН, Трумэн огрызнулся: генерал лжет и знает это. Китайский аспект политики Вашингтона так и не высветился. В последующие десятилетия снова и снова всплывали аргументы, к которым обращались в 1951 г. спорщики в сенатском комитете. Добиваясь выдвижения своей кандидатуры на пост президента в 1976 г., Р. Рейган утверждал: «Генерала Дугласа Макартура сместили за то, что он настаивал на выигрыше войны. Корея была нашей первой войной «без победы». Мы призвали наших юношей и сказали им: правильно воевать и умирать, но неправильно воевать, умирать и побеждать, ибо это может привести к другой войне... Никто не обратил внимания на то, что говорил выгнанный генерал Макартур. Каждый помнит его слова: «Старые солдаты не умирают», но забыли его пророчество о последствиях нашей корейской политики... Мы, кажется, хотим поклоняться, но не верить нашим героям...» [1]

Войне в Корее было суждено продлиться еще два года с небольшим после сенсационных споров на Капитолийском холме. Американцы потеряли 54 246 человек. Хотя начало ее привело в действие рычаги перестройки США и их союзников на военный лад, полезность агрессии в тысячах километров от границ США политически быстро убывала для администрации Трумэна. Он видел это и, хотя был первым, кто отверг праздномыслие Макартура, иной раз в отчаянии втайне предавался размышлениям, мягко говоря, странным. В дневнике президента, отрывки из которого впервые опубликованы в 1980 г., под датами 27 января и 18 мая 1952 г. значится:

«Мне представляется ныне целесообразным предъявить Москве ультиматум со сроком в десять дней, известив, что мы намерены блокировать побережье Китая от корейской границы до Индокитая, уничтожить все военные объекты в Маньчжурии, в том числе базы подводных лодок средствами, имеющимися в нашем распоряжении, и что, если вмешательство не прекратится, мы уничтожим все порты и города,

[1] *Reagan R., Hobbs D.* Ronald Reagan's Call to Action. N. Y., 1976, p. 38—39.

необходимые для достижения наших мирных целей». «Это означает тотальную войну. Это означает, что Москва, Санкт-Петербург, Мукден, Владивосток, Пекин, Шанхай, Порт-Артур, Дайрен, Одесса, Сталинград и все промышленные предприятия в Китае и Советском Союзе будут уничтожены. Это — последний шанс для Советского правительства — решить, желает ли оно существовать или нет» [1]. Надо думать, эти суждения в какой-то мере отражали этапы подготовки новой мировой войны (скажем, выполнение плана «Дропшот»), над чем президент, несомненно, лично и педантично надзирал.

Все эти мысли, прекрасные для себя, по понятным причинам не могли быть обнародованы, а следовательно, были бесполезны для продления пребывания демократической партии у власти в обстановке рано начавшейся предвыборной борьбы. К началу 50-х годов американские массы видели Маккарти в действии, многие оценили преимущества конформизма и цену инакомыслия. В августе 1950 г. принимается «закон о внутренней безопасности», требовавший регистрации прогрессивных организаций как «агентов иностранной державы». За отказ — 10 лет тюрьмы и штраф. По закону учредили управление по контролю над «подрывной деятельностью» и построили шесть больших концлагерей, готовых принять неугодных при введении в стране чрезвычайного положения. Никсон торжествовал, он был пионером этого закона, теперь проведенного в конгрессе коллективными усилиями помимо прочих, Дж. Кеннеди и Л. Джонсона. В 1952 г. последовал закон Маккарэна — Уолтера, запретивший въезд в США сторонникам «свержения правительства силой».

Большинство американцев безмолвствовали, самое поразительное — в 50-е годы США вступили с неслыханным феноменом «молчаливого поколения». Одно запугивание не дает полного ответа, ситуация была куда сложней. Оно не объяснит, например, почему в это время грязный писака М. Спиллэн распродал 13 млн. своих книг, примитивных антикоммунистических детективов. Нашлись же 3 млн. покупателей его шизофренической стряпни «Ночь Одиночества», последними строками которой были: «Я убил больше людей, чем у меня пальцев на обеих руках. Я хладнокровно

[1] *Loewenheim F.* Truman and the Atomic Bomb.— Huston Chronicle. August 3, 1980.

и с наслаждением пристрелил их. Все они — коммунисты, красные сукины сыны, которым нужно было сдохнуть давным-давно».

Политически неграмотное «молчаливое поколение» не утрачивало никаких иллюзий по той простой причине, что не имело их. «Протест был чужд им. Если для профессоров враждебность к Маккарти была велением времени, то студентов это не слишком интересовало. Сенатор получил незначительное количество сторонников в кампусах, но не вызвал и значительного возмущения, большинство студентов считало: все это скучно... Убежденные, что все открытия сделаны, все великие мечты осуществлены, Томы 50-х годов удовлетворялись техническими проблемами с девяти до пяти пять дней в неделю, а остальное время — такие интересы, как церковь, филантропическая деятельность, гольф, разные спортивные лиги, устройство дел в постели с Бетси... Вступившие в жизнь были готовы смириться, а если нужно, защищать статус-кво: повиноваться законам, платить налоги, отслужить в армии, голосовать, а после выборов никакого интереса к политике. Они подчинялись диктату общества в одежде, речи, вероисповедании, выборе друзей и прежде всего в мыслях. В обмен им обещали все права и привилегии хорошей жизни, т. е. экономическую обеспеченность... Они возлюбили определение интеллигента, данное генералом Эйзенхауэром: «Человек, которому требуется больше слов, чем необходимо, чтобы рассказать, что он знает» [1].

Они не видели, да едва ли и догадывались, что «согласие» насаждалось в целях, известных разве самым посвященным в правящей элите,— готовилось пушечное мясо для предстоявшей мировой войны. Коль скоро где-то во второй половине 50-х годов предстояло силой свести счеты с СССР, разномыслие в предвидении термоядерной войны нельзя было не только поощрять, но и терпеть. Думать полагалось начальству, а не рядовым будущей войны. К ним держатели власти и денег в США относили подавляющее большинство американцев. Законопослушными считались люди, осмелившиеся иметь собственные суждения и, что еще хуже, дерзавшие высказывать их. Так рука об руку с антикоммунизмом шел антиинтеллектуализм, составные части идеологии «холодной войны».

---

[1] *Manchester W.* The Glory and the Dream, p. 578—580.

Смена караула

В этом господствовавшем духовном климате легко дышалось генералу Дуайту Д. Эйзенхауэру, «согласие» проявилось и в том, что он рассматривался как логический следующий правитель республики.

Далеко не глупый человек, он на людях любил бравировать своим антиинтеллектуализмом. Когда республиканская партия призвала его под свои знамена (до 1952 г. Эйзенхауэр не имел партийной принадлежности!), он доложил на одном из митингов, что трудные слова затрудняют его: извините, «ведь меня отнюдь не считают образованным кандидатом». Республиканская партия на этих выборах выдвинула «простых», не очень состоятельных людей. Профессиональный солдат Эйзенхауэр и в вице-президенты Никсон, который даже провел специальную телепередачу, рассказав о своих стесненных обстоятельствах. Все беды, заклинали американцев, от интеллигентов. В оборот пустили множество уничижительных эпитетов для этих презренных — «доброхоты», «длинноволосые», «слабосердечные» и т. д. Самую большую популярность получил эпитет «яйцеголовые», который продержался ровно пять лет. До советского спутника!

Республиканцы не тщились потрясти нацию умом. К величайшему прискорбию демократов, их кандидат на выборах губернатор штата Иллинойс Э. Стивенсон даже внешне олицетворял «яйцеголового», а когда он открывал рот, закрывали рот сомневавшиеся — типичный интеллигент! Он грамотно и спокойно говорил, сокрушаясь по поводу «духовной безработицы», каковую усмотрел у миллионов сограждан. «Конечно,— воскликнул известный публицист Дж. Олсоп,— все яйцеголовые за Стивенсона, но сколько же их?» Больше того, Стивенсон отмежевался от правившей администрации по основательным в его глазах мотивам — к исходу президентства Трумэна ряд высших должностных лиц проворовались. С десяток угодили в тюрьму, в том числе секретарь Трумэна М. Коннэли (прощен Кеннеди в 1962 г.), начальник управления налогов Т. Кодл (прощен Джонсоном в 1965 г.). Газеты подробно описывали, как за 5% от прибылей проталкивались сомнительные сделки в Пентагоне, а жены казнокрадов щеголяли в норковых шубах, полученных от взяткодателей.

Против всего этого, по несчастному совпадению с республиканцами, высказывался Стивенсон. «Как же Стивен-

сон надеялся уговорить американских избирателей сохранить демократическую партию у власти, дискредитируя ее влиятельные элементы, я не знаю»,— излил негодование Трумэн в мемуарах. В них же Трумэн задним числом заключил: «Я склонен думать, что если бы в 1950 или 1951 г. я объявил, что намереваюсь лично довести борьбу до завершения, генерал Эйзенхауэр не стал бы республиканским кандидатом и, возможно, не стал бы президентом. Я придерживаюсь этого мнения, ибо уверен — Эйзенхауэр в 1952 г. не думал, что ему придется сражаться на выборах, а также, вероятно, полагал, что он будет выдвинут от демократов»[1].

Уже взаимные упреки в воровстве, которые в основном шли в одном направлении — по адресу партии, по американским критериям засидевшейся у власти (20 лет),— придали избирательной кампании безобразный характер. Хотя стивенсоновцы не просили об этом, Трумэн бросился помогать своей партии. Он отправился в турне по стране, объясняя опасность военных, находящихся на политических постах, обвиняя генерала в том, что он оставил в беде друга генерала Дж. Маршалла, которого нещадно шельмовал Маккарти. «У Эйзенхауэра приступ моральной слепоты,— обнародовал свое новейшее открытие президент,— ныне он желает следовать практике, отличавшей «расу господ», хотя сам сыграл ведущую роль в освобождении от них Европы»[2]. Трумэн попытался связать Эйзенхауэра с маккартистами, ибо их кредо можно было без труда истолковать и так.

Хотя Эйзенхауэр и не встал на защиту Маршалла, Трумэн хватил через край. Конечно, он не выступал против исступленного демагога, но счел необходимым подчеркнуть: «Сенатор Маккарти хорошо знает различия между ним и мною, и мы обсудили их с ним... Я хочу внести ясность. Мы преследуем одну и ту же цель — очистить правительство от некомпетентных, бесчестных людей, и прежде всего от подрывных и нелояльных элементов. Различия между нами, следовательно, не касаются наших общих конечных целей. Мы расходимся только в методах»[3]. Иначе Эйзенхауэр, вероятно, и не мог сказать, ведь он сам настаивал на сдержанности и умеренности в политических препирательствах. Никсон, получивший в это время прозвище «гладковыбритый Маккарти», никак не был привержен к этим качествам и

[1] Memoirs by Harry S. Truman, vol. 2, p. 562, 556.
[2] *Pursey M.* Eisenhower, The President. N. Y., 1956, p. 37.
[3] *McCarthy J.* Harricane. N. Y., 1969, p. 182—183.

посему поставил в строку кандидату от демократов: «Мистер Стивенсон вызвался быть свидетелем, и я бы сказал — поручился за репутацию и правдивость Олджера Хисса... и сделал это добровольно» [1].

Эксплуатируя привычный тезис, Никсон к концу избирательной кампании в речи 27 октября 1952 г. объединил одними скобками Трумэна, Ачесона, Стивенсона, объявив их «предателями высоких принципов, в которые верят многие демократы... Эти истинные демократы возмущены терпимостью и защитой коммунистов на высоких постах бандой Трумэна — Ачесона — Стивенсона». Впоследствии Никсон всегда категорически отрицал, что произнес эти слова. Но Трумэн запомнил. В 1956 г. председатель национального комитета республиканской партии Л. Холл предложил заплатить тысячу долларов тому, кто докажет, что Никсон обозвал Трумэна и других «предателями». Экс-президент сослался на эту речь. Холл не заплатил [2]. Кампания 1952 г. оставила за собой длинный и очень грязный хвост. То, что позднее квалифицировалось как издержки избирательной кампании, в 1952 г. не вызывало недовольства у Эйзенхауэра. Даже в мемуарах он сделал акцент: «Я считал, что его (Никсона) политическая философия в целом совпадала с моей» [3].

Боевой лозунг республиканцев в том году — $К_1 К_2$ (Корея, коммунизм, коррупция), два последних — своего рода «гарнир» для подачи основного блюда — уместности и полезности для США продолжать корейскую войну. Она рассматривалась не сама по себе, а как эпизод в глобальной борьбе против «коммунизма», разумея под ним в первую очередь Советский Союз. Перепалка в связи с этим надолго запала в память главных участников, и они все еще переживали ее десятилетия спустя в мемуарах.

Отбросив сиюминутную словесную шелуху, Д. Ачесон ретроспективно заключил: «Генерал Эйзенхауэр открыл обсуждение внешних дел удивительным для него образом. Цепь великих событий, начавшихся при его благодетеле генерале Маршалле, он назвал «чистилищем импровизации». В той же речи, излагая, по его словам, «очевидные факты» о периоде, предшествовавшем нападению на Южную Корею, он грубо

[1] *Mazo E.* Richard Nixon: A Political and Personal Portrait. N. Y., 1959, p. 66—67.

[2] Off the Record. The Private Papers of Harry S. Truman, p. 338—339.

[3] *Eisenhower D.* Mandate for Change 1953—1956. N. Y., 1965, p. 77.

извратил мою речь в клубе печати (12 января 1950 г.— *Н. Я.*), а когда я публично восстановил истину, разорвал со мной все отношения. Подтвердилась истина — человек, несправедливо обижающий другого, в оправдание становится его врагом. В течение восьми лет его президентства меня не приглашали ни в Белый дом, ни в госдепартамент и никогда не советовались со мною. Однако то не была дискриминация только меня, с моим начальником президентом Трумэном поступили аналогичным образом. В своей речи в Цинциннати генерал Эйзенхауэр, в сущности, оживил обвинение Тафта, будто я устроил нападение на Корею... Интерес к этой старой утке давно утрачен, за удивительным исключением студентов колледжей. Поэтому я не буду повторять свою аргументацию» [1].

Походя «снял» ответственность с Вашингтона, спровоцировавшего кровопролития в Корее.

Ачесон написал это в 1969 г., а в 1978 г. Р. Никсон, вернувшись в мемуарах к тем событиям, странным образом примирился с покойным: в 1952 г. «я также критиковал государственного секретаря Дина Ачесона, чья политика в отношении международного коммунизма, говорил я, стоила нам потери Китая, большей части Восточной Европы, и пригласила коммунистов начать войну в Корее. Я пустил в обращение фразу, привлекшую всеобщее внимание и гнев комментаторов, обвинив Стивенсона в том, что он выпускник «трусливого колледжа сдерживания коммунизма» Дина Ачесона (игра слов — имя «Дин» — по-английски — «декан».— *Н. Я.*). Много спустя в мою бытность президентом мы подружились с Ачесоном, и он стал одним из моих самых влиятельных и доверенных неофициальных советников. Но в ту кампанию уже его внешний вид — подстриженные усы, английские твидовые костюмы, высокомерное поведение — делали его отличной мишенью для моих нападок на дипломатов-снобов и их образ мышления, что легко и ловко использовали коммунисты. Ныне я сожалею об ожесточенности моих нападок» [2].

Если свести многочисленные сентенции республиканских стратегов и Эйзенхауэра к единому знаменателю, то они требовали пустить наконец в ход механизм «баланса сил». США не должны единолично схватываться с противником, что

[1] *Acheson D.* Present at the Creation, p. 690—691.
[2] The Memoirs of Richard Nixon, p. 110.

произошло в результате промахов администрации Трумэна, бездумно сковавшей на отдаленном полуострове цвет американских вооруженных сил. Все, говорил Эйзенхауэр в речи 2 октября 1952 г., «теряет свой смысл, если Америке приходится принимать на себя главные удары противника и постоянно пополнять людьми линию фронта. Это должно быть делом корейцев. Мы не хотим, чтобы Азия считала белых людей своими врагами. Если война там неизбежна, то пусть это будет война азиатов против азиатов при нашей поддержке».

Война в Корее, к этому времени повсеместно именовавшаяся в США «войной мистера Трумэна», конечно, предельно надоела американцам, лучшие из них из благородных побуждений выступали против нее. Руководство республиканской партии, относившееся скептически к ней по известным причинам, неизбежно превращалось в глазах избирателей в поборника мира. Эйзенхауэр поближе к концу кампании поклялся: «Если меня изберут, я поеду в Корею». Неистовый восторг — многоопытный полководец сумеет разобраться во всем. Стивенсон не сообразил и безответственно съязвил: «Если меня изберут, я поеду в Белый дом», чем уничтожил даже проблеск надежды сохранить у власти свою партию. «Практически,— заметил популярный комментатор Дж. Белл,— под избирательной борьбой была подведена черта в этот вечер» [1].

Снова и снова эйзенхауэровцы обрушивались на трумэновскую политику «сдерживания». Ведущий внешнеполитический эксперт партии Джон Ф. Даллес в статье в известнейшем тогда журнале «Лайф» 19 мая 1952 г. протрубил: цель США — «освобождение порабощенных народов». Статью дерзко озаглавил «Политика смелости». Крупный работник ЦРУ Г. Розицкий в своих мемуарах лаконично констатировал: «В кампанию 1952 г. республиканский кандидат генерал Дуайт Эйзенхауэр обещал «принести свободу порабощенным народам мирными средствами». Даллес повторял это обещание, опуская, однако, слова «мирными средствами» [2]. Хотя избирательные платформы американских партий далеко не всегда связывают их в предвыборном состязании, на этот раз ораторы-республиканцы были верны своей платформе 1952 г., бесстыдному плагиату из работ Дж. Даллеса.

[1] *Hughes E.* The Ordeal of Power. A Political Memoir of the Eisenhower Years. N. Y., 1963, p. 32—33.

[2] *Rozitzke H.* CIA's Secret Operations. N. Y., 1978, p. 154—155.

В ней осуждалась «негативная, бесполезная и аморальная политика «сдерживания», бросившая бесчисленные души... на произвол деспотизма и безбожного терроризма».

Рядовой избиратель, надо думать, списал разговоры об «освобождении» по ведомству журавлей в небе, еще один вариант привычных для него упражнений в мессианской фразеологии, набивший оскомину атрибут американской политической жизни. Он, несомненно, выделял другое — обещание Эйзенхауэра положить конец войне в Корее. Для миллионов семей прозвучало — через корейский фронт Пентагон прогнал почти пять миллионов американских военнослужащих. Генералы сменяли части, естественно, в интересах обучения личного состава в боевых условиях, а матери и отцы с понятной тревогой ожидали, чем это кончится для их сыновей.

Ничто не могло сломать эти настроения, даже многозначительный спектакль, устроенный Трумэном в самый канун выборов. Первое испытание термоядерного оружия. В конце октября на крошечном островке Элюгелаб в атолле Эниветок смонтировали 65-тонное термоядерное устройство. На рассвете 1 ноября грянул взрыв — огненный шар взметнулся на 8 километров в воздух, столб дыма поднялся почти на 40 километров в стратосферу. Островок исчез, аквалангисты обнаружили на дне океана каньон в полтора километра длиной и 60 метров глубиной. Финал президентства Трумэна.

Через три дня американцы пошли в избирательные кабины, 34 млн. голосов — за Эйзенхауэра. 27 с небольшим млн. голосов получил Стивенсон. Победа. Но не сокрушительная — в палате представителей республиканское большинство — 10 мандатов, в сенате всего 1. Проголосовали «за человека, а не партию».

Эйзенхауэр выполнил предвыборное обещание. Еще до вступления в должность съездил в Корею. Убедился, что развитие операций потребует таких издержек, которые США не могут позволить себе,— развертывание НАТО требовало все больше и больше ресурсов. Сгоряча попытались было побудить союзников взять большую часть бремени войны. Не получилось. А жест в сторону чанкайшистов — правительство Эйзенхауэра в январе 1953 г. объявило о «денейтрализации» Тайваня — вызвал панику в столицах союзников и недовольство правящей элиты в США. Что, собираются идти по стопам Макартура и ввяжутся в войну с КНР? Новый министр обороны Ч. Вильсон на заседании кабинета бросил: «А нет ли возможности заключить компромиссную сделку? Признать

бы красный Китай — и дело с концом с проблемами Дальнего Востока»[1]. Неловкое молчание. Новичок не понимал — собственно, и воевали, чтобы силой оружия вогнать Пекин в сговор с США, хотя никогда в этом не признавались.

Не получилось, пришлось пойти «на ничью», 27 июля 1953 г. в Корее подписали соглашение о перемирии.

Старый «новый взгляд»

Опи, составившие «правительство восьми миллионеров и одного водопроводчика» (министр труда М. Даркин быстро ушел, и тем ликвидировалась аномалия), очень серьезно отнеслись к своим обязанностям. Под водительством Эйзенхауэра, сообщил министр внутренних дел Д. Маккей, «в седле администрация, представляющая бизнес и промышленность». Министр обороны Ч. Вильсон, пришедший с поста председателя «Дженерал моторс», признался: «Полагаю, что хорошо для страны, хорошо для «Дженерал моторс» и обратно»[2]. Уместное введение в философию правления новой администрации!

Философия эта, однако, включала в себя в первую очередь в делах внешних приверженность к догматам христианства, как понимали его министры, восседавшие у гробообразного стола заседаний кабинета. Во главе стола — президент. С первого до последнего заседания при Эйзенхауэре открывались краткой молитвой, которую произносил министр сельского хозяйства Эзра Бенсон, один из 12 апостолов мормонской церкви. Если Эйзенхауэр забывал о процедуре, немедленно раздавалось покашливание Дж. Даллеса и неизменно смущавшийся президент бормотал: «О, опять! Сегодня утром мне, как никогда, нужно собраться с силами, Эзра, будь добр...» Правда, нет сведений, как открывались заседания Совета национальной безопасности, где и решались внешнеполитические вопросы. Министр сельского хозяйства в СНБ не приглашался. Надо думать, Дж. Даллес с избытком компенсировал отсутствие штатного проповедника правительства.

С именем Джона Ф. Даллеса связана американская внешняя политика середины XX столетия. Он пришел на пост го-

[1] *Hughes E.* The Ordeal of Power, p. 134—135.

[2] *Alexander Ch.* Holding the Line: The Eisenhower Era 1952—1961. Bloomington, 1975, p. 32—33.

сударственного секретаря с давно сформировавшимися взглядами. Медленная речь, тщательно подбиравшиеся выражения, внушительный вид и постно-ханжеское выражение лица олицетворяли принадлежность Дж. Даллеса к американской дипломатической службе, приспособленной для придания высокой респектабельности весьма земным интересам. Дед — Дж. Фостер — государственный секретарь при президенте Гаррисоне, дядя Р. Лансинг — при Вильсоне. В 1919 г. Дж. Даллес — главный советник американской делегации на Парижской мирной конференции. Тогда ему был 31 год. В межвоенные годы он специализировался в международном праве, старший советник одной из ведущих юридических фирм на Уолл-стрите. Вплоть до Пёрл-Харбора он благочестиво осуждал «имущие» страны за то, что они не относятся справедливо к «неимущим» — Германии, Италии, Японии.

Он никогда не упускал случая проповедовать, доводя до бешенства собеседников. На исходе второй мировой войны Дж. Даллес учил: «Конечно, было бы слишком надеяться, что весь мир немедленно обратится к богу, но нужно что-то сделать в этом направлении, и в планах на послевоенный период следует сделать акцент на религиозной философии» [1]. Со времен войны Дж. Даллес — «теневой» государственный секретарь республиканцев, что не мешало и Трумэну нередко обращаться к его услугам. Как замечает А. Улам, «прошлое Даллеса удивительно походило на прошлое Ачесона и ретроспективно трудно обнаружить серьезное различие в сути их политики (не считая, разумеется, предвыборной риторики)» [2].

Как так? А так, объяснил англичанин Дж. Ходжсон: «Европейцы, воспитанные в представлении о США, как о великой демократии с сильным предубеждением к аристократии, крайне поражены, когда уясняют, что внешняя политика мировой державы США в течение семидесяти лет была чисто семейным делом». Он проследил причудливо переплетавшиеся семейные связи руководителей американской внешней политики, которые цементировались общей подготовкой. Они всю жизнь оставались верны принципу привилегированной школы в Гротоне (из нее среди прочих вышли Ф. Рузвельт, Д. Ачесон, А. Гарриман) — cui servire est regnare. Что

[1] *Yergin D.* Shattered Peace, p. 435.

[2] *Ulam A.* The Rivals. America and Russia since World War II, p. 201.

в переводе с латыни значит «кто служит, тот и правит». Вот и проявилась эта порода в Даллесе, заключает Дж. Ходжсон, «один современный дипломат нашел: «Даллес поразительным образом сочетал в себе христианина и ловкого, совершенно беспощадного юриста». Этот парадоксальный сплав личных качеств и объединял Ачесона и Даллеса, они рвались расправиться с силами зла, пуритане постхристианского мира» [1].

Дж. Даллес почитал себя дисциплинированным солдатом. Еще не успел сенат утвердить его в должности, как новый государственный секретарь униженно попросил ФБР провести «полную проверку» его лояльности! Весной 1953 г. маккартисты затеяли свалку в сенате, пытаясь сорвать назначение Ч. Болена послом в СССР. Они кричали, что он «ненадежен», ибо, разъяснил один сенатор, некий человек, «обладавший шестым чувством, позволяющим распознать аморальность, взглянул на меня,— писал Болен,— и это чувство подсказало ему: у меня тенденция к аморальному поведению» и т. д. Даллес тут же настоял, чтобы Болен не ездил с ним к Капитолию в одной машине и не фотографировался вместе. Да, язвил Болен, «Даллес считался с возможностью, что сенат отвергнет меня, и посему не хотел быть связанным даже на фото с таким отвратительным человеком, как я» [2]. Что же, таковы нравы высшего света американской «демократии»!

Очень образованный, Дж. Даллес любил рассуждать о концепциях английского историка А. Тойнби, усвоенных им на зубок. В избранном обществе блистал интеллектом и эрудицией. Но коль скоро администрация Эйзенхауэра пришла на волне идолопоклонства перед антиинтеллектуализмом, Даллес великолепно перестроился. «Выступая перед массовыми аудиториями, он устранял из речей сложные обороты, очищая их тексты от иностранных слов, особенно латинских. Он полагал, что, если их оставить, доступность его речей снизится и многие слушатели усомнятся в искрепности оратора. Интеллигенты смеялись, а Даллес был компенсирован восторгом темных масс». Тогда считалось, что трио — Дж. Даллес, его младший брат А. Даллес, возглавивший в феврале 1953 г. ЦРУ, и их сестра — начальник германского отдела госдепартамента — полностью определяли американскую внешнюю политику. А как же Эйзенхауэр? Ведь «критики

---

[1] *Hodgson D.* America in Our Time. N. Y., 1976, p. 114, 119.
[2] *Bohlen Ch.* Witness to History 1929—1969, p. 324, 329.

Джона Фостера Даллеса считали его Распутиным при Эйзенхауэре» [1]. Наверное, главным образом чисто визуально — сопоставляя добродушную, во весь рот улыбку Эйзенхауэра и узкие, с опущенными уголками губы Дж. Даллеса.

Нет, не был, совсем не был способен Д. Эйзенхауэр подпасть под чью-либо пяту, даже Дж. Даллеса. Верной службой выбившийся из самых низов, генерал высоко ценил свой новый пост и управлялся на нем, как велели ему хозяева страны, с которыми президент находился в подчеркнуто душевных отношениях. Он знал правила игры в республике и внешне представал благодушным стариком, занявшимся, в сущности, против воли государственными делами. Пресловутая секретность, основа армейских порядков, много помогала ему подготовиться с блеском исполнить эту роль. По сей день 50-е годы в США ассоциируются с улыбкой Айка.

Дж. Кеннан, вплотную наблюдавший генерала-президента, обратил внимание: «Эйзенхауэр, наделенный личными качествами, в ряде отношений почти противоположными, чем имелись у государственного секретаря, был человеком, которого было много труднее понять. Он был и исторически остается одной из самых загадочных фигур американской истории... Мнение о нем как об интеллектуально и политически поверхностном человеке совершенно ошибочно. Он на деле обладал острым политическим умом и проницательностью, особенно во внешних делах. Другой вопрос, использовал ли он успешно эти качества, но ими он обладал. Когда Эйзенхауэр всерьез обращался к внешней политике в узком кругу, связанном секретностью, он говорил на странном военном жаргоне, выражавшем или скрывавшем его мысли. Тем не менее время от времени у него проскальзывали умнейшие соображения. Он, вне сомнения, был на голову выше всех членов кабинета и официальных лиц (правда, для этого не нужно было быть очень высокого роста) в понимании международных проблем, за возможным исключением Дж. Даллеса, но даже здесь он нисколько не был ниже» [2].

В заблуждении относительно того, кто в 50-е годы стоял во главе США, пребывали даже те, кому по должности полагалось знать. Г. Киссинджер побывал в 1969 г. у Эйзенхауэра. Перед лицом старца, хотя и прикованного к койке в госпитале, Киссинджер притих: «Я, не встречавшийся рань-

[1] *Parment H.* Power and Reality: John Foster Dulles and Political Diplomacy.— Makers of American Diplomacy, p. 597, 589.
[2] *Kennan G.* Memoirs 1950—1963, p. 185—186.

ше с ним, придерживался распространенного в академических кругах мнения: подлинный, но не яркий герой войны и довольно слабый президент. В двух моих книгах и ряде статей я выражал сожаление по поводу вакуума руководства в период его президентства. Я изменил свое мнение. Ряд сердечных приступов не оставляли сомнения, что дни его сочтены. Несмотря на это, он был весь — сила. Его речь, казавшаяся неуклюжей в печати, звучала несравненно выразительнее, оживленная его холодными, темно-синими, необыкновенно проницательными глазами и все еще командными интонациями... Эйзенхауэру повезло на сильного государственного секретаря, однако авторитет Даллесу придавало доверие президента к нему, но не поддержка аппарата государственного департамента. При всем восхищении Даллесом Эйзенхауэр всегда контролировал механизм Совета национальной безопасности в Белом доме. Со временем и я понял — президент Эйзенхауэр был прав» [1].

К нашим дням американская ученая среда прозрела. Вернувшись в 1981 г. к президентству Эйзенхауэра, журнал «Тайм» отметил: «Стоит ему улыбнуться, говаривал сдержанный фельдмаршал Монтгомери, и сразу доверяешь ему...» За лицом постаревшего Геккельбери Финна скрывался ум человека, способного выигрывать войны и вести страну. Дуайт Эйзенхауэр мог бы преподать немало уроков Макиавелли» [2]. В 1980 г. политолог из Принстона Ф. Гринштейн обнародовал свое исследование о методах Эйзенхауэра — то было «скрытое руководство» [3], дававшее возможность соблюдать высшее приличие и холодную беспристрастность при проведении курса на скорейшее уничтожение «коммунизма» во всем мире. Может быть, иные в Вашингтоне в то время полагали, что для этого окажется достаточно времени президентства Эйзенхауэра. Кто знает! Американский эксперт Д. Лоу еще в середине 60-х годов заметил: «Если когда-нибудь станет известна правда об этом периоде нашей истории, мы, надо полагать, узнаем, что вопрос о превентивной войне серьезно рассматривался правительством» [4]. До этого, по причинам уже описанным и другим, о которых будет сказано, дело не дошло.

---

[1] *Kissinger H.* White House Years, p. 43.
[2] Time, August 3, 1981, p. 77.
[3] *Morrow L.* Dreams of the Eisenhower Years.— Time, July 28, 1980, p. 22.
[4] *Лоу Д.* Век устрашения. М., 1966, с. 67.

Администрация Д. Эйзенхауэра усилила накал психологической войны, не делая из этого секрета, а скорее раздуваясь от гордости. Вот и получилось: «Джон Фостер Даллес возглавлял государственный департамент и, следовательно, имел дело с дружественными правительствами, в то время как его брат Аллен вел ЦРУ, которое он как-то назвал государственным департаментом для сношений с недружественными правительствами»[1]. Обозревая поразительную эйфорию с «отбрасыванием» коммунизма, английские историки едва скрывают насмешку. «Накануне прихода к власти Даллес сказал: «Мы можем быть уверены, что через два, пять или десять лет значительная часть порабощенного мира сможет вернуть политическую независимость». Оптимизм, исходивший из столь высокого источника, должен был оказать влияние на Восточную Европу и Советский Союз, особенно когда Даллес стал рассуждать об «освобождении» после выборов 1952 г. По телевидению в начале 1953 г. он воззвал: «Все страдающие в коммунистическом рабстве... вы можете положиться на нас»[2].

Откуда оптимизм? Рупор администрации Эйзенхауэра Дж. Даллес почитал социализм отрицанием самой природы человека, в понимании юриста с Уолл-стрита разумеется. Политические слепцы истово уверовали — так думают-де «порабощенные» народы, все без исключения. Стоит разъяснить им, что Добро — в США, как они схватятся за даллесовское евангелие. Доктрина «освобождения», или «отбрасывания» коммунизма, по Даллесу, была абсолютно реальна, и он уверился — искомых Вашингтоном целей можно достигнуть главным образом усилиями «порабощенных» народов и ЦРУ, конечно. Параноидная концепция проросла на мировоззренческой почве, а подкармливалась систематической дезинформацией Вашингтона американскими спецслужбами. Принимая желаемое за действительное и зная, чем томятся наверху, в правительстве США, агентура ЦРУ исправно передавала домыслы о мнимом повсеместном недовольстве в социалистических странах, получая в обмен доллары.

Опасность обольщения руководителей США «освобождением» нельзя было недооценивать. Не было никаких сомнений — в Вашингтоне строили планы один безрассуднее

---

[1] *Bowart W.* Operation Mind Control, p. 139.
[2] *Mooney P., Bown C.* Truman to Carter, p. 75.

другого. СССР и его союзникам пришлось озаботиться открыть глаза прожектерам на истинное положение вещей. В одном случае дело обстояло так. С 1947 г. ЦРУ развертывало подполье в Польше — поддерживало некую организацию «Вин», поставляя большие партии оружия, радиоаппаратуру, деньги и др. На деле компетентные ведомства социалистических стран поддерживали фикцию существования «Вин». Историограф ЦРУ скорбно повествует: они «решили проучить ЦРУ... требования «Вин» нарастали, и ЦРУ старалось всячески удовлетворить их, воздержавшись только от выброски на парашюте американского генерала, который, по утверждению «Вин», смог бы гальванировать польское сопротивление... План удался, и так хорошо, что вся операция финансировалась американским золотом, Советы наверняка получили большую прибыль. Горький урок» [1]. Горький потому, что 27—28 декабря 1952 г. варшавское радио с большим чувством юмора оповестило о конце операции. «Наверное,— высказывает предположение Г. Розицкий,— русские были озабочены, что президент Эйзенхауэр может переоценить военный потенциал в странах-сателлитах при проведении объявленной им политики «освобождения». Пришлось списать по графе убытков 100-тысячную «армию», которую США снабжали через «Вин». Но полководцы психологической войны не унялись.

Фиаско в Польше удвоило их рвение в подрывной работе против стран социализма, хотя акценты были несколько переставлены. Программы радиостанций ЦРУ — «Свободная Европа» и «Освобождение» (впоследствии переименованное в «Свободу») — с начала 1953 г. приобрели резко подстрекательский характер. «Темы передач,— продолжает Г. Розицкий,— были предназначены усилить пассивное сопротивление, подорвать восточные режимы, ослабив контроль коммунистических партий и поддержать надежду на конечное освобождение. Цель США Даллес определил наиболее ясно в сенатском комитете по иностранным отношениям при утверждении его в должности: «Не будет прочного мира или счастливого мира, пока советский коммунизм контролирует треть человечества... Если наша политика будет сводиться к удержанию имеющегося, нас отбросят. Лишь поддерживая надежду на освобождение... мы сможем покончить с этой страшной угрозой. Однако это можно и должно

[1] *Powers T.* The Man who kept the Secrets, p. 43.

сделать такими методами, которые не спровоцируют всеобщую войну... Те, кто не верит, что этих результатов можно добиться моральным давлением, весом пропаганды, ничего не понимают» [1].

Правительство во главе с Эйзенхауэром принялось ковать смертоносное оружие, которым намеревалось поразить «коммунизм» в самое сердце,— сочинять резолюцию конгресса к «порабощенным» народам. Их наверняка покинуло чувство юмора, и они просто не были способны взглянуть на себя со стороны. Эйзенхауэр несколько раз собирал в Белом доме лидеров конгресса для обсуждения бесподобного документа. Твердолобые республиканцы потребовали внести в него осуждение «предательства» Рузвельта и Трумэна и под лупой разглядывали текст, пытаясь обнаружить «троянского коня сдерживания». Лидер меньшинства сенатор Л. Джонсон от имени своих коллег по партии заверил, что все они также «скорбят» по поводу «порабощенных» народов, но не допустят огульного поношения политики своей партии. Радетели «освобождения» погрузились в склоку, конца которой не предвиделось.

5 марта 1953 г. умер И. В. Сталин. Собрался Совет национальной безопасности. Дж. Даллес пришел разъяренным. Он предлагал вообще никак не откликаться на смерть И. В. Сталина — любое послание «может быть истолковано как призыв к скорбящему советскому народу восстать против своих правителей» [2], но Эйзенхауэр счел необходимым обратиться с прочувствованным заявлением. Правительство утвердило текст, в котором напоминалось, что мы «дети одного бога, отца всех народов... Независимо, кто правит народом громадной страны, мы, американцы, продолжаем молиться, чтобы всевышний надзирал за ним» [3]. Да, Эйзенхауэр был и оставался правофланговым в строю «освобожденцев».

Дж. Даллес, разумеется, шел в ногу со временем, вскоре он вызвал посла США в Москве Ч. Болена и «взволнованно» заговорил: в СССР-де «вспыхнет кровавая борьба за власть, которая может привести к падению советского режима». Изумленный посол сказал, что не разделяет этой точки зрения. Тогда, по словам Болена, Даллес схватил лежавшую на столе открытую книгу Сталина «Вопросы

[1] *Rozitzke H.* CIA's Secret Operations, p. 171, 156—157.
[2] *Hoopes T.* The Devil and John Foster Dulles. Boston, 1973, p. 171.
[3] *Eisenhower D.* Mandate for Change 1953—1956, p. 188.

ленинизма» и стал зачитывать подчеркнутые им места. Болен пожал плечами, а Даллес остался при своем мнении [1]. Примерно в это же время Дж. Кеннан робко раскритиковал розовые надежды «освобождения». Даллес предложил теоретику перейти в ЦРУ, а когда Кеннан отказался, бесцеремонно выгнал его с дипломатической службы. Кто не желает идти в ногу, вон из строя!

Правящие президент и государственный секретарь знают лучше. На пресс-конференции 17 июня 1953 г. Эйзенхауэр сурово осведомился у журналистов: «Почему мы не можем уже сегодня знать, что происходит в мире?.. Кто из вас прочитал «Вопросы ленинизма», ну? Сколько из вас серьезно изучали Карла Маркса и проследили эволюцию марксистской теории до ее сегодняшнего применения, ну?» Журналисты стыдливо промолчали. На другой пресс-конференции — 11 ноября 1953 г.— Эйзенхауэр выругал их: «Тот, кто не видит, что великая борьба нашего времени носит идеологический характер... не понимает ничего» [2].

Дж. Даллес открылся: он-то весьма осведомлен. «Я прочитал массу работ коммунистических идеологов. Вот так я и приобрел понимание целей международного коммунизма и разрабатываю последовательную американскую политику для борьбы с этой угрозой» [3]. Разумеется, во исполнение предначертаний президента — в операциях психологической войны, каковые, наставлял президент Дж. Даллеса, «покрывают все — от пения прекрасных псалмов вплоть до самых изощренных форм физического насилия» [4]. Не зафиксировано, чтобы братья Даллесы пели, а вот случаев насилия было хоть отбавляй.

Даллесовская проба пера случилась уже летом 1953 г. В июне 1953 г. американские спецслужбы спровоцировали беспорядки в Берлине. Ветеран УСС, назначенный Эйзенхауэром специальным помощником президента по ведению психологической войны, С. Джэксон растолковывал: «Мятеж в Берлине ниспослан богом, и, если при этом перебьют массу народа, ну и что... «Кровь мучеников» — именно это нужно для дискредитации русских во всем мире» [5]. Началь-

[1] *Bohlen Ch.* Witness to History 1929—1969, p. 356.
[2] Public Papers of the Presidents: Dwight D. Eisenhower, 1953. Washington, 1960, p. 431—432, 760.
[3] *Berding A.* Dulles on Diplomacy. Princeton, 1965, p. 30—31.
[4] *Gaddis J.* Strategies of Containment, p. 155.
[5] *Powers T.* The Man who kept the Secrets, p. 46.

ник миссии ЦРУ в городе Г. Хекшер обратился с просьбой к А. Даллесу санкционировать раздачу оружия хулиганам. Не успели, хулиганы разбежались при появлении сил порядка.

Осенью 1953 г. на совещании в Белом доме подбили неутешительные итоги первых шагов «освобождения». Ничего не получалось. Сидели, судили, рядили, слушали объяснения Даллесов. Договорились, однако, продолжать в том же духе — «подстрекать к политическим беспорядкам на советской территории», прибегать к экономическим санкциям, может быть, блокировать Черное море и т. д. Н. Рокфеллер, обосновавшийся в окружении президента, горячо поддержал действия на путях психологической войны, от каковых воспоследствуют, по его мнению, великие результаты. Профессионалы, особенно послужившие в свое время в УСС, как подобает ветеранам, не скрывали скептического отношения. В целом, по всей вероятности, заключили, что верной дорогой пошли джентльмены, дело только за временем. Подрывные акции, создавая на каждом шагу затруднения в строительстве социализма, рано или поздно ослабят притягательную силу его идей. И тогда!

Но избранный образ действия может оказаться успешным только в том случае, если соперничающая система — капитализм — продемонстрирует свою жизнеспособность. Эйзенхауэр считал, что предшествовавшее правительство перебрало в милитаризации страны. Он, профессиональный военный, отлично понимал — нет никакой военной угрозы со стороны Советского Союза. Не СССР, а США готовили войну, и поэтому Вашингтон мог с учетом предстоявшей американской агрессии заранее определить потребные для этого ресурсы, возложив и на союзников соответствующую ношу. Кредо Эйзенхауэра состояло в том, что чрезмерные военные расходы в условиях мира могут подорвать мощь Соединенных Штатов, состоящую не только в военной силе. Вероятно, то была не его личная мудрость, а коллективное мнение правительства министров-миллионеров. Возможно, его вклад в основном ограничивался доказательством справедливости этой концепции чисто военными аргументами, которые, конечно, никто не мог оспорить.

Концепция эта была производной от оценки генеральной перспективы в борьбе против Советского Союза и сводилась примерно к следующему: «Руководители администрации Эйзенхауэра усматривали опасность для американ-

ской безопасности в самих планах правительства Трумэна добиться американского военного превосходства. Лидеры новой республиканской администрации в основном были консервативными бизнесменами, новый президент восхищался их экономической мудростью, разделяя и осторожное отношение к федеральным расходам и государственному долгу. Все они считали, что борьба США с коммунизмом в такой же степени носит экономический, как военный и дипломатический характер. Они утверждали, что «часть коммунистического плана» заключается в следующем: если США нельзя победить в войне, их нужно заставить так напрячь свою экономику, что она в конечном итоге потерпит крах под бременем чрезмерных военных расходов в течение неопределенного периода времени. В особенности они опасались инфляции, сопровождавшей военные затраты на войну в Корее, что было опасным симптомом экономического перенапряжения, которое вызовет военное соревнование с Советским Союзом» [1].

Президент Эйзенхауэр руководствовался этим, определяя темпы и размеры строительства американских вооруженных сил. На первых порах он не встречал большого противодействия: кто мог дерзнуть бросить вызов солдату № 1 Соединенных Штатов? Во всяком случае, на протяжении его первого президентства генералы и адмиралы, которые, несомненно, брюзжали, публично придерживали язык. Они не осмеливались атаковать политическую линию правительства, ее примат над военными соображениями не ставился под сомнение. Эйзенхауэр был удовлетворен складывавшимся, как ему представлялось, единомыслием. О чем писал даже в августе 1956 г. Э. Хазлетту, другу с молодых лет, с которым он иной раз делился своими сокровенными мыслями:

«Я терпеливо вновь и вновь объясняю — американская мощь состоит в комбинации экономической, моральной и военной силы. Если мы взвинтим налоги для строительства самолетов и кораблей, мы иссушим накопление капитала, необходимого для создания ежегодно рабочих мест для миллиона с лишним рабочих. Для каждого рабочего нужен капитал примерно в 15 тыс. долл. Следовательно, ежегодно для обеспечения их работой нужно инвестировать 15—20 млрд. долл. Если налоги станут столь обременительными,

[1] *Weigley R.* The American Way of War, p. 400.

что подорвут привлекательность инвестирования для капитала, тогда это бремя выпадет на долю правительства. А это одна из разновидностей социализма».

Похвалившись перед другом, что он умеет обуздывать неумеренные претензии командующих различными видами вооруженных сил, Эйзенхауэр добавил: «Когда-нибудь в мое кресло сядет человек, не выросший в рядах армии, плохо понимающий, где можно урезать в заявках с малым ущербом или без него. Если это произойдет при сохранении нынешнего положения в мире, я содрогаюсь при одной мысли о судьбе нашей страны...»[1] Отточием Эйзенхауэр подчеркнул свою мысль, если угодно, пророческую при ретроспективном взгляде спустя четверть века.

На этом основании обладатели поверхностных или злоумышленных умов объявили Эйзенхауэра «миротворцем», ибо он во исполнение описанной концепции нередко внушительно декларировал в пользу мира. Разумеется, он не касался того, о чем еще считалось неприличным говорить,— расширения тайных операций психологической войны. «Мирное» заявление президента — неотъемлемый элемент обеспечения их цели — нанесение поражения Советскому Союзу. Стратегическая концепция правительства Эйзенхауэра имела, следовательно, тщательно замаскированное «второе дно». Наращивание усилий в психологической войне в интересах развала социалистических стран при одновременном укреплении социально-экономической структуры США и Запада по всем линиям. Образно говоря, как боксер в начале схватки, США развертывают и ведут бой левой рукой, а правую держат в готовности для нанесения нокаутирующего удара. Рассчитывая, что зазевается противник, готовятся нанести сокрушительный удар левой рукой, но все же считают, что исход решает правая— военная мощь США.

Военная подготовка при Эйзенхауэре сосредоточилась на создании достаточных предпосылок для разгрома Советского Союза силой оружия. Принятая военно-стратегическая доктрина «массированного возмездия» сводилась к тому, что США держат ядерный потенциал со средствами доставки (стратегическая авиация) в полной готовности для введения в дело и надеются, что массовые наземные армии поставят союзники. Доктрина эта отвечала высшим

[1] *Eisenhower D.* Mandate for Change 1953—1956, p. 714—715.

принципам «баланса сил» и сулила максимальную огневую мощь при терпимых затратах, не подрывающих «американского образа жизни». Возрастают вооружения союзников по НАТО, перевооружаются ФРГ и Япония, и происходит некоторое сокращение численности обычных американских вооруженных сил. Нам не нужно столько этих «мойщиков бутылок и официантов», как отозвался Эйзенхауэр о раздутых штатах армии.

Усиление ядерного кулака подтвердило в глазах президента возможность ведения Соединенными Штатами превентивной войны против СССР. 8 сентября 1953 г. он пишет Дж. Даллесу: «Мы должны быть в немедленной готовности причинить врагу куда больший ущерб, чем он может надеяться нанести нам. В этом и состоит сдерживание, однако, если состязание за сохранение такого положения затянется, потребующиеся материальные издержки либо заставят нас пойти на войну, либо ввести у нас диктаторское правление. В этих условиях мы должны будем вынести решение во исполнение долга перед грядущими поколениями начать войну в самый удобный для нас момент» [1]. Надо думать, Дж. Даллес горячо солидаризировался с Айком. А для всеобщего сведения Эйзенхауэр на пресс-конференции в следующем году выразил крайнее отвращение к затеям такого рода: «Превентивная война, на мой взгляд, в наше время невозможна... откровенно говоря, я и слушать не буду, если кто-нибудь явится ко мне поговорить о ней» [2].

30 октября 1953 г. Эйзенхауэр утвердил директиву СНБ-162/2, в которой отметалась идея, что конфликт даже масштабов корейской войны может вестись без применения ядерного оружия. Отныне для штабных планировщиков критерием использования его была военная необходимость. На совещании в Нью-Йорке военных промышленников США верховный главнокомандующий силами НАТО американский генерал А. Грюнтер сообщил 29 сентября 1954 г.: «Только по той причине, что атомные бомбы причинят большие потери, и особенно тяжкие потери среди женщин и детей, мы решительно не должны быть сентиментальными... выбирая для применения виды оружия» [3]. В арсенал

[1] *Gaddis J.* Strategies of Containment, p. 148—149.
[2] Public Papers of the Presidents: Dwight D. Eisenhower, 1954. Washington, 1960, p. 698.
[3] Department of State Bulletin, October 18, 1954, p. 564.

США вводилось и «тактическое» ядерное оружие — боеголовки для снарядов крупнокалиберных орудий [1].

Основное средство «массированного возмездия» — стратегическая авиация, из 137 авиакрыльев ВВС США 54 авиакрыла — стратегические бомбардировщики. Со второй половины 1953 г. пошли в серию бомбардировщики Б-52. Перевооружение стратегических ВВС пошло по ударной программе — в августе 1953 г. Советский Союз создал термоядерное оружие. Нового, блистательного успеха советской науки и техники в США никак не ожидали.

Америка, следовательно, никак не впереди, кто виноват? 7 ноября 1953 г. ФБР получило письмо бывшего исполнительного секретаря объединенной комиссии конгресса по атомной энергии В. Бордена, который утверждал: «Вероятнее, что Роберт Оппенгеймер — агент Советского Союза». Доносов в Вашингтоне, как всегда, было предостаточно, что мог добавить Борден в досье ученого в ФБР, которое достигало в высоту 1 *м* 30 *см*. Охранка прекрасно знала, что Оппенгеймер, как любой честный интеллигент, проживший 30-е годы и войну, живой свидетель роста и ликвидации фашистской угрозы, не мог не придерживаться демократических или, если угодно, «левых» убеждений. Да, в годы войны он выражал симпатии к коммунизму, а среди его близких друзей были члены коммунистической партии. Но фактом оставалось — Оппенгеймер возглавлял лаборатории в Лос-Аламосе, где в 1945 г. была создана атомная бомба, у ФБР не было данных обвинить ученого в разглашении военных тайн. Тем не менее заурядному доносу дали ход. В конце 1953 г. Эйзенхауэр приказал лишить ученого доступа к секретной работе по той причине, что он якобы «неустанно трудился, чтобы замедлить создание американского термоядерного оружия». Оппенгеймер потребовал расследования.

13 апреля 1954 г. он предстал перед правительственной комиссией, поведшей допрос в отъявленной хамской манере, которой прославили себя вашингтонские бюрократы. Работа комиссии была закрытой, и опубликованный почти тысячестраничный отчет прошел жесткую цензуру. Обвинение в «шпионаже», разумеется, отпало. Оппенгеймер отказался отмежеваться от друзей, которых находили «подозрительными». Комиссия подтвердила отказ в доступе к

---

[1] *Snyder G.* Deterrence and Defense. Princeton, 1961, p. 436—440.

секретной работе, ибо «мы находим его отношение к программе создания термоядерного оружия достаточно тревожным, что ставит под сомнение, будет ли полностью отвечать высшим интересам безопасности его дальнейшее участие в работах в области обороны при таком отношении»[1]. Попытки ученого опротестовать решение комиссии результатов не дали.

Расправа с Оппенгеймером отражала победу тех, кто, преисполнившись решимости вести войну многомегатонными бомбами, настаивал на безграничном развитии термоядерного оружия. Эти планы вынашивались в ядерном комплексе в Ливерморе, где верховодил физик Э. Теллер. Он и его сторонники поносили Оппенгеймера, который както, припомнив Хиросиму, с горечью сказал: «Мы выполнили дело дьявола»[2]. То, что взятый курс прямо выводил к катастрофе для человечества, теллеровцев совершенно не волновало. Еще бы! Они носились с собственной эпохальной значимостью, пользовались поддержкой Белого дома и Пентагона. Понятно: их труды над «дьявольской бомбой» переводили стратегию «массированного возмездия» из грез в отвратительную реальность подготовки термоядерной агрессии.

Классическое определение «массированного возмездия» принадлежит Дж. Даллесу. В речи 12 января 1954 г. перед Советом по международным отношениям в Нью-Йорке, списав стратегические концепции правительства Трумэна как «чрезвычайные меры», Дж. Даллес определил: «Все решает долговременный фактор. Советские коммунисты, как они утверждают, оперируют в своих планах «целыми историческими эпохами». Давайте действовать аналогичным образом. Применяя множество методов, они стремятся постепенно разделить и ослабить свободные страны, заставив их пойти на такие усилия, которые... превосходят их силы, и они на деле обанкротятся. Тогда... их победа обеспечена. Общая стоимость нашей безопасности в стране и за рубежом составила свыше 50 млрд. долл., что повлекло в 1953 г. спланированный дефицит в 9 млрд. долл. и 11 млрд. долл. в 1954 г. Это случилось тогда, когда налоги достигли уровня военных лет, а доллар утрачивал свою покупательную

[1] *Donovan R.* Eisenhower: The Inside Story. N. Y., 1956, p. 294—296.
[2] *Yungk R.* Brighter Than a Thousand Suns: A Personal History of the Atomic Scientists. N. Y., 1958, p. 324.

способность. Так продолжать нельзя, не встретив серьезных бюджетных, экономических и социальных трудностей».

От имени «президента и его советников в Совете национальной безопасности» Дж. Даллес рассказал о целях новой стратегии. «Итак, решения приняты. Главное из них — в основном полагаться на большие возможности немедленного возмездия средствами и в местах по нашему выбору. Отныне министерство обороны и комитет начальников штабов готовят наши вооруженные силы для выполнения нашей политики вместо того, чтобы пытаться встретить врага, где ему заблагорассудится. Это позволит выбирать военные средства, а не множить их. Мы обеспечим нашу безопасность по меньшей цене» [1]. Излагалось так трогательно, что в Вашингтоне-де с сокрушенными сердцами занимались доводкой военной стратегии, конечно вынужденной, ибо США должны будто бы «обороняться», отстреливаться термоядерными бомбами! А порука оборонительного характера стратегии «массированного возмездия», или «нового взгляда»,— забота о сохранении «американского образа жизни». Военные расходы действительно снижались — вместо годового уровня в 50 млрд. долл. при Трумэне в 1954 г.— 40,3 млрд., в 1955 г.—35,5 млрд., в 1956 г.— 35,8 млрд. долл.

Эти данные приводились в подтверждение приверженности к миру не только Д. Эйзенхауэра, но и республиканской партии вообще. Звучало. Как неопровержимы были и цифры — с 1900 г. до вступления Эйзенхауэра в должность 1628 тыс. американцев пали или ранены в войнах, т. е. за 28 лет правления демократов, за 24 года при республиканских президентах США не воевали, на полях сражений не убит ни один американец. Репутация партии в этом отношении придавала определенно абстрактный характер доктрине «массированного возмездия». Она, конечно, имела в виду Армагеддон, но придет ли он? Во всяком случае было нетрудно изобразить «новый взгляд» республиканцев как средство недопущения ядерной войны, чем и занималась администрация Эйзенхауэра. Немало людей поверили. На деле то был массированный обман.

Когда к исходу 50-х годов по причинам, не зависевшим от избранных в Вашингтоне, доктрина «массированного

[1] Department of State Bulletin, January 25, 1954, p. 107—110.

возмездия» провалилась, объяснить задним числом ее сокровенный смысл выпало на долю проницательного американского теоретика Б. Броди. Уже в книге 1941 г. «Морская мощь в век машин» он зарекомендовал себя тонким знатоком стратегических проблем. Успех его на этом поприще объяснялся тем, что Броди «вписывал» текущую проблему в исторический контекст, что ярко проявилось в его работе «Абсолютное оружие: атомная мощь и мировой порядок» (1946 г.). Заподозрить его в том, что он стоял особняком от разработки военной стратегии США, невозможно: Броди работал в сверхсекретной корпорации «Рэнд», обслуживающей ВВС США.

В книге «Стратегия в ракетный век», увидевшей свет в 1959 г., Б. Броди растолковал, что стратегия «массированного возмездия» всего-навсего возродила старую концепцию превентивной войны. Логика ее вдохновителей, нашел Броди, состоит в том, что в ответ на гипотетические действия «врага» где-то на периферии, не угрожающие «национальным интересам» США, Вашингтон обрушит на него превентивную войну. «Разница лишь в том,— подчеркнул он,— что ждем извинения, провокации. Конечно, если мы в действительности идем к превентивной войне, тогда было бы лучше, по крайней мере надежнее, начать ее в избранное нами время, с тем чтобы завершить подготовку для достижения полной внезапности». Что дело обстоит именно так, доказывает: стратегические силы США, как показали исследования А. Волстеттера, крайне уязвимы, а «подготовка и концепция использования наших сил возмездия всегда покоятся на молчаливой предпосылке — в момент введения их в действие они будут в целости и сохранности. Это означает только одно: мы глубоко убеждены — врагу не застать нас врасплох, мы прыгнем на него, а не наоборот» [1].

Вывод этот был сделан не в популярном сочинении, а в ходе разбушевавшейся тогда дискуссии в среде узких специалистов об американской стратегии. К тому времени ветеран-исследователь Броди обрушил на пробовавших свои силы на этом поприще мрачный груз прошлого, предложив им в «новом» разглядеть старые уловки агрессоров. Он не морализировал, а поделился толикой своего пессимизма по поводу судеб мира.

[1] *Brodie B.* Strategy in the Missile Age. Princeton. 1965, p. 20, 257.

Жизнь под Айком

«Когда я вступил в должность,— писал Эйзенхауэр,— на моем столе лежал документ, вызвавший большие противоречия на протяжении всей весны 1953 г. То было прошение о помиловании Джулиуса и Этель Розенберг, приговоренных к смертной казни за шпионаж, поданное в министерство юстиции, но по которому не было вынесено никакого решения в последние недели администрации Трумэна»[1]. Приговор, вынесенный почти за два года до этого, не приводился в исполнение, ибо спецслужбы США все еще не утратили надежды склонить осужденных купить себе жизнь участием в одной из самых отвратительных операций психологической войны. Об этом свидетельствует докладная записка ЦРУ, представленная на третий день президентства Эйзенхауэра — 22 января 1953 г.: «Предмет: Дело Розенбергов. Предложение: Предпринять концентрированные усилия с целью убедить Джулиуса и Этель Розенберг, осужденных за атомный шпионаж и... ожидающих смертной казни, в том, что советский режим, которому они служат, преследует и в последнее время решил уничтожить евреев, находящихся под его властью. От Розенбергов требуется, чтобы они обратились к евреям всего мира с призывом порвать с коммунистическим движением и разрушить его. Взамен им будет отменена смертная казнь. Преимущества: С точки зрения психологической войны трудно преувеличить значение этой операции. Компартии всего мира превратили Розенбергов в своих героев и сделали их жертвами «американского антисемитизма». Их отказ от своих взглядов имел бы отрицательное значение для советской пропаганды. Коммунистическому миру было бы совершенно невозможно игнорировать или успешно дискредитировать изменение взглядов Розенбергов. Эта супружеская чета идеально подходит в роли важного инструмента в психологической войне, цель которой — раскол международного коммунистического движения...»[2].

В камере смертников супругов Розенберг установили телефон прямой связи с кабинетом президента в Белом доме. Они не прикоснулись к трубке, отвергли посулы ЦРУ. По миру прокатилась кампания в защиту жертв чудовищной провокации. За первую половину 1953 г. в Белый дом

[1] *Eisenhower D.* Mandate for Change 1953—1956, p. 279.
[2] Цит. по: Вопросы истории, 1980, № 11, с. 93 (перевод уточнен).

пришло более 200 тыс. писем с требованием отменить казнь, против нее высказался и папа римский Пий XII. На Эйзенхауэра все это не произвело впечатления, он отказался помиловать осужденных.

«Приматы» воодушевились, они поспешно решили, что генерал-президент один из них. В США уже пылали костры из неугодных им книг, иные маккартисты наивно верили — во славу Эйзенхауэра! 14 июня он прибыл в Дортмут-колледж получить почетную степень. Президент колледжа восславил Эйзенхауэра как «великого вождя». В ответном слове Эйзенхауэр поблагодарил за честь и сказал: «Не присоединяйтесь к тем, кто сжигает книги. Не думайте, что можно скрыть мысль, уничтожив доказательство ее существования. Не опасайтесь — идите в библиотеку и читайте любую книгу, если она не оскорбляет ваше представление о нравственности. Только в этом цензура. Как нам победить коммунизм, если мы не будем знать, что он представляет и почему он обладает такой притягательной силой?» [1] Через пять дней после высоких слов президента, 19 июня 1953 г., супругов Розенберг убили на электрическом стуле. В этот день под окнами Белого дома молодые громилы с плакатами «Зажарили парочку Розенбергов!» набросились на пикетчиков, протестовавших против казни.

Исполнительным приказом № 10 450 Эйзенхауэр ввел новую программу проверки «лояльности» — отныне государственный служащий мог сохранить свое место, если «это ясно соответствовало интересам национальной безопасности». Критерии, установленные при Трумэне, были куда уже. К середине 1954 г. уволили 6926 человек, только немногие из них квалифицировались как «подрывные» элементы. В основном это были инакомыслящие. Вице-президент Никсон, разумеется, говорил по-иному: «Мы вышвыриваем коммунистов, их попутчиков и неблагонадежных с точки зрения безопасности не сотнями, а тысячами» [2]. В общей сложности по программе «лояльности» прошли проверку около 10 млн. человек, сколько личных трагедий за немыми цифрами!

Хотя соперничать с массированной травлей «нелояльных», развязанной правительством Эйзенхауэра, казалось, было невозможно, Маккарти преодолел невозможное. Возглавивший в новом составе конгресса подкомитет по рассле-

[1] *Pursey M.* Eisenhower, The President, p. 266.
[2] *Alexander Ch.* Holding the Line: the Eisenhower Era 1952—1961, p. 52.

дованиям сенатского комитета по наблюдению за деятельностью государственных органов, он превратил его в трибунал инквизиции. Сражаться плечом к плечу с Маккарти избранное общество США почитало великой честью. Честолюбивый отец-мультимиллионер Джозеф Кеннеди мечтал видеть своих сыновей во главе США. Один сын — Джон Ф. Кеннеди — был уже пристроен: прошел на выборах 1952 г. в сенат. В самостоятельную жизнь вступал его брат, 27-летний Роберт Кеннеди. Отец, принимавший участие в финансировании переизбрания Маккарти в сенат, напомнил ему об оказанной услуге и попросил назначить Роберта главным советником подкомитета. Джон был против, но «по политическим, а не идеологическим мотивам», замечает его соратник Т. Соренсен[1]. Маккарти попросил своих подручных «проверить сумму, внесенную в мою кампанию, наверное (назначение Роберта.— *Н. Я.*), не стоит ее»[2]. Проверили. Роберту Кеннеди пришлось довольствоваться должностью заместителя главного советника Р. Кона.

С другими подручными сенатора Роберт соорудил исследование международной торговли. Выяснилось, что союзники США торговали с социалистическими странами. Маккарти потребовал прекратить эту торговлю. «Ликвидируем кровавую ошибку,— надрывался Маккарти,— нам достаточно сказать нашим союзникам и так называемым союзникам: «Если ваши суда будут посещать красный Китай... не получите ни цента из американских денег». Приступ гнева и ни слова от президента. Он поручил ответить Дж. Даллесу. Тот объявил, что Маккарти поразил «в самое сердце американскую внешнюю политику», ибо США должны быть готовы «нанести сокрушительный удар по жизненным центрам России... а это осуществимо только потому, что мы располагаем хорошо расположенными базами в дружественных странах»[3].

Роберт получил наглядный урок, как идут в дело его «научные» изыскания и что за люди вокруг Маккарти. В середине 1953 г. он подал в отставку, но через полгода снова объявился в подкомитете, на этот раз в роли советника демократического меньшинства. Оно и понятно — зловещая звезда Маккарти все поднималась, о нем говорили как о втором человеке в США после президента. В январе 1954 г.,

[1] *Sorensen T.* The Kennedy Legacy. N. Y., 1969, p. 41.
[2] *Cohn R.* McCarthy. N. Y., 1968, p. 66.
[3] *Donovan R.* Eisenhower: The Inside Story, p. 247.

когда Роберт вернулся в подкомитет, по опросу Гэллапа, менее трех из каждых десяти американцев не одобряли Маккарти. Хорошо, американец с улицы, пресловутый невежда в политике, а коллеги Маккарти в сенате? Каждый из них не считал себя ниже президента, иные обладали немалой волей. Но все, включая Дж. Кеннеди, Л. Джонсона, за единственным исключением Дж. Фулбрайта, замерли перед Маккарти, послушно голосуя за ассигнования на его подкомитет. Еще бы, на массовых митингах луженые глотки ревели: «Никто не любит Джо, только народ!»

С начала 1953 до середины 1954 г. Маккарти провел 17 публичных «расследований». Те, на кого он указывал, теряли работу, подвергались травле. Перед Маккарти пасовал Дж. Даллес, увольнявший по указке сенатора кадровых работников с дипломатической службы. Первое поражение Маккарти потерпел только тогда, когда попытался вторгнуться со своими инквизиторами в американский заповедник — ЦРУ. Он предвкушал обильную охоту: уволенные по тем или иным причинам работники ведомства мстительно нашептывали маккартистам — ЦРУ, поддерживавшее (разумеется, по оперативным соображениям) «левые» организации, кишмя кишит «коммунистами». А. Даллесу доложили, что досье подкомитета Маккарти распухли от материалов, порочащих его бесподобное ведомство. На повестке дня — нашествие на ЦРУ.

А. Даллес поставил вопрос ребром перед Эйзенхауэром — ЦРУ не подлежит публичному «расследованию». По одной, вероятно правдоподобной, версии президент выдавил: «Хорошо, но полагайся только на себя». А. Даллес созвал 600 руководящих работников ЦРУ и свирепо приказал игнорировать подкомитет Маккарти. Он поклялся, что ЦРУ защитит любого своего работника от преследований Маккарти, ну, а кто даст потачку маккартистам, будет уволен и пусть пеняет на себя. А. Даллес встретился с Маккарти и холодно процедил: «Не сметь!» Маккарти в своих исступленных речах продолжал, хотя много реже, клеймить ЦРУ, но на «расследование» больше не замахнулся. ЦРУ оказалось единственным крупным ведомством в США, не деморализованным притеснениями в годы маккартизма.

Получив отпор (не очень видный на фоне его триумфального шествия), Маккарти не унялся, а набросился на Пентагон. В эту схватку он ввязался, вероятно, по наущению своих помощников — Р. Кона и Д. Шайна. Два моло-

дых прохвоста — тогда им было по 26 лет — уже навеяли ужас на чиновный люд Вашингтона, особенно госдепартамент. Первый хоть был юристом, второй в борьбе с «коммунизмом» мог ссылаться разве на свое состояние — сын мультимиллионера на посту главного советника подкомитета по вопросам психологической войны. Коль скоро он работал у Маккарти без оплаты, идеализм борца никак не ставился под сомнение. Итак, неистовый дуэт Кон и Шайн чувствовали себя неуязвимыми, сочетая сафари на «красных» с развеселыми похождениями и беспробудным пьянством. Тут о себе Шайну напомнил Пентагон, наверняка неумышленно. Шайн был в списках 300 тыс. молодых людей, ежегодно подлежавших призыву на военную службу.

Протрезвевший рекрут изъявил желание отслужить родине офицером и поднял было руку, чтобы присягнуть: армейские чины объявили, что чин дает рвение и знания. Препирательства, ругань Шайна и шантаж военных дружком Коном. Результат — на Шайна надели солдатский мундир. Хотя для нового защитника отечества создали привилегированные условия (устройством солдата занимался комитет начальников штабов и военный министр), Кон вознамерился отомстить за соратника и собутыльника и подбил на это Маккарти. Мигом нашли повод: в 1952 г. был взят на службу в армию зубной врач И. Перес, которого по обнаружении его бывшего членства в одной из организаций, числившейся «подрывной» в списке министерства юстиции, через полтора года в чине майора демобилизовали. Кто продвигал Переса и почему его не предали суду военного трибунала? — с этими вопросами Маккарти подступил к Пентагону.

Он затеял очередное «слушание». Вызванный в подкомитет начальник Переса генерал-майор Р. Цвикер доложил: дело дантиста решено по уставу. Маккарти взвился: «Тогда, генерал, вас нужно снять. Человек, удостоенный генеральского звания и заявляющий: «Я буду защищать другого генерала, который защищал коммунистов», недостоин мундира (Цвикер, конечно, не говорил ничего подобного). Позор, неслыханный позор!» [1]. Цвикеру, увешанному регалиями по пояс за вторую мировую войну, Маккарти объявил: «По уму не тянешь на пятилетнего». И вопли о «коммунистическом проникновении» в армию. Наконец, не выдержали нервы у

[1] *Dorman M.* Witch Hunt, p. 212.

молчаливо одобрявших. В сенате Р. Фландерс заявил о Маккарти: «Он раскрасился по-военному. Он станцевал военный танец. Он кинулся в битву и возвратился со скальпом «розового» дантиста. Отсюда мы можем предположить — такова глубина и серьезность коммунистического проникновения в нашей стране» [1]. Фландерс наверняка выступал не только от себя, демагогия Маккарти грозила подорвать моральный дух по крайней мере офицерского корпуса вооруженных сил. Эйзенхауэр публично поддержал Фландерса.

Маккарти парировал — армия «шантажирует», чтобы не допустить «дальнейшего разоблачения коммунистов», захватив Шайна «заложником». Новое «расследование» — выслушать обе стороны. Руководители ряда комитетов в сенате в ужасе отступились, пришлось устроить разбор дела Маккарти в его собственном подкомитете. Л. Джонсон с дальним прицелом добился, чтобы «слушания» были публичными, и они собрали 20 млн. телезрителей. С 22 апреля по 17 июня Маккарти фиглярничал, проклиная «коммунистов» под знаменами доблестной американской армии. Страсти накалились — Кона и Р. Кеннеди, схватившихся было врукопашную, с трудом развели. Пентагон в меморандуме на 34 страницах педантично перечислил деяния рядового Шайна, нарушавшего воинскую дисциплину, и т. д. 7400 страниц «слушаний» заполнила сущая чепуха, и подкомитет единодушно проголосовал против Маккарти. Он и Кон ушли в отставку.

Шутовство и хулиганство Маккарти на экранах телевизоров дорого обошлось ему — по августовскому опросу Гэллапа, только 36% опрошенных остались с ним. Фландерс внес в сенат резолюцию, осуждавшую поведение Маккарти как «позорящее сенат». Спикер сената вице-президент Никсон выбросил из названия резолюции слово «осуждение». «Маккартизм в белом воротничке»,— определил Стивенсон. Препирательства продолжались, а промежуточные выборы 1954 г. в конгресс огорчили республиканцев: демократы отвоевали большинство в обеих палатах. Вклад в исход выборов Маккарти сомнений не вызывал. 2 декабря 1954 г. 67 голосами против 22 сенат вынес ему порицание всего-навсего за то, что он обзывал сенаторов нехорошими словами (например, Фландерса — «синильный старец»). О сути дела в резолюции ни слова. Маккарти спился и 2 мая 1957 г. умер

[1] *Cook F.* Nightmare Decade: The Life and the Times of Senator Joe McCarthy. N. Y., 1971, p. 475.

от алкоголизма. Конечно, он зарвался, но мертвый Маккарти был нужен. Впервые после смерти маститого сенатора У. Бора (в 1940 г.) сенат устроил государственные похороны. Очень многозначительно.

Сенатор Д. Джавитс объявил: «Смерть столь молодого сенатора, обладавшего твердыми убеждениями, поистине прискорбна. Будем надеяться и работать, чтобы в государственных интересах предостережения сенатора Маккарти о коммунистических кознях надолго пережили споры о его методах расследования». Р. Кеннеди, дружески беседовавший с Маккарти за несколько дней до его смерти, после его кончины записал в дневнике: «Я страшно скорблю... не ходил в этот день на работу. Мне трудно, чувствую, утратил важную часть моей жизни, хотя речь идет о прошлом»[1]. Через десять лет Р. Кеннеди на недоуменный вопрос: «Что же у вас могло быть общего с Маккарти?» — ответил: «В то время я думал, что существует серьезная внутренняя угроза США, и считал: только Маккарти хоть что-то делал в отношении ее. Я ошибался»[2].

Они, в Капитолии, в первой половине 50-х годов почти поголовно «ошибались». Ведь, рассмеялся думающий публицист Д. Макдональд, «подобно гоголевскому Чичикову, Маккарти торговал мертвыми душами. Он целил не в коммунистов во плоти, а в людей, которые когда-то были, возможно, могли быть, но не были, а изображались как, может быть, коммунисты, или симпатизирующие им, или по крайней мере «мягкие» в этих вопросах»[3]. Маккартизм по большому счету превентивная мера — не только разгромить идейное и иное наследие великих лет борьбы с фашизмом и реакцией, но, запугав Америку, предотвратить инакомыслие, особенно по делам внешним. Как тяжелый каток, маккартизм прошел по уже изреженным росткам истинной демократии, бурно было взошедшим в волнующую эпоху отпора фашизму и его охвостью в мире, оставив за собой безжизненное, плоское «согласие». Его поторопились залить бетоном законодательно оформленного антикоммунизма те, кто заверяли, что политически они антиподы Маккарти.

В 1954 г. добивался переизбрания после первого срока 43-летний сенатор Г. Хэмфри. В молодости он кандидатской

---

[1] *Schlesinger A.* Robert Kennedy and His Times. N. Y., 1979, p. 186.
[2] American Journey: The Times of Robert Kennedy. Ed. by Y. Stein and G. Plimpton. N. Y., 1970, p. 50.
[3] *Leuchtenburg W.* A Troubled Feast, p. 37.

диссертацией «Политическая философия Нового курса», сказано в новейшем политико-биографическом справочнике, сумел «с блеском воздать должное тому, как Франклин Д. Рузвельт реагировал на кризис». На конвенте демократической партии в 1948 г. его речь в пользу «гражданских прав» была «одной из самых памятных в наши дни на этом форуме... В сенате Хэмфри быстро выдвинулся в авангард либерального меньшинства, отстаивая социальное благосостояние, гражданские права, реформу налогообложения и прорабочие законы». Увенчал это просвещенный либеральный сенатор «внесением закона о контроле над коммунистической деятельностью в 1954 г., который запретил коммунистическую партию» [1]. Принят сенатом единогласно, в палате представителей только двое против.

Закон Хэмфри — Батлера, формально поправка к закону Маккарэна 1950 г., лишал Компартию США «всех прав, привилегий и иммунитета» политической партии, ее члены должны были зарегистрироваться как «подрывные элементы». Даже министр юстиции Г. Броунэлл пришел в ужас — антиконституционный закон практически был неприменим: «регистрация» автоматически влекла за собой осуждение. Итак, не архиреакционер Маккарти, а ура-либерал Хэмфри побил рекорд как автор «абсурдного» закона [2]. В 1956 г. удваивается максимальная санкция по закону Смита 1940 г.— до 20 лет тюрьмы.

Хотя в 1955 г. Э. Гувер предупредил конгресс, что «на каждого из 22 тыс. с лишним коммунистов приходится по десять или больше попутчиков», а в 1957 г. председатель комитета палаты представителей по расследованию антиамериканской деятельности Ф. Уолтер запугивал: в США 200 тыс. коммунистов, что «эквивалентно 20 боевым вражеским дивизиям» [3], карательные органы знали истинное положение вещей. Избегая словесных эксцессов, ФБР перешло к тайной войне с прогрессивными силами США, которая законов не знает. Хэмфри с коллегами гремели на Капитолийском холме, а ФБР, написал спустя более 20 лет ветеран политического сыска Р. Коттер, приступило к проведению «с 1954 г. в высшей степени секретной и избирательной программы КОИНТЕЛПРО (контрразведывательная

[1] Profiles of an Era. The Nixon and Ford Years. Ed. by E. Schoenebaum. N. Y., 1979, p. 314—315.
[2] *Manchester W.* The Glory and the Dream, p. 670.
[3] *Mooney P., Bown C.* Truman to Carter, p. 55.

программа), направленной исключительно против компартии и ее лидеров. Посылкой анонимных писем, распространением слухов и иными методами сеялись разлад, подозрения и соперничество между различными фракциями партии и ее лидерами. Принимались меры для срыва партийных собраний... Нет сомнений — меры КОИНТЕЛПРО нанесли ущерб коммунистической партии»[1].

Известное ныне о КОИНТЕЛПРО под специфическим углом зрения освещает оживление ревизионизма в Компартии США, пришедшееся на 1956—1957 гг. Как писал У. Фостер, «никогда раньше ни одна коммунистическая партия не переживала такого самоубийственного распада». ФБР с удовлетворением констатировало — членство в партии к 1960 г. упало до 5 тыс. человек.

Хотя в фокусе карательных органов оставалась КП США, ФБР быстро распространило КОИНТЕЛПРО на множество других организаций и неугодных властям лиц. В специальном американском исследовании сказано: «Программа КОИНТЕЛПРО ФБР против компартии и связанных с нею организаций превратила маккартизм в подпольную операцию. Через КОИНТЕЛПРО ФБР располагало куда большей свободой действий в подрыве политической активности граждан, ибо оно могло вести тайную войну, без любых помех со стороны закона. ФБР использовало прессу для дискредитации и шельмования намеченных жертв... «подрывные элементы» теряли работу. ФБР рекрутировало другие организации, как, например, Американский легион, для проведения аналогичных действий. ФБР оказывало давление на университеты и школы, увольнявших профессоров и преподавателей... ФБР подстрекало полицию арестовывать «подрывных» под любым предлогом. Агенты ФБР проникали в различные организации и взрывали их изнутри. Провокаторам вменялось раздувать в них вражду, срывать их планы. ФБР подбрасывало фальшивки о том, что лояльные члены организаций якобы полицейские информаторы... ФБР вело программу КОИНТЕЛПРО, попирая законы США, не говоря о собственной хартии, не дававшей никаких полномочий на такие действия»[2].

---

[1] *Cotter R.* Notes Toward a Definition of National Security.— The Washington Monthly, December 1975, p. 13—14.

[2] *Halperin M., Berman Y., Borosage R., Marwich Ch.* The Lawless State. N. Y., 1976, p. 113—115.

Тысячи и тысячи американцев, жертвы козней ФБР, не понимали, откуда нанесен подлый удар, приводивший иных к преждевременной кончине от стресса или к самоубийству. На кого и куда жаловаться? Серия официальных послаблений министерства юстиции и решений Верховного суда отразила сверхудовлетворение «криптократии» программой КОИНТЕЛПРО и иных в том же духе. С 1955 г. министерство юстиции перестало пополнять список «подрывных» организаций, в 1956—1957 гг. Верховный суд ограничил преследование по закону Смита, и предания суду по обвинению в «коммунистической деятельности» прекратились, а некоторых осужденных освободили. Надо думать, подлинные правители страны благодушно-снисходительно отнеслись на этом фоне к учреждению в 1958 г. «Общества Джона Бэрча», объединившего сверхфанатиков антикоммунизма. Что же, еще доказательство политического плюрализма в США.

Оставалось закрепить рубежи, на которые вышел Маккарти в духовной области, включив достигнутое им в доктрину «100% американизма». Его вклад в этой сфере сомнений не вызывает: «Атмосфера всеобщей подозрительности, от которой не были защищены ни один мужчина или женщина, окутала страну. Этому не пришел конец со смертью Маккарти. Несмотря на то что в свои последние годы он был дискредитирован, эра маккартизма долго продолжалась после его исчезновения со сцены» [1]. Перепуганная Америка, рассудили власть предержащие, схватится, как за якорь спасения, за блага, которые сулит «согласие». Что оно значит для каждого, взялись объяснить в эпоху Эйзенхауэра американские историки, социологи и философы.

Проявивших себя на этом поприще высоко подняли средства массовой информации. Превозносились самые красноречивые и целые организации, объединявшие отобранных интеллектуалов — конгресс за культурную свободу, национальная ассоциация просвещения, международная комиссия юристов и пр. Со временем, в конце 60-х годов, разъяснилось — многие организации и многие интеллектуалы оплачивались ЦРУ. Но тогда кто знал? Эти ученые, побивая себя в грудь, клялись, что поторопились реформулировать вечные истины американизма, чтобы рассеялся смрад и мрак маккартизма.

---

[1] *Dorman M.* Witch Hunt, p. 217.

Молодые историки Р. Хофштадтер, А. Шлезингер и др. объявили ересью суждения патриарха американской историографии Ч. Бирда. Расклевывая великого (Бирд умер в 1948 г.), они полагали, что становятся вровень с ним, и указывали на глубокую порочность его трудов, написанных с позиций экономического детерминизма, объявленного этими критиками «марксизмом». Применительно к США К. Маркса предложили заменить А. Токвиллем, который в своей книге «Демократия в Америке» (1840 г.) отозвался о стране как о бесклассовом обществе. Бирд был еще повинен, по их словам, в непростительном грехе — до смерти оставался «изоляционистом».

К лагерю преуспевавших историков прибились политологи и социологи типа С. Липсета, Д. Белла, философ С. Хук и немало других. Все они дружно оплакивали «радикальные» заблуждения 30-х годов. На сессии конгресса за культурную свободу в Западном Берлине С. Хук обнародовал открытие: «Термины — правые, левые, центристы — выйдут из употребления как бессмысленные». Обнадеженный горячим приемом речи Хука на сессии, А. Шлезингер учредил филиал — американский комитет за культурную свободу. Очень нужно, согласился влиятельный экономист Дж. Гэлбрейт (в книге «Американский капитализм»); в США большой бизнес, большое правительство и большие профсоюзы уравновешивают друг друга, и посему индивидуум «свободен». С великолепным единством они провозгласили «конец идеологии» в США и во всем мире, предложив преклонить колени перед правящей элитой США как конечным арбитром в мировых делах и источником всех благ.

Как так и почему? Молодые американские историки объяснили в 1977 г.: «В книге «Антиинтеллектуализм в Америке» Р. Хофштадтер (один из ведущих интеллектуалов «согласия» и «конца идеологии») доказывал, что традиционная враждебность к просвещенному руководству «коренится в демократических институтах и эгалитарных традициях страны». Следовательно, продолжал он, профессора должны обратиться к социальной и экономической элите за поддержкой, ибо «интеллектуалы по необходимости являются элитой по образу мышления и поведению». Эти интеллектуалы вступили в сотрудничество с социальной и экономической элитой, создавая идеологию «холодной войны» [1].

[1] *Carroll P., Noble D.* The Free and the Unfree. A New History of the United States. N. Y., 1977, p. 363.

В серии эссе, написанных в 50-е годы и объединенных в 1960 г. в книгу «Конец идеологии. Об исчерпании политических идей в 50-е годы», Д. Белл растолковал, что он имел в виду: «Политика 30-х годов почти целиком фокусировалась внутри стран, социальный раскол проходил в то время внутри, почти по классовому признаку, в социально-экономических терминах. Современная политика никак не отражает внутренние классовые различия, а определяется событиями на международной арене. Внешняя политика, в которой и выражается вся политика, складывается из ряда факторов, самый важный из них — оценка намерений России. Эта оценка, необходимость сдерживания, первоначально сформулированная Кеннаном, Ачесоном и Трумэном, которую приняла с небольшими изменениями следующая администрация, повлекла за собой цепь политических и социальных изменений: наращивание военной мощи, региональные военные союзы, создание «двойственной экономики» (в расчете на мир и на войну.— *Н. Я.*), новая роль науки и ученых — все это в совокупности изменило американское общество».

Так что, по Беллу, должны сделать американцы в этих условиях? Смириться с существующим порядком вещей в стране, всячески поддерживать его, ибо, с величайшим удовлетворением трактовал он, «идеология, которая когда-то была дорогой к действию, зашла в тупик... для радикальной интеллигенции старые идеологии утратили свою «истину» и силу убеждать... Но конец идеологии не является и не должен положить конец утопии... Ныне в большей степени, чем когда-либо еще, нужна утопия в том смысле, что людям необходимо, как это всегда было, представление о своих возможностях. Однако лестница к граду на небесах больше не «лестница веры», а очень конкретная: утопия указывает, куда идти, как дойти, стоимость всего предприятия и кому платить... Если интеллектуальная история минувшего столетия что-нибудь и значит и служит уроком — подтверждена мудрость Джефферсона (имевшая в виду устранение мертвой руки прошлого, но и предостережение против тяжкой руки будущего),— «настоящее принадлежит живущим» [1].

Как подобает политологам, Д. Бėлл писал мутно и малодоступно для рядового читателя. Хотя прилежный прихожанин, примелькавшийся в церкви, без труда определял:

[1] *Bell D.* The End of Ideology. On the exhaustion of Political Ideas in the Fifties. N. Y., 1965, p. 14, 393, 402, 406.

сказанное — перифраз норм заземленной протестантской этики. Идеи «согласия» популяризировались и в изящной словесности, переоценка ценностей в пользу бескрылого эмпиризма, вероятно, достигла пика в романе «Обуреваемый любовью» Дж. Коцценса. Герой романа достигает «зрелости» в 54 года, обнаружив, что она состоит в поддержании статус-кво. Решив с этих позиций острую моральную коллизию, герой заявляет жене: «Все верно, ничто не нужно менять», ведь еще его отец учил: «Мой мальчик, никогда не... против ветра!» Следовательно, капитализм не имеет конца, благоразумные должны жить в системе, они и раскупали роман, три миллиона только в твердой обложке. Об осуществлении «утопии» позаботятся правители государства, коим надлежит безропотно подчиняться. Они знают лучше.

Высокая цель укрепления «согласия» побудила Эйзенхауэра в делах внутренних в значительной степени следовать принципам, выкованным и применявшимся со времен Рузвельта, хотя республиканцы никогда не приглушали риторики против «ползучего социализма» (как они именовали государственные социальные программы). Бизнесмены-миллионеры в правительстве попытались разве выполнять это с деловой хваткой, попутно кляня «политиканов» эпохи Рузвельта — Трумэна за безрукость. Впервые за 40 лет США получили новое министерство — здравоохранения, просвещения и благосостояния, оно заменило множество управлений, ассигнования которым проходили по 67 статьям, и, гордился Эйзенхауэр, «стало куда более дисциплинированным и эффективным слугой все большего числа американцев» [1]. К концу его президентства до 90% населения подпадали под те или иные законы, предусматривавшие социальное обеспечение. В 1956 г. почасовая минимальная заработная плата повысилась с 75 центов до 1 долл. Эйзенхауэр декларировал: «Уничтожение нищеты и смягчение бедствий, постигающих человека,— законная забота на всех уровнях государственного механизма» [2].

Но не для всех. К 1960 г. 40 млн. жили ниже установленной тогда границы «бедности» (3 тыс. долл. на семью из четырех человек в год), еще 39 млн. ютились вблизи этой границы. Это 40% населения страны, которая-де вступила в эру «изобилия». Черным пятном на пропагандистских клише

---

[1] *Eisenhower D.* Mandate for Change 1953—1956, p. 178.
[2] *Bolt Ch.* A History of the USA. N. Y., 1974, p. 498.

выделялось положение афро-американцев. Американская элита видела, что расовая дискриминация в США — плохой аттестат для развивающихся стран. В 1954 г. Верховный суд отменил сегрегацию в государственных школах, но за осуществление решения предстояла еще длительная борьба в каждом южном штате. Она обещала быть трудной, Эйзенхауэр проговорился своему помощнику: «Я лично считаю его ошибочным» [1].

Судьи поторопились, полагал президент, американские черные, напротив, негодовали — власти слишком долго медлили. Они стали подниматься против расистов, подвергались избиениям, шли в тюрьму. В 1956 г. на сцену выступил 25-летний черный священник Мартин Лютер Кинг, возглавивший 11-месячный бойкот в Монтгомери, штат Алабама, автобусной компании, практиковавшей сегрегацию. Кинг, следовавший заветам Ганди, выступил за «ненасилие» в борьбе за гражданские права. Он победил и вместе с десятками соратников угодил в тюрьму. ФБР, усмотрев угрозу в движении Кинга, тайными методами попыталось разгромить его. Как обычно, охранка не оставляла следов, действуя чужими руками. Кинг говорил о «братской любви» к белым, совет граждан в Алабаме объявил: «Мы полагаем эти истины самоочевидными: все белые созданы с равными правами на жизнь, свободу, счастье и преследование до смерти ниггеров... Если мы не прекратим помогать этим каннибалам из Африки, в один прекрасный день мы проснемся и увидим преподобного Кинга (игра слов: «кинг» — по-английски «король».— *Н. Я.*) в Белом доме» [2]. Конфликт был неизбежен.

Вероятно, самая впечатляющая мера президентства Эйзенхауэра — закон 1956 г. о постройке 70 тыс. *км* автострад к 1970 г. Самое дорогое государственное строительство в истории США — 76 млрд. долл., ровно вдвое выше первоначальной сметы,— частично оплачивалось повышением налогов на бензин, покрышки, что означало крупное скрытое финансирование транспортной промышленности. С каждым годом новые миллионы автомашин — то было время больших моделей с мощными моторами — вливались во все густевшие потоки транспорта на новых дорогах. Америка вкатывалась в «изобилие». Но на закрытом заседании в Белом доме, созван-

[1] *Larson A.* Eisenhower: The President Nobody Knows. N. Y., 1968, p. 137—138.

[2] *Parmet M.* Eisenhower and the American Crusades. N. Y., 1972, p. 442.

ном для обсуждения вопроса о сокращении армии, президент заявил: «Элементарная логика повелевает: средства, потребные для наземных сил, куда выгоднее использовать для строительства новых автострад, по которым в случае вражеского нападения эвакуируется население крупных городов» [1].

Соединенные Штаты, по выражению У. Ростоу, превращались в страну «высокого массового потребления». При ежегодном росте валового национального продукта (дважды прерывавшемся кризисами) в 50-е годы на 2,9% увеличение за 10 лет составило 51%. У истоков процесса — военные заказы во исполнение директивы СНБ-68, поначалу для ведения корейской войны. Пентагон открыл рынок для электронной промышленности, выросли авиационные заводы на Западном побережье и т. д. Падение военных расходов после 1953 г. компенсировал рост потребностей «общества потребления», пошла закупка, часто в кредит, товаров длительного пользования. Перемещение состоятельных людей в пригороды, резко усилившееся в 50-е годы (из 13 млн. домов, построенных за 10 лет до 1958 г., 85% сооружены там), создало на них устойчивый спрос. Приход электричества в домашнее хозяйство — пылесосы, стиральные машины и пр.— утроил за десятилетие его потребление. С уходом состоятельных в пригороды в центре городов оставались в основном бедняки, доходы муниципалитетов от налогов падали и стал вырисовываться «кризис городов».

В пригородной цивилизации, собственно, и сосредоточилось «общество изобилия» со своими ценностями, которые распространялись не только по всем Соединенным Штатам, но и проникали далеко за американскую границу. Там в собственном доме минимум с двумя машинами в гараже процветал самодовольный «потребитель». В отличие от «детей кризиса», он был оптимистом — слышал об автоматизации, видел, что производство растет, и не считал нужным откладывать на черный день. Что получал, то и тратил, часто покупал в кредит.

За средними цифрами крылось: в 1929 г. высшие 10% населения получали 39% всех доходов, следующие 40% — ровно столько же, а на долю оставшейся половины приходилось 22%. В 1945 г.— соотношение 29, 49 и 22%! К 1959 г.,

---

[1] *Adams Sh.* Firsthand Report: The Story of the Eisenhower Administration. N. Y., 1961, p. 399—400.

после всех разговоров об «обществе изобилия»,— соотношение 29, 48 и 23%! Проделанное в президентство Ф. Рузвельта прочно зафиксировалось в американском обществе. «Перераспределение богатств, какое имело место,— справедливо замечает Дж. Ходжсон на основании изысканий американского историка Г. Колко,— по-видимому, завершилось к 1945 г. И это было перераспределение не от богатых к бедным, а от самых преуспевающих к преуспевающим вслед за ними. Вторые и третьи 10% в шкале доходов в то время включали управляющих, менеджеров, творческих работников, «белые воротнички» и самых высокооплачиваемых рабочих в сильных профсоюзах. Передвижка 10% доходов в их пользу едва ли означала ликвидацию пролетариата или приход среднего класса. Однако в силу какой-то интеллектуальной ошибки это рассматривается именно так». И в другом месте диагностировал причину: «Убеждение на грани благодушия в совершенстве американского общества и страх, доходивший до безумия, по поводу угрозы коммунизма — таковы были слагаемые согласия» [1].

В 1956 г. США перешагнули рубеж — в самодеятельном населении количество «белых воротничков» оставило за собой «синие воротнички». А среди отнесенных к «белым воротничкам», утверждал Дж. Гэлбрейт, «с точки зрения только заработка, бесспорно, выгоднее быть спекулянтом или проституткой, чем учителем, священником или полицейским». Философствующий публицист Э. Вильсон добавил: «Потребление и выгода стали играть ту роль, которую занимала религия у наших дедушек». У. Липпман в сердцах обозвал их «новыми варварами», а Дж. Гэлбрейт подытожил: «Таково наше время, робкий критик — сущий лев в доминирующей атмосфере. Таково время, когда люди всех положений и всех политических убеждений ищут удобного и принятого, когда на противоречащего смотрят как на фактор беспокойства, а оригинальность считается признаком нестабильности» [2]. Американцы 50-х годов, имевшие «изобилие» или ожидавшие его, уверовали, что конца этому не предвидится, жизнь будет претерпевать только количественные изменения, разумеется в сторону увеличения товаров и услуг.

В твердой надежде на будущее потребители опрокинули все прогнозы демографов. Если в 40-е годы население США

---

[1] *Hodgson G.* America in Our Time, p. 85—86, 75.
[2] *Manchester W.* The Glory and the Dream, p. 776—777.

увеличилось на 19 млн. человек (более чем в два раза превысив прирост в предшествующее десятилетие), то 50-е годы побили все рекорды — американцев стало на 29 млн. больше. Рождаемость достигла уровня Индии! За 20 лет, к 1960 г., количество матерей с тремя детьми и более удвоилось, а число женщин среди студентов колледжей упало до 35% (против 40% до второй мировой войны) и оказалось ниже, чем в любой европейской стране. По мере того как подрастало послевоенное поколение, бизнес организовал «рынок» для подростков (14—19 лет): они покупали 39% всех радиоприемников, 44% фотоаппаратов, 53% билетов в кино и даже 9% автомашин. Родители поощряли — детям суждено повторить тот же цикл и стать полноценными потребителями. Школа переходила к «прогрессивному обучению» — курсы «семейной жизни» потеснили алгебру, геометрию, грамматику и иностранные языки. Мудрствования среди молодежи не приветствовались. Шкалу оценок упростили — только «удовлетворительно» и «неудовлетворительно».

Так, словами и делами человечество приглашалось помчаться (удобнее в джинсах, независимо от национальности и пола) за прекрасными Соединенными Штатами, имитировать «американский образ жизни» и прежде всего «согласие». При этом обычно упускали указать — в силу известных исторических причин США, в которых было 6% населения мира, производили и потребляли около половины мировой промышленной продукции.

В угаре психологической войны

Эти «незабываемые пятидесятые» американского политического фольклора, безмятежные и безвозвратные, как детство, освещенные доброй улыбкой Айка. О них, особенно о первом президентстве, тепло вспоминал в своих мемуарах Д. Эйзенхауэр, укрепляя прекрасную легенду. Истинный свет тогда усматривали (с небольшими американскими разъяснениями) разные народы, которые во славу гармонии, если требовалось, устраняли нехороших людей, случайно оказавшихся у власти. Так, если верить добрейшему президенту, случилось, например, в Иране (в 1953 г.) и Гватемале (в 1954 г.). Правительство Мосаддыка в Иране и правительство Арбенса в Гватемале национализировали иностранную

собственность, в том числе американскую. Конечно, за обоими, утверждал Эйзенхауэр, стояли «коммунисты», посему:

В Иране «внезапно и драматически выступила оппозиция к Мосаддыку и коммунистам, т. е. верные шаху. Поднялась иранская армия... На следующий день Мосаддык сдался и был арестован... На всем протяжении кризиса США делали все возможное, чтобы поддержать шаха. Некоторые сообщения из Тегерана в эти критические дни походили на авантюрный роман, а не на исторические факты. После триумфального возвращения шаха я поздравил его».

В Гватемале «главный фактор в успешном исходе — недовольство гватемальских вооруженных сил и населения в целом тираническим режимом Арбенса... Вооруженные силы взяли дело в свои руки и вышвырнули Арбенса... «Отныне будущее Гватемалы,— сказал Джон Фостер Даллес в речи по радио 30 июня,— в распоряжении самого гватемальского народа»[1].

Умел и любил хранить государственную тайну генерал-президент, и не его вина, что оглашенные позднее по потребностям той же психологической войны факты перечеркнули сказанное в его мемуарах, писанных на века. Укрепляя пошатнувшуюся было веру в полезность проведения внешней политики и руками ЦРУ, ведомство в 70-е годы ссылалось на случившееся в 1953—1954 гг. в Иране и Гватемале как на свои выдающиеся победы в психологической войне. Итак, коль скоро Мосаддык создал угрозу нефтяным монополиям, в Иран направили сотрудника ЦРУ К. Рузвельта (внука президента США Т. Рузвельта). Он развернул в Тегеране разветвленную агентурную сеть, рекомендовав шаху на время убраться из страны. Для создания впечатления о полной непричастности США уехал из Ирана и американский посол. Тем временем «небольшая группа оперативников ЦРУ, укрывшаяся в подвале в Тегеране, руководила путчем в августе 1953 г. Ему предшествовала пропагандистская кампания с простой темой — если антишахский режим Мосаддыка останется у власти, СССР и иранские коммунисты (тогда мощная партия Туде) возьмут страну. Борьбу выиграли на улицах. На демонстрации сторонников Мосаддыка и партии Туде против готовившегося путча бросили толпы черни, возглавленные подкупленными иранцами, а американская военная миссия в Тегеране предоставила армии, настроенной против

---

[1] *Eisenhower D.* Mandate for Change 1953—1956, p. 211—212, 511.

Мосаддыка, оружие, которое помогло повернуть ход уличных боев» [1].

Все причастные к путчу остались довольны. ЦРУ наградило К. Рузвельта, английские и американские монополии возобновили грабеж нефтяных богатств Ирана. Шах вновь уселся на трон, по-прежнему заливая кровью страну, а Мосаддыка посадили в тюрьму. Успех операции «Аякс» — сохранение власти шаха в Иране с минимальными издержками для США (К. Рузвельт похвалялся, что истратил только 1 млн. долл.) — окрылил ЦРУ. На очередь встала Гватемала.

Демократическое правительство Арбенса национализировало 100 тыс. *га* необрабатываемых земель американской «Юнайтед фрут компани». Перед второй мировой войной юридическая фирма Дж. Даллеса подготовила ее соглашение с правительством Гватемалы, А. Даллес входил в число директоров компании, а заместитель государственного секретаря по делам Латинской Америки Дж. Кабот держал крупный пакет ее акций. Ни монополию, ни этих людей не устраивала компенсация, предложенная за национализированные земли, они претендовали на сумму в 25 раз большую [2]. Расправу с правительством Арбенса поручили ЦРУ. Мир все же далеко ушел от дней молодости братьев Даллесов, когда США, нисколько не таясь, писали историю в Латинской Америке штыками морской пехоты. Наверное, не только это — услуги спецслужб были дешевле, что имело значение в глазах скуповатой администрации Эйзенхауэра.

ЦРУ получило на операцию 20 млн. долл., приискало полковника Кастильо Армаса на роль руководителя «восстания», в Гондурасе устроили подрывную радиостанцию «Свобода», вещавшую-де из джунглей Гватемалы. «Ей стали верить из-за искусства ее лжи. Когда известный гватемальский пилот бежал из страны, оперативники Филиппса (руководителя радиостанции.— *Н. Я.*) напоили его. Затем они попросили летчика выступить с призывом к его друзьям бежать. Он отказался. Люди Филиппса спросили, как бы он говорил, если бы у него не осталось родственников в Гватемале. Пилот произнес яростную речь, а сотрудники ЦРУ записали ее на пленку и передали в эфир. Гватемальцы перестали доверять своим летчикам и больше не выпускали их в воздух» [3]. Эта провокация — только ничтожная часть массированной пропаганды

[1] *Rozitzke H.* CIA's Secret Operations, p. 188.
[2] *Mooney P., Bown C.* Truman to Carter, p. 77.
[3] *Wyden P.* Bay of Pigs. The Untold Story. N. Y., 1979, p. 21.

в духе психологической войны, обрушенной на Гватемалу. Дж. Даллес и другие выступали с поджигательскими речами, создавая впечатление, что вот-вот гигантские США навалятся на крошечную страну, а радиостанция «Свобода» непрерывно передавала загадочные сообщения, обращенные будто бы к бесчисленным бандам в джунглях, готовившимся к выступлению.

Пропаганда, действия агентуры ЦРУ привели к тому, что, когда 18 июня «армия» Кастильо Армаса — 150 человек на грузовиках — пересекла границу, ее далеко обогнали смятение и дезорганизация. Правительство попыталось искать справедливости в Совете Безопасности ООН, где союзники США Дания и Новая Зеландия заблокировали его обращение. 27 июня оно ушло в отставку. Ликующий Эйзенхауэр пригласил в Белый дом руководителей операции из ЦРУ. А. Даллес в упоении от успеха припомнил: он осознал, что президент с ними в тот самый момент, когда к Эйзенхауэру накануне «восстания» явился чиновник из госдепартамента с тремя толстенными юридическими томами под мышкой. Незадачливый дипломат пытался разъяснить президенту, что ЦРУ нарушает международное право! «Прекрасно, прекрасно,— вскрикивал президент, крепко пожимая руки нарочито смущавшимся типам из ЦРУ,— благодарю, Аллен, благодарю вас всех». Рядом солнечно улыбалась супруга президента, сияли избранные члены кабинета.

В мире негодовали по поводу Гватемалы. Государственный департамент отрезал: «Мы не в большей степени заботимся о «Юнайтед фрут компани», чем о любых других интересах в иностранных государствах, а во-вторых, произошло не вмешательство во внутренние дела Гватемалы, а просто попытались сорвать намерения Советского Союза в этом полушарии»[1]. Национализированные земли «Юнайтед фрут компани» получила назад, в Гватемале воцарился репрессивный режим. Стоявших у истоков его Кастильо Армаса и двоих гватемальцев, работавших с Филиппсом на радио «Свобода», в 1957 г. убили. Смена марионеток ничего не изменила. Кровавые злодеяния тех, кто был поставлен у власти Соединенными Штатами, продолжались десятилетиями.

Иран и Гватемала... Введение в недописанную главу об администрации Эйзенхауэра. Недаром все без исключения ве-

[1] *Dozer D.* Are We Good Neighbours? University of Florida Press, 1959, p. 342.

тераны ЦРУ вздыхают по тем «славным» пятидесятым. Они едва успевали вытирать трудовой пот с узких лбов. «При президенте Эйзенхауэре наступил звездный час, кульминация тайных подрывных операций, и 50-е годы стали десятилетием тайной войны на широком фронте» [1],— напишет через 20 лет в припадке острой ностальгии по прекрасным пятидесятым Г. Розицкий.

Эти пятидесятые! Разоблачители ЦРУ скажут о них также через 20 лет: «Наверное, самая лучшая характеристика политики в ранний период «холодной войны» содержится в абзаце в докладе комиссии Гувера (вторая комиссия Г. Гувера, назначенная Эйзенхауэром для реорганизации государственного аппарата.— *Н. Я.*), написанном в стиле Черчилля: «Ныне ясно — перед нами неумолимый враг, поставивший целью любыми средствами и любой ценой добиться мирового господства. В этой борьбе нет правил. Доселе принятые нормы человеческого поведения к ней неприменимы. Чтобы выжить, США должны пересмотреть давнюю концепцию «справедливости». Мы должны развивать эффективные службы шпионажа и контршпионажа. Мы должны научиться вести подрывную работу и саботаж, уничтожать наших врагов более изощренными и результативными методами, чем применяемые против нас. Может оказаться необходимым, чтобы американский народ был ознакомлен, понял и поддержал эту, в основе своей отвратительную, философию» [2].

Чиновники, в сущности, занялись плагиатом, перефразировав указания Д. Эйзенхауэра на этот счет. В доверительном документе в это время он писал: «Я пришел к выводу, что некоторые наши представления о джентльменском ведении внешних дел едва ли ныне применимы... Моральные ценности — правда, честь, справедливость, уважение к другим... не нужно смешивать с методами (имеется в виду деятельность ЦРУ.— *Н. Я.*), которые иногда могут достигнуть статуса моральных концепций». Следовательно, подрывная работа «моральна»!

В ведении внешних дел администрация Эйзенхауэра — Даллеса шла весьма кривыми дорогами. Ее превозносили американские зубры антикоммунизма за крайнюю враждебность к КНР. Но, объяснял посвященным эту тактику Дж. Даллес, США поддерживают Чан Кайши и «примерно

[1] *Rositzke H.* CIA's Secret Operations, p. 154.

[2] *Agee Ph., Wolf L.* Dirty World. The CIA in Western Europe. Englewood Cliffs, 1979, p. 259.

400 тыс. коммунистических войск стоят против Тайваня, готовые обороняться против вторжения. Наша политика состоит в том, чтобы оказывать максимальное давление на китайских коммунистов, которые в свою очередь будут больше требовать от России, что внесет дополнительные осложнения в русско-китайские отношения» [1].

В приступе злокачественной эйфории по поводу возможностей ЦРУ Вашингтон с отвагой необыкновенной ввязался в дела Юго-Восточной Азии, где Франция с 1946 г. вела грязную войну против народа Вьетнама. США уже оплачивали 75% расходов Франции на нее; на 1954 г. Эйзенхауэр добился выделения еще 800 млн. долл. Французское командование в конце ноября 1953 г. высадило с воздуха 15-тысячный десант в районе Дьенбьенфу, примерно в 350 *км* по прямой к западу от Ханоя. Овладев этим пунктом (название которого в переводе знаменательно — «Большой приграничный административный центр»), оно надеялось повернуть вспять течение кампании. На деле это оказалось агонией французского колониализма. Вьетнамские войска взяли в огненное кольцо французский гарнизон, положение которого поздней весной 1954 г. стало отчаянным. Париж молил США прийти на помощь хотя бы авиацией, разве не сам Эйзенхауэр на пресс-конференции 7 апреля 1954 г. изрек: «Вот перед вами ряд костяшек домино, стоит повалить первую — и очень скоро упадет последняя. Так начнется процесс распада, который будет иметь серьезнейшие последствия» [2]. Под первой костяшкой Айк имел в виду Вьетнам, но только удержать его за Западом он надеялся не так, как французские колонизаторы.

Президент обогатил американскую науку международных отношений «теорией домино», но не согласился направить в Юго-Восточную Азию войска и даже помочь осажденному гарнизону авиацией. Был разочарован Никсон, публично стоявший за введение в дело американских войск, расстроился и комитет начальников штабов. Генералы, конечно помня о Корее, согласились с президентом, что посылать наземные войска — безумие, но председатель комитета адмирал А. Рэдфорд не видел особого вреда в том, чтобы сбросить три ядерные бомбы на осаждавших Дьенбьенфу вьетнамцев. Благо американские авианосцы с ядерным оружием на борту уже болтались в Тонкинском заливе.

---

[1] *Gaddis J.* Strategies of Containment, p. 159, 194.

[2] *Adams Sh.* Firsthand Report: The Story of the Eisenhower Administration, p. 120.

Западная печать на все лады с фальшивым пафосом описывала ложную героику складывавших головы за дело колониализма в Дьенбьенфу, а Вашингтон готовился занять место обанкротившейся Франции в Юго-Восточной Азии. Не вламываясь туда с ядерными бомбами, войсками и пр. и в союзе с Францией, а самостоятельно, методами психологической войны. В капитальном исследовании истории ЦРУ сказано: «Французы проигрывали войну в Индокитае, а ЦРУ уже оперировало во Вьетнаме как на севере, так и на юге страны... Полеты в Индокитай, кульминационной точкой которых была массированная выброска вооружения и снаряжения в Дьенбьенфу, выполняли американские гражданские пилоты по контракту с ЦРУ. Итак, уже тогда ЦРУ глубоко проникло во Вьетнам»[1]. 7 мая 1954 г. недобитые остатки гарнизона Дьенбьенфу сложили оружие. Горестные стенания по всему западному миру.

Женевские соглашения в июле 1954 г. зафиксировали разделение Вьетнама временной демаркационной линией по 17-й параллели, вывод иностранных войск и предусматривали проведение в течение двух лет общенациональных всеобщих выборов с целью воссоединения страны. США не подписали этих соглашений, оставив за собой свободу действий. Правительство Эйзенхауэра надеялось, что посаженная им в Сайгоне марионеточная клика Нго Динь Дьема в содружестве с американскими спецслужбами изменит политические настроения в Южном Вьетнаме, проще говоря, физически истребит несогласных. Сколько же их? Сам Эйзенхауэр написал: «Все лица, с которыми я беседовал или переписывался, знавшие обстановку во Вьетнаме, были согласны, что, если бы выборы провели в период войны (т. е. до лета 1954 г.— *Н. Я.*), 80% населения высказались бы за коммуниста Хо Ши Мина как их руководителя»[2]. 25 октября 1954 г. Эйзенхауэр предложил Нго Динь Дьему американскую помощь «в создании сильного, жизнеспособного государства»[3]. Впоследствии, когда развернулась американская интервенция во Вьетнаме, президент Л. Джонсон ссылался на это письмо как на «обязательство» США воевать в Юго-Восточной Азии. В 1965 г. Эйзенхауэр напомнил — он обещал экономическую и политическую помощь, но никак не военную интервен-

[1] *Prouty F.* The Secret Team, p. 232.
[2] *Eisenhower D.* Mandate for Change 1953—1956, p. 449.
[3] *Larson A.* Eisenhower: The President Nobody Knows, p. 201.

цию[1]. Как в 1954, так и в 1965 г. Эйзенхауэр в борьбе против национально-освободительного движения отдавал предпочтение психологической войне.

Вопрос, однако, не стоял так — только вооруженные силы или исключительно ЦРУ, а шло комплексное применение всех средств, находившихся в распоряжении Вашингтона. На различных этапах разные приоритеты, но в целом верно следующее.

«С 1955 г.,— пишет Ф. Праути,— ЦРУ достигло такого развития, что могло проводить собственные крупные глобальные операции, не прося, а используя гигантские ресурсы министерства обороны в своих целях. То был коренной поворотный пункт в процессе, начало которому положил закон о национальной безопасности 1947 г. К 1955 г. ЦРУ вместо своей первоначально определенной роли «тайного разведывательного ведомства президента» превратилось в главный оперативный центр в рамках военной и внешнеполитической инфраструктуры правительства США... К концу 50-х годов ЦРУ имело систему обеспечения, которая могла удовлетворить нужды ведомства по всему миру. ЦРУ, например, в считанные дни сбрасывало сорок тысяч единиц оружия или, направив в Лаос самолеты и вертолеты, перебрасывало десятки тысяч людей из племени мео из одной части страны в другую. К этому времени в распоряжении ЦРУ было 800—1000 частей, формально числившихся за министерством обороны»[2].

В Южном Вьетнаме в 1954—1959 гг. верховодило ЦРУ, которое попыталось на практике апробировать теории стратегов психологической войны. Весь арсенал средств ЦРУ был введен в действие, чтобы переделать эту часть страны по угодному Вашингтону образцу. Женевские соглашения, конечно, не были выполнены, никаких выборов не состоялось. Американо-дьемовская клика превратила подвластную ей территорию в концентрационный лагерь. К исходу 60-х годов из-за распрей в США мир узнал, что натворило ЦРУ в это пятилетие. «Но документированные свидетельства освещали лишь незначительную часть операций ЦРУ во Вьетнаме. О тайных действиях ЦРУ во Вьетнаме просочилось много меньше, чем о работе ЦРУ в других странах. Очень многие сотрудники ЦРУ поднялись по служебной лестнице во Вьет-

[1] *Schlesinger A.* A Bitter Herritage: Vietnam and American Diplomacy 1941—1966. N. Y., 1966, p. 20.
[2] *Prouty F.* The Secret Team, p. 319, 256.

наме, и они не хотели ставить под угрозу свою карьеру раскрытием своей деятельности» [1].

Если во внешний мир просачивались крохи информации, то население Южного Вьетнама лицом к лицу столкнулось с ЦРУ. Сотни тысяч убитых, сотни тысяч брошены в тюрьмы — всего за одно пятилетие, когда США, действуя через ЦРУ, причинили наибольшие потери вьетнамскому народу по сравнению с любым периодом его борьбы за национальное спасение. Нельзя было допустить дальнейшее истребление вьетнамских патриотов подобными темпами. Речь шла о физическом выживании, и народ взялся за оружие. В конце 1959 г. обширные районы дельты Меконга и южной части Центрального Вьетнама охватило восстание, против ЦРУ поднялся вооруженный народ. Операции в Южном Вьетнаме, затеянные американскими спецслужбами, предвещали большую войну для Соединенных Штатов.

Наперегонки со временем

Они очень торопились тогда в Вашингтоне, лихорадочно выстраивая доступный им мир против Советского Союза. «Пактоманией» назвали потом курс Эйзенхауэра — Даллеса. В 1954 г. СЕАТО, в 1957 г. СЕНТО, новые агрессивные блоки в дополнение к НАТО и АНЗЮС. Вовлечение в 1955 г. Федеративной Республики Германии в НАТО и ремилитаризация ее замыкали кольцо окружения Советского Союза с Запада. К концу 50-х годов США связали «военными обязательствами» 42 государства. В 1956 г. Джон Фостер Даллес декларировал: «За исключением самых чрезвычайных обстоятельств нейтрализм — аморальная и близорукая концепция» [2]. Соединенные Штаты Америки выстраивали против Советского Союза своих союзников и сателлитов по строго классовому принципу. Как определил Дж. Даллес, «для нас существуют только два типа людей в мире: христиане, верящие в свободное предпринимательство, и остальные» [3]. По крайней мере, в четкости формулировки не отказать!

Опаснейший поворот мировой политики. Советский Союз употребил все возможные политические меры для предот-

[1] Unecloaking the CIA. Ed. by H. Frazier. N. Y., 1978, p. 71.
[2] *Lyons P.* Neutralism. L., 1963, p. 107.
[3] *Morgan R.* The United States and West Germany 1945—1973. Oxford, 1976, p. 54.

вращения сползания к роковой черте. Нарастали советские предложения по разоружению, урегулированию положения в Европе, международной торговле и общему оздоровлению обстановки в мире. Но стоило СССР предложить компромисс по тому или иному вопросу, как США брали назад собственные предложения. 14 мая 1955 г. в Варшаве социалистические страны подписывают оборонительный договор. Замешательство в Вашингтоне. Правительство Эйзенхауэра принимает предложение СССР и идет на совещание глав правительств СССР, США, Англии и Франции, состоявшееся в Женеве в июле 1955 г. Советский Союз видел задачу совещания в смягчении международной напряженности и содействии созданию доверия между государствами.

Дж. Даллес внушал правительству: нельзя ехать в Женеву без предварительных уступок со стороны СССР. Каких? — осведомились на заседании кабинета. Хотя бы вывод советских войск из стран Восточной Европы или проведение всеобщих выборов в СССР под контролем ООН. Очень несерьезно. Эйзенхауэр ухватился за план «открытого неба», разработанный назначенной им группой экспертов по психологической войне под руководством Н. Рокфеллера. США и СССР соглашаются на взаимный облет своих территорий разведывательными самолетами. Выступая на совещании, Эйзенхауэр добродушно добавил: «Полагаю, что это будет только началом».

Он верил, что собрал неслыханные пропагандистские дивиденды. Истерическое, единодушное одобрение этих предложений западноевропейской и американской печатью утвердило Эйзенхауэра в представлении о себе как «победителе» на пропагандистском поприще. Ведь на деле он ничем не рисковал. Пентагон с циничным безразличием отнесся к тому, что преподносилось как доказательство высшего «миролюбия» Вашингтона. «Осуществить это было невозможно...— замечает У. Манчестер.— В Пентагоне отнюдь не служили безумцы, они соорудили множество преград на пути к секретным документам. Правительство, запрещавшее доступ к ним Р. Оппенгеймеру, не собиралось передавать их советским властям. Эра Маккарти продолжалась. Пусть сенатор дискредитирован и, возможно, простили продвигавших Переса, но никто не собирался заполнить «мигами» небо над Лос-Аламосом» [1].

[1] *Manchester W.* The Glory and the Dream, p. 751.

Западные собеседники за столом совещания вежливо (разве что Дж. Даллес свирепо смотрел через очки) отвели советские предложения. С тем и разъехались.

Не случайно и не только ради приобретения описанного пропагандистского капитала США рвались в воздушное пространство Советского Союза. Стратегические ВВС США нарастили мускулы, перевооружились бомбардировщиками Б-52 и изготавливались к удару. Проходило уточнение целей, подлежавших ядерной бомбардировке на территории СССР. Когда Эйзенхауэр рассуждал об «открытом небе», он знал, что уже доводится высотный самолет-шпион У-2, который начал нарушать советские границы со следующего, 1956 года.

Посылая У-2 в полеты над Советским Союзом, ЦРУ не выдумало пороха. Англичанин П. Карелл доказал, что «эксперименты с У-2 подсказали ЦРУ действия разведывательных самолетов полковника люфтваффе Роуэла, вторгавшихся в воздушное пространство СССР в 1940—1941 гг., в канун нападения Германии» [1]. Специалист по истории второй мировой войны английский профессор Д. Эриксон разгневался на соотечественника за то, что он упустил приоритет подлости и добрался до самых истоков. «Немцев,— заявил Эриксон,— вероятно, подтолкнули давние британские успехи: в марте 1940 г. английский «Локхид», вылетевший из Ирака, сфотографировал Баку, а в апреле — Батуми (где был обстрелян). Фотографии с подробным анализом были переданы французам, они попали в руки немцев при взятии Парижа» [2]. Да, такого рода операции проводятся как преддверие к началу войны.

В предвидении ее США сосредоточивались, Вашингтон избегал ввязываться в предприятия, которые потребовали бы неизбежного расточения ресурсов. Но на это не было времени, выполнялись заключительные этапы плана «Дропшот» или как он там назывался к этому времени. Год 1957-й, определенный для начала войны, у порога. Тут резко обострилась международная обстановка, что, по-видимому, не укладывалось в вашингтонский «график» подготовки агрессии. С пугающей очевидностью даже для Белого дома выяснилось — США неподвластны события в мире, а психологическая война, оказывается, имеет собственную инерцию и может поставить правительство США перед неожиданными

---

[1] *Carell P.* Hitler's War on Russia. L., 1964, p. 60.
[2] *Erickson J.* The Road to Stalingrad. L., 1975, p. 41.

проблемами. Передав ряд внешнеполитических функций ЦРУ, Эйзенхауэр пожинал горькие плоды. Чрезмерное рвение ЦРУ породило крупную неразбериху, которая, как ни парадоксально, парализовала действия США на внешней арене.

Американский дипломат Дж. Бим, тогда руководитель управления по делам СССР и стран Восточной Европы в госдепартаменте, припоминал об этих днях: «Я встречался с президентом на различных совещаниях в Белом доме, куда меня приглашали как подчиненного. Меня забавляло крайнее презрение к моему ведомству, которое он выражал в нецензурных словах, нередко говоря, что это «распроклятый госдепартамент». В то утро Эйзенхауэр пребывал в крайнем гневе и приветствовал меня словами: «Знаешь, что натворил твой распроклятый госдепартамент?» [1] и т. д. При таком подходе ясно, где лежали симпатии высшей власти — ЦРУ. С весны 1956 г. спецслужбы и «распроклятый госдепартамент» рука об руку бились над проблемой, как использовать осуждение культа личности XX съездом КПСС в интересах психологической войны. Рождались самые сумасбродные, дикие планы приспособить критику культа личности в СССР к доктрине «освобождения»! Возникшие в связи с этим споры в руководстве ЦРУ и госдепартамента так и не были разрешены.

Возвратившись к ним спустя два десятилетия, заместитель директора ЦРУ Р. Клин в своих мемуарах недоумевал, почему возглавлявшие оперативные управления ведомства Ф. Визнер и Дж. Энглтон оттягивали публикацию соответствующих материалов, добытых неведомым путем. «Но Клин даже спустя двадцать лет не узнал,— заметил компетентный рецензент его книги,— что Визнер и Энглтон придерживали оглашение секретного текста до момента, когда им удастся подготовить достаточные контингенты войск из эмигрантов из Восточной Европы, которые надлежало направить в районы, находившиеся под советским контролем, поддержать «национальные восстания», искрой для которых явилась запоздалая «публикация» советских материалов с критикой культа личности». «То была бы классическая операция спецслужб, если бы ее утвердили на «грани» третьей мировой войны. Но от этой грани президент Эйзенхауэр, Джон Фостер Даллес и его брат в ЦРУ Аллеп Даллес отступили» [2]. Не от-

[1] *Beam J.* The Multiple Exposure. An American Ambassador's Uniquo perspective on East-West relations. N. Y., 1978, p. 80.
[2] The New York Times Book Review, January 9, 1977, p. 2.

ступили, а просто, вероятно, не ожидали от всей операции великих результатов и посему санкционировали ее только в рамках психологической войны.

В нее погрузился и госдепартамент, о чем с величайшим удовлетворением повествует тот же Дж. Бим даже с оттенком определенного превосходства над ЦРУ. «Мое управление в госдепартаменте в сотрудничестве с нашими разведывательными службами,— пишет он об известных событиях в Польше в 1956 г.,— пристально следило за положением в странах-сателлитах (так Бим злобно высказывался о социалистических странах.— *Н. Я.*) и за их отношениями с СССР». Наладив конспиративные связи с отщепенцами, выступавшими против народной власти в Польше (Бим именует их «либералами», или «реформистами»), «мы получали от них доклады, которые передавались на Польшу по радио из-за границы, распространяя тем самым взгляды реформистов... Мы публично вдохновляли либеральное движение официальными заявлениями для печати и передачей комментариев по радио. Если бы ЦРУ всего-навсего послужило этому делу, предоставив радиостанцию «Свободная Европа» (которую оно тайно финансировало), то одного этого достаточно для оправдания существования ЦРУ» [1].

Если в Польше в то время потуги воителей психологической войны не привели к серьезным последствиям, то события в Венгрии в конце октября — начале ноября 1956 г. повернулись по-иному. Длинная рука ЦРУ отчетливо просматривается в разразившемся тогда контрреволюционном мятеже, приведшем к значительным жертвам. Мятежники осмелились поднять голову только в расчете на прямую помощь США, в чем их годами заверяли американские пропагандисты доктрины «освобождения». Стоило прозвучать первым выстрелам в Будапеште, как 27 октября 1956 г. из США раздался призыв Дж. Даллеса «немедленно» дать странам Восточной Европы «правительства по их собственному выбору». Эйзенхауэр, вероятно, нашел эту речь превосходной и включил ее почти через 10 лет в собственные мемуары [2]. Историограф ЦРУ присовокупил: «В ноябре 1956 г. по всей Европе были готовы склады оружия, «обезличенного» в отношении страны производства. Венгерские эмигранты, обязавшиеся воевать под руководством ЦРУ, явились к офицерам

---

[1] *Beam J.* The Multiple Exposure, p. 57—59.
[2] *Eisenhower D.* Waging Peace. N. Y., 1965, p. 71.

ЦРУ, ведавшим оперативно-агентурной работой»[1]. Ф. Визнер обосновался на границе Венгрии. Ожидали только сигнала. Его не последовало по очень многим причинам.

Основная — вторжение в Венгрию в масштабах, намеченных архибандитами в американских спецслужбах, потянуло бы за собой участие войск НАТО. А это — война в неподходящий для США момент, подготовка к ней еще не была Западом завершена. Поэтому поддержка мятежа ограничилась рамками психологической войны. Хотя шансы мятежников на успех были равны нулю, США подстрекали их к максимальному кровопролитию. «Припоминаю совещание, на котором присутствовал директор ЦРУ Аллен Даллес,— пишет Дж. Бим,— встал вопрос, не следует ли нам остудить страсти бунтовщиков. Почти категорический ответ: США не подобает занимать позицию, которая клонилась бы к ослаблению протестов в пользу свободы»[2]. Итак, пусть льется кровь. Венгерский народ при поддержке СССР, выполнившего свой интернациональный долг, дал отпор вылазке контрреволюции. Мятеж угас.

Бандиты, бесчинствовавшие в Будапеште, бежали на Запад. На границе их встречали Р. Никсон и Ф. Визнер, ободрявшие «борцов за свободу» с обагренными кровью руками. США выделили им 20 млн. долл., а Эйзенхауэр распорядился о разрешении въезда в США 21,5 тыс. венгерских эмигрантов и об обеспечении их работой. Визнер и К° остались крайне недовольны исходом. В эти дни он, шеф управления «грязных дел» ЦРУ, рехнулся. Вернувшись в штаб-квартиру ЦРУ, Визнер стал произносить малосвязные речи на служебных совещаниях и отдавать безумные приказы. Развязка не замедлила произойти — к зданию ЦРУ подкатила перевозка, санитары связали Визнера в собственном кабинете, вынесли и умчали в сумасшедший дом. Через несколько лет Визнер застрелился.

Руки Вашингтона во время контрреволюционного мятежа в Венгрии оказались связанными еще и потому, что бандитская вылазка в Будапеште совпала с кризисом в отношениях США с Англией и Францией. Как раз в это время Лондон и Париж попытались по-своему восстановить позиции, утраченные международным империализмом на Ближнем Востоке. Как же Насер национализировал Суэцкий канал и осмелил-

[1] *Powers T.* The Man who kept the Secrets, p. 75.
[2] *Beam J.* The Multiple Exposure, p. 73.

ся укрепить связи Египта с Советским Союзом? Этот лидер освободительного арабского движения пробудил массы и снискал жгучую ненависть правителей Запада. Противостоять ему, рассудили в американском руководстве, нужно тайными методами, открытая борьба оттолкнет арабский мир. Дж. Даллес объявил брату: «ликвидировать эту проблему» — дело ЦРУ. В свою очередь А. Даллес просветил подчиненных, составлявших заговоры в Египте: «Если ваш подопечный полковник зайдет слишком далеко, мы сломаем ему хребет»[1]. Сказано было работнику ЦРУ М. Копленду, тогда советнику египетских органов безопасности.

В Египет послали три группы убийц, чтобы расправиться с Насером. Не получилось. В 1975 г. сенатская комиссия Ф. Черча осведомилась у ЦРУ, пытались ли убить Насера. Ответ: «В архивах ведомства нет сведений о посылке в Египет групп или отдельных лиц с целью убийства Насера»[2]. Специалисты из ЦРУ приложили руку к строительству башни в Каире, спрятав в ее фундаменте заряд, который подрывался радиосигналом с корабля в Средиземном море. Видимо, предполагалось, что при взрыве погибнет Насер. После национализации Суэцкого канала Дж. Даллес приказал дать сигнал. Взрыва не последовало, египтяне сумели найти и обезвредить подрывное устройство[3].

США действовали тайком, Англия и Франция, взяв в союзники Израиль, 30—31 октября 1956 г., как старомодные империалисты, напали на Египет — на суше, с моря и воздуха. Отдававший преимущество методам психологической войны, Эйзенхауэр не смог скрыть болезненного негодования: «Израиль в сочетании с барием — ну и смесь»[4]. (Он просвечивал в госпитале желудок и давился бариевой кашей.) Вашингтон резко указал Англии и Франции на неуместность примененных средств. В Париже — воинственные восклицания, в Лондоне смертельно обиделись. «Я все еще считаю,— размышлял в 1972 г. Дж. Кеннан,— что состояние англо-американских отношений во времена Суэца, не говоря уже о том, что это трагически парализовало западную политику во время восстания в Венгрии, знаменовало самую низкую точку

[1] *Copeland M.* The Game of Nations. N. Y., 1969, p. 202.
[2] The Washington Post, February 12, 1976.
[3] *Copeland M.* Beyond Cloak and Dagger: Inside the CIA. N. Y., 1975, p. 66.
[4] *Hughes E.* The Ordeal of Power, p. 212.

всей американской политики в послевоенный период»[1]. Агрессию против Египта остановила, конечно, не семейная ссора в НАТО, а Советский Союз.

Из Москвы Запад и Израиль получили категорическое предостережение. Английскому правительству 5 ноября, например, было сказано: «В каком положении оказалась бы сама Англия, если бы на нее напали более сильные государства, располагающие всеми видами современного истребительного оружия? А ведь такие страны могли бы в настоящее время и не посылать к берегам Англии военно-морского или военно-воздушного флотов, а использовать другие средства, например ракетную технику... Мы полны решимости применением силы сокрушить агрессоров и восстановить мир на Востоке». Советские офицеры запаса, ветераны Великой Отечественной войны обратились с просьбой разрешить им выехать в Египет добровольцами и сражаться за изгнание агрессоров с египетской земли[2]. Именно в это время советские войска довершали разгром вооруженных банд мятежников в Венгрии.

Менее чем через сутки после вручения советскими послами в Лондоне и Париже этих предупреждений агрессоры прекратили боевые действия против Египта. По требованию большинства членов ООН они вскоре убрались с временно занятых территорий. В Тель-Авиве, сокрушалась Г. Меир, видели: «против нас практически весь мир»[3]. Особенно «бесило», признался М. Даян, командовавший набегом израильских войск на Египет, «различие между нотами Англии и Франции и письмом, направленным Израилю» из Москвы. Оно было «презрительным»[4].

Если верить Никсону, то «годы спустя Эйзенхауэр сообразил — сдерживание Соединенными Штатами Англии, Франции и Израиля, пытавшихся защитить свои интересы в Суэце, было трагической ошибкой»[5]. Разумеется, от себя он высказывается в мемуарах: «Задним числом я считаю — мы совершили серьезную ошибку»[6]. Для объяснения приводятся различные доводы, самые существенные — Венгрия и Еги-

[1] *Kennan G.* Memoirs 1950—1963, p. 184.
[2] См.: История внешней политики СССР. 1945—1980, т. 2, с. 260.
[3] *Meir G.* My Life, p. 250.
[4] *Dayan M.* Story of my Life. L., 1978, p. 269.
[5] *Nixon R.* The Real War, p. 79.
[6] The Memoirs of Richard Nixon, p. 179.

пет — совпали с президентскими выборами в США. 6 ноября 1956 г. Эйзенхауэр, шедший под лозунгом «мира и благосостояния», еще раз побил Э. Стивенсона. Сам был избран, но его партия оказалась в меньшинстве в обеих палатах конгресса.

Все объяснения Эйзенхауэра надуманы именно «задним числом».

А тогда, глубокой осенью 1956 г., Запад крепко задумался. Шок вызвало упоминание в советских нотах ракетной техники.

ПРЕСТУПЛЕНИЯ И НАКАЗАНИЕ

Об этом вполголоса говорили на секретных совещаниях, таинственно шептались при непосвященных, верили и не верили, с острым любопытством изучая первые снимки, воровски сделанные с самолетов У-2. Снимки начали поступать на столы аналитиков где-то на рубеже 1956—1957 гг. Вопрос сводился к следующему: каковы стратегические возможности Советского Союза в самом широком смысле и на правильный ли путь встали эйзенхауэровские Соединенные Штаты, полагающиеся на доктрину «массированного возмездия»? Дискуссия с трудом пробилась на поверхность через решетки цензуры, но и публичные споры о стратегии США к исходу 50-х годов не дают полного представления о происходившей переоценке ценностей хотя бы в недрах Пентагона. Прежде всего потому, что дихотомия методов американской внешней политики оказалась по многим причинам (о ней просто не знали или не понимали ее) вне поля зрения спорщиков. В результате в основном обсуждался подбор военных средств для достижения политических целей, что привело к милитаризации стратегической мысли.

Можно точно указать год, когда доктрина «массированного возмездия» дала первую трещину в представлении допущенных к высшим военным тайнам,— 1955-й. На первомайском параде в Москве пролетели советские стратегические бомбардировщики. США откликнулись истерией — об «отставании» в этой области, что вошло компонентом в миф о «советской военной угрозе». Высшие американские военные отлично знали, что это очередная большая ложь. «Число советских бомбардировщиков было умышленно завышено американцами в 3—4 раза» [1]. Знали и о том, что СССР преследует в военном строительстве только и исключительно оборонительные цели. Не этот миф потряс державших в руках военную мощь США, а ясное осознание: Америка не останется неуязвимой, если развяжет ядерную агрессию против СССР. А на неуязвимости самих США, собственно, и рационализировалась доктрина «массированного возмездия». Лозунг «все или ничего» приобрел крайне зловещее звучание, начинали накапливаться предпосылки понимания бессилия силы.

Высшее командование в США отнюдь не собиралось отказываться от применения силы, т. е. исполнения своего профессионального долга в его понимании. Нужно, рассуждали генералы М. Риджуэй и М. Тейлор (последовательно начальники штаба армии США в 1953—1957 гг.), не ставить все на

[1] Откуда исходит угроза миру. М., 1982, с. 5.

всеобщую термоядерную войну, а добиваться побед в ходе «ограниченных войн». В предвидении их резко увеличить обычные вооруженные силы. Оба докладывали свои взгляды правительству, следовала команда закрыть рот, попытки выступить публично пресекала цензура, и обозленные генералы в знак протеста уходили в отставку. На пенсии написали по книге, в которых изложили свое кредо. Оба были вояками хоть куда, получили свои чины и регалии отнюдь не в штабах, но высказались они с большой оглядкой. Еще бы, замахнулись на драгоценный план сжечь Советский Союз одним ударом! Высказались, конечно, не из соображений миролюбия или гуманности, а по повелительной необходимости — предотвратить самоубийство страны, на верность которой они присягнули.

Риджуэй: если Запад применит термоядерное оружие против СССР, последует ответный удар, и «ввиду большой вероятности этого по крайней мере сомнительно, свободны ли США на деле в основном полагаться на ядерное оружие как средство использования своей мощи» [1]. Тейлор: «Массированное возмездие оставляет нашим лидерам только два выбора — либо начать всеобщую ядерную войну, либо пойти на компромисс и отступить» [2]. Как же воевать, плакался генерал, когда американская стратегия подобна сказанному в первом послании к коринфянам апостола Павла (14, 8): «И если труба будет издавать неопределенный звук, кто станет готовиться к сражению?»

Еще один боевой генерал, Дж. Гейвин. Он ушел с поста начальника управления вооружений и по этой причине мог почитаться компетентным в вопросах новейшей военной техники. Однако склад мышления, представленный им на обозрение (и Гейвин написал книгу!), приличествовал воздушному десантнику, в рядах которых и вырос генерал, причем примитивно обученному. «С технологической точки зрения,— писал Гейвин,— истинная трагедия Кореи в том, что наша великая страна со своими научными ресурсами и громадным промышленным потенциалом была вынуждена вести боевые действия на условиях, установленных довольно примитивной азиатской армией... Если бы в минувшие десять лет мы бы истратили хотя бы часть того, что пошло на подготовку в рамках единственной стратегии, на средства для ведения ог-

[1] *Ridgway M.* Soldier: The Memoirs of Mattew B. Ridgway. N. Y., 1956, p. 324.

[2] *Taylor M.* Uncertain Trumpet. N. Y., 1960, p. 5.

раниченных войн, мы могли бы решить в нашу пользу Корею и Дьенбьенфу... Свободный мир не выдержит еще «Венгрии»... Мы должны иметь наличные силы, пригодные для того, чтобы Запад мог вмешиваться в ситуации подобного рода... Просто трагедия: у нас не было военных сил, которые требовались для поддержки действий в Венгрии». Конечный вывод — строй, существующий в США, «не должен быть ни статичным, ни пассивным. Чтобы функционировать, он должен быть агрессивным» [1].

Нет, совершенно не понимали критики в мундирах замыслы Эйзенхауэра. Он мыслил в терминах высшей политики — психологической войны, а они клонили к пошлой вооруженной борьбе. Не ушел дальше военных и тот, кто оглушительно заявил о себе в разгар жаркой дискуссии,— 37-летний Г. Киссинджер. Толчок его карьере дали занятия в основном по совместительству — служба в военной контрразведке, обслуживание ЦРУ и ФБР, где он проявил приличествующие качества. С 1954 г. Киссинджер — глава исследовательской группы Совета по внешним сношениям, искавшей альтернативы доктрине «массированного возмездия». Совет, объединяющий лидеров монополистического капитала, со времен своего основания в 1922 г.— кузница кадров высшего руководства США, особенно в области внешней политики. Братья Рокфеллеры, оказывавшие в нем значительное влияние, присмотрелись к Киссинджеру и открыли перед ним зеленый свет. Они дали «добро» объявить пухлый отчет исследовательской группы книгой, написанной только Киссинджером. В 1957 г. и появился этот опус «Ядерное оружие и внешняя политика». Итак, «эта книга принесла ему славу и состояние, влияние и престиж и в конечном счете открыла доступ в Белый дом. Вся его репутация авторитета по ядерной стратегии и внешней политике основывается и выросла только из этой книги» [2].

Как научное исследование, а Киссинджер претендовал именно на это, книга привела в смятение общину ученых. Все же существуют академические стандарты, а выводы вытекают из изложения. «Авторитеты в этой области резко раскритиковали книгу как несамостоятельное исследование, слабо согласующееся с фактами, ущербное по теоретической

[1] *Gavin J.* War and Peace in Space Age. L., 1959, p. 124, 128, 200—201, 198.
[2] *Schlafly Ph., Ward Ch.* Kissinger on the Couch. New Rochelle, 1975, p. 137.

аргументации» [1]. И было за что: «Отзывы влиятельных специалистов были немногочисленные, но резко отрицательные, и критика была обоснованной, многие утверждения Киссинджера были крайне опасны» [2]. В этом все дело. Тогдашняя функциональная роль Киссинджера — освятить авторитетом «науки» открыто агрессивный курс против Советского Союза, заставить смириться с применением ядерного оружия не в крайнем случае, как планировал Эйзенхауэр, а ввести его в повседневную практику.

С самоуверенностью необыкновенной Киссинджер утверждал: «Коренная стратегическая проблема ядерного века... найти промежуточные применения нашей военной мощи, стратегическое мышление должно выработать концепцию войны, которая приведет мощь в соответствие с готовностью использовать ее». Уничижительно отозвавшись о «массированном возмездии» как «доктрине, не оставляющей места для промежуточных позиций между тотальным миром и тотальной войной», Киссинджер проталкивал на вооружение доктрину «ограниченной войны» с применением ядерного оружия. Как великую новинку «теоретик» подавал тезис: «ограниченная война» несовместима с попыткой навязать безоговорочную капитуляцию. Но невозможность добиться безоговорочной капитуляции не следует смешивать с неизбежностью возвращения к статус-кво до войны». Ядерный шантаж весьма пригоден, убеждал он, чтобы попытаться вызвать раскол среди социалистических стран. Особенно между СССР и КНР.

Стоит ввести тактическое ядерное оружие в стратегию НАТО, соблазнял Киссинджер, «как исчезнет тупик, сущее проклятие нашей коалиционной политики: разрыв между уверенностью американских союзников в том, что наше термоядерное оружие уже защищает их и они не видят необходимости делать свой вклад, и ужасом перед последствиями его применения, что вызывает их нежелание рассматривать его как военную стратегию» [3].

Так Киссинджер отражал взгляды Рокфеллеров, надеялся через «ограниченные войны», причем чужими руками, поэтапно привести дело к конечному поражению Советского Союза. Не доводя до всеобщей термоядерной войны.

[1] *Mazlish B.* Kissinger. The European Mind in American Policy. N. Y., 1976, p. 108.
[2] *Landau D.* Kissinger: The Uses of Power. N. Y., 1974, p. 75.
[3] *Kissinger H.* Nuclear Weapons and Foreign Policy. N. Y., 1957, p. 26, 29, 48—49, 244—245.

Дискуссия эта и поголовно все рекомендации исходили из того, что США имеют преимущество в области стратегических вооружений. Уволенные генералы собрались в поход. Выступить не успели.

4 октября 1957 г. в СССР был запущен первый искусственный спутник Земли. Наш прорыв в космос превратил ученейшие рассуждения об «ограниченных войнах» и прочем в пустую болтовню убогих обывателей призрачного мира. Повальная паника охватила Соединенные Штаты, иллюзии об американском превосходстве в науке и технике рассеялись как дым. Рев чудовищных бомбардировщиков в небе лишь напоминал, что отныне последнее слово принадлежит не им. Оказалось, что социализм эффективнее распоряжается ресурсами, а США, наращивая флот пилотируемых бомбардировщиков, отнюдь не неуязвимы от ответного удара.

Много спустя знающий американский историк Дж. Гэддис напишет: «Нужно воздать должное Сталину за то, что он яснее, чем западные руководители, представлял пути развития стратегических вооружений в 50-е годы. Благодаря начатым им программам Советский Союз сумел опередить США в создании транспортабельного образца термоядерной бомбы — первое такое устройство было сброшено с самолета русскими в 1953 г. Сталин где-то после второй мировой войны также решил не соревноваться с быстро растущей стратегической авиацией США, а сосредоточить усилия на создании межконтинентальных баллистических ракет, способных нести ядерные боеголовки» [1]. Или, как нашел американский военный исследователь, «помимо престижа и пропаганды, достижения СССР показывали: русские сумели успешно перепрыгнуть через стадию пилотируемых бомбардировщиков» [2].

Милитаризация американского политического мышления принесла свои плоды, в США бросились сгоряча обсуждать только военное значение случившегося. В обиход пустили панический лозунг — «ракетное отставание», о котором заговорили так, будто вот-вот ливень советских ракет обрушится на Соединенные Штаты. Назначенный Эйзенхауэром еще до спутника комитет для изучения обеспечения бомбоубежищами под председательством бизнесмена Г. Гейтера изменил направление своей работы и подготовил алармистский доклад. Хотя текст его по сей день засекречен, одна из рекомендаций

[1] *Gaddis J.* Russia, the Soviet Union and the United States, p. 224—225.

[2] *Weighly R.* The American Way of War, p. 428.

получила широкую известность: довести к 1961 г. военные расходы до 46—48 млрд. долл. [1] В январе 1958 г. появился доклад «Фонда Рокфеллера» в том же духе. Военные расходы США пошли вверх, достигнув к исходу 50-х годов примерно 40 млрд. долл. Наращивание ракетного потенциала получило приоритет. Теоретики, предлагавшие воевать по любому поводу, прикусили языки, а Киссинджер без промедления отмежевался от своей концепции, что «ограниченные войны» нужно вести с применением ядерного оружия.

Реалистически мыслящие публицисты предлагали пойти на «мировую с Россией, пока не поздно» [2]. Сенатор Г. Джексон требовал от президента объявить неделю «позора и опасности», а Л. Джонсон заявил: «Римляне господствовали в мире, ибо строили дороги. Когда люди вышли в море, Британская империя господствовала, ибо имела суда. Теперь коммунисты в космосе. Не очень успокаивают заявления, что на следующий год мы запустим «лучший» спутник, быть может, с хромированным хвостом и автоматическими дворниками на ветровом стекле» [3]. Сарказм сенатора отражал внезапное озарение: на ключевых направлениях прогресса социализм оказывается более эффективной системой. Как при неожиданном ударе мороза, пожухли и увяли ценности «общества потребления».

Социализм на пути к выигрышу в историческом соревновании с капитализмом — таков был вердикт интеллектуальной элиты. К этому добавлялось: если не принять немедленных мер. В сумме эти идеи и составили содержание книги профессора Дж. Гэлбрейта «Общество изобилия», своего рода манифест государственно-монополистического капитализма. Автор никак не ожидал, что трактат об экономике превратится в бестселлер, он объяснял в предисловии ко второму изданию: «Осенью 1957 г. СССР запустил первый спутник. Никогда не было столь блестящего совпадения. Если бы я был помоложе, а мои взгляды менее устоялись, благодарность унесла бы меня, мне было бы суждено закончить свой путь у Кремлевской стены. Я знал — моя книга нужна». Ее основной тезис — американское общество расточает ресурсы на желудочные потребности, забывая, что только сосредоточе-

[1] *Halperin M.* The Gaither Committee and the Policy Process.— World Politics, April 1961, p. 378—384.

[2] *Adams Ch.* Firsthand Report: The Story of the Eisenhower Administration, p. 416—418.

[3] *Hughes E.* The Ordeal of Power, p. 247.

нием ресурсов через государство прогресс вообще возможен, а мотор прогресса — интеллект. «Забота о развитии интеллекта, в отличие от насыщения желудка,— образно написал он,— дело общественное. А наши колледжи и университеты предельно переполнены, как и психиатрические клиники» [1]. Гэлбрейт требовал всячески укреплять государственно-монополистический капитализм, который позволит перераспределить ресурсы из частного в «общественный» сектор.

Путь в космос начинается за школьной партой. Люди, очень известные в США, сравнили американскую и советскую системы образования, ужаснулись и повергли в глубокое уныние соотечественников. В книге Дж. Гантера «Внутри современной России» поникшие родители прочли: «В СССР основной акцент делается на овладении наукой и техникой как мальчиками, так и девочками, и здесь таится величайший вызов нашей системе. В дополнение к 10 годам солидной математической подготовки каждый ученик 4 года изучает химию, 5 — физику, 6 — биологию. А лишь половина американских школьников вообще изучают физику, только 64% знакомятся с начатками химии. Американский эксперт сказал мне, что рядовые советские юноши и девушки, заканчивающие десятилетку (у нас двенадцатилетка), имеют лучшую научную подготовку, особенно по математическим дисциплинам, чем большинство выпускников американских колледжей».

Суровость критики американской системы образования была прямо пропорциональна заинтересованности в выживании капитализма. Бывший президент Г. Гувер презрительно отозвался об американской школе, которая «разрешает тринадцати-четырнадцатилетним выбирать, чем заниматься», в то время как СССР готовит «в два, а возможно, в три раза больше ученых, чем США». Взял слово Э. Теллер и, пишет У. Манчестер, «мрачно предрек: «Десять лет назад и вопроса не было, где лучшие ученые в мире,— конечно, в США... Через десять лет лучших ученых мира придется искать в России». В СССР, указывал он, наука — почти религия, выделяют самых способных и к ним относятся как к привилегированному классу, в то время как их американским коллегам недоплачивают, в обществе они не пользуются уважением и ничем не могут поощрить своих способных учеников. Призыв Теллера уважать достоинство ученых сразу упал на благо-

[1] *Galbraith J.* The Affluent Sociality. N. Y., 1959, p. XXVIII, 199.

датную почву. Резко сократилось количество карикатур на нелепых ученых. Стали меньше шутить на их счет. И с невероятной быстротой словечко «яйцеголовые» выбросили из употребления» [1].

В большом замешательстве после спутника те, кто стоял у власти или вблизи ее, искали советов и мнения именно интеллектуалов. Специалисты высказывались, каждый в своей отрасли знания; вероятно, очень емкий ответ дал Дж. Кеннан в сенатском комитете по иностранным отношениям, собравшемся в мае 1959 г. специально для встречи с ним. Если в печати продолжались бестолковые рассуждения и бесполезные сетования, то Дж. Кеннан, теперь профессор Принстонского университета, сформулировал: «В основе основ — внутреннее положение в Соединенных Штатах, на которое опирается любая наша внешняя политика. Если вы спросите меня, можно ли ожидать, что наше распущенное, недисциплинированное, пессимистическое общество способно соперничать с целенаправленностью, дисциплиной и сосредоточением человеческой энергии, что так характерно для Советского Союза, то я отвечаю — это едва ли вероятно. Нам следует значительно изменить положение вещей в собственной стране, прежде чем мы сможем надеяться долго выстоять в этой борьбе» [2].

Ответ обескураживающий. Спутник до основания потряс веру в капиталистическую систему, воочию выявив преимущества социализма. Каждый мог увидеть их, стоило задрать голову и отыскать быстро перемещавшийся предмет в небе.

Снова ЦРУ?

Как бы ни любовались американские интеллигенты теми временами на закате эры Эйзенхауэра, когда они, оказавшись нужными, швырнули в лицо правящей элите горькие истины, их суждения иллюстрировали, но не двигали серьезные изменения во внутренней жизни США. Их продиктовали власть имущие по причинам обеспечения «национальной безопасности». Лишний раз был продемонстрирован принцип: «Социальная теория, разгребатели грязи и интеллектуалы не оказывали и не оказывают влияния на крупных бизнесменов, которые не допустят, чтобы крестоносцы реформ регулиро-

[1] *Manchester W.* The Glory and the Dream, p. 791—793.

[2] Informal meeting with George F. Kennan. Hearings before the Committee on Foreign Relations. May 12, 1959. Washington, 1959, p. 7.

вали и направляли их дела»[1]. Побочный результат решений, принятых на вершине пирамиды власти,— увеличение роли интеллигенции, но только в роли исполнителей предначертанного свыше.

Закон об образовании в целях национальной обороны, принятый уже через полгода после спутника, открывался преамбулой: «Конгресс объявляет — национальная безопасность требует максимального развития умственных возможностей и технического мастерства молодых мужчин и женщин»[2]. Предусматривались федеральные ассигнования на улучшение научной подготовки, обучение математике и иностранным языкам. Студентов в 1956 г.— 2918 тыс. (с двухгодичным обучением — 347 тыс. и четырехгодичным — 2751 тыс.). В 1970 г.— 7920 тыс. (соответственно — 1630 тыс. и 6290 тыс.). Процент их в возрастной группе 18 лет — 24 года поднялся с 19,5 до 32,1. Дифференциация в заработной плате в зависимости от уровня образования сохранилась примерно на том же уровне. Средний годовой доход мужчин старше 25 лет с образованием менее восьми классов в 1956 г.— 2530 долл., в 1970 г.— 4434 долл., имевшим за плечами пятилетнее высшее образование — 9178 и 15 732 долл. В промежутке между этими крайними показателями, по положению на 1970 г., каждый год обучения после восьми классов школы давал прибавку в заработной плате ежегодно в среднем тысячу долларов. Расходы на среднее образование увеличились с 10,9 млрд. долл. в 1956 г. до 40,7 млрд. долл. в 1970 г. Расходы на высшее образование — соответственно 3,5 млрд. и 21 млрд. долл. Число колледжей и университетов, колебавшееся в 1936—1956 гг. на уровне 1600—1800, к 1970 г. перевалило за 2500[3].

Они взялись укреплять Соединенные Штаты по всем линиям. Самое пристальное внимание в Вашингтоне обратили на организованное рабочее движение. Еще в конце 40-х годов коммунистов изгнали из профсоюзов, в 1955 г. происходит объединение АФТ — КПП под председательством Дж. Мини. У руководства в профсоюзах стояли фанатичные антикоммунисты, но в обмен за свою политическую «благонадежность» они ожидали определенной самостоятельности.

---

[1] *Kolko G.* The Roots of American Foreign Policy. Boston, 1969, p. 10.
[2] *Sundquist J.* Politics and Policy: The Eisenhower, Kennedy and Johnson Years. Washington, 1968, p. 174.
[3] The Statistical History of the United States. N. Y., 1976, p. 373—382.

АФТ — КПП объявило, например, о намерении расширить свои ряды, что в любом случае было нежелательно для крупного капитала, ибо предвещало более упорные схватки между трудом и капиталом, хотя бы по вопросам заработной платы.

В 1956 г. в американских профсоюзах было объединено 17 490 тыс. членов (из них в АФТ — КПП — 16 904 тыс.), что составляло 25,2% от всех занятых, или 33,4% от работавших не в сельском хозяйстве. Максимальный процент объединенных от общего числа занятых. В последующие десятилетия профсоюзы выросли незначительно (в 1976 г.— 19 634 тыс. членов; из них в АФТ — КПП — 16 699), а относительно доля объединенных в них заметно упала — 20,3% от всех занятых, или 24,5% от работавших не в сельском хозяйстве[1]. У истоков процесса — начатое в президентство Эйзенхауэра по пятам за запуском спутника в СССР.

Конгресс неожиданно ринулся защищать рядовых членов профсоюзов от коррупции. То, что профсоюзные боссы не блистали нравственностью, никогда в США сомнений не вызывало. А теперь руководство самого большого и богатого профсоюза в стране — водителей грузовых машин (1,3 млн. членов, фонды — 250 млн. долл.) — оказалось объектом расследования сенатского комитета. Не за «политику», боссы рабочих были сама буржуазная добропорядочность. Председатель профсоюза Д. Бек говаривал: «Я веду дела, как «Стандард ойл»... Наш бизнес — продажа труда». Его уличили в чудовищном расхищении профсоюзных средств, передали в руки правосудия и отправили в тюрьму (в мае 1975 г. прощен президентом Д. Фордом). Руководил свирепым расследованием Р. Кеннеди, на чем снискал национальную славу правдолюбца. Л. Джонсон, возглавлявший сенатский комитет, занимавшийся изучением последствий успеха СССР в космосе, завистливо сказал: «Успешное расследование спутника возможно только в том случае, если им займется человек типа молодого Кеннеди».

Место Бека занял Дж. Хоффа, с которым Р. Кеннеди пришлось безуспешно сражаться два года. Да, он был крепким орешком, этот Хоффа, повторявший: сенатский комитет и «советник-миллионер в нем Роберт Кеннеди враги рабочих, они подливают масло в бушующий огонь классовой ненависти... Америка не исключительное достижение богачей и при-

[1] The Statistical History of the United States, p. 178; Statistical Abstract of the United States 1979. Washington, 1979, p. 427.

вилегированных. Она принадлежит всем нам»[1]. Прекрасные слова, но принадлежали опи гангстеру, замешанному в убийствах, вымогательстве, воровстве и т. д. Материалы, собранные сенатским комитетом, послужили, помимо прочего, основанием для закона Лэндрама — Гриффина 1959 г., который поставил финансы и внутренние дела профсоюзов под жесткий контроль государства. Р. Кеннеди с принятием закона счел свою миссию выполненной, ушел в отставку, напечатал книгу «Внутренний враг», в которой излил свое негодование (и нетрудно догадаться также брата Дж. Кеннеди) коррупцией, пронизывающей все стороны жизни в США. В предвидении избирательной борьбы в 1960 г.

Все эти процессы носили определенно двухпартийный характер — правящая верхушка США торопилась исправить представление о США в глазах мира, особенно развивающихся стран. Коль скоро спутник повергнул культ «потребления», на скорую руку украшалась витрина, рекламировавшая просвещение и порядочность в стране, претендовавшей на мировое лидерство. Пришлось иногда даже суровыми мерами (Литтл-Рок, штат Арканзас) претворять в жизнь решение Верховного суда об отмене сегрегации в государственных школах, а в 1957 г. впервые за 82 года проходит закон о гражданских правах. Тогда термин применялся в основном к черному населению. Снимались рогатки на пути к избирательным урнам перед афро-американцами.

Если такие усилия прилагались внутри страны, то и внешняя политика, по понятным причинам, все больше уходила в психологическую войну. Спутник, однако, затруднил тайные операции. Дж. Бим, к этому времени посол США в Польше, чуть ли не в отчаянии писал: «Запуск советского спутника 4 октября 1957 г. произвел глубокое воздействие... Как будто все сошлось в одной точке — преувеличить его значение в ущерб американскому престижу: описание как со страниц научной фантастики, умелая советская пропаганда и самое эффективное — обвинения в США администрации Эйзенхауэра в глупости и некомпетентности, которые заполнили мировую печать...»[2]

Вывод унылого служаки, каким был Бим. Для тех, кто делал погоду в ЦРУ и сидел на высших постах в ведомстве,— отпрысков высшего денежного света — спутник явился свое-

[1] *Schlesinger A.* Robert Kennedy and His Times. N. Y., 1979, p. 148, 161, 192.
[2] *Beam J.* The Multiple Exposure, p. 87—88.

Инаугурация Франклина Рузвельта. 20 января 1945 г. Слева — вице-президент США Гарри Трумэн.

Принятие присяги Гарри Трумэном.
13 апреля 1945 г.

На Потсдамской конференции. Июль
1945 г.

Американские моряки возвращаются
на родину. 1945 г.
А что их ждет впереди?

Американская солдатня в Корее. 1950—1951 гг.

Дуайт Эйзенхауэр *(в центре)*. Слева — Джон Фостер Даллес, справа — Чарлз Болен.

Сенатор Джозеф Маккарти *(справа)* в действии.

Демонстрация протеста перед Белым домом против казни супругов Розенберг. 1953 г.

Негритянские студенты проходят
в здание колледжа
под охраной солдат.
Литтл-Рок, штат Арканзас. Сентябрь
1957 г.

Роберт Кеннеди *(слева)* и Джимми Хоффа.

Роберт Кеннеди
и Линдон Джонсон.

Президент Джон Кеннеди с женой Жаклин в день инаугурации. 20 января 1961 г.

Заговорщики ЦРУ: гангстеры Джон Розелли *(слева)* и Сэм Джанкана *(справа)*.

Бракосочетание Джеки Кеннеди с Аристотелем Онассисом. 1968 г.

Президент Линдон Джонсон напутствует солдат на войну.

Американские злодеяния во Вьетнаме.

Негритянское гетто Уоттс в Лос-Анджелесе. Август 1965 г.

Приход и уход Ричарда Никсона.

Расстрел студентов в Кенте.

Америнканцы эвакунруются нэ Вьетнама.

Нацнональные гвардейцы разгоняют демонстрантов в штате Огайо.

«Американская демократия»
в действии: аресты
и избиения.

Свобода по-американски.

Джимми Картер *(слева)* с братом Биллом во время избирательной кампании. 1976 г.

Президент Рейган выступает за сокращение ассигнований на социальные нужды.

го рода допингом. В самые ближайшие годы они полностью оправдали опасения, которые высказал по поводу ЦРУ сверхсекретный Совет консультантов по разведке при президенте. То было собрание престарелых миллионеров и миллиардеров, взявшихся надзирать с 1956 г. по поручению Эйзенхауэра за семейной фирмой — ЦРУ. Вечная проблема «отцов и детей». Сановные старики (в докладе Р. Ловетта и Д. Брюса) осудили «все растущее вмешательство в дела других стран этих блестящих, высокопоставленных молодых людей, которые все время вертятся как белки в колесе, чтобы оправдать свое существование... Занятые, богатые, привилегированные, они в ЦРУ возлюбили возложенную на них ответственность «творцов королей» (интриговать приятно — можно безгранично самоуслаждаться, иногда сорвать аплодисменты за «успех» и не надо платить за «провалы»). Все эти занятия куда проще, чем собирать тайные сведения об СССР обычными методами ЦРУ!» Джозеф Кеннеди, также член совета, брюзжал: «Знаю я эту компанию, я бы не платил им и 100 долл. в неделю» [1]. Трудно поверить, но факт — тертые бизнесмены, видимо, уверовали в искренность А. Даллеса, украсившего вестибюль здания ЦРУ цитатой из святого благовествования от Иоанна: «И познаете истину, и истина сделает вас свободными» (8, 32) [2].

Не за истиной гналось ЦРУ, и не в том была задача ведомства. К завершению 50-х годов А. Даллес, «в сущности, контролировал внешнюю политику и тайную военную оперативную мощь США. В этом смысле исполинское военное ведомство, включая большую часть поддерживавшего его промышленного комплекса, стало его оркестром... В это десятилетие Даллес незаметно расставил сотрудников ЦРУ и людей, ориентирующихся на ЦРУ, по всему правительственному аппарату, а во многих случаях в бизнесе и ученом, преподавательском мире... ЦРУ использовало эти тайные позиции как внутри страны, так и за рубежом якобы в интересах сбора информации, а на деле для обеспечения себе возможностей проводить любые угодные ему операции» [3].

Уже в 1957 г. ЦРУ предложило убить Ф. Кастро. В 1958 г. ЦРУ вознамерилось свергнуть правительство в Индонезии, организовав военный путч. Американский посол в Джакарте Дж. Аллисон высказался против; тогда, рассказал чин из

[1] *Schlesinger A.* Robert Kennedy and His Times, p. 490—491.
[2] *Colby W.* Honorable Men, p. 472.
[3] *Prouty F.* The Secret Team, p. 339.

ЦРУ, «мы разрешили проблему, попросив Аллена Даллеса, чтобы его брат убрал Аллисона с его поста» [1]. В мае 1958 г. путч с треском провалился, мятежники, вооруженные ЦРУ, попались с поличным. Эйзенхауэр, прекрасно, до деталей, знавший, что происходило, публично объявил: политика США — «не брать чью-либо сторону в делах, которые нас не касаются». Совет консультантов взволновался, напомнив президенту, что путчем «руководили за десять тысяч миль от места операции»; эти умудренные жизнью люди просили пересмотреть «программы, которые тайным образом вовлекают нас во внутренние дела практически каждой страны, к которой мы имеем доступ» [2].

Никакого результата. Эйзенхауэр был молод душой и не как «отец», а как духовный сверстник с величайшим воодушевлением уже вникал в детали новой затеи ЦРУ — мастера грязных дел собирались показать, как управляться с революциями. ЦРУ готовило вторжение кубинских контрреволюционеров на остров Свободы, обещая свергнуть правительство Ф. Кастро. Предполагалось, что при широком недовольстве, якобы существующем на Кубе, стоит наемникам высадиться на остров, как кубинцы пойдут за ними. В 1959 г. умер Дж. Даллес, и теперь Д. Эйзенхауэр без драгоценного советника руководил операциями психологической войны. По всей вероятности, бесконечные обсуждения в Белом доме внутреннего положения на Кубе побудили Эйзенхауэра с особой помпой огласить резолюцию о «порабощенных народах», принимавшуюся конгрессом ежегодно с 1950 г.,— конгресс звал народы социалистических стран подниматься против своих правительств. Наверное, произошло это в основном от бессилия — после спутника пришлось отложить выполнение планов покончить с СССР одним массированным термоядерным ударом.

В июле 1959 г. Эйзенхауэр опубликовал прокламацию, предусмотренную резолюцией, требуя от американцев «изучать беды народов под контролем Советов и вновь обязаться поддержать справедливые чаяния порабощенных народов». Как с отвращением написал Дж. Кеннан, «резолюция обязывает Соединенные Штаты в рамках, посильных для конгресса, «освободить» двадцать два «народа», два из которых вообще не существуют». Безумие и наглость? Конечно! Но, про-

[1] *Smith J.* Portrait of a Cold Warrior. N. Y., 1976, p. 240.
[2] *Schlesinger A.* Robert Kennedy and His Times, p. 492.

должает Кеннан, это отражало «исконный американский феномен», а именно: «Многие влиятельные люди... настаивали, что американская политика должна состоять в политическом наступлении на различные коммунистические режимы с целью их свержения путем сочетания американской пропаганды и действий местных антикоммунистических групп, в результате ожидается «освобождение» советских народов, включая русский. Этого при должном рвении и упорстве с нашей стороны можно достичь без войны. Теория эта имела очень широкое хождение среди ряда консервативных республиканских деятелей, ибо она дает им возможность одновременно отрицать, что они выступают за войну и в то же время подыгрывать крайнему правому антикоммунизму в США». В этих взглядах, заключал Кеннан, «таятся семена катастрофы» [1].

Через неделю после обнародования резолюции вице-президент США Р. Никсон отправился с визитом в Москву представлять экспонаты американской выставки. Он полагал, что особую привлекательность для советских людей представит оборудование для кухни, и объяснял ее достоинства прямо на выставке.

Визит в Москву был частью массированного пропагандистского наступления по всему миру. В Вашингтоне наивно решили, что везде возлюбят высших должностных лиц республики уже по той причине, что они возглавляют страну «бога и мою». Никсон и нес евангелие капитализма, проповедуя примерно следующее: «Я приводил цифры: 44 млн. американских семей имеют 56 млн. автомашин, 50 млн. телевизоров, 143 млн. радиоприемников, 31 млн. семей живет в собственных домах. Эта статистика драматическим образом демонстрирует: величайшая капиталистическая страна мира — США — с точки зрения распределения богатств ближе всех подошла к идеалу процветания для всех в бесклассовом обществе» [2]. Однако риторика Никсона лишь усугубляла антиамериканские настроения, особенно в развивающихся странах, законно видевших причину своего бедственного положения в чудовищной эксплуатации их империализмом янки.

Пропагандистское турне Никсона по странам Латинской Америки провалилось. Везде антиамериканские демонстрации, а в завершении его в Венесуэле Никсона буквально за-

[1] *Kennan G.* Memoirs 1950—1963, p. 99—100.
[2] *Nixon R.* The Six Crisis. N. Y., 1962, p. 259.

плевали, и долгие часы он продрожал в американском посольстве, ожидая худшего. На выручку «дорогого Дика» Эйзенхауэр направил к берегам Венесуэлы эскадру, а воздушные десантники изготовились высадиться в Каракасе. Никсон кое-как унес ноги. В конце 50-х годов в разных странах около 40 раз разгневанные демонстранты собирались у посольств и других учреждений США — в Азии, Латинской Америке и в Европе. Тут Эйзенхауэр решил предъявить свою улыбку — с начала 1959 по середину 1960 г. он налетал за рубежами США свыше 100 тыс. *км,* посещая самые разные страны.

Личная дипломатия Эйзенхауэра... А ведь были проблемы, ожидавшие решения. Советский Союз выдвинул предложения с целью завершения германского мирного урегулирования и оздоровления международной обстановки. На май 1960 г. в Париже было намечено совещание в верхах, за которым должно было состояться посещение Эйзенхауэром Советского Союза. Эйзенхауэр собирался произнести в нашей стране взволнованные речи, описать блага взаимного доверия в международной семье народов, позвать к укреплению мира, а техники ЦРУ уже смонтировали на президентском самолете секретную аппаратуру для съемки тех районов советской земли, над которыми пролетит посланец доброй воли США. Ничего из этого не получилось. 1 мая 1960 г. в районе Свердловска был сбит самолет У-2, выпущенный ЦРУ в полет с разведывательными целями накануне совещания в верхах.

После некоторого замешательства, унизительной лжи американских официальных лиц Эйзенхауэр публично взял на себя личную ответственность за полеты У-2, объявил об их прекращении над СССР, но решительно отказался принести извинения, что сделал пойманный пилот Г. Пауэрс на открытом судебном процессе в Москве. Когда в начале 1962 г. он вернулся в США, то, по его словам, «понял, что не был свободен. В определенном смысле я был отпущен русскими и стал де-факто пленником ЦРУ». Рассказал об этом Пауэрс в книге, которую разрешили опубликовать только в 1970 г.[1] Пауэрса очень долго продержали под допросами в США, и пришлось предстать перед следственной комиссией, которая вменяла ему в вину то, что он не покончил с собой, когда самолет был сбит. Ведь, как и все пилоты У-2, Пауэрс имел иглу со смертоносным ядом. Он увидел, что допрашивавшие

[1] *Powers G.* Operation Overflight. N. Y., 1970, p. 86—97.

были «почти разочарованы», когда узнали, что под арестом в СССР его не «накачивали наркотиками» и пр. Как он оправдался, неизвестно, в последующие годы Пауэрс кое-как зарабатывал себе на жизнь, наверняка озлобленный на ЦРУ. В августе 1977 г. пришло сообщение: пилот вертолета телевизионной компании в Лос-Анджелесе Г. Пауэрс разбился.

Долгую память оставили тайные операции эры Эйзенхауэра. В 1976 г. выяснилось, что в 1953 г. погиб ученый Ф. Олсен, избранный ЦРУ подопытным объектом для испытания смертоносных снадобий. В 1976 г. директором ЦРУ был У. Колби. «Президент Форд поручил мне,— писал Колби,— выразить сожаление от себя и страны, материально обеспечить семью. Я связался с ней, выразил самые искренние соболезнования ЦРУ и добился выдачи должной и приемлемой компенсации. То было одним из самых трудных поручений в моей жизни — встретиться с вдовой и теперь взрослыми детьми и открыть перед ними тайну ЦРУ двадцатилетней давности» [1]. Конечно, до последних месяцев президентства утверждавший самые темные операции Эйзенхауэр не мог предвидеть всего этого. Стенограф СНБ Р. Джонсон свидетельствовал в комиссии Ф. Черча в 1975 г.: «Президент Эйзенхауэр сказал что-то, я не запомнил его точных слов, что показалось мне приказом убить Лумумбу... Обсуждения не последовало, перешли к другим делам» [2]. Детали операции определил А. Даллес, «утвердивший планы ЦРУ отравить Патриса Лумумбу» [3]. В конечном итоге в 1961 г. П. Лумумба был убит иным способом. Американские власти отрицали причастность ЦРУ.

Тогда все это было тайной. Спустя 20 с лишним лет времена изменились, и то, что считалось в 50-е годы не подлежащим оглашению, превратилось чуть ли не в предмет гордости Вашингтона. С появлением в Белом доме Р. Рейгана косяком пошли книги, в которых «эра Эйзенхауэра» предстала в ином свете. Обозревая сразу шесть книг о нем, вышедших во второй половине 1981 г., известный публицист Р. Стил порекомендовал: «Что делал Айк за кулисами, рассказывается в откровенной книге Стефана Амброза «Шпионы Айка»... Речь идет о некоторых очень низких делах, совершавшихся во имя высоких моральных принципов. Он не ос-

[1] *Colby W.* Honorable Men, p. 426.
[2] *Lasky V.* It didn't start with Watergate. N. Y., 1977, p. 102.
[3] *Brodie F.* Richard Nixon, p. 401.

тавляет никаких сомнений относительно необоснованного высокомерия главы ЦРУ Аллена Даллеса...

В книге «Рассекреченный Эйзенхауэр» Бланш Кук... оценивает его президентство как историю контрреволюции. С ее точки зрения, то была массированная попытка «дестабилизировать коммунизм во всем мире, внутри страны ликвидировать «социализм» «нового курса» и распространить американский бизнес и американские ценности на весь мир». Айк, указывает она, преуспел только в репрессиях и в усилении реакции».

Подводя итоги новейшим изысканиям о Д. Эйзенхауэре, Р. Стил констатирует: «Самая интригующая часть его внешней политики не флирт с вмешательством в связи с Дьенбьенфу, неразбериха с Суэцем, фарс с высадкой в Ливане или замешательство с У-2, а подрывная работа, проводившаяся его правительством через ЦРУ и другие ведомства против тех, кого мы ныне именуем «третьим миром». Об этом аспекте политики Айка нельзя и догадаться из его «Дневников» (впервые опубликованных в 1981 г.— *Н. Я.)*, в которых нет ни одного упоминания о таких эскападах, как организованное ЦРУ вторжение в Гватемалу в 1954 г. или заговор 1953 г., вернувший трон шаху Ирана. Равным образом редактор его дневника Р. Феррел не привлекает внимания к тому факту, что Айк не упоминает об этой деятельности. Феррел дает возможность говорить самому Эйзенхауэру и молчит, когда Айк предпочитает умалчивать о щекотливых делах» [1].

Это другой вопрос, возвращающий к временам президентства Д. Эйзенхауэра, когда обязательным условием ведения психологической войны было соблюдение секретности о всех ее аспектах.

Кеннеди пришли

В разгар столь целеустремленной кипучей деятельности рутинная кампания по выборам президента для руководителей психологической войны, вероятно, представлялась досадной помехой. О чем собственно должны спорить вице-президент Р. Никсон и сенатор Дж. Кеннеди, оспаривавшие Белый дом? Со своей точки зрения фундаменталист Г. Трумэн находил, что оба политических дуэлянта мелковаты. На выдвижение Дж. Кеннеди конвентом демократической партии Тру-

[1] The New York Review of Books, September 24, 1981, p. 56.

мэн откликнулся в письме Д. Ачесону: «То была пародия на конвент. Эд Поули организовал сборище, а затем папочка Кеннеди вытолкнул его!.. Итак, приходится смириться с незрелым демократом. Никсон совершенно невозможен. Вот и все, что у нас есть». Экс-президент был крайне недоволен, что избирательная схватка в 1960 г. мало походила на политическую борьбу, как он представлял ее себе.

Вот ведь что стояло на карте, по мнению Г. Трумэна, доверенное им дневнику: «Мы ныне величайшая республика в истории мира. Мы должны сохранить ее. Я отдаю немногие годы, оставшиеся мне, разъяснению подрастающему поколению, что оно имеет и что должно сохранить. Стоило римлянам начать откупаться от службы республике, ожиреть, облениться и поручать рабам делать то, что надлежит делать гражданину, как пришли Цезарь, Помпей, великий Август, и Римской республике пришел конец... Мы ее наследники. Что нам сделать, чтобы избежать ее судьбы?» И неизменно отвечал: избирать достойного правителя, ибо «институт нашего президентства величайший в истории мира. Ни один из восточных владык, римские императоры, французские короли, Наполеон, императрица Великобритании Виктория, Чингисхан, Тамерлан, императоры Моголы, великий багдадский Халиф не имели и половины власти и влияния, какими ныне располагает президент США» [1].

Под этими словами легко могли подписаться так нелюбимые Трумэном Кеннеди. В этой семье давно вошло в обиход считать себя римлянами XX века. Многократно Джон Кеннеди ссылался на принципы Древнего Рима, черпая мудрость из классической многотомной работы Гиббона «Упадок и падение Римской империи». Из нее он извлек, например, и распропагандировал мудрость: «Римляне поддерживали мир, постоянно готовясь к войне» [2]. Роберт Кеннеди выражался попроще, предлагая помнить: «Если мы падем, то виновны будут, как при римлянах Юлия Цезаря, «не звезды, а мы сами». Мы не должны пасть» [3].

Спустившись с высот античной классики, Дж. Кеннеди точно растолковал, что «грозит» Соединенным Штатам: успехи Советского Союза во всех областях, зримые преимущества социализма над капитализмом. «Величайшая опасность

---

[1] Off the Record. The Private Papers of Harry S. Truman, p. 390, 384, 256.
[2] *Kennedy J.* The Strategy of Peace. N. Y., 1960, p. 45.
[3] *Schlesinger A.* Robert Kennedy and His Times, p. 88.

перед нами не в ядерном нападении. Суровая истина в том, что нам грозит куда большая опасность — проиграть в титаническом соревновании с русскими, причем при этом не будет выпущена ни одна ракета». Кеннеди указывал, что Советский Союз обгонит Соединенные Штаты в решающих областях науки и техники, ибо «в СССР экономический рост идет быстрее, чем у нас». В основе основ, подчеркивал Кеннеди, состояние науки и просвещения: «Не будет преувеличением сказать — исход битвы, которую мы ведем, будет решен в классных комнатах Америки».

Приводя подробные статистические данные, Кеннеди подводил итог: «Вскоре у русских будет в три раза больше ученых, техников и инженеров, чем у нас. Они уже готовят их больше, чем мы. Их блестящие научные достижения направлены не только на то, чтобы о них оповещали заголовки в газетах. Они направлены на завоевание сердец и умов». А Соединенные Штаты? Приходят на ум слова Франклина Рузвельта, сказанные в 1928 г., после появления двух президентов — Гувера и Кулиджа. «Душа нашей страны,— говорил Рузвельт,— была соблазнена материальным благополучием, мы прожили «восемь серых лет». «Восемь серых лет», или «годы, сожранные саранчой». Годы дрейфа, отставания, откладывания решений и кризисов. В результате следующей администрации придется нести чудовищное бремя. Между нами и СССР будут многие опасные и все растущие отставания во многих областях». «Если они преуспеют, а мы обанкротимся,— предупредил руководитель ЦРУ Аллен Даллес,— то это случится только из-за нашего самодовольства» [1].

Ну конечно, еще не успел Дж. Кеннеди стать президентом, как уже преклонил колени у алтаря ЦРУ, почитая А. Даллеса никак не меньшим авторитетом, чем Ф. Рузвельта! Кеннеди требовал немедленно взяться за науку и образование в США.

Выставив как обвинение правительству Эйзенхауэра «отставание» в отношении ракет, руководство демократической партии запугивало «советской военной угрозой». Особенно отличился лидер большинства в сенате Л. Джонсон, баллотировавшийся в вице-президенты. Он возглавлял сенатский подкомитет по вопросам военной подготовки и в ответ на слабую попытку министерства обороны стать реалистом бросил: «Отставание в ракетах нельзя ликвидировать росчерком

---

[1] *Kennedy J.* The Strategy of Peace, p. 166—167, 173, 167, 195, 198.

пера»[1]. Самое поразительное: как Кеннеди, так и Никсон отлично знали, что это ложь. Тогда почему молчал Эйзенхауэр? Ныне указывается: он не хотел компрометировать источник информации — шпионскую миссию У-2. Хотя доставлявшаяся информация была обрывочной[2], журнал «Тайм», впервые опубликовавший в 1980 г. снимки с У-2 тех лет, напомнил: «Американские стратегические планировщики заключили — ракетного отставания нет. Снимки советского подводного флота в Северном море также показали — то были в основном оборонительные силы»[3]. Тем не менее демократы раздули вокруг надуманного «отставания» крайнюю истерию.

Ударом ниже пояса явилось выступление Кеннеди с обвинением в адрес администрации, что она не принимает-де мер против Кубы, «коммунизм процветает в восьми минутах пилотного времени от берегов Флориды». На первой странице «Нью-Йорк таймс» сообщила: «Кеннеди требует оказать помощь кубинским мятежникам для разгрома Кастро». Никсон был взбешен, он знал, что ЦРУ ввело Кеннеди в курс подготовки набега на остров Свободы, которую завершало ЦРУ. Он жаловался посвященным: «Тайну операции нужно сохранить любой ценой», «я оказался в положении бойца, одна рука которого связана». Он на глазах миллионов телезрителей сказал в лицо Кеннеди во время дебатов, передававшихся на всю страну: «Это самое постыдное безответственное заявление, когда-либо сделанное кандидатом на пост президента»[4]. В мемуарах Никсон добавил: «Так по иронии судьбы мне пришлось выполнить самый неприятный долг из всех моих политических кампаний... Но Кеннеди-то создал впечатление у 60 млн. человек, что он занимает более твердую позицию не только в отношении Кастро, но и коммунизма»[5].

Действительно, было на что обижаться! Никсон не только горячо одобрял планы вторжения на Кубу, которое уже готовило ЦРУ, но и был в курсе «устранения» во время операции руководителей Кубы. А на жаргоне ЦРУ «устранение» «означало убийство»[6].

[1] *Raymond Y.* Power in Pentagon. N. Y., 1964, p. 257.
[2] *Klass Ph.* Secret Sentries in Space. N. Y., 1971, p. 47—48, 50—51, 71.
[3] Time, April 7, 1980, p. 49.
[4] *Wyden P.* Bay of Pigs, p. 66—67.
[5] The Memoirs of Richard Nixon, p. 221.
[6] *Brodie F.* Richard Nixon, p. 400.

В той избирательной кампании обе стороны не придерживались правил приличия. Шпики от республиканцев проникали со взломом в кабинеты врачей, пользовавших Дж. Кеннеди. Они пытались найти в истории болезни данные о заболевании Кеннеди, которые можно было бы использовать в политической борьбе. Телефоны подслушивались с обеих сторон. Но сила оказалась на стороне клана Кеннеди. Профессор Дж. Рош много спустя указывал: «Возвращаясь к выборам 1960 г., следует помнить — покойный Джозеф П. Кеннеди имел разведывательную сеть, перед которой бледнеет ФБР». Мультимиллионер, уже видевший сына в Белом доме, денег не жалел. Надо думать, он платил больше, чем постный директор ФБР Э. Гувер.

Р. Кеннеди, «знаток» рабочего движения, подкинул брату идею и материалы: объявить Никсона «мягким» в отношении «коммунизма»! Дж. Кеннеди, избрав в качестве мишени левого профсоюзного лидера Г. Бриджеса и пресловутого Дж. Хоффу, заявил: «Интересно отметить, что ни профсоюз водителей грузовых машин, ни профсоюз докеров, где доминирует м-р Бриджес, не поддерживают меня и оба профсоюза выступают против меня... Я же стремлюсь изгнать мошенников и коммунистов, подобных м-ру Бриджесу, из профсоюзного движения». Поразительная картина, заметил публицист В. Ласки: «Запоздалый сторонник либерализма заявил, что Никсона поддерживают «мошенники и коммунисты». И никто в печати, постоянно ищущей неуместные политические заявления, не только не встревожился, но этого просто не заметили» [1]. Замечали другое: обходя лично Эйзенхауэра, продолжали пережевывать недавно вскрывшееся взяточничество доверенного помощника президента Ш. Адамса, уже уволенного Айком.

Многолетнее задабривание кланом Кеннеди известных журналистов окупилось. «Нет никакого сомнения в том,— отметил исследователь выборов 1960 г. Т. Уайт,— что проявленные к ним предупредительность и уважение окрасили должным образом все сообщения о кампании Кеннеди и уже это неблагоприятно сказалось на освещении кампании Никсона. В последние недели кампании эти 40—50 журналистов национального значения, следовавшие за Кеннеди с ее начала до ноября, превратились в его друзей, а некоторые из них — в искренних обожателей. Когда автобус или самолет

[1] *Lasky V.* It didn't start with Watergate, p. 26, 48, 36.

неслись в ночи, они хором распевали песни собственного сочинения о Никсоне и республиканцах вместе с сотрудниками Кеннеди и чувствовали себя солдатами бога, идущими к новой границе». Когда 8 ноября 1960 г. состоялись выборы, Дж. Кеннеди победил, получив 34 221 463 голоса, за Р. Никсона проголосовали 34 108 528 человек, большинство — 112 881 голос. Это дало Кеннеди 303 выборщика от 23 штатов и Никсону — 219 выборщиков от 26 штатов. «Если бы 4500 избирателей в штате Иллинойс и 28 000 в штате Техас изменили бы свое мнение, то в сумме их 32 500 голосов передвинули бы оба штата с 51 выборщиком в лагерь Никсона. Он получил бы на два голоса больше в коллегии выборщиков, и эти 32 500 голосов сделали бы Ричарда М. Никсона президентом США» [1].

После выборов широко пошли слухи о том, что демократы «украли» победу. Эйзенхауэр предложил Никсону оспорить результаты. К тому же призывали некоторые республиканские лидеры, которые никак не хотели уходить от кормушки правления. Да, согласился Никсон, «на выборах 1960 г. с подсчетом голосов очень мошенничали. Штаты Техас и Иллинойс — два самых вопиющих примера. В одном из округов Техаса при наличии 4895 избирателей насчитали 6138 голосов. В Чикаго машина для голосования на одном участке, после того как проголосовали 43 человека, зарегистрировала 121 голос» [2]. Он был скуп на факты в своих воспоминаниях, во множестве книг приводились примеры похлеще. Никсон отбросил идею пересчета голосов, что потребовало бы не менее полугода. Он ссылался на высшие государственные соображения. Наверное, им двигали куда более земные соображения — пересчет едва ли что-нибудь дал: в Иллинойсе партийная машина демократов, смыкавшаяся с мафией, была малоуязвима, а штат Техас был вотчиной Л. Джонсона.

Так в чем же суть политики Кеннеди?

В короткий переходный период до вступления в должность нового президента Д. Эйзенхауэр попытался вбить в его и американцев сознание, что̀ важно и что̀ пагубно для

[1] *White T.* Making of the President 1960. N. Y., 1962, p. 404—405, 419—420.
[2] The Memoirs of Richard Nixon, p. 224.

США. Коль скоро в западном мире продолжали изощряться по поводу последствий советского спутника для Вашингтона (токийская «Иомиури» отчеканила: «Пёрл-Харбор американской науки», лондонская «Дейли экспресс» изобрела «капутник» и т. д.), Айк потребовал от комитета ученых дать рекомендации по поводу космической программы. В декабре 1960 г. на совещании в Белом доме комитет доложил: «Первым действительно крупным достижением будет высадка на Луне», на что потребуется 26—38 млрд. долл. Предприятие сравнили с плаванием Колумба, для обеспечения которого, по легенде, королева Изабелла заложила свои драгоценности. Эйзенхауэр проскрипел: «Я-то не пойду их закладывать» [1]. На том разошлись.

По всей вероятности, этот обмен мнениями окончательно убедил Эйзенхауэра, что нужно предостеречь от деформации основную политику в угоду местническим интересам. Если затея с высадкой на Луне грозила вовлечь США только в огромные расходы, то бумагомарательство стратегов — военных и гражданских — насчет «ограниченных войн» вело к куда худшим последствиям. Профессиональный военный, каким прежде всего был Эйзенхауэр, отчетливо видел, что планы, отлично выглядевшие на бумаге, в итоге приведут к всеобщей термоядерной войне на условиях, не избранных США. Видел он ясно и тех, кто двигал эти концепции по причинам, лишь в отдаленной степени связанным с «национальной безопасностью»,— торговцев смертью, монополии, стремившиеся сорвать жирный куш с неизбежного расширения обычных вооруженных сил, а без этого доктрина «ограниченных войн» повисала в воздухе. Все эти прожекты, заключил Эйзенхауэр, приведут к ослаблению, а не усилению Соединенных Штатов.

В традиционном прощальном обращении к стране Д. Эйзенхауэр 17 января 1961 г. сказал: «Сочетание колоссальной военной машины и исполинской военной промышленности — новый феномен в американской жизни. Влияние этого — экономическое, политическое и даже духовное — ощущается в каждом городе, легислатуре каждого штата, в каждом учреждении федерального правительства... В деятельности правительства мы должны остерегаться распространения неограниченного влияния военно-промышленного комплекса неза-

---

[1] *Boorstin D.* The Americans. The Democratic Experience. N. Y., 1973, p. 592—593.

висимо от того, осуществляется ли оно намеренно или нет... Мы также должны стоять на страже... чтобы государственная политика не оказалась пленником научно-технической элиты» [1]. Это послание многократно истолковывалось с различных точек зрения, причем обычно упускалось его истолкование самим Эйзенхауэром на прощальной пресс-конференции: речь шла не столько о преднамеренном злоупотреблении мощью, сколько о «почти незаметном проникновении в наши умы того, что наша страна исключительно занята вооружениями и ракетами, а я сказал — мы не можем себе этого позволить» [2].

Так на прощание говорил Д. Эйзенхауэр в вспышках ламп фотокорреспондентов. Но все же, что могли позволить себе США? Это он объяснил преемнику Дж. Кеннеди в негласной беседе в Белом доме, когда до передачи власти остались считанные часы. Усевшись во главе стола, 70-летний пятизвездный генерал наставлял примостившегося по левую руку 43-летнего лейтенанта запаса. Эйзенхауэр призывал беречь как зеницу ока драгоценное наследие — ЦРУ и ни на йоту не уклоняться от дихотомии методов во внешней политике. Конкретно он передавал в руки Кеннеди нападение на Кубу. Внушительно и неторопливо генерал втолковывал: «Политика правительства состоит в том, чтобы сделать все возможное для поддержки партизанских сил, выступающих против Кастро. Ныне мы помогаем готовить отряды против Кастро в Гватемале. Рекомендую продолжить и ускорить это» [3]. К. Клиффорд, записавший конфиденциальную беседу, выделил слова Эйзенхауэра: «Ответственность за успех возлагается на новое правительство». Вот и доктрина возможного, сообщенная самым старым жильцом Белого дома самому молодому, въезжавшему в него. По словам генерального инспектора ЦРУ Л. Киркпатрика, доктрина, порожденная «успехами в свержении правительств в странах, подобных Гватемале, которые отложились в умах политиков, даже добросердечного Айка, считавших, что ЦРУ в силах тайно, «удавкой», сделать то, что больше не разрешалось делать генералам с армиями, если государство хотело сохранить достоинство в глазах мира» [4].

---

[1] *Eisenhower D.* Waging Peace, p. 614—616.
[2] The New Language of Politics, p. 390.
[3] *Schlesinger A.* Robert Kennedy and His Times, p. 478.
[4] *Wyden P.* Bay of Pigs, p. 88, 324.

Об этих внушениях Джон Ф. Кеннеди, разумеется, умолчал, когда 20 января 1961 г. выступил на инаугурации с дерзкой речью. То был концентрат уже готовившегося им по нарастающей в многомесячной кампании. На конвенте в Лос-Анджелесе он бичевал потребительские ценности. Лозунг достичь «новой границы», объяснил он, «суммирует не то, что я намереваюсь предложить американскому народу, а что я потребую от него. Он обращен к их гордости, а не чековым книжкам». Во время дебатов по телевидению Кеннеди выругал Никсона за то, что тот осмелился сказать русским: «Пусть вы впереди нас в мощности ракет, но мы впереди вас в цветном телевидении». Теперь, на пороге Белого дома, он провозгласил: «Факел перешел к новому поколению американцев, родившихся в этом столетии (в год рождения Дж. Кеннеди, в 1917 г., Д. Эйзенхауэр был капитаном пехоты.— *Н. Я.*), закаленных в войне, дисциплинированных тяжким и горьким миром, гордых нашим древним наследием». И на высочайшей ноте: «Не спрашивайте вашу страну, что она может сделать для вас. Спрашивайте, что вы сможете сделать для страны».

Миллионы и миллионы американцев завороженно слушали. Из скверных школьных курсов они помнили: «граница» — так называли пионеры необитаемые земли на Западе, где они селились. Она открылась на восточном побережье Америки в начале XVII века и постепенно шла на Запад, пока не закрылась с освоением всей территории США. Теперь Дж. Кеннеди, конечно, фигурально выражался, зовя к «новой границе» — овладению иным: наукой, техникой, космосом и пр. Правда, термин «новая граница» уже был порядком затаскан — его употреблял Дж. Белл, он мелькал на страницах докладов «Фонда Рокфеллера». Давно, еще в 1951 г., техасский консервативный мыслитель У. Уэб предупредил: «Посмотрите на этих мелочных торговцев эрзацами границы — почти каждый хочет, чтобы вы что-нибудь купили, отдали или во что-нибудь поверили. Они хотят, чтобы вы стали их границей. Все это ложь — новые границы» [1]. Но кто помнил философа-ворчуна, когда старый лозунг перечеканивал новый правитель страны!

Он стоял на трибуне, принимая парад, как на мостике торпедного катера РТ-109 в 1943 г. у Соломоновых островов. Дружественная пресса уже до деталей растолковала, как он

---

[1] *Hodgson G.* America in Our Time, p. 469.

умел держать штурвал во время войны, и хранила каменное молчание по поводу того, что только один торпедный катер, тот, под командованием Дж. Кеннеди, был протаранен во флотах всех воевавших стран в ту войну. Недруги осмелились было вспомнить: тогдашний командующий на этом театре генерал Д. Макартур распорядился-де предать суду разгильдяя командира, потерявшего при непохвальных обстоятельствах юркий корабль. Макартур опроверг сообщение [1]. Разве можно было усомниться в руках, теперь цепко ухватившихся за руль государственного корабля? И еще хуже: кто смеет поставить под сомнение навыки навигации Дж. Кеннеди?

Чтобы «двинуть страну вперед», Кеннеди набрал молодой «экипаж» — средний возраст членов кабинета 47 лет, более чем на 10 лет моложе, чем в прошлой администрации. Среди взявших 200 ключевых постов в правительстве было в три раза больше ученых из университетов, чем при Эйзенхауэре. Как дурной сон при Кеннеди вспоминали недавние нападки ушедших министров на интеллигентов (министр почт Саммерфилд хвалился «успехами в выкорчевывании яйцеголовых», а министр обороны Вильсон определял фундаментальные исследования так: «Не знают, что делают») [2]. В самом деле: теперь министр обороны — Р. Макнамара, глава службы внутренних доходов, председатель комиссии гражданской службы и три посла — в прошлом университетские преподаватели. Государственный секретарь Д. Раск был первым по должности среди равных по почетным ученым степеням 15 ведущих деятелей правительства. Да еще четыре профессиональных историка на важных государственных постах. Пришли «самые лучшие и самые умные», и вместе с ними возродился эпитет «чудо-мальчики». Но одним из первых шагов Кеннеди было подтверждение пребывания в должности А. Даллеса и Э. Гувера.

Не прошло и трех недель нового президентства, как А. Даллес устроил веселую вечеринку — 10 руководителей ЦРУ и 12 самых приближенных к президенту. Собрались в клубе «Алиби», о существовании которого большинство в Вашингтоне и не слышало. Перезнакомились и остались очень довольны друг другом. В непринужденной обстановке обсудили вторжение на Кубу. Дж. Кеннеди был без ума от

---

[1] *Lasky V.* JFK. The Man and the Myth. N. Y., 1968, p. 84.
[2] *Leuchtenberg W.* A Troubled Feast, p. 109.

руководителя операции Р. Биссела. «Входит в число четырех-пяти умнейших людей в администрации»,— восклицал он.

Пока в тайных лагерях завершалась подготовка бригады кубинских контрреволюционеров, а комитет начальников штабов по приказу Кеннеди взвешивал шансы на успех с военной точки зрения, Биссел вознамерился обезглавить Кубу, убив Ф. Кастро. ЦРУ поручило боссу гангстерской организации в Чикаго Джанкана и его дружку Росселли убить Ф. Кастро «в гангстерском стиле». Чикагские бандиты объяснили ЦРУ, что найти охотника на такую акцию трудно, лучше прибегнуть к яду. Подобрали яд, отравили для проверки нескольких обезьян и вручили его Джанкана и Росселли. ЦРУ оценило стоимость операции в 50 тыс. долл., 10 тыс. долл. аванса вручили для передачи исполнителям в кабинете Биссела. Ожидалось, что, съев пищу, куда подольют «жидкость» ЦРУ, Кастро скончается через два-три дня, при вскрытии признаков отравления не обнаружат. Уверенность в успехе Биссела и К° вылилась в практические действия — именно в это время в ЦРУ развернули особое подразделение «исполнительное действие» (ЗР/РИФЛЕ) «для выведения из строя иностранных лидеров, включая в крайнем случае убийство».

Покушение на жизнь Кастро провалилось. В июне 1975 г. Джанкана и Росселли вызвали в комиссию Ф. Черча. За несколько дней до назначенного срока появления в комиссии Джанкана убили семью выстрелами в упор в лицо в собственном доме. Росселли кое-что рассказал, например о пресловутой «жидкости», которую, по его словам, «нельзя было использовать в кипящем бульоне и т. д.». Вскоре Росселли исчез. В августе 1976 г. рыбаки выудили у берегов Флориды бочку из-под нефти с расчлененным трупом Росселли. Грузило — тяжелые цепи. Виновных в обоих убийствах не нашли [1].

Все это случилось позднее, а тогда, в середине апреля 1961 г., заговорщики против Кубы пребывали в радужном настроении. Звонок из Белого дома Бисселу: «Начинайте!» Вечером 14 апреля бригада погрузилась на суда в порту в Никарагуа, диктатор страны Сомоса явился проводить бандитов. «Привезите мне волос из бороды Кастро» [2],— нагло

[1] *Wyden P.* The Bay of Pigs, p. 109—110.
[2] *Schlesinger A.* A Thousand Days. John F. Kennedy in the White House. Boston, 1965, p. 268.

кричал он вслед. Радиопират Д. Филиппс, как тогда, в случае с Гватемалой в 1954 г., засорял эфир таинственными фразами: «Смотри на радугу. Рыба поднимается скоро. Небо синее, рыба красная». Обращение к несуществующему подполью взяться за оружие. На подпись к «кубинскому революционному совету», созданному в США, привезли состряпанный в ЦРУ Г. Хантом «бюллетень № 1», начинавшийся словами: «На рассвете кубинские патриоты в городах и горах начали борьбу за освобождение родины от деспотического правления Фиделя Кастро».

В штаб-квартире ООН в Нью-Йорке американский представитель Э. Стивенсон должен был заверить мир, что взбунтовались кубинские ВВС. Доказательство — приземление во Флориде самолета с кубинскими опознавательными знаками. Экипаж бежал-де с Кубы. Но раньше, чем приземлился этот самолет (разумеется, посланный ЦРУ), на аэродроме плюхнулся поврежденный бомбардировщик, один из восьми, вылетевший из Никарагуа бомбить кубинские аэродромы. Неразбериха, которую быстро распутали, а Стивенсон успел прочитать изготовленное в ЦРУ заявление. Конфуз! Оплот и краса американских либералов Э. Стивенсон был уличен во лжи на международном форуме.

На рассвете 17 апреля в заливе Свиней на Кубе выгрузились «освободители», вооруженные до зубов, прихватившие с собой даже знамя для водружения в Гаване. Провоевали недолго, двое суток с небольшим. Потеряв 114 человек убитыми, остальные 1189 «освободителей» сдались в плен. В Вашингтоне, где почему-то оказался Р. Никсон, А. Даллес прибежал к нему домой, причитая по поводу неудачи. На следующий день Кеннеди позвал в Белый дом своего недавнего политического противника на выборах: «Что делать?» — «Я бы нашел подходящее юридическое обоснование,— ответствовал бывший вице-президент,— и пошел на американскую вооруженную интервенцию». Кеннеди ответил, что «рисковать нельзя», ибо есть шансы на ответные меры СССР, например, в Берлине [1]. Он не добавил: иные американские эксперты, ставившие под сомнение расчеты ЦРУ на «поддержку» населения, в крахе набега видели подтверждение своего мнения — американское вооруженное вмешательство приведет к длительной борьбе на Кубе, типа гражданской войны в Испании в 1936—1939 гг. [2]

[1] *Wyden P.* The Bay of Pigs, p. 295.
[2] *Schlesinger A.* A Thousand Days, p. 254.

Пришлось пока смириться с унизительным поражением. По горячим следам за фиаско в заливе Свиней в США родилось сравнение: «То была, вероятно, самая распропагандированная неудачная операция с тех времен, когда легкая бригада рванулась в небытие под Балаклавой» [1] (во время Крымской войны 1853—1856 гг.— *Н. Я.*). С той только разницей, что английская легкая бригада лорда Кардигана в октябре 1854 г. почти поголовно полегла костьми во славу легкомысленной воинственности аристократии, а эта бригада мелких буржуа, наемников сначала подняла руки, потом обливалась слезами и каялась на открытом судебном процессе в Гаване. В конце 1962 г. в обмен на американские товары на сумму в 53 млн. долл. пленных отпустили. 28 декабря 1962 г. чета Кеннеди с малолетним сыном приняла парад наемников на американской земле, 40 тыс. зрителей видели, как Кеннеди вручили знамя бригады и выслушали его обещание: «Заверяю вас, что это знамя будет возвращено бригаде в свободной Гаване!» Жаклин Кеннеди произнесла краткую речь на испанском языке. Знамя провалялось в запасниках библиотеки Кеннеди до апреля 1976 г., когда наемники с помощью адвоката истребовали назад свою «святыню».

В те дни, когда бойцы свободной Кубы занимались отловом в грязи болот у залива Свиней наемников США, весь мир приветствовал великий успех СССР — 12 апреля 1961 г. советский космонавт Юрий Гагарин открыл человечеству дорогу в космос. Как замечает правовернейший бард «согласия», американский историк Д. Бурстин, «миру было ясно: залив Свиней — катастрофа для США. Никогда еще самоуважение американцев и их репутация в мире так не нуждались в подъеме. По словам советника президента по науке, Кеннеди отчаянно хотел «выдвинуть что-то на первый план». Президент решил устроить «представление в космосе» [2]. Таков генезис программы посылки людей на Луну, о чем Кеннеди объявил в речи в конгрессе 25 мая 1961 г., названной «Неотложные государственные нужды». В отличие от планомерного исследования космоса Советским Союзом, американская чрезвычайная программа преследовала прежде всего пропагандистские цели. Дж. Кеннеди ударился в астрополитику.

[1] *Johnson H.* The Bay of Pigs: The Leader's Story of Brigade 2506. N. Y., 1964, p. 374.

[2] *Boorstin D.* The Americans. The Democratic Experience, p. 595.

Английский публицист рассказывал: «Как-то в начале шестидесятых я сидел в кабинете Белого дома, слушая, как один из помощников президента по науке, ныне покойный д-р Ник Головин, загибая пальцы, с неопровержимой ясностью перечислял причины, по которым полет людей на Луну не нужен, расточителен и технически неэлегантен по сравнению с использованием автоматов. Одновременно он настаивал: нет сомнения, к исходу десятилетия США высадят человека на Луне. Зачем, спросил я, если это бесцельно? «М-р Ходжсон,— призвал он меня к порядку,— в нашей стране мы любим побеждать в играх с мячом» [1]. Расходы на программу «Аполлон» далеко превысили первоначальные наметки. «Коль скоро Кеннеди повязал страну тратой громадных средств на космос — ушло более 56 млрд. долл. еще до того, как «Аполлон-11» достиг Луны, а это не означало конца расходам, у последующих администраций не осталось ресурсов для творческих, всеобъемлющих ответов на восстания в гетто от Уоттса до Гарлема, которые потрясли страну. Мятежи и бурные демонстрации ослабили становой хребет американского общества до степени, невиданной со времен гражданской войны за сто лет до этого» [2].

Быстрое развертывание потенциала США в области космических исследований начисто опровергало миф о ракетном «отставании» Америки, который, впрочем, помог Кеннеди овладеть Белым домом. Цену этому мифу (советская «ракетная угроза» была преувеличена в 15—20 раз [3]) в ближайшем окружении президента знали, хотя не торопились поделиться известным с массовыми средствами информации. Сначала с чувством юмора, а потом с раздражением президент и его доверенные советники отнеслись к попыткам продлить через Киссинджера существование выдумки, уже ненужной для практической политики. К вступлению Кеннеди на пост президента «Фонд Рокфеллера» приурочил выпуск очередного доклада, опять оформленного как книга Киссинджера «Необходимость выбора: перспективы американской внешней политики». Доклад — если угодно, книга — предостерегал против оптимизма в американо-советских отношениях. Киссинджер, повторяя зады предвыборной риторики,

[1] *Hodgson G.* America in Our Time, p. 463.
[2] *Manchester W.* The Glory and the Dream, p. 925.
[3] См.: Откуда исходит угроза миру, с. 5.

твердил, что «теперь неизбежно ракетное отставание в период 1961—1965 гг.» [1].

Пост Киссинджера — Н. Рокфеллер протолкнул его в советники СНБ — придавал этим взглядам официальное звучание.

Появление бойкого «теоретика» вблизи высшей власти в Вашингтоне озадачило ее держателей. В противоположность минувшему президентству, уже выявился «стиль» нового. Двор Дж. Кеннеди шутливо-серьезно называли «Камелот» (мьюзикл А. Джея и Ф. Лоу по мотивам книжки Т. Уайта «Нынешний и будущий король»). В созвездии денежной и интеллектуальной элиты, центром которой были супруги Кеннеди, все знали друг друга, представляли старые династии политиков или дельцов. Хотя среди них отнюдь не все были интеллектуалами, но все высоко ценили интеллект и, конечно, различали подделку под него. Нужен был ум и юмор, чтобы не прослыть умником. А Киссинджер взялся нудно наставлять, как вести политику тех, кто по праву крови и состояний были хозяевами страны.

Сначала рассвирепел до крайности помощник президента по национальной безопасности профессор М. Банди. Выходец из семьи, близкой к высшим военным и дипломатическим кругам (отец — заместитель крупного деятеля Г. Стимсона в бытность его военным министром, брат — зять Д. Ачесона), М. Банди выступил соавтором мемуаров Г. Стимсона еще в 1947 г. В то время ему не было и 30 лет, в 34 года он профессор, декан факультета искусств и наук в Гарварде. Он присмотрелся к Киссинджеру еще там, не был ослеплен им ни тогда, ни теперь. Когда работник аппарата СНБ, каким был Киссинджер, во время поездки по Индии стал высказываться от имени США, его нагнала телеграмма Банди: «Заткнуть рот!» [2]

В то время правительство Кеннеди попыталось компенсировать кубинскую неудачу, усилив подрывную работу против социалистических стран в Европе. Участники Варшавского Договора дали по рукам западным спецслужбам. 13 августа 1961 г. ГДР установила строгий контроль на границах Западного Берлина, превращенного в осиное гнездо психологической войны. В Вашингтоне учли урок и ограничились словесными тирадами. Другое дело — Киссинджер.

[1] *Kissinger H.* The Necessity for Choice: Prospects for American Foreign Policy. N. Y., 1961, p. 26.

[2] *Kalb M., Kalb V.* Kissinger. Boston, 1974, p. 64.

Поверхностно познакомившись со святая святых американской политики — подрывной работой, он самоуверенно вывел заключение: коль скоро ось курса США — антикоммунизм, дозволено все. Он поторопился посоветовать Кеннеди сломать силой берлинскую «стену». Другие рекомендации, порожденные непониманием дихотомии американской внешней политики,— и в феврале 1962 г. его выставили из аппарата СНБ.

Киссинджер долго сожалел, что не сработался с Кеннеди, «упустил золотой шанс» подняться вверх. Отогнанный от центра власти, он находил, что политика администрации Кеннеди «ребяческая», президент «легковесен», а когда его убили, то «теоретик» разглагольствовал перед коллегами в академическом мире: утрата невелика, ибо Кеннеди «вел страну к катастрофе» [1].

Администрацию Дж. Кеннеди отнюдь не отличало «ребячество», в Вашингтоне отлично понимали, к чему выведут затеи, предлагавшиеся Киссинджером. Ход мысли в Белом доме понятен: «Предположим, в Восточном Берлине начнется война. Предположим, далее, что США применят небольшие ядерные бомбы, чтобы «прекратить ее и предотвратить прорыв». Последствия неисчислимы» [2]. Тогда — всеобщая термоядерная война, чего Кеннеди, признававший стратегический паритет между СССР и США, не мог допустить. Предпосылка такой войны, по мнению Кеннеди, создание стратегического превосходства над Советским Союзом. То, что лежало в основе «массированного возмездия»,— ракетно-ядерная мощь США при Кеннеди получила дальнейшее развитие. В целом за 1036 дней президентства Кеннеди США бросили на военные цели 167 млрд. долл. по сравнению с 315 млрд. долл. за восемь лет президентства Эйзенхауэра.

Кеннеди не раз говорил о том, что «победа» в принятом смысле в ракетно-ядерной войне — абсурд. Реальная возможность взаимного уничтожения, настаивал он, «изменяет все ответы и все вопросы. Очень немногие понимают, что изменилось... Если произойдет обмен массированными «ударами»... 150 миллионов умрут в первые 18 часов», т. е. для США это означает 500 вторых мировых войн менее чем за сутки [3]. Если так, тогда здравый смысл подсказывал встать

[1] *Mazlish B.* Kissinger. The European Mind in American Policy, p. 122.

[2] *Landau D.* Kissinger: The Uses of Power, p. 71.

[3] *Sorensen T.* Kennedy, p. 577.

на путь разоружения, к чему всегда звал СССР. Однако «в результате увеличения расходов на стратегические вооружения,— сказано в почти официальном очерке о нем,— к кончине Кеннеди США далеко вырвались по сравнению с СССР в области межконтинентальных баллистических ракет и ракет «Поларис», опасно дисбалансировав гонку вооружений... Чудовищная гонка ядерных вооружений в 60-е годы... самое мрачное наследие Кеннеди» [1].

В октябре 1961 г. заместитель министра обороны Р. Гилпатрик выступил с заявлением, утвержденным высшими инстанциями: ракетного «отставания» нет. «Однако публичных заявлений о том, что этого «отставания» никогда не существовало, было несравненно меньше, чем прежних паникерских утверждений Кеннеди на этот счет» [2],— подметил Дж. Гэддис. В июне 1962 г. министр обороны Р. Макнамара в речи в Энн-Арбор, штат Мичиган, проштемпелевал от имени НАТО концепцию «контрсилы»: «Главная задача в случае ядерной войны... уничтожение вражеских военных сил, а не гражданского населения. Однако в крайнем случае даже перед лицом внезапного массированного нападения у союзников есть резервная ударная мощь, достаточная для уничтожения вражеского общества» [3].

Доктрина «контрсилы» усугубляла неуверенность всего мира в завтрашнем дне. Ее нельзя было не рассматривать на фоне сказанного Р. Гилпатриком, а «речь Гилпатрика разрушила фасад, оставив СССР в угрожаемом стратегическом положении, а это было особенно тревожно ввиду умышленного отказа администрации Кеннеди исключить возможность того, что США при определенных условиях сами не начнут ядерную войну» [4]. Чему иному могло служить бешеное увеличение стратегических вооружений? В 1963 г. никто другой, как сам Кеннеди, с величайшей гордостью докладывал: «Менее чем за три года мы увеличили на 50% количество подводных лодок с ракетами «Поларис», на 70% число наших стратегических бомбардировщиков, находящихся в 15-минутной готовности, на 100% ядерное оружие у наших стратегических сил, готовых к действию, и на 60% тактические ядер-

---

[1] *Divine R.* The Education of John Kennedy.— Makers of American Foreign Policy, p. 629.
[2] *Gaddis J.* Strategies of Containment, p. 233.
[3] Department of State Bulletin, July 9, 1962, p. 67.
[4] *Gaddis J.* Russia, the Soviet Union and the United States, p. 235.

ные силы, развернутые в Западной Европе» [1]. Тогда зачем спорить, была ли принципиальная разница между Эйзенхауэром и Кеннеди, если на крайний случай оба были готовы развязать термоядерную войну?

В этом отношении, конечно, преемственность политики налицо. Кеннеди шел за Эйзенхауэром и в проведении психологической войны, надеясь достичь тех же результатов. «Без обращения к ядерной войне,— говорил он,— мы хотим... добиться, чтобы страны, где правят коммунисты, заразились «болезнью свободы», как называл ее Томас Джефферсон» [2]. «Свобода» и капитализм в представлении мультимиллионера, естественно, однозначны. Вклад администрации Кеннеди во внешнеполитическую стратегию США, именовавшийся «гибким реагированием», свелся к тому, что дихотомию методов превратили, если угодно, в триаду. Между двумя ступенями — психологической и всеобщей ядерной войной — соорудили третью — ведение «ограниченных войн», направленных прежде всего против национально-освободительных движений во всем мире. Не исключались, разумеется, «ограниченные войны» и против стран социалистического содружества, но в дальней перспективе, во всяком случае не раньше, чем Вашингтон опрокинет в свою пользу стратегический паритет между СССР и США.

В ходе «ограниченных войн» администрация Кеннеди надеялась повернуть вспять мировой революционный процесс, не допустить перехода власти в руки народа в новых странах. Подготовка к ним потянула за собой крутой рост военных расходов. При Кеннеди количество дивизий увеличилось на 45%, поставки оружия и снаряжения для обычных вооруженных сил — на 100%, а силы специального назначения, пресловутые «зеленые береты», выросли на 600%. «Зеленые береты», или, как их еще называли, «противопартизанские силы»,— авангард агрессии в канун и во время «ограниченных войн». К лету 1963 г. в них насчитывалось 12 тыс. человек, прошли «противопартизанскую подготовку» 112 тыс. американских офицеров и 7 тыс. офицеров из союзных стран.

Ориентировка в сторону «ограниченных войн» повлекла изменение компетенции ЦРУ. После залива Свиней ведение военных операций изъяли у ЦРУ и передали Пентагону.

---

[1] *Brown S.* The Faces of Power: Consistency and Change in U. S. Foreign Policy from Truman to Johnson. N. Y., 1968, p. 196.

[2] *Sorensen T.* Kennedy, p. 579.

А. Даллеса и Р. Биссела убрали. Дж. Кеннеди настойчиво предлагал брату Роберту возглавить ЦРУ. У Р. Кеннеди хватило ума отказаться. Он стал негласным куратором ЦРУ, директором которого назначили бизнесмена республиканца Дж. Маккоуна, а заместителем вместо Биссела стал Р. Хелмс. В тени Камелота быстро вырос генерал М. Тейлор, которого крепко возлюбили братья Кеннеди,— дивный интеллектуал. «Если бы Гарвардский университет мог производить в генералы, он дал бы это звание Максуэлу Тейлору» [1],— язвил Д. Халберштам. Генералу, давно ратовавшему за немедленное использование обычных вооруженных сил, пришлось по душе дополнение их еще «зелеными беретами». Он рвался воевать. Ему президент и даровал председательство во вновь созданном в рамках СНБ специальном комитете по противопартизанским действиям. Генерал немедленно поставил в тупик Белый дом. Он представил докладную с требованием ввести в стране чрезвычайное положение, пересмотреть договоры, ограничивающие «полное использование наших ресурсов в «холодной войне», и сделать его своего рода главнокомандующим, который будет бросать «зеленые береты» по своему усмотрению в любую «критическую» точку планеты [2]. Пришлось, несколько подождав для приличия, заменить энтузиаста А. Гарриманом, который по-деловому взялся за работу, хотя комитет оказался недолговечным. Его функции, разумеется, перешли к ЦРУ.

Внешняя сторона противопартизанской суеты объяснена даже слишком, особенно в связи с «Союзом ради прогресса». Среди советников Кеннеди был маститый профессор У. Ростоу, тот самый честолюбивый сочинитель теории «стадий роста», которой он с очаровательной простотой объяснил генезис революций в современном мире. Все очень просто, учил профессор, коммунизм не что иное, «как болезнь при переходе к модернизации». А партизанская борьба, как он обозвал национально-освободительное движение,— средство, при помощи которого «отбросы процесса модернизации» эксплуатируют революционные чаяния. Контрпартизанские действия — щит, который прикроет процесс модернизации от неких посягательств. За помянутым щитом развивающиеся страны обретут «социальную силу». При виде этого внушительного зрелища, доказывал Ростоу, Москва отступится-де

[1] *Halberstam D.* The Best and the Brightest, p. 53.
[2] *Schlesinger A.* Robert Kennedy and His Times, p. 494.

от поддержки национально-освободительных движений, и дела международного капитала устроятся наилучшим образом [1].

Другой профессор, А. Шлезингер, доложил: если «революция среднего класса» провалится, неизбежна «революция рабочих и крестьян» [2]. Роберт Кеннеди, околдованный соблазнительными речами славных профессоров, взялся за перо и сообщил, что речь идет о политической стратегии. «Военные средства — банкротство противопартизанских действий... Ведь партизаны стремятся не к захвату территории, а душ людей... А ими можно овладеть только позитивными программами: земельной реформой, школами, честной администрацией, дорогами, больницами, профсоюзами, справедливыми судами и предоставлением людям участия в решении их судеб. Контрпартизанские действия можно наилучшим образом охарактеризовать как социальные реформы под давлением» [3]. Интересные теоретические выкладки. Только когда дошло до практики, нагромоздились безобразия, преступления, террор и геноцид. ЦРУ снова заявило о себе, готовое во исполнение приказов свыше ввергать Соединенные Штаты, а заодно и весь мир в опаснейшие ситуации.

Ненависть к революционной Кубе превратилась в пунктик помешательства в Вашингтоне. Директива Дж. Кеннеди ЦРУ и другим заинтересованным ведомствам 30 ноября 1961 г.: «Использовать все наши тайные возможности... чтобы помочь Кубе свергнуть коммунистический режим» [4]. По тому же кругу — попытки убийства Ф. Кастро, засылка агентуры и пр. Обычная неразбериха, исполнители трусили, нанятые гангстеры изворачивались и т. д. Тут, не может сдержать сарказма даже верный соратник братьев Кеннеди профессор А. Шлезингер, Насер прислал президенту письмо, упрекая правительство США за соучастие в убийстве Лумумбы, в чем он был убежден. «Политические убийства,— ответил Кеннеди в то самое время, когда его собственное ЦРУ созывало гангстеров, чтобы отравить Кастро,— нужно... энергично расследовать и осуждать» [5]. Подготовка «плана

---

[1] *Rostow W.* Guerilla War are in Underdeveloped Areas.— The Guerilla — and How to fight Him. Ed. by T. Green. N. Y., 1962, p. 55—58.
[2] *Gaddis J.* Strategies of Containment, p. 224.
[3] *Kennedy R.* To Seek a Newer World. N. Y., 1967, p. 112.
[4] Interim Report: Alleged Assassination. Plots involving Foreign Readers. Washington, 1975, p. 139.
[5] *Schlesinger A.* Robert Kennedy and His Times, p. 527—528.

Б» — мятежа на Кубе летом 1962 г. — вступила в завершающую стадию. Нельзя было исключить в этих условиях вторжения американских войск в поддержку бандитов. Чтобы парировать угрозу, СССР и Куба летом 1962 г. договорились о размещении на острове оборонительных средств, в том числе ракет среднего радиуса действия.

Когда в середине октября 1962 г. с помощью самолетов У-2 США обнаружили это, Вашингтону пришлось вывести свою политику в отношении Кубы из мрачного подполья спецслужб. Но так, что правительство США подвело мир вплотную к грани термоядерной войны, хотя едва ли это было следствием умысла со стороны братьев Кеннеди, а случилось в результате накопления различных, частично непредвиденных, обстоятельств в Вашингтопе. Американский историк Дж. Гэддис, отметив, что действия Дж. Кеннеди «в недавние годы подверглись серьезной критике», указывает: «Президента обвиняют в том, что он преувеличил стратегическое значение размещения советского оружия, критики любят цитировать слова министра обороны Р. Макнамары, сказавшего в то время: «Какая разница быть убитым ракетой из СССР или с Кубы». Далее указывается — Кеннеди не приложил никаких усилий к разрешению кризиса по дипломатическим каналам и приветствовал публичную конфронтацию с русскими, при этом подразумевается, что у него на уме были выборы в конгресс. Наконец, утверждается, весь эпизод — пе выдающаяся акция кризисной дипломатии, как его изображают, счастливый исход не следствие умения, а «простая чертовская удача», как выразился Д. Ачесон» [1].

Перечисленные соображения, высказанные в основном американскими историками-«ревизионистами», в той или иной мере уместны. Тринадцать дней кубинского кризиса прискорбны и в том отношении, что с пугающей ясностью показывают, к каким последствиям привели годы военной истерии, особенно проявившейся на заседаниях исполнительного комитета СНБ, в реакции руководства Пентагона и ЦРУ. Очень многие в этих ведомствах стояли за массированный удар с воздуха по Кубе и последующее вторжение. Они определенно были не способны заглянуть дальше шумного начала: обойдется этак в 40—50 тыс. потерь в американских войсках, по оценке Макнамары. 22 октября Кеннеди объявил об установлении блокады Кубы, которую назвал «каранти-

[1] *Gaddis J.* Russia, the Soviet Union and the United States, p. 237.

ном», умышленно вызвав из небытия воспоминания о Рузвельте в канун второй мировой войны. В бассейн Карибского моря стягивались американские вооруженные силы, приводились в готовность американские войска в Европе. Последовали ответные оборонительные меры со стороны Советского Союза. США создали взрывоопасную обстановку.

За наглухо закрытыми дверями в Вашингтоне бушевал спор. Д. Ачесон, М. Тейлор, комитет начальников штабов, М. Банди стояли за удар по Кубе в стиле японского нападения на Пёрл-Харбор в 1941 г. Хотя президент подвел мир к пропасти термоядерной войны, он никак не ожидал, что найдется столько охотников броситься в нее. Антикоммунистическая риторика оборачивалась катастрофой. В эти дни в Вашингтоне возродились термины «ястребы» и «голуби», первый из них пустил в обиход еще Т. Джефферсон на рубеже XVIII и XIX веков. Спорщики взывали к американским военным традициям, Р. Кеннеди был вынужден напомнить: «Президент окажется в очень трудном положении, если будет принято решение в пользу удара с воздуха. Вспомним Пёрл-Харбор и последствия для нас в мире, если он будет существовать после этого» [1]. С другой стороны, согласились братья Кеннеди между собой, бездействие президента «приведет к импичменту» [2]. Дж. Кеннеди оказался пленником кризиса, созданного собственными руками.

В конечном итоге братья Кеннеди обернулись «голубями». Почему? Дж. Кеннеди по поводу настояний немедленно применить силу: «Военщина имеет одно громадное преимущество. Если мы сделаем то, что они хотят от нас, ни один из нас не останется в живых, чтобы сказать им впоследствии, что они ошибались» [3]. Р. Кеннеди в ответ на предложение, как только потянет порохом, укрыться в убежище: «Не поеду. Если дойдет до этого, будет убито 60 миллионов американцев и столько же русских, если не больше. Я останусь в Хикори Хилл» (дом семьи) [4]. Отсюда проистекает реализм президента Дж. Кеннеди, приведший после получения предложений СССР к урегулированию кризиса в бассейне Карибского моря. С Кубы вывезли ракеты, а США дали обязательство

[1] *Schlesinger A.* Robert Kennedy and His Times, p. 549.
[2] *Kennedy R.* Thirteen Days. A Memoir of the Cuban Missile Crisis. N. Y., 1969, p. 45.
[3] *O'Donnell, Powers D.* Johnny, We Hardly Knew You. Boston, 1972, p. 318.
[4] *Guthman E.* We Band of Brothers. N. Y., 1976, p. 126.

не нападать на остров Свободы и удерживать от этого своих союзников. Уже 30 октября ЦРУ получило приказ прекратить диверсии и террор против Кубы. Работника ЦРУ У. Харви и генерала Э. Лапсдейла, готовивших покушение на жизнь Кастро, убрали, первый вскоре с горя спился, а второй ушел в отставку [1]. Запрещение продержалось недолго, новые люди стали готовить новые покушения на Кастро...

Какие бы легенды ни создавались в США о значении действий Дж. Кеннеди в эти критические 13 дней, «новые материалы, заметил Б. Бернстайн в 1980 г., недавно рассекреченные протоколы, некоторые доклады, важнейшие сообщения по дипломатическим капалам и опубликованные документы из все еще закрытого архива Роберта Кеннеди... показывают... что президент и ряд его советников с первых дней кризиса негласно были куда более гибкими, чем признавали мемуаристы или критики». В апреле 1963 г. Кеннеди удовлетворил советское требование: убрали из Турции и Италии ракеты «Юпитер», нацеленные на СССР. Естественно, официальные лица в Вашингтоне категорически отрицали, что это — последствие ликвидации кризиса в бассейне Карибского моря. Дж. Кеннеди остался верен себе, заключил Б. Бернстайн свое специальное исследование этого вопроса, «администрация без шума вывезла ракеты «Юпитер» из Турции и направила в этот район подводную лодку с ракетами «Поларис» [2].

Говорят, и, наверное, с достаточными основаниями, что октябрь 1962 г. изменил братьев Кеннеди. Изменил их тактику в отношении Советского Союза. Величайшего внимапия заслуживает объяснение мотивов политики Дж. Кеннеди по отношению к СССР в год жизни, оставшийся ему, которое дал ближайший помощник президента Т. Соренсен: «Теперь Кеннеди был готов к переговорам — применить, по выражению Дина Раска, уроки третьей мировой войны до ее начала, ибо было бы слишком поздно применять их после» [3]. В предисловии к книге Соренсена, вышедшей в 1963 г., Дж. Кеннеди скорбно признался: «Каждый президент должен примириться с тем, что существует разрыв между желаемым им и возможным» [4].

[1] *Schlesinger A.* Robert Kennedy and His Times, p. 575.
[2] *Bernstein B.* The Cuban Missile Crisis: Trading the Yupiters in Turkey? — Political Science Quaterly, Spring 1980, p. 98, 124.
[3] *Sorensen T.* Kennedy, p. 818.
[4] *Sorensen T.* Decision Making in the White House. N. Y., 1963, p. 4.

Большое открытие? Соренсен в другой книге предупредил: «Этот взгляд не был свойствен только Кеннеди. Франклин Рузвельт говорил о Линкольне: «Он был удручен, ибо не мог получить все сразу. И никто не может». Трумэн проливал крокодиловы слезы по поводу того дня, когда Эйзенхауэр обнаружит на новом посту, что не сможет командовать всем. Джонсон и Никсон горевали, разочарованные должностью» [1].

Но никто, вероятно, из американских президентов не обнаружил своего бессилия в таких драматических обстоятельствах, как Дж. Кеннеди. Последствия не замедлили сказаться. Точные обстоятельства неизвестны, но многозначительно: самую важную речь президента об американо-советских отношениях готовил не госдепартамент, а группа лиц под руководством М. Банди. 10 июня 1963 г. Кеннеди выступил перед студентами Американского университета. Он напомнил молодежи: «Ни одна страна в истории войн не пострадала больше, чем Советский Союз, в годы второй мировой войны». Если вспыхнет новая война, «все, для чего мы работали, будет уничтожено в первые двадцать четыре часа». США и СССР «взаимно глубоко заинтересованы в справедливом и настоящем мире, прекращении гонки вооружений». С большой долей реализма президент объявил: «Если теперь мы не можем положить конец всем нашим различиям, мы по крайней мере в состоянии сохранить мир безопасным для разнообразия. В конечном счете самое главное, что связывает нас: мы все живем на одной небольшой планете, дышим одним воздухом, заботимся о будущем наших детей, и все мы смертны». Отлично! Только Кеннеди полагал, что этим проникновенным словам соответствовали другие в той же речи: «Бесполезно надеяться на мир», пока Советский Союз не займет «более просвещенную позицию... Полагаю, что мы поможем им сделать это». И тут же приглушил тон: «Я также считаю, что и мы должны пересмотреть свою политику, лично и как народ, ибо наша позиция столь же важна, как их» [2].

Атмосфера на земле едина, и, вдыхая воздух полной грудью, нестарый президент США, несомненно, вспомнил об этом. Кеннеди послал А. Гарримана в Москву завершить переговоры о запрещении испытаний ядерного оружия в трех

[1] *Sorensen T.* Watchmen in the Night. Presidential Accountability after Watergate. Cambridge, 1975, p. 29.
[2] *Schlesinger A.* A Thousand Days, p. 901—902.

сферах — в атмосфере, космическом пространстве и под водой. Наконец высветилось: мультимиллионер и последний бедняк подвергаются равной опасности от повышенной радиоактивности. Гарриман было затосковал, зачем вывезли ракеты из Турции и Италии? Отняли карты для торговли на переговорах. Кеннеди оказался непреклонным, поставив физическое здравие выше доктринерских ухищрений и категорически приказал: подписать! 5 августа 1963 г. в Москве был заключен этот договор. «Отец» водородной бомбы Э. Теллер, естественно, обратился к сенаторам: «Если вы ратифицируете договор... вы развеете по ветру будущую безопасность страны». Деятели такого же типа поддержали его. Лишь 19 сенаторов согласились с ними, 80 проголосовали за ратификацию.

Да, этот договор, по выражению Д. Халберштама, «был первой трещиной в вечной мерзлоте «холодной войны»[1]. Дж. Кеннеди необыкновенно гордился достижением, утверждая, что договор — «суть его внешней политики». Ради договора он, по собственным словам, был готов пожертвовать победой на выборах 1964 г.

Конец Камелота: быль и небыль

Администрация Дж. Кеннеди работала так, будто стремилась спрессовать время, будто за ней гнался сам дьявол. «В те дни,— припоминал Р. Кеннеди,— мы думали, что преуспеваем, ибо знали: каждый работает до упаду». Пример подавал президент. «Сегодня он занимался всем, разве не почистил монумент Вашингтона»,— описал типичный день президента Дж. Рестон. Иной раз Кеннеди принимал до ста посетителей в день, и иные уходили обремененные ценными указаниями. «После встречи с президентом,— объявил некий сенатор,— нужно броситься в автомобиль и сломя голову мчаться назад в Капитолий, чтобы обогнать его указания». Они всерьез вознамерились «двинуть вперед» Америку, ликвидировав выявившееся отставание.

Как ни парадоксально, побудительной силой разнообразной деятельности администрации Кеннеди были достижения социализма. Образование и еще раз образование, твердил он, ежегодно направляя конгрессу послания с многочислен-

[1] *Halberstam D.* The Best and the Brightest, p. 358.

ными рекомендациями по его улучшению, каждое решительнее предшествующего. В трети всех законодательных предложений Дж. Кеннеди основное место занимали вопросы образования. «Наш прогресс как страны,— подчеркивал он,— не может быть быстрее, чем прогресс в образовании. Среди всех ресурсов на первом месте стоит интеллект» [1]. От этого и зависит мощь Соединенных Штатов. Программы в той или иной степени выполнялись, но рвение правительства, бравшего все новые функции, вызвало слепое недовольство очень влиятельных сил. Очень уж круто Дж. Кеннеди взялся за дело. У администрации начали накапливаться противники уже по догматическим основаниям. Советник президента Шлезингер «подвергся свирепой критике после того, как в дискуссии с консерватором У. Бакли он определил государство благосостояния как удовлетворяющее основные потребности граждан в продовольствии, одежде, жилище, образовании и назвал все это лучшей обороной против коммунизма. Сенатор С. Термонд резко осудил заявление историка, утверждая, что коммунизм и обеспечение благосостояния через государство, в сущности, одно и то же, а раздраженный конгрессмен-республиканец молил: «Боже! Спаси президента и страну от его друзей-социалистов». Эта критика законодателей отражала недоверие деловых кругов к интеллектуалам». Эти люди определенно заспались, без должного понимания отнеслись к тому, что именовалось достижением «новой границы», и никак не могли взять в толк, что будущее всего человечества — социализм.

Кеннеди по многим причинам, не последняя из них происхождение — состояние отца зиждилось на биржевых спекуляциях, избегал ввязываться в идеологические споры. Требуя и принимая надлежащие меры к тому, чтобы темпы экономического роста были не менее 5% в год, он провозгласил в нашумевшей речи в Йельском университете в 1962 г.: «Когда мы ныне принимаем решения по экономическим проблемам, речь идет не о великой битве соперничающих идеологий, которая потрясет страну страстями, а о практическом управлении современной экономикой. Нам нужны не ярлыки и клише, а реалистическое обсуждение сложнейших и технических вопросов, связанных с тем, как двигать вперед громадную экономическую машину» [2]. Усиливая вмеша-

[1] *Sorensen T.* Kennedy, p. 401—402.

[2] *Heath J.* John F. Kennedy and the Business Community. Chicago, 1969, p. 7, 129.

тельство государства в дела экономики, правительство Кеннеди добилось повышения темпов роста валового национального продукта до 5,6% в год, примерно в два раза больше, чем при Эйзенхауэре.

Дж. Кеннеди «двинул» страну. Когда сказались последствия его мер, в особенности дефицитного бюджета и реформы налогообложения, то выяснилось: с 1961 по 1965 г. прибыли до налогов увеличились на 50%, после налогов — на 70%. Президент говорил, что собирается удовлетворить «ожидания». Ожидания Уолл-стрита определенно сбылись, а что до неимущих, то к осени 1963 г. «бедных» стало только на 1% меньше, чем в 1957 г. Однако к 1966 г. уровень безработицы упал до 4%, а более 5,5 млн. человек с 1961 г. получили работу [1]. Он настаивал на «упорядоченном» движении вперед в экономике и не остановился перед угрозой применения самых решительных мер против сталелитейных монополий, когда в апреле 1962 г. они попытались произвольно поднять цены на свою продукцию, что дало бы толчок инфляции. Братья Кеннеди изрядно напугали стальных баронов, которые капитулировали через 72 часа. Торжествующий президент бросил: «Мой отец всегда говорил мне, что все бизнесмены — сукины сыны. Я не верил этому до сегодняшнего дня». Крутой нрав, проявленный Кеннеди, не прибавил ему любви в определенных кругах крупного капитала.

Логика роста государственно-монополистического капитализма неизбежно выдвигала на авансцену политической жизни Р. Кеннеди, державшего в руках карательный аппарат. Ему представилась возможность проявлять решительность и жесткость характера буквально на каждом шагу. Он объявил войну организованной преступности, повел ее с большой и хорошо рекламированной последовательностью. Динамика осуждения крупных преступников: в 1961 г.— 96, в 1962 г.—101, в 1963 г.— 373 и 677 — в 1964 г. С большими трудностями и значительным личным риском Р. Кеннеди довел до конца дело Дж. Хоффы. Гангстер умело и упорно оборонялся, загородившись юристами-крючкотворами. Р. Кеннеди не удовлетворяли возможности ФБР, и он создал в рамках министерства юстиции оперативную группу, прозванную «поймать Хоффу!». Глава группы, бывший сотрудник ФБР У. Шеридан, имея в виду жалобы Хоффы, будто половина юристов в министерстве юстиции и половина состава ФБР брошены про-

[1] Statistical Abstract of the United States, 1966, p. 218, 322—323, 496.

тив него, скромно признался: «В действительности было задействовано 13 больших жюри... 16 юристов... и, вероятно, 30 агентов ФБР» [1].

То была в значительной степени личная юстиция Р. Кеннеди. Как заметил даже дружественный к нему публицист, «группа «поймать Хоффу!» была укомплектована людьми, специализировавшимися главным образом в расследованиях, а не юристами... Они работали круглосуточно, имели постоянный доступ и неизменную поддержку министра юстиции... Группа скрывалась за покровом тайны и действовала методами плаща и кинжала... В отличие от всех остальных подразделений министерства юстиции, имеющих свою сферу ответственности, группа Шеридана была создана только для одной цели — изловить Хоффу. Ее отношения с ФБР были необычными... Шеридан увязал работу своих людей с агентами ФБР... Он, в сущности, вторгся в компетенцию ФБР» [2]. В 1963 г. Хоффа предстал перед судом и получил 13 лет тюрьмы. В 1971 г. Никсон (получив от профсоюза водителей грузовых машин 100 тыс. долл. на политические цели) простил Хоффу. Но профсоюз уже возглавили другие, попытки Хоффы вернуть свое влияние кончились тем, что в июле 1975 г. он бесследно исчез. Публицист Л. Вели в книге «Почему Хоффа должен был умереть» (1977 г.) указал, что его убрали гангстеры.

Впрочем, внимание Р. Кеннеди быстро раздвоилось: продолжая борьбу с организованной преступностью, он одновременно попытался использовать острие внутреннего сыска в узкополитических целях. В этом отношении он проявлял большую настойчивость даже по пустякам, например вознамерившись свести личные счеты с давним недругом времен маккартизма Р. Коном. По инициативе министра юстиции Кон в 60-е годы четырежды привлекался к ответственности за уголовно наказуемые деяния — взятки, вымогательство и пр. Уже к этому времени Кон вырос в крупного юриста с очень темной репутацией, он вел исключительно дела богатых людей, включая многих гангстеров. Материалов, собранных министерством юстиции, хватило бы на то, чтобы отправить Кона на 45 лет в тюрьму. Он вывернулся, и, вспоминая в 1981 г. о тех временах, процветающий юрист Кон фарисействовал: «Вендетта. Попытка похоронить меня вместе с Маккарти».

[1] *Sheridan W.* The Rise and Fall of Jimmy Hoffa. N. Y., 1972, p. 193.
[2] *Novasky V.* Kennedy Justice. N. Y., 1971, p. 404.

Очень скоро братья Кеннеди обнаружили, что для обслуживания их нужд и, естественно, страны ФБР и ЦРУ недостаточно. Во всяком случае, им представлялось, что они не находят должного понимания со стороны Э. Гувера. В официальном путеводителе для туристов по ФБР значилось (пока Р. Кеннеди не узнал об этом): «Мистер Гувер стал директором Бюро в 1924 г., за год до рождения министра юстиции». Высший кадровый состав ведомств едва ли склонялся к личной лояльности: президенты приходят и уходят, а ФБР и ЦРУ остаются. Что отлично видели и понимали в клане Кеннеди. Выход нашли. При них в американской политической жизни сложились своеобразные отношения. Не довольствуясь своим конституционным положением (казалось, куда выше!), они начали сооружать прочное здание личной власти. Английские исследователи, разобрав формы зависимости между сеньорами и вассалами в зрелое средневековье, описанные медиевистами, обратили внимание: с XIV века на Британских островах «стали избирать патрона в зависимости от размеров ожидаемых от него благ и с цинизмом, приличествующим разве специалисту по рекламе XX века, босса начали именовать не древним титулом «лорд», а новым термином — «добрый господин»... исторические аналогии, как старые тачки, конечно, поломаются, если зайти с ними слишком далеко».

Верное замечание, англичане, написавшие это, знают дело. И они совершенно правы, настаивая, что аналогия существует: «Разве не напоминает Роберт Кеннеди средневекового принца, когда обсуждает со своей свитой, родственниками, знакомыми и политическими союзниками, стоит ли поднять штандарт восстания». Эту параллель провел очень начитанный Юджин Маккарти. «Я против клана Кеннеди потому, что они пытаются превратить президентство в войну Белой и Алой Роз». Серьезность аналогии в том, что старую автоматическую приверженность в американской политике в зависимости от региона или этнической принадлежности в основном заменила новая лояльность. Расчетливый молодой человек может присоединиться к клану Кеннеди или войти в свиту другого «доброго господина», от которого ожидает волнующей карьеры и высокого вознаграждения. В аморальном и бесстыдно конкурентном современном американском обществе, как в Англии времен Глостера, прямая дорога к состоянию для «напористого молодого джентльмена» не в собственном труде, а в присоединении к свите великого

человека в надежде подняться вверх вместе с «добрым господином» [1].

Описанный склад мышления в верхах американского общества и принятый там образ действия, а не сатанинские замыслы братьев Кеннеди, внесли новые элементы в методы правления. Семья надеялась надолго усесться на вершине пирамиды власти, среди своих поговаривали: Джон, Роберт и Эдвард пойдут друг за другом. Следовательно, спланировали держать президентство не менее 24 лет — с 1960 по 1984 г. (три президента по два срока). В соответствии с высокой целью и стали устраиваться надолго, начав именно с фундамента власти — личных органов политического сыска.

Исследователь, естественно, имеет только крупицы сведений об этом семейном предприятии, но общая тенденция ясна. Вероятно, в самой обстоятельной работе на сегодняшний день о личных секретных службах богачей и сверхбогачей в США приведены отрывочные факты на этот счет. В книге процитировано суждение юриста, работавшего в сенате, который в интересах самосохранения просил не называть его имени: «Бобби учредил уж не знаю сколько учреждений, включая пару сыскных агентств в больших городах на Юге и Среднем Западе. Вероятно, в Милуоки и Детройте. Это были детища Кеннеди и выполняли все его приказы, иногда они работали против Хоффы или организованной преступности, иногда занимались политическими делами. Считалось, что они финансируются по негласным статьям Белого дома, но кто знает. В начале 60-х годов сложилась уникальная обстановка. Один брат — президент, а другой брат, Бобби, выступал в двух обличьях. Конечно, он был министром юстиции, но он также надзирал за ЦРУ, я имею в виду — он руководил ЦРУ. Я никогда не пойму всей этой болтовни, что Джек якобы хотел «разбить ЦРУ на тысячу кусков». Черт возьми, ЦРУ ведь было ведомством его брата! У них были эти «пять глаз», «три глаза» (частные сыскные агентства.— *Н. Я.*), но, клянусь, ими с потрохами владело ЦРУ. Все это принадлежало Кеннеди,— конечно, не по закону, а по существу. Они получали и выполняли приказы Бобби» [2].

Всем этим организациям, официальным и неофициальным, дел хватило с лихвой. Когда Кеннеди «двинули вперед» страну, они дали толчок процессам, возникновение которых в

[1] *Chester L., Hodgson G., Page B.* An American Melodrama. The Presidental Campaign of 1968. N. Y., 1969, p. 232—233.

[2] *Hougan J.* Spooks, p. 109.

Вашингтоне никто не мог предвидеть. Коль скоро выяснилось и было многократно подтверждено даже в официальных заявлениях, что США «отстали», под сомнение попали еще совсем недавно незыблемые ценности капитализма. Идеалы «общества потребления» оказались скомпрометированными, а вместе с этим стало крошиться с таким трудом сколоченное в 50-е годы «согласие». Расширив спектр соревнования с социализмом, сделав акцент на науке, образовании и пр., Джон Кеннеди тем самым побудил американцев думать. Стоило им задуматься, как из-под давящих глыб «согласия» стали пробиваться зеленые ростки суждений, резко отличавшихся от евангелия американской «демократии». Об изречениях президента по поводу необходимости изменений внутри страны стали отзываться как о риторике, чем они и были.

Те, кто считал себя обездоленным, попытались сами улучшить свою участь. Началось с того, что лежало на поверхности,— расовой дискриминации. 4 мая 1961 г. семеро черных и шесть белых отправились из Вашингтона на автобусе в поездку по южным штатам, протестуя против сегрегации в местах общественного пользования. «С точки зрения правительства, был избран ужасающий момент. Русские только что победили, послав в космос вокруг Земли человека, немногим более недели прошло с разгрома бригады на Кубе... Президенту не нужны были новые поражения, и меньше всего он хотел получить безобразный расовый инцидент» [1]. Правительство кое-как организовало защиту от расистов «наездников свободы», как именовали себя смельчаки, решившиеся примером агитировать за расовое равноправие. Страсти накалились.

В январе 1962 г. Дж. Кеннеди объявил, что будет содействовать обеспечению прав черных «только в тех рамках, которые сохранят согласие в национальных масштабах». Черные активисты раздвинули рамки, обозначенные президентом. Рейд «наездников свободы» привел к тому, что было наконец претворено в жизнь решение Верховного суда, принятое еще в 1956 г., о запрещении сегрегации на транспорте. Таблички «Для белых» и «Для черных» исчезли. Министерство юстиции ломало сопротивление на местах, объявляя недействительными давние правила во многих городах. Осень 1962 г. ознаменовалась резкой вспышкой беспорядков — при поддержке федеральных властей впервые в истории США

[1] *Manchester W.* The Glory and the Dream, p. 935.

черный Дж. Мередит стал студентом университета в штате Миссисипи. Цена — двое убитых, около 400 раненых. Расисты, подстрекаемые губернатором штата, бесновались у университета. Мередита охраняли 400 судебных исполнителей и подразделения федеральных войск. 166 судебных исполнителей были ранены у здания университета, из них 28 — пулями снайперов. Тогда, в отличие от второй половины 60-х годов, они по приказу Белого дома не применяли огнестрельного оружия...

Летом 1962 г. возникает организация «Студенты за демократическое общество». Она выдвинула очень умеренную программу — борьба против двух величайших опасностей: расизма и «решающего фактора «холодной войны», символизируемого Бомбой». Студенты высказывались только за ненасильственные действия. При первых признаках организации левых правые озверели. «Общество Джона Бэрча» перевалило за 100 тыс. членов, по всей стране заявляли о себе самые пестрые правые организации, многие из них, как, например, «Христианский антикоммунистический поход» Ф. Шварца, пропагандировали Библию как единственное спасение. Одновременно они вооружались, не делая секрета из намерения достичь своих целей, если необходимо, насилием. В 1963 г. в церкви были убиты бомбой четыре черные девушки, застрелен в штате Миссисипи черный активист М. Эверс. На бесконечных сборищах правые поносили братьев Кеннеди и Верховный суд.

В июне 1963 г. Дж. Кеннеди направил конгрессу законопроект о «гражданских правах», который застрял в комитетах. Тем временем волна протеста черных поднималась все выше, до конца года более 800 городов стали ареной расовых беспорядков. В августе 1963 г. состоялся 250-тысячный марш на Вашингтон в защиту «гражданских прав». Ожидали самых драматических последствий, но братья Кеннеди сумели со значительным мастерством превратить его в демонстрацию по Вашингтону. Мартин Лютер Кинг произнес зажигательную речь, открыв свою мечту: «Когда-нибудь на красных холмах Джорджии сыновья бывших рабов и бывших рабовладельцев усядутся вместе за стол братства». Проповедь черного гандизма...

Не все в движении черных соглашались последовать за Мартином Лютером Кингом. М. Литтл (известный среди «черных мусульман» как Малькольм Икс) очень скоро заявил: «Я не собираюсь сидеть за вашим столом и смотреть,

как вы едите, а моя тарелка пуста, и называть это обедом. Сидение за столом не даст обеда». Он учил: «Неверно называть бунт негров просто расовым конфликтом черных против белых или чисто американской проблемой. Ныне мы видим глобальное восстание угнетенных против угнетателей, эксплуатируемых против эксплуататоров»[1]. Ему было суждено недолго говорить в этом духе: в феврале 1965 г. М. Литтла убили. Что до проповедей Кинга, то его голос продолжал звучать. Расисты исходили бешенством: почему президент не только сквозь пальцы смотрит на «претензии» черных, но определенно поддерживает их равноправие в США? В самом деле, почему?

Послушаем Дж. Кеннеди. Он сказал: «Прошло сто лет со дня освобождения рабов президентом Линкольном, однако их потомки — их внуки не полностью свободны. Они не высвободились из оков несправедливости, они все еще не свободны от социального и экономического угнетения. И наша страна, несмотря на все надежды и все хвастовство, не будет полностью свободной, пока не будут свободны все ее граждане»[2]. Он обращался, Дж. Кеннеди, к миллиардной аудитории — развивающимся странам. Расисты в США мешали великому замыслу — изобразить Америку оплотом прогресса во всех отношениях.

В то время как расисты исчерпали словарь бранных эпитетов в адрес президента, Дж. Кеннеди перевел отношение Белого дома к неутомимому борцу за гражданские права в плоскость тайных операций карательных органов. Братья Кеннеди неоднократно предупреждали Кинга, чтобы он урезал свою деятельность. Спустя примерно 15 лет, когда работала комиссия Ф. Черча, кое-что разъяснилось,— разумеется, далеко не до конца. Так, на негласной встрече с Кингом Дж. Кеннеди сухо заметил: «Полагаю, вы отдаете себе отчет в том, что вы — объект самой пристальной слежки». Появление Кинга перед 250-тысячной аудиторией в Вашингтоне руководство ФБР отметило должным образом. Кинг говорил о своей мечте, в ФБР квалифицировали речь как «демагогию» и констатировали: «Он на голову выше всех других негритянских лидеров, вместе взятых, при оказании влияния на широкие массы негров. Отныне мы выделяем его... как самого опасного негра для будущего нашей страны с точки зрения

[1] Malcolm X Speaks. N. Y., 1966, p. 217.
[2] *Bleiwess R.* Marching to Freedom: The Life of Martin Luther King, Jr. N. Y., 1968, p. 100.

коммунизма, негров и национальной безопасности»[1]. С санкции Белого дома и министерства юстиции на движение Кинга распространяется программа КОИНТЕЛПРО, дополненная программой КОМИНФИЛ (коммунистическое проникновение в США), со всем арсеналом провокаций, предусмотренных в стратегии психологической войны. 10 и 21 октября 1963 г. Р. Кеннеди отдает указание ФБР об установке у Кинга и вокруг него подслушивающей аппаратуры.

Поставить под контроль события не только в США, но и в доступной для Вашингтона части мира, по всей вероятности, стало рабочей доктриной администрации Дж. Кеннеди. Хотя острие этой политики было устремлено против мирового революционного процесса, ее побочным результатом была ликвидация препятствий и «справа», способных скомпрометировать «либеральный» облик США. В мае 1961 г. убит кровавый диктатор Доминиканской Республики Р. Трухильо. Убит оружием, поставленным ЦРУ, которое отлично знало обо всем. Итак, «этого сукина сына, но нашего сукина сына», по словам Ф. Рузвельта, убрали.

Дж. Кеннеди очень торопился. Для генерального сражения против поступательного движения нового он избрал Юго-Восточную Азию.

Нельзя терять времени, объяснял президент в речи летом 1961 г., ведь «Цезарь и Помпей, Антоний и Октавиан выступали только тогда, когда достигали успеха. Мы не можем позволить себе роскоши допустить успехи такого рода». Обожаемые древние дают уроки, на которые всегда ссылались американцы. Президент любил повторять слова американского оратора столетней давности: «Можно ли считать другом античной Греции того, кто спокойно рассуждал о высоком патриотизме в безнадежные и бессмертные часы, когда Леонид со своими тремястами спартанцами стоял за свободу у Фермопил?»[2].

Камелоту президент без античных аналогий объяснил: «Для демонстрации нашей мощи лучше всего подходит Вьетнам»[3]. Пойти по стопам Эйзенхауэра, наглядно подтвердив справедливость концепции домино[4]. Молодой правитель был

[1] Final Report... Book III. Dr. Martin Luther King, Jr. Case Study, p. 97, 107—108, 115.

[2] Public Papers of the Presidents: John F. Kennedy, 1961. Washington, 1962, p. 436—437, 336.

[3] *Halberstam D.* The Best and the Brightest, p. 76.

[4] *Gelb L.* Politics and the Tragedy of Vietnam.— Foreign Policy, 1971, N 3, p. 142.

убежден в своей правоте, хотя получил трезвое предостережение от того, кто знал лучше,— Д. Макартура. Генерала обласкали в Камелоте; Кеннеди распорядился отчеканить золотую медаль в честь Макартура: «Протектору Австралии, Освободителю Филиппин, Завоевателю Японии, Защитнику Кореи». Макартур произнес должные слова благодарности, а в беседе с глазу на глаз повторил президенту давнее предостережение: «Нужно проверить голову любого, кто хочет использовать американских солдат на континенте Азии». В 1964 г., умирая в госпитале, 84-летний Макартур заклинал и Л. Джонсона не делать этого, ибо, пророчествовал он, «опасно близко время, когда многие американцы не захотят воевать за свою страну» [1].

Впустую. Дж. Кеннеди погнал американские войска во Вьетнам. Если в декабре 1960 г. там было 733 американских «советника», то к концу 1963 г.— 16 500. Вашингтон определенно упустил из виду, что на эскалацию есть контрэскалация. США стали погружаться в пучину развязанной ими войны в Юго-Восточной Азии. Потом причастные к этому много спорили, как все это случилось. Р. Никсон винил во многом умника Камелота генерала М. Тейлора, который в те времена побывал и американским послом в Сайгоне, и председателем комитета начальников штабов. На взгляд Никсона, «катастрофа в заливе Свиней побудила президента Джона Ф. Кеннеди приказать устроить панихиду, избрав для проведения ее генерала Максуэла Тейлора. Тот заключил, что ЦРУ не могло вести крупные полувоенные операции, и отнес усилия Америки во Вьетнаме к этой категории. Он рекомендовал передать руководство ими Пентагону. Это решение повлекло за собой серьезнейшие последствия. Были выброшены за борт политическая изощренность и «прощупывание» условий на месте, что и было достижением ЦРУ. Руководство войной вверили в руки людей, смотревших на мир через очки технологии» [2].

Что бы ни утверждал Никсон, дело обстояло далеко не так. Не отказался Кеннеди от дихотомии методов в отношении Вьетнама. Да, военные получили формальное главенство в войне во Вьетнаме, но действовали они рука об руку с ЦРУ под жестким политическим контролем Белого дома. Как отмечает авторитетный свидетель, «Кеннеди опирался

[1] *Manchester W.* American Caesar, Douglas MacArthur, p. 831—833.
[2] *Nixon R.* The Real War, p. 100.

больше на помощника в Белом доме М. Банди, чем на государственного секретаря Д. Раска, и в большей степени, чем любой его предшественник, не рассматривал кабинет как консультативный совещательный орган»[1]. Именно при Кеннеди помощник президента по национальной безопасности профессор М. Банди со своим непосредственным штатом въехал в западное крыло Белого дома, стал председательствовать на совещаниях аппарата СНБ.

Все это позволяет измерить меру ответственности Пентагона за войну во Вьетнаме. «Хотя противопартизанские действия обычно рассматриваются как военные,— подчеркнул Ф. Праути,— внимательный анализ покажет: в действительности речь идет о действиях, находящихся под политическим контролем в сфере полувоенных операций. Это самое важное соображение при оценке того, как США переходили из эры «Рузвельта — Эйзенхауэра» в эру «Кеннеди — Джонсона», которая включает вьетнамский эпизод»[2]. Если так, тогда вырисовывается суть стратегии США во Вьетнаме на том этапе — подкрепить своими войсками местный режим, который и должен вынести основное бремя войны за собственное самосохранение и в интересах американского империализма. Но продажный режим Нго Динь Дьема приносил Вашингтону одни огорчения, хотя публично американские руководители не уставали расхваливать его. Вице-президент США Л. Джонсон во время поездки по Вьетнаму в 1961 г. отзывался о Нго Динь Дьеме как «Уинстоне Черчилле Южной Азии» и пр. и пр. Бойкий американский репортер тайком осведомился у Джонсона, верит ли он в это. «Этот человек — дерьмо,— ответил вице-президент,— но другого-то у нас здесь нет!»[3] На своей тогдашней должности Джонсон не был очень осведомлен об особенностях психологической войны и потому не видел альтернативы южновьетнамскому кровавому деспоту.

В Белом доме и ЦРУ думали иначе. У. Колби, севший позднее в кресло директора ЦРУ в вознаграждение за свои дела в Южном Вьетнаме, спокойно растолковывает в мемуарах: «ЦРУ не могло сыскать лучшего друга-президента, чем Джон Ф. Кеннеди. Он понимал ЦРУ, эффективно использовал его, опирался на интеллектуальные ресурсы ведомства, помогавшего ему анализировать сложный мир,

[1] *Sorensen T.* Watchmen in the Night, p. 92.
[2] *Prouty F.* The Secret Team, p. 397.
[3] *Manchester W.* The Glory and the Dream, p. 915.

вводил в дело полувоенные и тайные политические таланты ЦРУ, дабы действовать незаметно. Конечно, бесполезно строить предположения, что бы Кеннеди сделал во Вьетнаме, если бы жил. Но я убежден: он по крайней мере признал бы бесцельность использования громадных вооруженных сил для ведения войны против партизан. Несмотря на то что он не мог склониться на сторону того или иного советника, которые придерживались разных точек зрения на Нго Динь Дьема, я по сей день убежден: учитывая его приверженность к политическим действиям, его высокую оценку и восхищение противопартизанской борьбой, мы рано или поздно и более эффективно сосредоточились бы на войне на уровне деревень, на народной войне, если бы Кеннеди оставался в Белом доме в эти критические 1964—1968 гг. Независимо от того, победили ли мы или потерпели поражение, мы по крайней мере не использовали бы там полмиллиона американских солдат и избежали бы кровопролития среди них и от них» [1].

Откуда такая уверенность в гипотетических действиях Дж. Кеннеди? Колби видел их дебют — расправу с неугодным Нго Динь Дьемом. Инициаторы ее — директор разведывательного управления госдепартамента Р. Хилсмен и М. Форрестолл, сын печально известного Д. Форрестолла, назначенный Кеннеди в штат Белого дома советником по Вьетнаму. Превосходно ориентируясь в бюрократическом лабиринте Вашингтона, они преодолели сопротивление директора ЦРУ (возражение: а где сыскать лучшего?), усилили стремление работников ЦРУ в Сайгоне отделаться от диктатора и в августе 1963 г. отдали приказ американскому послу в Южном Вьетнаме Г. Лоджу всячески содействовать путчу. Телеграмму подписал заместитель государственного секретаря Дж. Болл. Заговорщики в Сайгоне отчаянно трусили, чины ЦРУ на месте торопили их, командующий американскими войсками в Южном Вьетнаме П. Харкинс, не введенный в курс дела, заверял забеспокоившегося было Нго Динь Дьема, что он может полагаться на США как на каменную стену. Наконец 1 ноября 1963 г. начался мятеж.

Диктатор немедленно соединился по телефону с Лоджем. Отменный джентльмен, выходец из одной из лучших семей Новой Англии, был предельно вежлив. Он сослался на неведение, хотя только что получил подробные инструкции от

[1] *Colby W.* Honorable Men, p. 221.

М. Банди, как отвечать, если Нго Динь Дьем обратится за помощью. Выразить «озабоченность» его личной безопасностью. Что и понятно: схваченный путчистами Нго Динь Дьем с братом получили тут же по пуле в затылок. Как на грех, в эти дни жена диктатора была в Вашингтоне. Она поражалась, почему ее игнорируют в высшем свете «союзного» государства. Получив известие об убийстве мужа, дама (по прозвищу Тигрица) воскликнула: «Если у вас союзником правительство Кеннеди, вам не нужно врагов» [1].

Лиха беда начало. Камелот гальванизировал давнишний план — свергнуть народное правительство на Кубе. После провала вторжения в 1961 г. ЦРУ носилось с планом начать «изнутри». В ноябре 1963 г. завершались переговоры ЦРУ с неким представителем заговорщиков на Кубе, зашифрованным под кличкой Амлаш. Этот таинственный человек требовал встречи с Р. Кеннеди, чтобы получить серьезные гарантии поддержки Соединенными Штатами мятежа на Кубе. От имени Р. Кеннеди с ним поддерживал контакт почтенный вашингтонский юрист Д. Фицджералд (в тайной жизни — глава управления ЦРУ, занимавшегося Кубой). Что точно говорилось, естественно, неизвестно, но 18 ноября Дж. Кеннеди выступил с речью в Майами (где гнездились кубинские эмигранты), обозвав правительство Кубы «крошечной бандой заговорщиков», устранение которого гарантирует поддержку США достижения «прогрессивных целей» на Кубе. Известно, что Д. Фицджералд приложил руку к подготовке этой речи, как и то, что ЦРУ считало это выступление заверением кубинскому подполью: США с ними. 22 ноября Фицджералд и офицер ЦРУ встретились с Амлашем, вручили ему для убийства Кастро шариковую ручку с крошечной иглой, при помощи которой можно безболезненно нанести смертоносный укол. Они обещали удовлетворить и другие просьбы Амлаша — передать ему винтовки с телескопическими прицелами и взрывчатку [2]. Сияющие, они разошлись с конспиративной встречи и услышали передававшееся по радио и телевидению сообщение об убийстве в Далласе, штате Техас, президента США Джона Ф. Кеннеди.

Обстоятельства убийства Кеннеди слишком хорошо известны. Было выдвинуто немало теорий и написано множе-

[1] *Lasky V.* It didn't start with Watergate, p. 98.
[2] The Assassinations. Dallas and Beyond. A Guide to Coverups and Investigations. Ed. by P. Scott. N. Y., 1978, p. 18—42.

ство книг, в которых комментируется или атакуется с разных точек зрения официальная версия комиссии из семи человек, возглавлявшейся председателем Верховного суда Уорреном. В 1964 г. она заключила: «Выстрелы, которыми был убит президент Кеннеди... были сделаны Ли Харви Освальдом... Комиссия не обнаружила никаких доказательств, что Освальд... был участником заговора в США или за рубежом с целью убийства президента Кеннеди... Все данные, представленные комиссии, указывают — нет никаких оснований предположить, что Освальд был агентом, служащим или информатором ФБР, ЦРУ или любого другого государственного ведомства. ...Освальд действовал в одиночку» [1]. В составе комиссии помимо прочих были будущий президент Дж. Форд и А. Даллес. К нашим дням достоверно установлено, что комиссия, работавшая в спешке, оставила вне поля своего внимания многие существенные обстоятельства. А. Шлезингер с великой неохотой признал: «Аллен Даллес скрыл от комиссии Уоррена всю информацию о заговорах (в ЦРУ.— *Н. Я.*) с целью убийства. Одна из очевидных причин: наверняка опасались, что, если Роберт Кеннеди узнал бы о размахе этих заговоров, он мог бы возложить ответственность на ЦРУ за убийство брата» [2].

Все растущая в США и на Западе гора книг об убийстве Кеннеди на глазах раздавила здравый смысл в оценке случившегося. В 1979 г. работал специальный комитет палаты представителей конгресса США, вновь изучивший обстоятельства убийства Дж. Кеннеди. К докладу комиссии были приложены 12 томов «слушаний» и материалов в дополнение к 26 томам комиссии Уоррена. Важнейший вывод комитета: акустическая экспертиза установила — в тот день, 22 ноября 1963 г., в Далласе раздалось не три, а четыре выстрела. Следовательно, Кеннеди, «вероятно, был убит в результате заговора». Собранные научные данные «требуют пересмотра всего того, что считалось правильным в прошлом» [3]. Естественно, никаких практических действий за опубликованием доклада не последовало, а его поставили в один ряд с бесчисленными сочинениями об убийстве Кеннеди.

---

[1] Report of the Warren Commission on the Assassination of President Kennedy. N. Y., 1964, p. 39, 41—42.

[2] *Schlesinger A.* Robert Kennedy and His Times, p. 536.

[3] Report of the House Select Committee on Assassinations. Washington, 1979, p. 1, 180.

Осенью 1980 г. ФБР передало министерству юстиции тощий (на 22 страницах) доклад, в котором утверждалось, что акустическая экспертиза основывалась на ложных предпосылках и посему «должна быть признана недействительной». Последовали небольшие споры по поводу позиции, занятой ФБР. Бывший главный советник комиссии Р. Блаки заметил, что эксперты ФБР просто не знакомы «со сложными методами проведения акустической экспертизы, которую использовали ученые, привлеченные комиссией». Кроме того, заявил он, «ФБР, очевидно, так и не хочет признать, что оно не провело в свое время должного расследования убийства президента». ФБР отказалось комментировать эти утверждения [1].

Английский журналист А. Саммерс, выпустивший в 1980 г. собственное пухлое творение «Заговор. Кто убил президента Кеннеди?», столкнулся с поразительными вещами в американских органах массовой информации.

Настаивая, разумеется, что верна только его собственная версия (заговор был!), А. Саммерс написал: «Когда я заканчивал эту книгу, один неутомимый американский журналист увидел, что его документированные статьи о деле Кеннеди не печатают. От редактора он получил письмо с сожалением, что «он ставит вопросы, на которые нет ответа». Вместо этого, писал редактор, он должен «подчеркнуть: предположения комитета по убийствам (в 1979 г.— *Н. Я.*) отражают всеобщее настроение — оставим это дело так»... «Тайм», «Ньюсуик» и «Нью-Йорк таймс» уже вынесли вердикт. Они напечатали статьи — от ядовитых до откровенно саркастических. Некий видный комментатор «не согласился» с данными акустической экспертизы, указывавшей, что на площади Дели стреляли двое, хотя из его статьи было видно, что он не изучил важные свидетельства. Один журналист высмеял эти «глупости о заговоре», а другой мрачно предрек: «Все более странные теории будут иметь хождение» [2]. Новейшая теория — книга Д. Лифтона «Лучшее доказательство» (вышла в начале 1981 г., более 700 страниц), она повествует о том, что при перевозке тела Кеннеди из Далласа в Вашингтон за какие-нибудь полчаса успели убрать из черепа осколки пули, выпущенной не из винтов-

[1] The Washington Post, July 7, 1981.

[2] *Summers A.* Conspiracy. Who killed President Kennedy. Glasgow, 1980, p. 518.

ки Освальда. Журнал «Тайм» заключил: «Новейшая теория Лифтона ужасающа и увлекает, как детектив, но ее никак нельзя принять за реальность»[1]. Но журнал отдал рецензии на эту книгу две полосы!

Переизбыток информации не менее пагубен, чем недостаток ее, особенно когда данные привязываются к пестрым интерпретациям. В октябре 1981 г. даже была вскрыта могила Освальда. Патологоанатомы убедились, что в ней захоронен точно Освальд. Лопнула еще одна фантастическая версия... Все же в трагедии, случившейся в Далласе 22 ноября 1963 г., есть что-то, о чем никто не знает. Незадолго до смерти в 1973 г. бывший президент Л. Джонсон бросил в доверительном разговоре со своим бывшим помощником Л. Джаносом — по вступлении в должность в 1963 г. он обнаружил: «Мы руководили проклятой корпорацией убийц в бассейне Карибского моря»[2]. Р. Кеннеди в беседе с группой студентов в колледже Сан-Фернандо 3 июня 1968 г. сказал: «Теперь я наконец понял — только властью президента можно открыть тайну смерти моего брата»[3]. Через два дня Р. Кеннеди был убит.

Линдон Б. Джонсон и историки

Днем 22 ноября 1963 г. на борту президентского самолета Боинг-707 вице-президент Л. Джонсон принял присягу президента. Салон самолета переполнен испуганными соратниками Дж. Кеннеди, рядом Жаклин Кеннеди в платье, залитом кровью мужа. По окончании краткой церемонии самолет без помпы взлетел и взял курс на Вашингтон, увозя нового президента.

Прошло немногим более пяти лет. Днем 20 января 1969 г. на базе ВВС США Эндрюс гремели орудийные выстрелы. 105-миллиметровые гаубицы, заглушая «Звездное знамя» военного оркестра, отдавали салют из 21 залпа — бывший президент Л. Джонсон, сдав дела, отбывал на родину в штат Техас. Последняя связь с прошлым — официальная церемония проводов, президентский самолет Боинг-

[1] Time, January 19, 1981, p. 33.
[2] *Lasky V.* It didn't start with Watergate, p. 89.
[3] *Summers A.* Conspiracy, p. 522.

707, в котором 22 ноября 1963 г. Джонсон принял присягу президента. Орудия смолкли, продрогшие на двадцатиградусном морозе музыканты мужественно грянули «Желтая роза Техаса», напутствуя на новую жизнь. Самолет сделал круг над Вашингтоном. Столичная «Вашингтон пост» отметила: «Бывший президент простился с городом, который, по его словам, всегда будет называть родным домом» [1]. Политика — позади, теперь — встреча с историей.

В день, когда президент уходил из Белого дома, «Нэшнл обсервер» поместила пространную статью под интригующим заголовком «История может быть добрее к ЛБД» [2]. Д. Дикенсон, подписавший ее, отправлялся от очевидного: «Суждение о президентстве Линдона Джонсона перешло от современников в руки историков. Никого это суждение не беспокоит больше, чем самого президента, и он много размышляет о нем. Недавно, когда президент и его высшие советники по вопросам внешней политики устроили перерыв — очередные документы перепечатывались, 36-й президент коснулся будущего и своего места в нем: «Занимая этот пост, человек должен решить, каковы его критерии оценки собственной деятельности. Для меня: что подумают мои внуки, после того как я буду похоронен под деревом на ранчо, о случившемся во Вьетнаме и Юго-Восточной Азии и что я сделал для негров». Президент, однако, избегал абстракций и тут же вернулся к непосредственным проблемам. «Конечно,— продолжал он,— в опросах общественного мнения я потерял 15 пунктов из-за Вьетнама и 20 пунктов из-за негров».

Дикенсон сделал попытку подняться выше споров о личности президента и представить его деятельность в общем контексте американской политики. Джонсон предстал не злым гением, а жертвой обстоятельств, для доказательства этого сослались на американских историков первой величины. Профессор Р. Хофштадтер: «Наша уверенность в своей правоте восходит ко временам возникновения республики, однако в те давние годы, когда мы были слабы, мы сражались со слабыми народами — испанцами, мексиканцами, индейцами — на территории американского континента. Мы не привыкли подсчитывать издержки во внешней политике, но теперь в «холодной войне» мы стоим перед могущественным врагом — Россией, которая не желает уступить. Теперь

[1] The Washington Post, January 21, 1969.
[2] Линдон Бейнс Джонсон.

нам приходится подсчитывать издержки. Кто мог бы подумать, что наша преобладающая мощь не восторжествует во Вьетнаме? Линдон Джонсон выражает привычку избегать подсчетов и является жертвой американского требования успеха».

Молодым голосам в американской историографии, категорически осуждавшим внешнюю политику Джонсона, на страницах «Нэшнл обсервер» места, естественно, не нашлось. Их, однако, нельзя игнорировать, и респектабельная в США газета сослалась на мнение авторитетов о работах молодых историков. Профессор В. Лехтенбург заметил: «Молодые историки, только что выпущенные из университетов, где оппозиция к войне во Вьетнаме проявляется в самой ожесточенной форме, будут относиться к Линдону Джонсону с величайшим предубеждением. Боюсь, что они совсем распоясаются, и это отношение будет господствовать 10—20 лет». Чтобы заполнить до конца угодный спектр оценок, сослались и на профессора Принстонского университета Э. Голдмана, в свое время состоявшего при президенте, автора нашумевшей книги «Трагедия Линдона Джонсона»: «Линдон Джонсон будет более чем прощен, он предстанет фигурой черчиллевских размеров, мудрым, мужественным пророком, возвысившим голос в толпе близоруких, робких людей» [1].

Р. Вильсон в «Ивнинг стар», размышляя об истории и историках, склонился к точке зрения, аналогичной «Нэшнл обсервер», о чем и сообщил в статье «У Джонсона хорошие шансы на доброе отношение истории». Сначала автор воздал должное господствовавшим настроениям в стране, однако с самого начала подчеркнул: отнюдь не все так думают. «Как считают сейчас некоторые,— писал он,— годы Джонсона были классической трагедией. Администрация, поднявшаяся как надежда и вера из скорби страны по поводу убитого молодого героя, закончила свои дни в трагедии обманутых ожиданий и непопулярной войны, уничтожившей наследника героя». А далее говорилось: «Десяток самых известных профессоров истории, опрошенных журналом «Ньюсуик», считают достижения Джонсона в области внутренней политики от «хороших» до «великих», однако утрачивают свой энтузиазм в оценках ведения им внешних дел» [2].

---

[1] The National Observer, January 20, 1969.
[2] Evening Star, January 15, 1969.

Что академический мир на диво оказался милостив к Джонсону, подтвердила громадная коллекция высказываний светил первой величины в американской исторической науке, собранная «Лос-Анджелес таймс». Без особой тенденциозности и порядка при подборе газета привела суждения тех, кто считаются живыми классиками американской историографии. Профессор К. Росситер, знаток института президентства, заметил: «Несомненно, Джонсон был во многих отношениях сильным президентом и немало преуспел. Однако у него была своя обезьяна за спиной — Вьетнам. Поскольку ее нельзя было укротить, она бы сбила с ног и Кеннеди. Без нее Джонсона назвали бы великим, или почти великим, президентом».

Известнейший биограф Ф. Рузвельта гарвардский профессор Ф. Фрейдель написал: «С течением времени, когда народ позабудет частично свою идиосинкразию и ряд мелочей, Джонсон будет выглядеть в истории очень хорошо. Подобно Трумэну, он действовал народу на нервы, но, так же как и Трумэн, он может дожить до тех времен, когда критика пойдет на убыль». Профессор Д. Барнс, зарекомендовавший себя теоретиком президентской власти, настаивал: «Я очень высоко ставлю Джонсона в отношении подбора им людей и его внутренней политики. Для оценки в плане истории очень много зависит от Вьетнама» [1].

Итак, респектабельные по критериям, принятым в США, историки начали творить кумира, исследование деяний Джонсона в их умелых руках погнулось в сторону сочинения мифов, а не реальных оценок. Рядом с подлинным Джонсоном умельцы с быстротой необыкновенной создавали его модель, которую, конечно, и будут изучать, по различным основаниям оставив в стороне подлинного человека. Как бы ни пригревали экс-президента историки, страна отвергла его. Так что же случилось с этим президентом?

Пытаясь разглядеть контуры уходившего Джонсона, в статье «Сумерки президента» Д. Уайд напомнил: «В конце рабочего дня лицо Джонсона, искаженное усталостью, удивительным образом напоминает Рузвельта, сходство можно проследить на большом портрете ФДР, который висит на стене над креслом Джонсона. В этом глубокая ирония, ибо, хотя Джонсон ни перед кем не восхищался так, как перед ФДР, не было другого человека, которого ему столь

[1] Los Angeles Times, January 20, 1969.

хотелось бы превзойти. Программа Великого общества должна была затмить Новый курс. Много раз слышали, как Джонсон на вершине своей популярности и власти говорил: у него возможность пробыть в должности президента девять лет, больше, чем был президентом кто-либо еще, за исключением Франклина Рузвельта»[1]. Девять лет Джонсону в Белом доме пробыть не удалось по не зависящим от него причинам, но то, что было проделано в пять с небольшим лет,— программа «Великого общества» действительно выполнялась на путях, проложенных в свое время «новым курсом».

Сухая статистика показательна. Если в 1960 г. в США выполнялось 45 программ, касавшихся внутренних социальных проблем, то в 1968 г.— 435. Принятие их падает в подавляющем большинстве на президентство Джонсона. На цели, широко определяемые как программа «Великого общества», тратилось в 1968 г. 26,5 млрд. долл. по сравнению с 12,9 млрд. долл. в 1963 г. и 9,9 млрд. долл. в 1960 г. Если же включить выплаты по системе социального обеспечения, то расходы соответственно равняются 49 млрд. долл. в 1968 г. и 22 млрд. долл. в 1960 г. Администрация демократической партии вывела из «бедности» (граница ее — доход в 3300 долл. для городской семьи из четырех человек) 18 млн. человек, ниже черты осталось 21,9 млн. американцев. За семь с половиной лет занятость увеличилась на 10,5 млн. человек, прибыли корпораций после уплаты налогов — на 61%[2].

Конечно, в эти данные нужно внести коррективы на инфляцию, помнить о вводящих в заблуждение среднестатистических показателях и пр., однако в целом они производят впечатление. Уходя с поста президента, Джонсон и его статистики показали, что при умелом манипулировании с цифрами можно добиться еще большего. В прощальном обращении к стране в январе 1969 г. Джонсон, признавая, что за истекшие четыре года военные расходы поднялись на 51%, тут же подсчитал: на социальные нужды правительство стало тратить на 97% больше — вместо 30,4 млрд. долл. в 1964 г. 59,8 млрд. долл. в 1968 г.[3] Первопричина социального реформаторства в президентство Джонсона очевидна: он, как и Дж. Кеннеди, серьезно относился к соревнованию

[1] The New York Times Magazine, November 7, 1968, p. 27.
[2] The New York Times, December 9, 1968.
[3] The New York Times, January 17, 1969.

с Советским Союзом и в 60-х годах попытался дать ответ на вызов социализма во многих областях. Успехи социалистических стран были катализатором прогресса во многих областях — социальной, образования, здравоохранения и пр. в США.

Тогда почему же правительство Джонсона не смогло продолжить свою деятельность, а, напротив, вызвало массовое недовольство, и не только в связи с войной во Вьетнаме, но как раз в тех делах, которым оно особенно гордилось,— своей внутренней политикой? Он мыслил категориями 30-х годов в обстановке 60-х. В критическое предвоенное десятилетие, когда Рузвельт бился за то, чтобы не вызрели «гроздья гнева», «забытыми людьми» чувствовало себя громадное большинство американцев. От них, бесчисленных миллионов, исходила мощная угроза социального взрыва, который Рузвельт предотвратил социальным маневрированием на путях «нового курса». Джонсон крепко запомнил успех своего предшественника и обратил самое пристальное внимание на черных и бедняков, положение которых в 60-х годах было, несомненно, скверным. Однако относительно к численному составу населения их было не столько, сколько в 30-х годах, да и понятие «бедность» оказалось отнюдь не абсолютным, оно не стояло на месте. Оплату счетов на социальное обеспечение этих обездоленных президент возложил отнюдь не на монополии, а на миллионы средних налогоплательщиков, которые теперь под налоговым прессом почувствовали себя «забытыми людьми». А они составляют большинство в американском обществе.

В свое время Рузвельт пашел философский камень в государстве, возвысив его роль для решения неотложных нужд. Л. Джонсон довел начатое Рузвельтом, с точки зрения «молчаливого большинства», до абсурда. Опытный публицист Т. Уикер, суммировавший свои наблюдения в статье «Реквием Великому обществу», попытался доказать именно этот тезис, указав: «Новый курс с начала до конца строился на роли правительства, федеральных агентствах, компенсирующих дотациях, власти налогов. За три десятилетия все это настолько развилось, что аппарат, над которым председательствовал Джонсон (а он его еще расширил, добавив среди прочего самое примечательное — министерство транспорта и управление экономических возможностей), становился все менее действенным и эффективным, превратился в бюрократический глетчер, холодный и все расползающий-

ся и далекий от тех, кому он предназначен служить... Критики хотели поменьше строгого надзора и больше возможностей для улучшения положения собственными силами; меньше федерального планирования и администрирования, а больше местного контроля и участия».

Что до усилий Джонсона в отношении бедняков и черных, то средний, по Т. Уикеру, американец рассуждал примерно следующим образом: «Джонсон умело употребил свои способности и власть для достижения идеалов своего времени, дабы осуществить чаяния детей кризиса. Но для детей изобилия, ищущих собственной этики, великие законодательные достижения 1965—1966 гг. представлялись не имеющими никакого отношения к текущим проблемам, ничтожной компенсацией за аморальную войну... А некоторые из его противников утверждали, что, вызвав ожидания, особенно среди черных и бедных, которые не могут быть выполнены, президент вызвал еще большие беснования, гнев и волну насилия» [1].

По всей вероятности, в этом все дело. Как подчеркнул Э. Голдман, обратившись не к истории, а к конкретным причинам неудач Джонсона, «он легко связал себя с Новым курсом, воспринял основное в тональности 30-х годов и по большей части остановился там. Но Соединенные Штаты не стояли на месте... Изменения были столь стремительны и глубоки, что страна изменялась буквально под президентом Джонсоном. Как прекрасный деятель 30-х годов, он выражал свои искренние чувства, возглашая на выборах 1964 г.: «Помните о Молли и ее детях!» Или: «Нам, американцам, много не надо. Мы хотим прилично питаться, иметь приличный дом и одежду!» В 60-х годах все еще было множество Молли с их множеством бед. Однако проблема, волнующая массы, изменилась — еда, жилище, одежда волновали меньше, чем отягчение несправедливым распределением, с которым большая часть населения больше не могла мириться, и все обострявшаяся расовая проблема, которая только частично носила экономический характер». В этих условиях, на взгляд Э. Голдмана, Джонсон предстал «трагической фигурой в высшей степени одаренного президента, но не тем человеком, не из той среды, не в то время и не в тех обстоятельствах» [2].

---

[1] The Saturday Evening Post, January 25, 1969, p. 70, 68.
[2] The New York Times Magazine, January 5, 1969, p. 87—88, 84.

От утверждений такого рода рукой подать до теорий, отчеканенных самим Джонсоном и К⁰: он-де не преуспел, ибо те, ради которых он пекся,— «либералы» и погубили сверхблагонамеренного президента. «Уолл-стрит джорнэл» писала: «Линдон Джонсон заканчивает свое президентство жалобой, которую он неоднократно повторял и сводящуюся примерно к следующему: Линдон Б. Джонсон был великим президентом, его, конечно, приветствовали бы в качестве такового в наши дни, если бы не лидеры восточных штатов, интеллектуалы из Джорджтауна и гарвардские профессора. Они не дали возможности техасцу преуспеть» [1]. В. Уайт даже нашел: «ЛБД, подобно Линкольну, был уничтожен теми, для кого он сделал больше всего». Обнародовав это открытие в заголовке, он так объяснил падение президента: «Политическое убийство в высшей степени либерального, да, слишком либерального Джонсона по иронии судьбы было подготовлено не его консервативной или республиканской оппозицией, а скорее либеральным крылом демократической партии» [2].

Все это, конечно, вздор. Не «либералы» погубили Джонсона; напротив, своим ведением дел он скомпрометировал то, чему поклонялся на глазах,— социальное реформаторство. Что до внешней политики, то она вызвала негодование масс по моральным соображениям, серьезное недовольство сильных мира сего в США по практическим причинам. Джонсон, грезивший наяву, просмотрел изменение в мире — биполярность ушла в прошлое еще до его въезда в Белый дом. А он не сменил методов в многополярном мире. Отсюда издержки для Вашингтона, обернувшиеся личной «трагедией» Джонсона. Теперь посмотрим, как это произошло.

Политика абсурда

В этой республике настольная книга политиков — Библия, откуда по мере надобности черпается мудрость на все возможные и невозможные случаи жизни. Л. Джонсон не был исключением, объясняя всю хитрость правления ссылкой на пророка Исаию: «Тогда придите — и рассудим, говорит Господь» (1, 18). Коллективное руководство? Джонсон, унаследовавший придворных Камелота, потом проклинал их.

[1] Wall-Street Journal, January 13, 1969.
[2] The Washington Post, December 20, 1969.

Осенью 1972 г., в последние месяцы жизни Джонсона, к нему заехал его любимый полководец генерал У. Уэстморленд, под водительством которого США проиграли войну во Вьетнаме. Выпили. «Если бы я мог снова пережить свое президентство,— вдруг сказал Джонсон,— я бы с самого начала выгнал всех руководящих работников, унаследованных от Джека Кеннеди, за исключением Дина Раска»[1]. Через 10 лет он упрощал; придя к власти, Джонсон не тронул, скажем, Э. Гувера в ФБР по уважительной причине: «Пусть он лучше останется в палатке и мочится вовне, чем снаружи будет мочиться в палатку»[2].

В любом случае он едва ли смог прогнать тень Дж. Кеннеди, даже если бы попытался. Он преуспел только в одном — отказал Р. Кеннеди баллотироваться с ним на выборах 1964 г. в вице-президенты, взяв Г. Хэмфри. Р. Кеннеди ушел из министерства юстиции и без больших сложностей на тех же выборах избрался сенатором от штата Нью-Йорк. Совершенно прав помощник и биограф Джонсона профессор Э. Голдман: «Джонсон пришел и ушел тогда, когда Кеннеди оставался превыше всего в национальном мышлении и эмоциях, да и сам президент пребывал в том же настроении все пять лет пребывания в Белом доме»[3]. Что бы ни делал Л. Джонсон, все сравнивалось с Дж. Кеннеди, хотя они были противоположными людьми во всех отношениях и были величинами несравнимыми.

Кеннедисты прозвали президента «дядя-кукурузник». Родившийся в 1908 г. в штате Техас, Джонсон прошел совершенно иной путь, чем его предшественник. Рабочий, учитель, сотрудник аппарата конгресса, конгрессмен (с 1938 г.), сенатор (с 1948 г.), лидер большинства в сенате (с 1954 г.), он гордился, что пробился в жизни собственным трудом, бравировал своим популизмом. Ему были по плечу аппаратные интриги в Капитолии, которые он путал с политикой. Джонсон горел на работе, понукал сотрудников, как привык понукать скот на своем ранчо в Техасе. Он пытался доказать, что будет не худшим президентом, хотя и «не ходил учиться в Гарвард».

В 1981 г. прояснилась неизвестная дотоле сторона характера Джонсона: он лихорадочно сколачивал многомиллионное

---

[1] *Westmoreland W.* A Soldier Reports. N. Y., 1980, p. 509.
[2] *Halberstam D.* The Best and Brightest, p. 436.
[3] *Goldman E.* The Tragedy of Lyndon Johnson. N. Y., 1969, p. 530.

состояние. О чем объявил историк Р. Каро, работающий над трехтомной биографией Джонсона. На посту президента, написал Каро, Джонсон «умножил на миллионы уже собранные им миллионы... Более знаменательны, чем сумма в долларах состояния Линдона Джонсона, методы, к которым он прибегал для обогащения. Детальное изучение этих методов явится поучительным уроком для понимания того, как в Америке XX столетия государственный пост можно использовать для личного обогащения». Президент Джонсон установил в Овальном кабинете цветные телефоны для связей со своими доверенными представителями в деловом мире Техаса. «На протяжении всех пяти лет своего президентства Джонсон лично вел свои дела в мире бизнеса. Для этого он не колебался использовать и возможности самого президентства, причем с крайней беспощадностью» [1],— заключает Р. Каро.

А внешне делец Джонсон выступал радетелем всей страны.

На выборах 1964 г. он блистательно продемонстрировал свой стиль. Он отчеканил лозунг — построить «Великое общество» в Соединенных Штатах: «Откроем двери просвещению, плодотворному труду, прекрасному отдыху не только для привилегированных, но для всех... Эти цели измеряются не размерами счетов в банках, а качеством жизни нашего народа» [2]. Джонсон со всей серьезностью уверял американскую публику, что «мы закончим работу, оставленную нам Джеком Кеннеди», а в мемуарах еще признался: «В глубине сердца я считал Великое общество продолжением Билля о правах». Вот как! Он мысленно ставил себя в ряд с «отцами-основателями»!

Необычная программа и очень необычные выборы — на них впервые в национальном масштабе попробовали силы правые, выдвинувшие кандидатом от республиканской партии 55-летнего сенатора Б. Голдуотера. Владелец крупных магазинов в штате Аризона, Голдуотер олицетворял все кондовые и новейшие буржуазные добродетели — респектабельность в делах, патриотизм (у его дома стоял восьмиметровый шест со звездным знаменем), генерал-майор резерва ВВС, лично пилотировавший реактивные самолеты, хобби — фото-

---

[1] The Washington Post, September 21, 1981.

[2] *Sidey H.* A Very Personal Presidency. Lyndon Johnson in the White House. N. Y., 1968, p. 122.

графия и радио. В личном письме Л. Джонсону он выразил «отчаяние», ибо «никак нельзя понять, каким образом вы собираетесь воплотить в жизнь социалистическую программу вашей партии». Суть тогдашнего спора, каким его видел Джонсон: «Голдуотер не вел традиционную кампанию, ориентированную на центр. В основе стратегии Голдуотера лежала политическая теория, сводившаяся к тому, что существует «скрытое большинство» разочарованных консервативных американцев, которые десятилетиями не голосуют в знак протеста против умиротворяющего влияния двухпартийной системы. Согласно этой теории, они выступят решающей силой на президентских выборах, стоит республиканской партии отказаться от принципа «мы — тоже» и предложить им истинный выбор... Так случился серьезнейший спор по поводу самих принципов нашей системы правления. Что, мы должны отбросить 30 лет прогресса и реформ и вернуться к дням Гардинга, Кулиджа и Гувера или мы должны укрепить и продолжить работу Франклина Рузвельта, Гарри Трумэна и Джона Кеннеди? Голдуотер не допускал среднего пути, и я принял вызов» [1].

Принял и отразил. По той простой причине, что призывы Голдуотера иметь сбалансированный бюджет, снижать налоги (разумеется, в первую голову на капитал!), снизить расходы на социальные нужды и как конечный вывод работать, работать и работать Линдон Джонсон парировал тяжеловесными обещаниями всевозможных благ, особенно для бедняков. Разумеется, Голдуотер не уставал звать к самой решительной борьбе с коммунизмом, укреплению вооруженных сил США, а попутно в речи в Хартфорде сообщил: если командующие НАТО получат санкцию использовать в конфликтах тактическое ядерное оружие, то американское присутствие за рубежом можно сократить на треть. Он сам, Барри Голдуотер, ввел ядерное оружие в кампанию и получил за это сполна. Эти и другие его высказывания демократы истолковали как призыв применить атомную бомбу во Вьетнаме, пойти на ядерную конфронтацию с Советским Союзом и далее в том же духе. Демократы, заверил Л. Джонсон, «не хотят, чтобы американские юноши сражались за азиатских юношей» (25 сентября). «Во Вьетнаме мы уже потеряли 190 американцев... Я часто просыпаюсь по ночам и

[1] *Johnson L.* The Vantage Point. Perspective of the Presidency 1963—1969. N. Y., 1971, p. 102—104.

размышляю: сколько мы потеряем, если я сделаю ложный шаг?» (28 сентября), «Мы не собираемся посылать американских юношей за 9—10 тысяч миль делать то, что должны делать для себя азиатские юноши» (21 октября), «Пока я президент, будет мир для всех американцев» (27 октября). Популярнейшая горькая шутка в США год спустя: наивная девица говорит: «Мне сказали, если я проголосую за Голдуотера, через полгода мы будем в войне. Я проголосовала, и вот мы воюем» [1].

Л. Джонсон одержал сокрушительную победу, получив 43,1 млн. голосов (61,1%) против 27,1 млн. (38,5%), отданных Голдуотеру. Большинство — 15 951 083 голоса — самое большое в американской истории. В обеих палатах конгресса демократы в большинстве, какого не имели с 1937 г. Они законно торжествовали редчайший успех, а побежденные отнюдь не пали духом. Они сумели повести за собой, ломая партийные грани, громадные массы. Тактика создания бесчисленных правых организаций вне строгой партийной принадлежности определенно оправдывала себя. Выяснилось, что в США существует специфический иммунитет, далеко не на всех подействовали колоритные суждения: «Между сенатором Барри Голдуотером и Адольфом Гитлером существует параллель» (Дж. Мини). Или: «Я чувствую запах нацизма, я слышу топот штурмовиков» (губернатор Калифорнии Э. Браун). Кампания 1964 г.— важная веха на пути сколачивания коалиции, получившей с годами название «новых правых». Как подчеркивает их видный современный идеолог Р. Вижери, «мы очень многим обязаны Барри Голдуотеру. Президентская кампания 1964 г. была первым серьезным политическим испытанием для большинства из нас, новых правых... Его слова снова и снова преследовали американцев после Вьетнама, Агню, Уотергейта, Никсона и Картера» [2].

Что до демократов, то на выборах 1964 г. их наделили широчайшими полномочиями действовать по собственному усмотрению. Они до конца и даже больше использовали их. Уже на исходе 1963 г. США проводили против ДРВ операцию под кодовым названием «34А» — заброску на территорию Северного Вьетнама вооруженных банд с целью поднять

---

[1] *Manchester W.* The Glory and the Dream, p. 1031.

[2] *Viguerie R.* The New Right — We are ready to lead. N. Y., 1980, p. 10, 42.

там «восстание». Руководители этой операции Р. Макнамара и, конечно, ЦРУ не изобрели пороха, а пытались претворить в жизнь концепцию «противопартизанских действий» в рамках психологической войны. Банды, как и следовало ожидать, обезвреживались, и честолюбивая операция «34А» терпела банкротство. В крайнем озлоблении Вашингтон пошел на прямую провокацию, объявив, что два американских эсминца подверглись «нападению» в международных водах в Тонкинском заливе. Л. Джонсон внес на рассмотрение конгресса резолюцию, давно подготовленную аппаратом М. Банди, которой президенту делегировались полномочия вести войну против Демократической Республики Вьетнам. Об операции «34А» конгрессу не было сказано ни слова. 7 августа 1964 г. 88 голосами против 2 в сенате и единогласно в палате представителей была принята позорная «Тонкинская резолюция». Во исполнение ее ВВС США нанесли пиратский удар по портам ДРВ.

В Вашингтоне все же побаивались реакции КНР, ведь американская агрессия развивалась вблизи китайских границ. Л. Джонсон, Д. Раск, Р. Макнамара, У. Маккоун на совещании 15 сентября 1964 г. сошлись во мнениях, что в китайско-советских отношениях нарастают трения. Если так, то тогда едва ли наращивание ядерного потенциала КНР оставит СССР равнодушным. Тут же был составлен сумасбродный план, запротоколированный в официальном документе: «Мы считаем, что есть много возможностей для совместных действий с Советским правительством, если оно проявит заинтересованность» [1].

Авторы документа поистине лишились рассудка! Затевая агрессию в Юго-Восточной Азии, Л. Джонсон вознамерился обезопасить ее руками Советского Союза! Неописуемый цинизм.

Так что искали США в войне против ДРВ? Из секретного меморандума 1965 г. заместителя министра обороны Дж. Макнотона Р. Макнамаре «Предложения об образе действия в отношении Вьетнама» видно: «Цели США: на 70% предотвратить унизительное поражение США (нашей репутации как гаранта), на 20% удержать территорию Южного Вьетнама и прилегающие территории от перехода в руки Китая, на 10% дать возможность населению Южного Вьетнама

---

[1] *Gaddis J.* Strategies of Containment, p. 210.

иметь лучшую, более свободную жизнь»[1]. Официально Вашингтон твердил, что «защищает» Южный Вьетнам от «азиатского коммунизма», на деле, однако, правительство Джонсона (описанный химерический прожект не в счет) больше не опасалось, что эскалация войны против вьетнамского народа приведет США к столкновению с КНР. Администрация Джонсона пошла напролом, с апреля 1965 г. американские войска открыто затеяли крупномасштабные боевые операции в Южном Вьетнаме. Вашингтон объявил, что их численность будет доведена до 350 тыс. В Вашингтоне нисколько не сомневались, что победа в Юго-Восточной Азии не за горами. В самом деле, против небольшой страны была брошена мощь американского империализма. Во Вьетнам направились отборные части и соединения американских вооруженных сил, специально обученные для действий в джунглях. Они были вооружены лучшим, что создала американская военная промышленность. Во Вьетнаме в боевых условиях опробовались и испытывались новейшие образцы военной техники, наконец, в небе Вьетнама действовала американская авиация, а переброска войск в самые отдаленные и труднодоступные места страны сложности не представляла: в распоряжении агрессоров были тысячи вертолетов. Когда заговорили орудия, тогда, хотя и на непродолжительное время, американское руководство отбросило «научные» изыскания, как разгромить национально-освободительные движения. Пентагон положил конец программе «Камелот», предусматривавшей: «Определить возможность создания генеральной модели социальной системы, которая даст возможность предсказывать и оказывать воздействие на политически значимые аспекты социальных изменений в развивающихся странах». Рассчитанные не менее чем на четыре года работы проекта «Камелот» (названный так, вероятно, из почитания вклада Кеннеди в «противопартизанские действия») были свернуты менее чем через год, в 1965 г., хотя «на него были ассигнованы максимальные средства для исследования в области политической науки»[2].

Итак, вводилась в действие голая военная сила. Размеры ее были значительны: к началу 1969 г. во Вьетнаме воевали 549 500 американцев, около 2 млн. солдат марионеточных

[1] Book World, January 31, 1982, p. 6.

[2] *Horowitz I.* Ideology and Utopia in the United States 1956—1976. N. Y., 1977, p. 226.

властей Южного Вьетнама и 68 800 «союзных» войск. Последние послали Австралия, Новая Зеландия, Таиланд, Филиппины и Южная Корея. Их численность превысила контингенты других держав, воевавшие под командованием Макартура в Корее в 1950—1953 гг. Конечно, чанкайшистский режим предложил отборное пушечное мясо с Тайваня. Хотя американское командование во Вьетнаме всегда горько жаловалось на нехватку солдат, оно согласилось с государственным департаментом: не связываться с чанкайшистами. В марте 1966 г. Д. Раск просвещал конгресс: «Мы продолжаем наши усилия заверить Пекин, что США не намереваются нападать на континентальный Китай... Китайские коммунисты действовали осторожно, когда они усмотрели возможность столкновения с США. Мы действуем осторожно и с оглядкой... Надеюсь, они осознают это и соответственно будут строить свою политику»[1]. Вот на чем строили свои расчеты вашингтонские политики.

В героической борьбе за свободу вьетнамский народ имел верного союзника и друга. Уже в феврале 1965 г. ДРВ посетила советская правительственная делегация. СССР заявил, что окажет ДРВ необходимую помощь и поддержку. XXIII съезд КПСС указал, что будет сделано все возможное, чтобы положить конец американской агрессии во Вьетнаме, вывести из Южного Вьетнама все иностранные войска. Съезд заявил: «...агрессоры встретятся со все возрастающей поддержкой Вьетнаму со стороны Советского Союза и других социалистических друзей и братьев. Вьетнамский народ станет хозяином на всей своей земле. И никому никогда не удастся погасить факел социализма, который высоко поднял Демократическая Республика Вьетнам»[2]. Советский Союз и наши союзники по Варшавскому Договору оказали ДРВ всю возможную помощь. Советская техника была очень эффективно использована в боях против американских агрессоров. Вьетнамские бойцы в совершенстве овладели ею и наносили агрессору поражение за поражением.

Советская помощь, решительная позиция СССР предотвратили подъем боевых действий во Вьетнаме по лестнице эскалации до роковой черты — применения ядерного оружия.

---

[1] *Mooney P., Bown C.* Truman to Carter, p. 160.

[2] XXIII съезд Коммунистической партии Советского Союза. 29 марта — 8 апреля 1966 года. Стенографический отчет. М., 1966, т. 2, с. 290.

Американский командующий во Вьетнаме в 1964—1968 гг. генерал У. Уэстморленд видит в этом причину поражения американской агрессии. В 1976 г. он рассуждал: «Уже в самом начале боевых действий президент осведомился у генерала Уиллера (председателя комитета начальников штабов.— *Н. Я.*), придется ли ему принять решение о применении тактического ядерного оружия... Я сам понимал спорный характер вопроса и знал, что применение тактического ядерного оружия явится политическим решением... Но если уж вашингтонские деятели так хотели «дать понять» Ханою, использование небольших тактических ядерных бомб было бы вернейшим способом что-то внушить Ханою, как две атомные бомбы явились убедительным аргументом для японских руководителей во вторую мировую войну. Могло случиться, что использование считанных небольших тактических ядерных бомб во Вьетнаме или просто угроза их применения привели бы войну к быстрому концу. Хотя вынести конечное суждение трудно, тщательное изучение этой возможности было целесообразно. Поэтому я создал для этого узкую секретную группу, но Вашингтон, панически боявшийся, что хоть слово проникнет в прессу, приказал мне прекратить это изучение. Тогда и еще больше теперь я считаю отказ рассмотреть эту альтернативу ошибкой». Но руки Вашингтона были связаны, ибо, подчеркивает Уэстморленд, «параноидный страх перед ядерной конфронтацией с Советским Союзом оказывал воздействие на многие ключевые решения», принимавшиеся в Вашингтоне по Вьетнаму[1].

Опасения эти были отнюдь не параноидными, как пытается убедить Уэстморленд, хорошо битый во Вьетнаме. Исполинская мощь Советского Союза ввела в жесткие границы вооруженную борьбу Соединенных Штатов в Юго-Восточной Азии, заставила агрессоров вести ее на условиях, которые не могли не привести к их поражению. «В своей книге он попытался сделать то, что на солдатском жаргоне зовется «прикрыть зад»[2],— заметил рецензент мемуаров битого генерала. Конечно, в США находятся солидаризирующиеся с ним и скорбящие по поводу того, что США не одержали верх во Вьетнаме. Один из них, Р. Рейган, настаивает: «Первые вой-

---

[1] *Westmoreland W.* A Soldier Reports, p. 444—445, 543.
[2] The New York Review of Books, May 13, 1976, p. 29.

ска послал туда Кеннеди, я не критикую его за это, ибо не знаю, какие данные, неизвестные нам, были у него... Я критикую последствия этого решения. Коль скоро мы начали сражаться и при Джонсоне эскалировали наши силы — число солдат перевалило за полмиллиона, мы не должны были удовлетвориться меньшим, чем разгром врага и победа в войне. Нашей целью должен был быть парад победы на улицах Ханоя» [1].

Задним числом можно сочинять любые прожекты, а тогда, во второй половине 60-х годов, «чудо-мальчики» при Джонсоне впали в отчаяние. Именно они рекомендовали президенту эскалировать войну, и вот нет результатов. Вьетнамский народ, опираясь на поддержку Советского Союза, других братских социалистических стран, всех прогрессивных сил, наносил все новые поражения агрессорам. Первым подал в отставку (в декабре 1965 г.) М. Банди. На его место помощника президента по национальной безопасности сел его заместитель, другой профессор — У. Ростоу. Президент в восторге объявил некоему злому кеннедисту: «Я беру Уолта Ростоу моим интеллектуалом. Он не ваш, не Банди, не Гэлбрейта, не Шлезингера интеллектуал. Он будет моим собственным проклятым интеллектуалом». Очень скоро оправдалось предсказание Дж. Кеннеди о Ростоу: у него бездна идей, но девять из десяти приведут к катастрофе.

Он немедля выправил зигзаг в сторону только голой силы, активизировав во Вьетнаме психологическую войну. «Перед нами классическая революционная ситуация, как в Санкт-Петербурге в 1917 г.»,— объявил Ростоу. Он посетовал, что тогда российская контрреволюция не была-де решительной. Если США так же будут колебаться, заметил Ростоу, «то же самое произойдет в Сайгоне», а чтобы не допустить этого, нужно прибегнуть к массовому террору против мирного населения Южного Вьетнама и эскалации военных действий. Для Джонсона, горестно заметил один из его помощников, Ростоу превратился в «подобие Распутина при загнанном в угол царе» [2].

Вьетнам Вьетнамом, а тем временем Джонсон взвинчивал и стратегическую мощь США. Еще в январе 1964 г., требуя новых ассигнований па вооружения, Р. Макнамара гово-

---

[1] *Reagan R., Hobbs D.* Ronald Reagan's Call to Action, p. 41.
[2] *Halberstam D.* The Best and Brightest, p. 761—763.

рил, что их цель — создать ударные силы, «достаточно большие, чтобы обеспечить уничтожение порознь или вместе Советского Союза, коммунистического Китая и коммунистических сателлитов как организованные общества и... в дополнение уничтожить их военный потенциал, с тем чтобы практически ограничить ущерб США и их союзникам». В 1967 г. Р. Макнамара с удовлетворением докладывал: США «располагают способностью даже после того, как по ним нанесут хорошо скоординированный первый удар, нанести неприемлемый ущерб нападающему... в случае Советского Союза я полагаю мы можем уничтожить 20—25% его населения и половину промышленности» [1].

Ссылки на «первый удар» по США были не больше чем пропагандистские ухищрения Вашингтона. Кто мог поверить этому вздору, когда, скажем, народы многих стран видели: американские бомбардировщики Б-52 (каждый имевший по четыре 1,5-мегатонных ядерных бомбы на борту) постоянно находились в воздухе поблизости от советских границ. Волна ужаса прокатилась по Пиренейскому полуострову, когда один из таких самолетов потерпел аварию в январе 1966 г. у Паломареса, на юге Испании, и потерянные бомбы были с трудом найдены. А этот инцидент примечателен разве тем, что стал широко известен. Милитаристский чад побудил писателя П. Джорджа сочинить к середине 60-х годов роман «Д-р Стрэнджлав — как я научился не тревожиться и возлюбил Бомбу». Многие находили сходство между вымышленным героем и реальным американским ученым Г. Каном, в это время начавшим доказывать «приемлемость» ядерной войны. Вьетнам и ядерное безумие — что за сочетание!

Куда именно выводил этот курс, не составляло секрета для «интеллектуалов» осколка Камелота, столь ненавидимых Джонсоном. А. Шлезингер в 1979 г.: «Как-то поздней весной 1966 г. Гэлбрейт, Гудвин (составитель речей президента, ушедший в отставку.— *Н. Я.*) и я обедали в Нью-Йорке. «Страшно подумать,— сказал Гудвин,— когда ядерные бомбы посыпятся на Пекин или Вашингтон, у нас промелькнет мысль: а ведь летом 1966 г. мы только и валялись на пляжах» [2]. Они договорились написать по книге против Джонсона и написали. В 1981 г. Дж. Гэлбрейт вспомнил об этом же

[1] *Mooney P., Bown C.* Truman to Carter, p. 158.
[2] *Schlesinger A.* Robert Kennedy and His Times, p. 797.

эпизоде так: «Весной 1967 г. Артур Шлезингер, Ричард Гудвин и я обедали в ресторане «Кво Вадис» в Нью-Йорке... Мы говорили о войне. Шлезингер сказал: «Пришло время испытания, нельзя допустить, чтобы в тысячную долю секунды перед всесожжением у нас пронеслась мысль: а ведь мы растратили лето на пляжах. Мы договорились посвятить себя выступлениям против войны»[1].

Под ударами генерального наступления и всеобщего восстания в лунный новый год в Южном Вьетнаме, в феврале 1968 г., ушел в отставку министр обороны Р. Макнамара. Вокруг Джонсона образовывалась пустота, а он все руководил войной во Вьетнаме. Они там, похвалялся Джонсон, не имеют права «разбомбить сортира без моего приказа». Уэстморленд потребовал прислать еще 206 тыс. солдат! Это вызвало шок в Вашингтоне. Просьбу не представлялось возможным удовлетворить, и без того численность американских войск в Европе с 1965 по 1967 г. была сокращена с 366 до 300 тыс. Джонсон наставлял помощников: протесты против войны «затеяли два-три интеллектуала. Они генерируют все сомнения, и они ползут, ползут... Теперь Бобби (Р. Кеннеди) превращает это в свое дело и вместе с Мартином Лютером Кингом, который на его содержании, они разъезжают и мутят негров... Затем вступают в дело коммунисты. Вы знаете, ведь они контролируют три основные системы телевидения и еще сорок центров информации. Уолтер Липпман — коммунист, таков же Тедди Уайт. Обо всем этом мне сообщило ФБР... Разве не смешно, что я получаю совет от моих высших советников сразу после контакта одного из них с кем-нибудь в коммунистическом мире? Разве не смешно, что машина Добрынина всегда стоит вечером перед домом Рестона, а на следующий день Рестон взрывается по поводу Вьетнама?» Конечно, бред. Но бредил-то президент США!

В 1970 г. Л. Джонсон описал даме сердца, ученой женщине Д. Кернс, в чем состояли его трудности: «С самого начала я знал, что меня распнут, куда бы я ни пошел. Если бы я бросил мою любимую женщину — Великое общество и спутался бы с той шлюхой — войной на краю света, я бы потерял все в стране... Если бы не было эскалации во Вьетнаме, тогда во главе дерущихся со мной появился бы Роберт Кеннеди, говоря всем: я предал обязательства Джона Кеннеди в отношении Южного Вьетнама. Я-де позволил демократии

[1] The Washington Post Magazine, March 29, 1981, p. 23.

попасть в руки коммунистов. Что я трус. Не мужчина. Бесхребетный. Я вижу, как это происходит. Каждый вечер, засыпая, я вижу себя связанным и брошенным на громадном поле. Вдали я слышу тысячи голосов. Ко мне бегут, крича: «Трус! Предатель! Слабак!» [1] Да и пробуждения были не лучше — часто перед рассветом в дверях оперативного центра в подвале Белого дома появлялась мрачная фигура ссутулившегося президента в халате и шлепанцах, являвшегося проверить, как выполняются его указания.

Хотя США прогнали через Вьетнам в общей сложности 2594 тыс. военнослужащих, даже по свидетельству Уэстморленда, «некоторые называли войну во Вьетнаме «войной рабочих», имея в виду отсрочки по призыву для студентов. Если у парня были деньги и он успешно учился, он мог отложить службу в армии до окончания колледжа или нанять юриста, чтобы найти лазейки в законе и избежать службы. И наоборот, если вы не имели денег и не учились в колледже, вы оказывались в рядах армии во Вьетнаме... То было возрождением несправедливостей гражданской войны, когда можно было нанять воевать за себя... Это имело серьезные последствия для армии США... В процентном отношении служило и погибло больше из штатов, в которых доходы населения были ниже... Некоторые жаловались, что в боевых частях служило относительно больше черных. Если так, это отражало образовательный уровень, а не сознательную политику. Среди убитых 13% составили негры, что примерно равнялось их доле в вооруженных силах» [2].

При всем этом, утверждает Уэстморленд, американские солдаты во Вьетнаме доблестно-де сражались за интересы империализма США. Этот тезис был поставлен под сомнение в отзывах на его книгу в самих США, хотя несогласие выражалось очень дозированно. Рецензенты были сами во Вьетнаме, один из них написал: «Из книги видно, автор не понимает, какую роль должны были играть американцы, он не видит, что война носила в основном характер политической борьбы» [3]. Другой цитирует исследование Д. Картрайта о моральном духе американских солдат: «Американская армия, в сущности, сражалась на два фронта — против вьетнамских

[1] *Kearns D.* Lyndon Johnson and American Dream. N. Y., 1976, p. 316, 251—252.

[2] *Westmoreland W.* A Soldier Reports, p. 390—392.

[3] The New York Times Book Review, February 1, 1976, p. 5.

партизан в джунглях и озлобленных в своих рядах... Последствия открытого неповиновения были очень суровыми, и большинство солдат выражало свое негодование малозаметно. Бесчисленные солдаты совершали несчетные мелкие акты саботажа и сопротивления, чтобы затруднить действие «зеленой машины». В каждой части были примеры задержек, необъяснимых мелких поломок техники, постоянные склоки между призванными и кадровыми солдатами». От себя рецензент добавил: «Американские войска могли эффективно сеять разрушение и убивать вьетнамцев вплоть до их вывода. Но многие пехотинцы негодовали, когда их посылали на опасные дела с единственной целью добиться повышения для честолюбивых офицеров. Правда, еще больше среди них повиновались таким приказам. Однако остается верным — страх перед распространением недовольства среди солдат был одной из решающих причин вывода американских сил из Вьетнама» [1].

Массовая армия — часть народа и солдаты, протестовавшие против войны,— под прессом дисциплины отражала процессы, происходившие тогда в США, в куда более острой форме. Движение против войны во Вьетнаме на первых порах развивалось в тени борьбы за гражданские права. Хотя уже со второй половины 1965 г. в студенческих городках начали скандировать: «Эй, Эл Би Джей (Л. Джонсон.— *Н. Я.*), сколько ты сегодня убил детей?», в центре внимания страны пока оставалась борьба черных, ознаменовавшаяся кровопролитием в гетто. Ее пик — 1965—1968 гг., последовательно следовавшие друг за другом «длинные жаркие лета». В августе 1965 г. массовые беспорядки в Уоттсе, пригороде Лос-Анджелеса, населенном черными. Убито 34 человека, 899 раненых, 4 тыс. арестованных, ущерб — 45 млн. долл. В конце 1966 г. возникает партия «Черные пантеры»; в черных беретах и кожаных куртках, они позвали на борьбу с оружием в руках против белых. Мартина Лютера Кинга, объехавшего развалины Уоттса, не все приветствовали, он по-прежнему стоял за умеренность, а факел борьбы в буквальном смысле (волнения в десятках городов сопровождались поджогами) переходил в руки черных боевиков. «Хотим черной власти»,— провозгласили они.

В 1966 г. волнения в 42 городах, а в 1967 г.— в 114 горо-

[1] The New York Book Review, May 13, 1976, p. 30.

дах. Крупнейшее из них — в Детройте, было сожжено 18 кварталов и целая улица длиной почти в 5 километров. В Детройте убито 43 человека, многие сотни раненых, 7200 арестованных. Всего во время волнений и демонстраций в 1963—1968 гг. было убито 220 человек. Конечно, очень высокий уровень насилия, особенно уничтожения собственности. Но все же нужно помнить об особенностях страны с громадной преступностью. В 1968 г. в США с населением в 200 млн. было убито из огнестрельного оружия (отнюдь не по политическим причинам) 6500 человек. В трех странах, имевших примерно 214 млн. населения (Англии, Японии и ФРГ), в тот год убито 135 человек, т. е. в США в 48 раз больше! В одной Филадельфии, городе «братской любви», с населением в 2 млн. совершалось столько убийств, сколько в Англии с населением в 52 млн. человек [1].

Как бы ни «утешала» эта статистика официальные круги в США, к 1968 г. ясно обозначилось: движение против войны во Вьетнаме, обогнав протест черных, выступавших за свои права, получало массовую поддержку. В авангарде шла студенческая молодежь. Развитие высшего образования привело к тому, что в студенческих городках жили десятки тысяч учащихся. В свое время концентрация пролетариата с возникновением крупной промышленности содействовала возникновению солидарности, теперь совместное проживание в студенческих городках сплачивало молодежь. Разоблачение в 1967 г. финансирования ЦРУ Национальной ассоциации студентов подорвало авторитет этой организации, стремившейся держать в узде студенческие городки. В октябре 1967 г. в рамках борьбы против призыва на военную службу к Пентагону пришло более 50 тыс. демонстрантов. Подлежавшие призыву демонстративно уничтожали повестки, захватывали и уничтожали документацию на призывных участках. Молодые люди призывного возраста покидали США, только в Канаде обосновалось до 10 тыс. американцев, не желавших идти в армию.

Различные опросы и подсчеты, проведенные в то время, показывали: только 7% учившихся в высших учебных заведениях солидаризировались с организацией «Студенты за демократическое общество», а в целом лишь 12,5% студентов придерживались «революционных» или «радикальных» взгля-

---

[1] *Schlesinger A.* The Crisis of Confidence. Ideas, Power and Violence in America, N. Y., 1969, p. 28.

дов; 72% студентов не принимали участия ни в каких протестах. Но тот же опрос вскрыл взрывоопасную обстановку: 81% выразили недовольство администрацией колледжей и университетов, более 50% заявили о серьезных сомнениях в правильности внешней и внутренней политики США. Недовольные начинали именовать себя «новыми левыми», термин объединял за одними скобками самые пестрые убеждения, всех недовольных существовавшими порядками. В первую голову войной во Вьетнаме. О «согласии» больше не могло быть и речи, ярлыки «левый», «подрывной», «радикальный» переставали пугать.

Отпор молодежи взяли на себя правые организации — «Общество Джона Бэрча» и др. Стали высказываться и «респектабельные» деятели, типа губернатора Мэриленда С. Агню. Он обозвал университеты, где проявлялся протест, «цирками или домами для душевнобольных для сверхпривилегированных, недисциплинированных, безответственных отпрысков состоятельных распущенных» и выразил готовность «обменять весь этот проклятый зоопарк на один взвод американцев, каких я видел во Вьетнаме»[1]. На выступлениях такого рода лично Агню завоевал доверие высшего эшелона власти, но ораторские упражнения в этом стиле представлялись спорадическими на фоне расширения протеста. Американская «демократия», однако, не терпит импровизации. Против инакомыслящих уже вводился в действие карательный аппарат, в 1967 г. был осужден на три года тюрьмы и выведен из зала суда в наручниках как опасный преступник военный врач капитан Г. Леви. Его единственная вина — отказ учить медиков в корпусе «зеленых беретов». Д-р Леви сослался на решение Нюрнбергского трибунала, заявив, что не желает быть соучастником военных преступлений.

Мартин Лютер Кинг расширил тему своих выступлений. Он назвал Соединенные Штаты «величайшим насильником в сегодняшнем мире», а испытание новых видов вооружения во Вьетнаме сравнил с нацистскими экспериментами «с новыми химическими средствами и новыми пытками в концентрационных лагерях Европы». Кинг пошел в ногу с нарастающими протестами, объявив в другом выступлении: «Поставить войну в Азии, преследующую сомнительные нацио-

[1] *Manchester W.* The Glory and the Dream, p. 1097.

нальные интересы, выше нужд внутри страны... хуже, чем слепая политика, это провокационная политика»[1]. Надо думать, американские спецслужбы отметили расширение фокуса интересов Кинга. Новые провокации против него, а ФБР вплотную занялось тем, чтобы прекратить его деятельность...

На рубеже 1967—1968 гг. в Вашингтоне, по-видимому, принимаются важные решения с целью стабилизировать обстановку, выходившую из-под контроля. За кулисами в дополнение к ФБР, ЦРУ и другим спецслужбам стремительно развертывается для действия против инакомыслящих военная контрразведка, в данном случае — авангард вооруженных сил США, изготовившихся для действий против собственного народа. По поручению Джонсона заместитель министра обороны С. Вэнс обследовал арену беспорядков — Детройт и в обстоятельном докладе правительству наметил меры использования армии США. В Вашингтоне остались довольны действиями против сограждан ударных соединений 82-й и 101-й авиадесантных дивизий. Они не снискали лавров и были потрепаны во Вьетнаме, но на диво оказались поворотливыми в уличных схватках. То, что обычно выпадало на долю национальной гвардии, отныне поручалось выполнять федеральным войскам. По частям и соединениям рассылались подробные директивы, как вести борьбу на земле самих Соединенных Штатов. Дальше некуда!

А первопричина всего — Вьетнам. В марте 1968 г. Джонсон собрал совещание тех, кто определял американскую политику после второй мировой войны. В нем приняли участие Д. Ачесон, К. Клиффорд, О. Брэдли, Дж. Болл, М. Банди, Г. Лодж, А. Гарриман, М. Риджуэй, М. Тейлор, С. Вэнс и некоторые другие. Все они в свое время стояли за войну во Вьетнаме, теперь единодушно высказались за то, чтобы искать выход на путях переговоров. Они были за то, чтобы США обеспечили себе передышку, освободились из трясины в Юго-Восточной Азии. 31 марта Л. Джонсон объявил, что правительство США готово вступить в переговоры с ДРВ, и отдал приказ о частичном прекращении бомбардировок Северного Вьетнама. Л. Джонсон одновременно сообщил, что не будет баллотироваться в президенты на выборах 1968 г.

3 апреля ДРВ выразила согласие вступить в переговоры.

[1] *Mooney P., Bown C.* Truman to Carter, p. 166.

6 апреля Советское правительство заявило о своей поддержке позиции ДРВ.

Агрессия в Юго-Восточной Азии провалилась. Впервые в послевоенные годы Вашингтон пошел на переговоры с социалистическими странами.

ВЗЛЕТ И ПАДЕНИЕ НИКСОНА

Утверждающие, что результаты президентских выборов ничего коренным образом не изменяют на американской политической сцене, не открывают Америки. Так оно и есть. Но любая предвыборная кампания открывает шлюзы для выражения самых разнообразных мнений и обещаний. Цена подавляющего большинства из них известна... после выборов. Получившие власть предают забвению немало своих посулов, а не получившие ее копят обещания для новой ярмарки, которая откроется со следующими выборами. В чем, как находят американские государствоведы, и состоит замечательная преемственность в политической жизни этой страны. Однако сказанного недостаточно для оценки выборов 1968 г., происходивших на крутом перевале американской истории.

Английский журналист Г. Брэндон, к концу 60-х годов уже два десятилетия представлявший солидную «Санди таймс» в США, нашел, что «к 1968 г. четыре разных революционных течения в своей совокупности серьезно угрожали стабильности США» — расовая революция, подъем молодежи «против ценностей» старших, оппозиция справа и слева против двухпартийной системы и перемещение политического центра тяжести с востока с «его либеральными» традициями в более «консервативный» центр и запад США. «Ни одна другая страна не смогла бы выстоять перед внутренними волнениями, стремившимися сломать частокол, сооруженный старым порядком,— внушает Брэндон,— но коль американское общество достаточно стабильно, открылись предохранительные клапаны, чтобы предотвратить всеобщий социальный переворот» [1]. Американцам дают возможность выговориться и даже накричаться и меняют после выборов людей на государственных постах. Да, два десятилетия пребывания в США — срок сверхдостаточный, чтобы утратить журналистское чутье и не понимать (или выставлять напоказ свое неведение), как это происходило в действительности.

Высокоорганизованное американское государство не допустило импровизации и предотвратило любые неожиданности. Все описанные движения находились под сильной лупой политического сыска, докладывавшего хозяевам США, включая Белый дом, о происходившем. Конечно, довольно безалаберный президент, каким был Л. Джонсон, видимо, воодушевлялся в первую очередь теми данными о своих противниках и выступавших против войны во Вьетнаме, которые обнаруживали в них те или иные личные изъяны. Он завел в Белом доме сыскную службу под руководством доверенного

---

[1] *Brandon H.* The Retreat of American Power. N. Y., 1973, p. 8—9.

помощника М. Уотсона, который давал поручения ФБР и ЦРУ по слежке даже в высших кругах американского общества. Подслушивались телефонные разговоры сенаторов и конгрессменов, журналистов и работников государственного аппарата. Иной раз изобличенные в нелояльности к президенту внезапно притеснялись по службе, лишались того или иного. Р. Никсон и Р. Кеннеди, например, отлично знали, что они под наблюдением. Иначе не умеют и не хотят править в этой стране.

Ни один шаг Мартина Лютера Кинга не ускользал от внимания шпиков, было записано на пленку по крайней мере пять тысяч его бесед с сотнями людей. Сам президент (отзывавшийся о слежке с помощью электронной аппаратуры как о «самом плохом в нашем обществе») внимательно прослушивал эти пленки.

15 августа 1967 г. по указанию Джонсона ЦРУ создало специальный орган и приступило к выполнению программы «хаос» — слежки за противниками войны во Вьетнаме и их дискредитации. Объектом программы стали более 10 тыс. американцев.

Все это делалось в глубокой тайне, и кое-что выплыло только в середине 70-х годов. Бывший помощник Джонсона Дж. Калифано (а именно он занимался в 60-е годы массовыми протестами) в изумлении воскликнул: «Теперь я спрашиваю себя: что, в 1967 г. было два Белых дома?» Прояснилось и лицо прославленного либерала министра юстиции Р. Кларка, о нем сам Джонсон отзывался: «Даже если Стокли Кармишел (черный экстремист.— *Н. Я.*) будет стучаться в Белый дом с ножом в одной руке и пистолетом в другой, Кларк не арестует его». Республиканцы в кампанию 1968 г. поносили Кларка за «мягкость» и т. д. «Но в то время был другой Кларк, министр юстиции, при котором слежка внутри страны достигла гигантских масштабов, направленная против лидеров черных, активно выступавших против войны радикалов среди «новых левых» [1]. Эти стороны президентства Джонсона скрыла позднее густая тень Уотергейта. Как написал советник сенатского комитета, рассматривавшего Уотергейт, Ф. Томпсон, даже сенаторы-республиканцы были против того, чтобы призвать к ответу ФБР; «сенатор Л. Уикер яростно выступил против. Он говорил, что это расценят как попытку оправдать некоторые действия админист-

[1] *Lasky V.* It didn't start with Watergate, p. 204, 196, 210—211.

рации Никсона. Сенатор Э. Герин не хотел еще больше чернить облик ФБР. Он также полагал, как и мы все, что пресса снизит значение этого, указав, что это попытка республиканцев снизить накал страстей в связи с Никсоном. Тот факт, что ФДР и ЛБД использовали ФБР в политических целях, может быть важным, но не в момент, когда взялись за Никсона»[1].

Когда политический сыск и карательные органы держали на мушке лиц, способных аккумулировать и авторитетно выразить настроения протеста, тогда эти люди превращались в мишень для экстремистов. В начале апреля 1968 г. Мартин Лютер Кинг приехал в Мемфис, штат Джорджия, поддержать стачку мусорщиков. К этому времени он прочно связал борьбу против войны во Вьетнаме с прогрессом в области гражданских прав. 4 апреля он был убит на балконе своего номера в гостинице. «За оружие!» — обратился Кармишел к черным. Беспорядки в гетто 168 городов, 2600 пожаров, убито 39 человек, 21 270 раненых, ущерб в 30 млн. долл., арестовано 2600 человек. В одном Вашингтоне 711 пожаров в гетто, черный дым над Потомаком, грабеж магазинов в трех кварталах от Белого дома, на ступенях Капитолия выставлены пулеметы. По приказу Джонсона армия изготовилась к худшему — привели в готовность контингенты по 10 тыс. человек для занятия 24 городов и еще 30 тыс. для столицы. 10 апреля объявлено: генерал Уэстморленд возвращается в США начальником штаба армии. Американские вооруженные силы, не снискавшие лавров во Вьетнаме, собирались проявить доблесть на родине.

Опасения в целом оказались преувеличенными. «Война на улицах», которую ожидал, например, Никсон, не развернулась. Волнения черных весной и летом 1968 г. оказались эпилогом борьбы. На то был ряд причин. Самые радикальные лидеры были за решеткой или скрывались, «Черные пантеры» обессилены преследованиями. «Черные осознали, что главными жертвами мятежей были они сами. Грабили их магазины, уничтожали их автомашины, жгли их дома, их дети оказывались в опасности»[2]. Угрозы последователей Малькольма Икс ознаменовать третью годовщину его смерти расправой с белыми оказались пустыми, как не последовало ничего за осуждением Х. Ньюмена за убийство полицейского.

[1] *Thompson G.* At that Point in Time. N. Y., 1975, p. 143—144.
[2] *Manchester W.* The Glory and the Dream, p. 1129, 1150.

Победители в беге на Олимпийских играх в Мехико черные спортсмены Т. Смит и Дж. Карлос жестами продемонстрировали скорбь и поддержку «Черных пантер» во время исполнения национального гимна, а черный писатель Дж. Болдуин в сердцах обозвал США «четвертым рейхом», написав слово «Америка» на немецкий лад.

Тем временем ФБР нашло в Лондоне убийцу Кинга. Им оказался 40-летний рецидивист Дж. Рей, бежавший за год до этого из тюрьмы. Чтобы избежать смертной казни, он признал себя виновным и получил в 1969 г. 99 лет тюрьмы. В приговоре указывалось: он действовал один. Где он взял значительные деньги для безбедной жизни до и после убийства Кинга (купил машину, сделал пластическую операцию и пр.), так и не было установлено. В тюрьме он похвалялся, что по выходе на свободу получит «кучу денег», некие люди предложили 100 тыс. долл. за убийство Кинга. В 1978—1979 гг. комитет палаты представителей снова обратился к этому преступлению. Р. Кларк сообщил, что расследование велось только ФБР без контроля министерства юстиции, а бывший работник ФБР А. Муртаг показал: «Рассудок восстает при мысли, что те же самые люди, которые 10 лет вели вендетту против Кинга, расследовали его убийство... Уже через 24 часа после убийства Кинга ФБР решило — заговора не было». Вскрылись загадочные обстоятельства бегства Рея из тюрьмы за год до убийства Кинга и многое другое. Под охраной привели Рея. Изможденный 50-летний заключенный произвел страшное впечатление. Он сказал, что не убивал Кинга, его соучастие заключалось только в покупке винтовки по поручению некоего таинственного Рауля. Комитет не поверил Рею, подтвердив приговор суда, но в своем докладе не исключил возможности «заговора» при убийстве Кинга[1].

Речи Кинга в 1968 г., если угодно, не имели определенного политического адреса, он говорил вообще. По иному обстояло дело с сенатором Р. Кеннеди. Он выставил свою кандидатуру в президенты и повел очень энергичную кампанию, в несколько недель опередив двух основных соперников в своей партии — вице-президента Г. Хэмфри и сенатора Ю. Маккарти. Идейное вооружение кандидата — память о брате Джоне Кеннеди и небольшая книжка «Обрести новый мир», изданная им к кампании. В ней Р. Кеннеди утверждал:

---

[1] *Tully B.* Inside the FBI. From the Files of the FBI and Independent Sources. N. Y., 1980, p. 182, 192—194, 199—201.

«Перикл говорил: «Если Афины представляются вам великими, вспомните — их слава была добыта выдающимися людьми, знавшими, в чем состоит их долг». Это источник величия во всех обществах и ключ к прогрессу в наше время... Если сформулировать в одном понятии то, за что стоял президент Кеннеди, то это его вера, что идеализм, высокие чаяния и сильные убеждения не несовместимы с самыми практическими и эффективными программами» [1]. Из этого и многих других суждений явствовало: Р. Кеннеди почитал себя «выдающимся» человеком, который поведет США к «величию».

Коль скоро Р. Кеннеди мыслил античными образами, он доподлинно знал, как добивались успеха «выдающиеся» в те времена. Они обещали (а иногда давали) хлеб народу. Р. Кеннеди и обратился к тем, кто был обездолен в американском обществе. Он объяснил советникам свою стратегию: «Мы теперь должны списать профсоюзы и Юг, заменив их неграми, рабочими и молодежью... Мы должны убедить негров и бедных белых, что у них общие интересы. Если нам удастся примирить эти враждующие группы и добавить молодежь, мы перевернем страну». Разумеется, под руководством сильного правительства. В предвыборных речах описанная стратегия выражалась примерно так: «Не правительство, а общество тратит в два раза больше на домашних животных, чем на борьбу с бедностью. А бедные несут основное бремя во Вьетнаме». Вновь и вновь он повторял: «Я не нахожу удовлетворительным» нужду в богатейшей стране [2].

На предварительных выборах Р. Кеннеди одерживал победу за победой. В начале июня 1968 г.— успех на первичных выборах в штате Калифорния. Р. Никсон, шедший тогда к выдвижению президентом от республиканцев, припомнил в мемуарах: «Я не видел возможности остановить Джаггернаут [3] Кеннеди, после того как он приобрел инерцию с победой в Калифорнии. Отправляясь спать, я заметил: «Я убежден, нам придется схватиться с Бобби» [4]. Не пришлось: пуля убийцы остановила Р. Кеннеди в Лос-Анджелесе 5 июня 1968 г.

---

[1] *Kennedy R.* To Seek a Newer World. N. Y., 1968, p. 233.

[2] *Schlesinger A.* Robert Kennedy and His Times, p. 957, 948, 955, 952.

[3] Имеется в виду огромная колесница, на которой во время ежегодных празднеств в Индии провозится изображение бога Джаггернаута.

[4] The Memoirs of Richard Nixon, p. 305.

Убийство Р. Кеннеди, так и не получившее удовлетворительного объяснения, облегчило Р. Никсону, который предъявлял свой «новый облик», движение в образовавшемся политическом вакууме. В молодости он любил играть в любительских спектаклях и обнаружил актерское дарование. Никсон гордился своими данными перевоплощения, заметив както в 1968 г.: «Рейган — актер, но пусть он попробует потягаться со мной в этом»[1]. В минуту редкой откровенности Никсон наставлял молодого политика: «Ты не умеешь лгать. Нужно научиться лгать, иначе тебе ходу нет»[2].

К середине 60-х годов Никсон отмерил немало длинных миль по политическим дорогам. Выпужденное бездействие и размышления Никсона пали на те годы, когда суетливость Л. Джонсона погнала разделенные Соединенные Штаты вверх по крутой лестнице эскалации войны во Вьетнаме. Хотя ни один пророк, а меньше всех им был Никсон, не мог предсказать, куда приведет эскалация, суть джонсоновского курса вполне прояснилась — самый примитивный антикоммунизм.

В Вашингтоне внимательно присматривались к происходившим в мире событиям. Л. Джонсон продолжал грохотать даже в 1967 г.: «Над этой войной в Азии повисла другая реальность — все сгущающаяся тень коммунистического Китая»[3].

Сам Никсон в свое время отдал дань в размерах, часто совсем непрошеных, тусклому кредо — антикоммунизму, который, естественно, вынес его на высокий государственный пост в 1952 г. Но уже в 1965 г. он не мог не видеть: возведение идеологических соображений в ранг практической политики неизбежно сулит несчастья Америке, той самой, которой он предлагал свои услуги. Задолго до очередных президентских выборов 1968 г. Никсон счел необходимым напомнить стране о том, что в юридической конторе в Нью-Йорке пока укрылся человек, думающий не только о сухом праве, но и о проблемах страны. Летом 1965 г. он выступил в университете Рочестер, показав интеллигентной аудитории новое лицо — не иступленного антикоммуниста, а рассудительного человека и на покое оставшегося государственным му-

[1] *Safire W.* Before the Fall: An Inside View of the Pre-Watergate White House. N. Y., 1975, p. 55.
[2] *Abrahamsen D.* Nixon vs. Nixon — A Psychological Inquest. N. Y., 1976, p. 195.
[3] *Ambrose S.* Rise to Globalism. L., 1971, p. 321.

жем. Коротко говоря, Никсон предостерег против эксцессов антикоммунизма в той сфере, которая особенно остро затрагивала собравшихся,— в академическом мире, откуда исходили политические рекомендации правительству.

Престарелый Д. Эйзенхауэр, получив текст речи, изумился до такой степени, что сочинил «дорогому Дику» письмо. Отставной президент-генерал вразумлял Никсона по-родственному (единственный сын Айка был женат на дочери Никсона): «То, что ты сказал в конце четвертой страницы, вызвало у меня глубокое сомнение: «Академическая свобода должна обеспечивать право профессора или студента проповедовать... коммунизм».

Коммунизм — особая доктрина, открыто провозглашающая уничтожение, в случае необходимости силой, той формы правления, которая обеспечивает все наши свободы. Я лично не согласен с решением Верховного суда, принятым несколько лет назад, по которому ряд коммунистов, осужденных по закону Смита, были выпущены из тюрем по той причине, что законно проповедовать коммунизм до тех пор, пока не предпринимаются открытые действия для уничтожения нашей формы правления. Возьми, например, Тома Пэйна и Джорджа Вашингтона. Несомненно, Том Пэйн сделал куда больше, чтобы раздуть мятеж против Британии, чем Джордж Вашингтон. Однако по нынешним понятиям Верховного суда при неудаче мятежа Пэйн, посвистывая, разгуливал бы на свободе, а Вашингтона бы вздернули. С этим я никак не согласен» [1].

Реакция Эйзенхауэра наверняка убедила Никсона, что он взял верный путь. Перед мысленным взором Никсона стоял тот, кто на собственном горьком опыте борьбы с революцией понял: с идеями, воплощенными в коммунистическом строительстве, нельзя бороться голой силой. Ответ на них нужно попытаться дать во внутренней жизни реформами, строительством еще более американской Америки, а в делах внешних — жестким разграничением идеологии и политики, введением ее в те параметры, которые были приняты до года 1917-го, во время существования в мире только однотипных по социально-экономическому устройству государств. Иными словами, обратиться к испытанным средствам «баланса сил».

Итак, кумиром Р. Никсона был президент США В. Вильсон (1913—1921 гг.). Еще вице-президентом Никсон восседал

[1] *Safire W.* Before the Fall: An Inside View of the Pre-Watergate White House, p. 25—26.

в своем кабинете за столом Вильсона, а став президентом, повелел перетащить его в Овальный кабинет Белого дома. Потом выяснилось: стол тот не принадлежал В. Вильсону, но никто не мог поставить под сомнение, что на портрете, повешенном Никсоном в кабинете, красовался именно этот президент.

Оба, Вильсон и Никсон, говорили о том, что США не ищут ничего, кроме реализации высоких принципов на службе «демократии». К сожалению, то была не только риторика. Публицист Г. Уиллс огорчился: «Нет ничего удивительного, что Никсон, идентифицируя себя с Вудро Вильсоном, совершил тот же промах... Во Вьетнаме он проповедовал демократию, применяя напалм с самыми добрыми намерениями, наставляя и уничтожая детей нашими бомбами. Мы, американцы, буквально уверены, что можем «убить добротой», осуществляя филантропию орудиями. И когда Америка пребывает в самом альтруистическом настроении, другим нациям лучше попрятаться по блиндажам» [1]. Если Никсон уподоблял себя Вильсону, тогда именно здесь лежал источник сильной и ясной идеи, которую он бросил в кампанию 1968 г. Что могли противопоставить ей критики войны, говорившие хлестко, но неосновательно с точки зрения американоцентризма? Никсон высказался предельно просто и понятно по поводу самого больного места — Вьетнама. Он призвал к «деамериканизации войны», а именно: «Этот новый вид войны носит в основном характер не военной борьбы в обычном смысле слова. Прежде всего это политическая борьба... Измерять прогресс в ней нужно не по числу убитых у врага, а по количеству южновьетнамцев, привлеченных к строительству и обороне их собственной страны». В целом «в будущем США в случаях подобных Вьетнаму не должны, как было в Корее и Вьетнаме, не только нести бремя предоставления вооружения и средств, но и посылки большей части солдат... Мы должны помогать дружественным государствам нашими деньгами и оружием, и пусть они сами ведут войну. Не воевать за них — такова должна быть цель новой дипломатии Америки».

Вместо «эры конфронтации» Никсон обещал «эру переговоров». Необходимость этого он аргументировал неоднократно и в сходных выражениях: «Двадцать лет назад превосходство США было неоспоримым. У нас была монополия

[1] *Wills G.* Nixon Agonistes. Boston, 1970, p. 432—433.

на ядерное оружие... Ныне мы находим, что баланс сил в мире изменился. Мы, вероятно, равны (с СССР.— *Н. Я.*) с точки зрения возможностей доставки... Некоторые эксперты считают, что, если мы не изменим своей политики, СССР через два года превзойдет нас... Я не согласен с Макнамарой, что достаточно равенства с Советским Союзом... Вести переговоры нужно всегда с позиции силы, но не слабости. Поэтому я считаю: Соединенным Штатам следует попытаться сохранить за собой превосходство». В то же время «коммунистический Китай через 6—7 лет будет обладать по крайней мере значительным ядерным арсеналом... Поэтому, кто бы ни был избран президентом, он должен уже сейчас думать, как создать силу по периметру Китая, которая убедит коммунистических лидеров Китая: они не выиграют, а возьмут на себя очень большой риск, если попытаются вести экспансию через Тихий океан». На это Никсон отводил «два срока будущего президента» [1].

В беспорядочной, изобиловавшей насилием кампании 1968 г. «новый Никсон» определенно выглядел более рассудительным политиком. Без большого труда он взял барьер в собственной партии, оттеснив Р. Рейгана (губернатор штата Калифорния с 1966 г.) и Н. Рокфеллера. Рейган энергично действовал, внешне работая на общее благо республиканцев. Он был неутомимым оратором, без запинки читавшим хорошо поставленным голосом речи с надлежащими остротами. (О Джонсоне: «Не стоит винить только президента за хаос, в котором мы оказались. Для этого требуются коллективные усилия». О росте преступности и инфляции: «Нужно восхититься правительственной программой борьбы с преступностью. Она сделала деньги настолько дешевыми, что их не стоит красть».) Английские журналисты, наблюдавшие Рейгана, впервые вырвавшегося на национальную арену, заключили: «Его нельзя охарактеризовать одним словом — примитивный, циник или ловкач. Он не столь зловещ, но куда более опасен, чем любой, подпадающий под эти определения. Рейган полностью лишен чувства общепринятой морали. Он не имеет воображения. Поэтому задаваться вопросом, хорош или плох Рейган, неуместно. Он сила, плохая или хорошая, полностью зависящая от того, в каком направлении его толкают держащие рычаги контроля» [2].

[1] Nixon on the Issues. N. Y., 1968, p. 9, 1, 14—15, 13, 58.
[2] *Chester L., Hodgson G., Page B.* An American Melodrama. The Presidential Campaign of 1968, p. 220, 216.

В 1968 г. их время не пришло. Когда на конвенте республиканской партии назвали кандидатуру Рейгана, он не прошел, хотя и получил немало — 182 голоса (победитель Никсон — 692 голоса). В смятенной стране, какой были Соединенные Штаты, высказывания Рейгана сулили лишь дальнейшее обострение обстановки. Как-никак Никсон «деамериканизацией» войны в Юго-Восточной Азии предлагал какой-то выход, а Рейган не ушел дальше своих сентенций 1965 г. о Вьетнаме: «Мы можем залить асфальтом всю эту страну, расчертить места для стоянок автомашин и успеть вернуть войска домой к рождеству». Больше того, те, кто мог бы составить рейгановское войско, предпочли уйти к американской независимой партии. Ее организовали к выборам губернатор штата Алабама Дж. Уоллес, претендовавший на президентское кресло, и генерал К. Лимей, ушедший в отставку с поста командующего стратегическими ВВС США и теперь домогавшийся вице-президентства. Сторонник Голдуотера в кампании 1964 г. предложил извлечь из нее главный урок — «не касаться вопроса о бомбе», о чем сообщили Уоллесу и Лимею. Но генерал удержу не знал, объявив: «Нужно вбомбить обратно в каменный век» ДРВ, и возражал против того, что «у нас, по-видимому, возникло неприятие ядерного оружия» [1].

Хотя партию с такими намерениями поддержали на выборах почти 10 млн. человек, «консервативная альтернатива» в том году не могла возобладать. Спор продолжился в рамках двухпартийной системы. Как охранять ее, показал конвент демократической партии в Чикаго, выдвинувший своим кандидатом Г. Хэмфри. В эти дни город превратился в вооруженный лагерь: 11 500 полицейских, 5500 национальных гвардейцев, 7500 солдат армии. Противник — около 10 тыс. молодых людей, съехавшихся в Чикаго, почти все белые из небедных семей. Они расположились табором с гитарами в городском парке, пели, скандировали лозунги и никак не проявляли склонности к насилию, разве что привезли с собой свинью средних размеров, объявив, что выставят ее в президенты. От этих молодых людей, отнюдь не покушавшихся на систему, а протестовавших в рамках ее, конвент отгородился высоким забором из колючей проволоки, сильнейшей охраной. Хотя конвент приурочили к 60-летию Л. Джонсона, он, опасаясь за свою безопасность, не приехал в Чикаго.

[1] *Leuchtenburg W.* A Troubled Feast, p. 214.

Чикагская полиция почти неделю систематически избивала не нарушавшую «закон и порядок» молодежь. Травили слезоточивым газом, арестовывали раненых. Попутно крепко доставалось журналистам и случайным прохожим. Все на глазах 89 млн. телезрителей прямых передач. «Тактика гестапо на улицах Чикаго»,— откомментировал свидетель — сенатор Э. Рибиков. Буйства полиции не выставили демократическую партию в наилучшем свете, о них говорили как о выступлении низшего класса против среднего. Но что ждать от партии, погрузившей США в трясину войны во Вьетнаме?

Этой партии и стремился нанести поражение Никсон, представляя, что он выполняет волю бога. Он уверял, что принял окончательное решение баллотироваться после обстоятельной беседы с евангелистом Б. Грэхамом. Проповедник, давний друг Никсона, читал и толковал ему Библию, особенно послание апостола Павла. Он указал Никсону: «Судьба предопределила вам быть президентом» [1]. Впрочем, на исходе своего вице-президентства Никсон, забыв, что он не католик, поделился своей мечтой: хорошо бы занять папский престол в Риме! «То были удивительные и незабываемые двадцать минут, в течение которых Никсон повествовал, как бы он наладил дела Ватикана. Увы, у меня не было магнитофона» [2],— записал очевидец.

Что бы ни говорил Г. Хэмфри, Никсон отвечал и взывал только с моральных высот. Снова и снова он повторял сказанное им на конвенте своей партии летом 1968 г.: «Посвятим себя служению правде, будем искать ее, будем говорить только правду и жить по правде!» О том, как он собирается воплотить прекрасные принципы в жизнь, Никсон, еще кандидат, объяснял отнюдь не публично соратникам: «Мы зададим им как следует», особенно «этим бродягам и бородачам студентам!» [3] Но на трибуне он воплощал высшую респектабельность.

На выборах 43,4% избирателей проголосовали за Никсона, 42,7% — за Хэмфри, 13,5% — за Уоллеса. Победа большинством в 0,7% голосов. В 1968 г. Никсону потребовалось на 2,3 млн. голосов меньше для победы, чем для поражения в 1960 г.! Сказались 10 млн. избирателей, ушедшие с Уолле-

---

[1] The Memoirs of Richard Nixon, p. 293.
[2] *Halberstam D.* The Powers that Be. N. Y., 1979, p. 333.
[3] *Brodie F.* Richard Nixon, p. 26, 45.

сом и Лимеем. Главный итог выборов — центр в американской политике устоял. По крайней мере так понял свой мандат новый президент.

«Доктрина Никсона»: теория и практика

Взобравшись на вершину власти, Ричард М. Никсон намеревался быть имперским президентом. Он утверждал: «Я всегда считал, что наша страна не нуждается в президенте для ведения внутренних дел. Для этого достаточно компетентного кабинета. Президент нужен для внешней политики» [1]. Так и было сформировано при Никсоне высшее руководство: члены правительства — без исключения белые, состоятельные, республиканцы. Министр юстиции при Эйзенхауэре У. Роджерс стал государственным секретарем. Однако решающее слово в проведении внешней политики было отдано Г. Киссинджеру, назначенному помощником президента по национальной безопасности. Он возглавил всю пирамиду органов, ведших внешние дела США методами психологической войны. Никсон находил это нормальным, объясняя в интервью в 1977 г.: «Только один человек должен был заниматься важнейшими вопросами, где требовалось обеспечение тайны... Вьетнамом, Китаем, Россией, Ближним Востоком. Это делал Генри». На долю Роджерса оставалось определение внешней политики в отношении Шри Ланки, Финляндии и Чада! [2] Несколько гиперболизировано журналистом, а по сути верно. Роджерс уяснял направление внешней политики, читая выступления Киссинджера на пресс-конференциях.

Отчего такая секретность и скрытность? Официально Никсон твердил об укреплении мира, перестройке в этих интересах системы международных отношений. На деле он сделал не больше, чем напомнил, даже с нажимом, о респектабельности и уместности в современном мире доктрины «баланса сил». Никсоновская новая — слегка подзабытая старая — политика европейских кабинетов Бисмарка, Меттерниха и иных, о которых, предполагалось, знал очень много профессор Киссинджер. Экстраполируя на наши дни XIX век, когда тогдашний «цивилизованный» мир состоял из однотип-

[1] *Evans R., Novak R.* Lyndon B. Johnson: The Exercise of Power. N. Y., 1969, p. 77.

[2] *Frost D.* I'gave Them a Sword: The Nixon Interviews. N. Y., 1978, p. 165.

ных по социально-экономическому устройству государств, президент Никсон 6 июня 1971 г. объяснял руководителям средств массовой информации: «Заглядывая в будущее на 5, 10, возможно, 15 лет, мы видим пять великих экономических сверхдержав: США, Западную Европу, Советский Союз, континентальный Китай и, конечно, Японию... Эта пятерка определяет экономическое будущее, а поскольку экономика определяет все другие виды мощи, они и определят будущее мира во всех отношениях в последней трети нашего столетия».

В интервью журналу «Тайм» 3 января 1972 г. Никсон доразъяснил: «Нужно помнить — единственный период длительного мира в истории падает на то время, когда существовал баланс сил. Опасность войны возникает в том случае, если одна держава становится несоразмерно сильнее своих потенциальных соперников. Я верю в мир с мощными Соединенными Штатами. Я считаю, что мир будет безопаснее и здоровее, если будут сильные, здоровые США, Европа, Советский Союз, Китай и Япония, уравновешивающие друг друга, не использующие друг друга, и будет царить всеобщее равновесие» [1]. Эти часто цитировавшиеся в США сентенции Никсона, в сущности, исчерпывают весь его теоретический багаж в сфере теории международных отношений. Они были немедленно атакованы как нереалистичные, как исторический анахронизм. В стане противников особенно громко звучали голоса З. Бжезинского, Дж. Болла и других. Они скорбели по поводу того, что президент попал-де под чары Киссинджера и упускает из виду идеологические соображения — антикоммунизм. Надо думать, оба «интеллектуала» — Никсон и Киссинджер немало посмеялись над критиками. Но тогда, сохранив в тайне свой смех, наверняка искренний, они чувствовали себя зрячими в стране слепых.

Из мемуаров Г. Киссинджера мы узнаем, что имелось в виду: «Либералы в те дни склонялись к мнению, что на долю дипломатии остается только сдунуть паутину, сохранившуюся от пройденного этапа — «холодной войны», а в худшем случае немногие оставшиеся истинные причины напряженности могут быть устранены должным проявлением доброй воли с нашей стороны. Консерваторы, которым не нравились переговоры на высшем уровне, в целом предпочитали тру-

[1] *Osgood R.* The Nixon Docrtine and Strategy.— Retreat from Empire? Baltimore, 1973, p. 6.

бить в антикоммунистические рога, как будто риторика могла сокрушить стены коммунистической империи. Они не объясняют, как мы могли проводить такой курс в условиях истерии по поводу Вьетнама в нашей стране. Мы по-иному подходили к делу, чем либералы и консерваторы. По поводу мотивов СССР я склонялся к анализу консерваторов, в тактике я пытался заимствовать кое-что из взглядов либералов» [1].

Вот так и разъяснил Киссинджер годы спустя то, что в начале 70-х годов Никсон преподносил как стремление на путях «баланса сил» создать «безопасный и здоровый мир».

В конце июля 1969 г. Никсон отправился в зарубежное турне, первая остановка — на Тихом океане. Президент на борту авианосца «Хорнет» приветствовал экипаж «Аполлона-11», вернувшийся с Луны. В экстазе подсчета политических дивидендов от полета Никсон воскликнул: «Величайшая неделя в истории со времен творения». У служителя культа, стоявшего поблизости, вытянулась физиономия, а спустя несколько дней евангелист Б. Грэхам остудил пыл президента, заметив: «На мой взгляд, вы хватили слишком». Но экстаз не проходил, и в офицерской столовой на острове Гуам 25 июля Никсон объяснил суть политики США на будущее. Сославшись на печальный опыт Кореи и Вьетнама, он сказал: «Отныне мы будем оказывать только материальную — военную и экономическую — помощь государствам, желающим взять на себя ответственность поставлять живую силу для своей защиты» [2]. Наспех сочиненная фраза и получила название сначала «гуамской доктрины», затем «доктрины Никсона». Президент обещал экономить американскую кровь и продолжать вмешательство в дела всего мира. А. Шлезингер не преминул ядовито отметить: «Мировидение Никсона приличествовало бы римлянам». Он процитировал историка Дж. Шамлитера: «Не было уголка в известном тогда мире, где бы под угрозой не находились те или иные интересы. Если то были не интересы Рима, тогда то были интересы союзников Рима, а если Рим не имел союзников, тогда их нужно было выдумать» [3].

Проведение политики «баланса сил» требует многослойной, глубоко эшелонированной маскировки, для нее наилучшим образом подходили методы, выкованные Вашингтоном в

[1] *Kissinger H.* White House Years, p. 1203.
[2] Memoirs of Richard Nixon, p. 429, 395.
[3] *Showcross W.* Sideshow. Kissinger, Nixon and the destruction of Cambodgia. L., 1980, p. 148.

ведении психологической войны. Ее нужно координировать с официальным внешнеполитическим курсом, и таким координатором стал Г. Киссинджер. Ближайший помощник Никсона, начальник штата Белого дома Г. Холдеман, заметил: «С самого начала Генри продемонстрировал (только нам, близким, в Белом доме), какого сорта великим дипломатом он был. В кабинете президента знали Генри — «ястреба из ястребов». По вечерам — чудодейственная трансформация. Позвякивая бокалами со своими либеральными друзьями, воинственный Киссинджер, как докладывали Никсону, внезапно превращался в «голубя». Пресса, проведенная чарами и юмором Генри, глотала приманку. Журналисты просто не верили, что интеллигентный, улыбающийся, веселый Генри К. может быть ястребом [1].

Этому «интеллигентному» вверили необъятную власть. Он председательствовал в комитете по оценке программ в области обороны (приведение военных расходов в соответствие с внешнеполитическими целями); в «комитете 40-ка» (утверждавшем тайные операции); в комитете по разведке (давал общие директивы ЦРУ, АНБ, РУМО и др.); в вашингтонской оперативной группе (планирование операций в кризисных ситуациях) и ряде других. Что касается основного поста — помощника президента по национальной безопасности, то «Киссинджер имел значительно больше власти, чем в свое время Банди или Ростоу» [2]. Восторженные биографы относили это главным образом к достоинствам Киссинджера. Едва ли. Скорее, Никсон раз и навсегда решил навести порядок в руководстве внешней политикой, найдя отнюдь не щепетильного исполнителя. В общем, не оказаться в положении Л. Джонсона, который жаловался: «Вести политику все равно что доить тучную корову. Молоко течет, ты все жмешь, молоко пузырится, льется и вот уже наполнило ведро. Тут корова махнет хвостом, и все пролилось. Именно это и делает ЦРУ в отношении политиков» [3].

Концепция «баланса сил» была принята, аппарат отлажен, главный исполнитель подобран. Но механизм «баланса сил» нельзя было завести, не покончив с войной во Вьетнаме. От этого зависела как обстановка внутри страны, так и свобода действий американской внешней политики. Теоретически это было ясно Никсону и К°, практически на это ушло

[1] *Haldeman H.* The Ends of Powers. N. Y., 1978, p. 135.
[2] *Kalb M., Kalb B.* Kissinger, p. 86.
[3] *Brandon H.* The Retreat of American Power, p. 103.

четыре года. США пошли на прекращение войны только после того, как исчерпали все средства, с помощью которых они домогались «победы» над вьетнамским народом. Потери США в войне во Вьетнаме — примерно 57 тыс. убитых и умерших, из них 24 тыс. погибли к моменту прихода к власти Никсона. США сбросили на Вьетнам в 1961—1968 гг. 2,8 млн. *т* бомб, в 1969—1973 гг.— 4,6 млн. *т* бомб[1]. Именно в президентство Никсона США нанесли максимальный ущерб народам Юго-Восточной Азии. Было ли «теоретически» рационализировано это кровопролитие? Конечно! «Я называю это теорией безумца,— поучал Никсон Холдемана.— Я хочу, чтобы северовьетнамцы уверовали: я дошел до того, что могу пойти на все что угодно для прекращения войны. Мы шепнем вьетнамцам: «Ради бога, помните, Никсон обезумел по поводу коммунистов. Если он придет в ярость, мы не сможем сдержать его, а он-то держит руку на кнопке ядерной войны». И тогда сам Хо Ши Мин в два дня явится в Париж молить о мире»[2].

Тактика нового американского командующего во Вьетнаме генерала К. Абрамса легко вошла в описанную доктрину. Из Вашингтона ему предписывали убивать максимум вьетнамцев с минимальными потерями для себя. Отныне крупных операций не проводилось, а ежедневно высылалось до тысячи патрулей с одной задачей — убивать. Одновременно США делали все, чтобы заставить наконец драться армию южновьетнамского марионеточного режима, неся надлежащие потери. В этом и состояла «вьетнамизация» войны.

Никсон, восхищавшийся «из ряда вон выходящими дарованиями Паттона и Макартура», был убежден: стоит развязать руки военным, которых «годами притесняли гражданские власти», и они покажут себя. Как-то президент с оттенком лести объявил высшему командованию: «Я всегда немного смущаюсь, когда ко мне приходит адмирал и говорит «сэр». Дело должно обстоять наоборот»[3].

Военщина распоясалась. Обычной практикой стали не только военные преступления, но их защита Вашингтоном. В апреле 1969 г. ветеран, вернувшийся из Вьетнама, рассказал о чудовищном преступлении: 16 марта 1968 г. взвод лейтенанта Колли, высаженный с вертолетов, ворвался в

[1] *Ball G.* Diplomacy for a Crowded World. N. Y., 1976, p. 74.
[2] *Haldeman H.* The Ends of Power, p. 122.
[3] *Brodie F.* Richard Nixon, p. 162.

деревню Сонгми. Согнанных на площадь мирных жителей расстреляли в упор, других заставили лечь в канаву и поливали огнем из автоматов, а некоторых заперли в домах и забросали гранатами. Погибло 567 стариков, женщин и детей. Сам Колли убил 109 человек. Буддистский священник с ребенком на руках попытался воззвать к нему. Лейтенант разбил лицо священника прикладом автомата и очередью снес ему череп. Колли выхватил ребенка из рук убитого буддиста, бросил в канаву и пристрелил. Во время этого массового убийства американцы потеряли одного раненого — солдат, не желавший принимать участие в кровавой бане, выстрелил себе в ногу.

Чудовищное преступление стало объектом гласности. Колли пришлось предать суду. 29 марта 1970 г. военный суд признал Колли виновным в убийстве только 22 вьетнамцев и приговорил к пожизненному заключению. Осуждение военного преступника вызвало негодование официальной Америки, среди протестовавших — губернаторы Дж. Картер и Г. Уоллес. Вмешался Никсон. Срок Колли был сокращен сначала до 20 лет, затем до 10 лет, а в апреле 1974 г. Пентагон объявил: Никсон лично еще раз занялся делом и нашел, что «неуместно» наказывать Колли, которого отпустили на свободу. Никто из исполнителей приказов Колли к ответственности не был привлечен. За всю войну во Вьетнаме Колли был единственным американским военнослужащим, осужденным за военные преступления!

Защита правительством США военных преступников потрясла немало американцев. Профессор права Колумбийского университета Т. Тейлор напомнил Нюрнбергский процесс и обоснованно указал: если бы принципы этого международного военного трибунала и суда над японским военным преступником генералом Ямасита применялись для Колли, «тогда есть все основания считать — их (генерала Уэстморленда и членов правительства.— *Н. Я.*) постиг бы тот же конец», что и военных преступников времен второй мировой войны[1]. Уэстморленд был вне себя, тем более что профессор потрудился написать по поводу преступления специальную книгу «Нюрнберг и Вьетнам — американская трагедия» (1970 г.). Генерал отпарировал: до поступления в офицерское училище Колли работал рассыльным в отеле, мойщиком посуды и стрелочником на железной дороге. «Су-

[1] The New York Times, January 9, 1971.

дя по событиям в Сонгми,— заключил Уэстморленд,— звание офицера армии США превышало способности лейтенанта Колли. Если бы не было отсрочки от призыва в армию, что не дало возможности пополнять интеллигентами должности младших офицеров, Колли, вероятно, никогда бы не стал офицером... Ответственность за все лежит на армии США и комитете по делам вооруженных сил палаты представителей, введшем отсрочки от призыва для студентов и тем самым упростившем процедуру получения офицерского звания»[1]. Вот так!

Операции типа Сонгми, собственно, входили в действия в рамках психологической войны, которая с новой силой развернулась в Южном Вьетнаме параллельно с переговорами с ДРВ, которые велись в Париже. Правительство США вознамеривалось склонить умы населения Южного Вьетнама на сторону американского империализма, что и было вверено ЦРУ. «Вьетнамизация» войны в этой сфере выразилась в том, что силы полиции в Южном Вьетнаме к середине 70-х годов выросли под надзором ЦРУ до 122 тыс. человек. Всем жителям Южного Вьетнама с 15 лет надлежало иметь при себе удостоверения личности с отпечатками пальцев и приметами. Дубликаты их ввели в исполинский компьютер, связав его телетайпными линиями с карательными органами на местах. Ежегодно через тюрьмы с нечеловеческими условиями проходило до 180 тыс. человек. Старший представитель ЦРУ в Южном Вьетнаме У. Колби ввел в действие программу «Феникс» — физического истребления неугодных. Он лично устанавливал квоты на убийство, в среднем около 2 тыс. человек в месяц.

В 1971 г. один из комитетов конгресса вежливо поинтересовался у Колби, как продвигается программа «Феникс». Обер-палач пустился в довольно пространные объяснения, из которых так и не было ясно, какими мотивами руководствовалось ЦРУ, убивая тысячи и тысячи людей. Американец Ф. Бранфман, изучавший массовый террор ЦРУ в Южном Вьетнаме, с негодованием заключил: «Колби, таким образом, признал в показаниях под присягой перед конгрессом США: хотя по программе «Феникс» за последние годы было убито или арестовано 49 565 человек, не велось никакого учета этих лиц, не указывалось, в чем они виновны, какие доказательства были собраны против них и что с ними ста-

[1] *Westmoreland W.* A Soldier Reports, p. 498—499.

ло»[1]. Нет сомнения — ЦРУ исходило из «виновности» каждого жителя Южного Вьетнама, ибо почти все населенпе было против американских оккупантов и их наемников, поэтому хватали без разбору, направо и налево. Убийствам, как правило, предшествовали зверские пытки. Проведение программы «Феникс» наложило клеймо позора на США и обеспечило Колби пост директора ЦРУ.

Вернувшись в воспоминаниях к своей палаческой деятельностп в Южном Вьетнаме, Колби, как и Уэстморленд, нашел «объяснение». Хорошо, утверждает он, в процессе программы «Феникс» «было убито 20 тыс. человек, многие из них невиновны». Но ведь «уже в начале 1969 г. я отдал приказ по поводу убийств и прочих отвратительных видов деятельности. Поводом для него был рапорт американского офицера, участвовавшего в программе «Феникс», о переводе, ибо он считал эту программу аморальной». Директива Колби не больше чем конкретизация применительно к Южному Вьетнаму зловещей директивы СНБ-20/I 1948 г. о действиях против Советского Союза. В самом деле, в директиве Колби указывалось: «Американцы не уполномочиваются заниматься убийствами и иными средствами нарушать законы войны, но они должны использовать необходимые и достаточные военные силы для захвата или унпчтожения членов Вьетконга[2] в Южном Вьетнаме. Если американский персонал вовлекается в действия, проводимые южновьетнамцами, которые не соответствуют нормам войны, конечно, не должно дальше принимать в них участие». Не больше чем перпфраз директивы СНБ 20/I об уничтожении «коммунистов» руками американских наемников. И забота о моральном здравии палачей, восходящая к нацистским зондеркомандам: «Есть индивидуумы, для которых нормальные полицейские или даже военные операции выглядят отталкивающе... Если такой человек считает, что полицейские действия по программе «Феникс» для него неприемлемы, он может подать рапорт и получить освобождение»[3]. Мир никогда не узнает, пользовались ли убийцы из ЦРУ дарованным им Колби правом на рапорт или по крайней мере последовали примеру первого командующего американскими войсками во

---

[1] *Branfman F.* South Vietman's Police and Prison System.— Uncloaking the CIA. N. Y., 1978, p. 118—119.

[2] Так в буржуазной печати называли патриотов Южного Вьетнама.

[3] *Colby W.* Honorable Men, p. 270—271.

Вьетнаме бригадного генерала Фрэнсиса Дж. Бринка, который еще в конце 50-х годов покончил с собой.

По большому счету руководители администрации Никсона не строили иллюзий по поводу действий методами психологической войны против вьетнамского народа. В конечном счете они полагались на превосходящую огневую мощь США. Но где и как употребить ее? Вашингтон снова и снова клялся в желании деэскалировать войну и приступил к выводу американских войск из Вьетнама. В глубокой тайне с марта 1969 г. соединения стратегических бомбардировщиков Б-52 по рекомендации Абрамса начали бомбить районы Кампучии, прилегающие к границе Южного Вьетнама. Никсон и Киссинджер отлично отдавали себе отчет в том, что расширение масштабов войны в Юго-Восточной Азии, если об этом станет известно, вызовет бурю в США. 14 месяцев, с марта 1969 г. по май 1970 г., гигантские бомбардировщики с баз на Гуаме, Окинаве обрушивали тысячи и тысячи бомб на мирные районы Кампучии. Они бомбили воровским образом, только по ночам, надеясь, что мрак укроет преступления. Всего было сделано 3630 самолето-вылетов Б-52, сколько погибло кампучийских крестьян, никогда не станет известно, их не считали.

В Вашингтоне об этих операциях, зашифрованных под термином «меню», знали считанные лица. Никсон не ввел в курс происходившего ни министра, ни главнокомандующего ВВС США. Летчики и штурманы, вылетавшие на бомбардировку, сначала получали инструктаж — поразить те или иные цели в Южном Вьетнаме, а затем их частным образом предупреждали: в полете они получат указание с наземных станций наведения сбросить бомбы на цели с другими координатами. Для отчетов ввели двойную бухгалтерию — в Пентагон отсылались ложные данные о мнимых операциях против партизан в Южном Вьетнаме, истинные документы шли только в Белый дом.

9 мая 1969 г. журналист У. Бичер все же сообщил в «Нью-Йорк таймс» об этих бомбардировках. Для страны его сообщение прошло почти незамеченным, утонув в потоке информации о войне во Вьетнаме. Что из того, что где-то кого-то бомбят, когда каждую неделю в США в металлических гробах, «пригодных для многократного использования», доставляется до 300 тел убитых американцев из Вьетнама. Белый дом нехотя опроверг сообщение Бичера, но в кружке Никсона — Киссинджера оно вызвало истерику. Киссинджер

приказал директору ФБР Э. Гуверу выяснить, кто повинен в утечке информации. Гувер зафиксировал па бумаге приказ: «Д-р Киссинджер сказал, что он высоко ценит это и надеется, что я сделаю все возможное, а они (в Белом доме.— *Н. Я.*) уничтожат любого, кто это сделал, если я найду его, независимо от занимаемого положения». Киссинджер надеялся изобличить этих интеллигентов, «гарвардскую клику». Детали слежки Киссинджер поручил обговорить с Гувером своему заместителю генералу А. Хейгу, который быстро делал карьеру в аппарате СНБ. ФБР повело слежку за ближайшими сотрудниками Белого дома, СНБ, государственного департамента и журналистами. Всего 17 человек[1]. Так сделали, вероятно, первый шаг к тому, что стало известно как Уотергейт.

Соучастие в таких делах очень сблизило Никсона, Киссинджера и Хейга. С напряженным вниманием они изучали донесения ФБР, полтора года слежки ничего не дали, но организаторы неплохо узнали друг друга: «Хейг провел сотни часов в беседах с Киссинджером, которые прямо или косвенно касались личности Никсона. Киссинджер прекрасно разобрался в том, что он считал вульгарной стороной Никсона... Никсон, говорил он, пытается надуть даже самых близких к нему, даже Киссинджера. Он скрытничает с ним. Никсон изолирован, скрытен, параноидный человек, внушал Киссинджер Хейгу. А Хейг не был уверен, говорил ли это Киссинджер о себе или о Никсоне. Генералу не нравилось жить в тени Киссинджера, президент подметил и использовал это. В свою первую администрацию Никсон стал обращаться к Хейгу через голову Киссинджера... Никсону нравились жесткие речи Хейга о «розовых», об этих нелепых, мягких, с левизной яйцеголовых в Гарварде, которые не годились брать штурмом траншеи в Азии. Президент уничижительно говорил о Киссинджере Хейгу, жаловался по поводу «профессорских» параноидных идей и чрезмерной заботе о собственном «я». Конфиденциально он просил Хейга доносить о том, что делает Киссинджер, и генерал выполнял это»[2]. Так они и вели государственные дела. Г. Холдеман добавляет: «Генри, учредивший с 1969 г. подслушивание ФБР в интересах национальной безопасности, был постоянно озабочен, что и его телефон подслушивается. Встре-

[1] *Showcross W.* Sideshow, p. 39, 107—108.
[2] *Woodward B., Bernstein C.* The Final Days. N. Y., 1976, p. 36.

чаясь со мной, он часто спрашивал: «Ну, Холдеман, что вы выяснили обо мне, послушав сегодня мои телефонные разговоры?»[1]

В заботах такого рода пребывали первосвященники администрации, а по всей стране прошли массовые демонстрации под руководством «Комитета за мораторий во Вьетнаме». Десятки тысяч человек выходили на улицы с траурными повязками, несли зажженные свечи и протестовали. Никогда в истории США не было таких многотысячных демонстраций против политики правительства. 15 октября 1969 г. 250 тыс. человек собрались в Вашингтоне, 40 тыс. из них в скорбной процессии прошли от Арлингтонского кладбища к Капитолию. Каждый нес плакат с именем погибшего американца или названием уничтоженной деревни во Вьетнаме. Плакаты сложили в большой гроб у Капитолия. Министр юстиции Митчелл нашел, что «демонстранты напоминают русских революционеров». Беспорядки не вспыхнули. По очень понятной причине. Помимо полиции в столице сосредоточили 9 тыс. солдат. Никсон не показался из Белого дома. Он был занят — смотрел по телевизору репортаж футбольного матча[2].

Все это так. Но Никсон все же выводил войска из Вьетнама. Весной 1969 г. государственный секретарь Роджерс вычислил: для успокоения страстей в США нужно вернуть к исходу года 50 тыс. солдат, Никсон перевыполнил квоту — вернулось 65 тыс. В Вашингтоне были уверены, что «вьетнамизация» войны проходит успешно, сайгонские наемники займут место эвакуированных американских войск, а возвращение солдат на родину и репрессии сбили волну негодования. В середине апреля 1970 г. «Комитет за мораторий во Вьетнаме» закрыл штаб-квартиру в Вашингтоне, объявив, что «время больших демонстраций в пользу мира прошло»[3]. 20 апреля Никсон объявил о выводе в течение года еще 150 тыс. войск, а затем без большой оттяжки всех остальных. Казалось, восторжествовал разум. Глубокое заблуждение!

Как не раз бывало, Вашингтон переоценил результаты очередной операции психологической войны. 18 марта 1970 г. усилиями ЦРУ в Кампучии захватила власть проамериканская клика Лон Нола. Киссинджер в приподнятом настрое-

[1] *Haldeman H.* The Ends of Power, p. 139.
[2] *Manchester W.* The Glory and the Dream, p. 1171, 1228.
[3] *Leuchtenburg W.* A Troubled Feast, p. 244.

нии изволил шутить на пресс-конференции: Лон Нол и его приятели «прислали запрос — дать вооружения на армию в 200 тыс. солдат. Мы попросили их взять назад заявку и подумать, они прислали новую — на 400 тыс.». Американцы обеспечили армию в 220 тыс. человек, однако появление на стороне США еще одного клиента не умножило силы американского империализма в Юго-Восточной Азии. «Напряжение нарастало,— признался Киссинджер в мемуарах.— Я не верил, что Кампучия или Южный Вьетнам уцелеют, если мы не прореагируем» [1]. Он предложил расширить масштабы войны, вторгнувшись в Кампучию. Никсона уговаривать не пришлось. Узнав о предстоявшем, сотрудник аппарата СНБ У. Уоттс запротестовал. Киссинджер прикрикнул на него, а Уоттс пошел писать заявление об отставке. В оперативном центре Белого дома он столкнулся с Хейгом, радостно потиравшим руки. Он гаркнул на Уоттса: «Выполнять приказ главнокомандующего!» — «Иди ты...» — огрызнулся Уоттс. Вслед за ним подали в отставку еще двое помощников Хейга. Даже выдержанный У. Сафайр осведомился у Киссинджера: «Разве вторжение в Кампучию не противоречит доктрине Никсона?» — «Мы сочинили проклятую доктрину и можем менять ее, как хотим»,— взвизгнул теоретик.

29 апреля американские войска вторглись на многострадальную землю Кампучии, уже изуродованную стратегическими бомбардировщиками Б-52. На следующий день по телевидению выступил Никсон. «Игнорируя «меню»,— отметил английский публицист У. Шоукросс,— он начал со лжи, будто бы США уважали нейтралитет Кампучии... Еще более примечательным, чем набор лживых утверждений, были иллюзии, на которых строилась речь Никсона. Он настаивал, что всегда существует некая угроза, с учетом которой принимаются превентивные меры» [2]. Нападение на Кампучию Никсон уподобил «великим решениям» — вступлению В. Вильсона в первую мировую войну, Ф. Рузвельта — во вторую, действиям Д. Эйзенхауэра в Корее и Дж. Кеннеди против Кубы во время кризиса в бассейне Карибского моря. Правительство получило сокрушительный ответ. Треть американских университетов и колледжей охватили бурные протесты, возрожденный «Комитет за мораторий во Вьетнаме»

---

[1] *Kissinger H.* White House Years, p. 493.
[2] *Showcross W.* Sideshow, p. 161, 144—147.

звал к борьбе. Многие в Вашингтоне оторопели, а Никсон разбушевался: «Взяв меч, нужно драться!» — кричал он группе сенаторов, а притихшим начальникам штабов, Киссинджеру и другим заявил: угробим их всех в Юго-Восточной Азии; если войск не хватит, возьмем из Европы!

Демонстрации, демонстрации, демонстрации. 450 университетов и колледжей закрыты. В 21 студенческий городок введены войска. 4 мая 1970 г. у университета в городе Кент, штат Огайо, национальные гвардейцы открыли огонь по толпе студентов: 4 убитых, 10 раненых. Президент написал письма родителям всех погибших, а Киссинджеру мрачно посоветовал: «Генри, не забывай о жене Лота. Никогда не оглядывайся назад. Не трать время, размышляя о вещах, которые нам не переделать» [1]. Они, американские государственные люди, всегда готовы опереться на Библию, Ветхий или Новый завет — безразлично. До 100 тыс. человек съехались в Вашингтон протестовать. Хейг проговорился журналисту, что в подвале Белого дома укрыты солдаты, готовые отразить «вторжение», выставлять их напоказ правительство не решилось. На рассвете 9 мая Никсон появился перед группой студентов, бодрствовавших всю ночь у Белого дома. Президент жалко заверил: «Мы вовсе не банда сукиных сынов», напротив, стремимся к миру и т. д. Беседы не получилось.

Карательные органы после Кента втянули на время когти. Нашлись другие исполнители их функций. 7—8 мая спровоцировали строительных рабочих разогнать студентов, вышедших на Уолл-стрит, избивая их дубинками и всем, что попадет под руку. 20 мая по Нью-Йорку прошла демонстрация в поддержку войны. Во главе шествовали «герои» кровавой расправы в рабочих касках. Сверхпатриотов Никсон зазвал в Белый дом. Снимки с президентом, снимки касок, расставленных в большом порядке на его столе. Опрос в эти дни института Гэллапа: 65% одобряют деяния президента в целом, а 58% винят в кровопролитии в Кенте студентов и только 11% — национальных гвардейцев. Как же так, даже мэр Нью-Йорка приказал приспустить флаг на ратуше, зовя к «раздумьям» по поводу убийства в Кенте?

На месте преступления в Кенте ввели комендантский час, шесть дней шли повальные обыски в студенческом городке, где проживала 21 тыс. человек. Искали оружие. Не нашли.

[1] The Memoirs of Richard Nixon, p. 457, 466—468.

Озверевшая полиция хватала и арестовывала студентов. Темный американский обыватель предстал во всей красе. Хотя, по самым скрупулезным подсчетам, не более 10% студентов университета принимали участие в протесте, обыватель требовал крови. Как выразился некий юрист в Кенте, «национальная гвардия выполнила свою задачу поддержания закона и порядка. Я говорю со всей искренностью: «Если бы я попал в такую же ситуацию с автоматом в руках, пострадало бы не 14 человек, а было бы 140 убитых и они получили бы по заслугам». Уличная частушка тех дней: «Пока четыре, будет больше». В драматической книге о трагедии в Кенте подмечено: «В первые недели было сказано немало отвратительных вещей, почти повсеместно говорили: «Нужно было бы перестрелять и большинство профессоров» [1]. Суд над убийцами, состоявшийся только в 1975 г., оправдал их всех.

Отражая эти настроения, 29-летний сотрудник Белого дома Т. Хьюстон, пришедший из военной контрразведки, сочинил всесторонний план борьбы с недовольными. «Государство, несомненно, рухнет под давлением изнутри, если правительство не расправится с революционерами и анархистами, стремящимися уничтожить его»,— внушал он соратникам Никсона. Когда он представил свои соображения, заметил помощник президента Дж. Дин, «дохнуло «третьим рейхом» [2]. Предусматривалось объединить усилия ФБР, ЦРУ, РУМО, АНБ и встать на путь поголовной слежки и провокаций, не считаясь с законами. Хьюстон вознамерился занять во внутренней политике США место, аналогичное роли Киссинджера во внешних делах. Никсона это не смутило. 5 июня 1970 г. он собрал совещание глав этих ведомств и объяснил: «Сотни, если не тысячи американцев, в основном до 30 лет, преисполнились решимости уничтожить наше общество... Они ищут поддержки — идеологической и иной — иностранных держав». Посему, заключил президент, нужно собрать все американские спецслужбы в ударный кулак и разгромить инакомыслящих.

«План Хьюстона», зафиксированный на бумаге, продержался всего пять дней. Он был отменен по настоянию Э. Гувера, доказавшего, что все предусмотренное в нем — повседневная практика американских спецслужб в войне с соб-

[1] *Michener J.* Kent State. What happened and Why. N. Y., 1971, p. 401—402.

[2] *Dean J.* Blind Ambition. N. Y., 1976, p. 37, 276.

ственным народом. А оставлять следы, расписываться, пусть в сверхсекретном документе, что в США в борьбе с инакомыслящими законов нет, чревато самыми гибельными последствиями для авторитета власти. Спустя несколько лет предсказания Гувера оправдались, «план Хьюстона» фигурировал на видном месте во время Уотергейта. «Сам Хьюстон впоследствии показывал, что возложенная на него задача стала «еще важнее» после вторжения в Кампучию и событий в университете в Кенте, а Г. Холдеман подтвердил это, заявив: «Кент обозначил поворотный пункт для Никсона, начало его скольжения вниз, к Уотергейту»[1].

Никсоновцы рвались раздавить оппозицию снизу, продиктованную самыми чистыми помыслами — борьбой против войны. Но никакие карательные меры не могли устранить быстро нараставшую угрозу Никсону, если угодно, «среди равных»— конгресса США. Там видели, что концепция «баланса сил», провозглашенная Никсоном — Киссинджером как краеугольный камень их политики, попирается на каждом шагу, а следовательно, рухнет весь внешнеполитический курс. Вместо обеспечения свободы рук, что обещала администрация, логика войны во Вьетнаме все больше сужает возможности США на внешней арене. Сенаторы Ф. Черч и Ш. Купер 13 мая внесли поправку к текущему законодательству, запрещавшую финансировать военные операции в Кампучии с 30 июня 1970 г. После семинедельных споров в этот день поправка была принята 58 голосами против 37. Американские войска покинули Кампучию. Последовали новые поправки, предусматривающие прекращение ассигнований на войну в Юго-Восточной Азии. Администрации пока удавалось отбиваться, но тенденция обозначалась куда как отчетливо.

Хотя Абрамс хвастался «потерями», которые наносились противнику во Вьетнаме, недоброжелатели Никсона в Вашингтоне сообразили: операции, проводившиеся по рецепту генерала, подрывали основу боевой мощи империализма США — деморализовали личный состав американских вооруженных сил. Что это были за солдаты, украшавшие себя ожерельями из ушей, отрезанных у убитых мирных жителей?! Какие солдаты могли охотиться с пулеметами с вертолетов, как за кроликами, за вьетнамскими женщинами и детьми?.. «Мой приказ,— командовал офицер Дж. Паттон-

[1] *Showcross W.* Sideshow, p. 157—158.

младший,— убивать, убивать, убивать!» Без разбору. Стерта с лица земли очередная деревушка. «Мы должны были уничтожить ее, чтобы спасти ее»,— ухмыляются артиллеристы. Оборотная сторона геноцида: падение дисциплины, пьянство, наркомания, неповиновение, «фрагментация офицеров» — в их помещения бросали гранаты. М. Банди в 1971 г. категорически высказался: «Вывод войск из Вьетнама — ныне необходимая предпосылка для возрождения американской армии как организованной силы» [1].

Она повалила при Никсоне из Вьетнама, американская солдатня, многими тысячами каждую неделю на родину. Их либо не замечали, либо приветствовали криками «Побитые», «Слабаки!» и похлеще. На улицах часто осведомлялись: «Сколько младенцев ты убил?» Журнал «Тайм» в июле 1981 г. в пространной статье залился слезами по поводу судеб в родной стране почти 3 млн. американцев, воевавших во Вьетнаме. Очень многие страдают психическими заболеваниями, наркоманией, спились. Снова и снова они возвращаются мысленно к той войне. «Нас заставляли подсчитывать убитых, заставляли убивать,— рассказывает ветеран Митчелл.— Я обыскивал дом и краем глаза уловил движение в углу, куда разрядил магазин. Оказалось, женщина, наверное, на восьмом месяце беременности. Из чрева, перерезанного очередью, свисал младенец. Мне было безразлично, посчитал и его, еще один убитый». Другой ветеран, Фултон: «Я умер во Вьетнаме, я раньше был верен корпусу морской пехоты, теперь мне безразличны США». Он пресытился убийствами во Вьетнаме. Около 100 тыс. искалеченных на войне, более 50 тыс. живут в США в страхе перед смертью от рака. К этому мучительному концу уже пришло немало ветеранов, выяснилось, что применявшийся для дефолиации джунглей препарат «орандж» — причина смертельного недуга.

Воевавших во Вьетнаме предавали забвению в минувшее десятилетие уже по той причине, что «пушечным мясом... были несостоятельные или бедные классы, которые и проливали там кровь, а зажиточные наблюдали за происходившим с уютных мест в обществе». Почему мало писали о той войне? «Самые лучшие и умные пересидели войну, воспользовавшись отсрочками от призыва, в то время как малограмотные, ушедшие на войну, ничего не могли написать о

[1] *Hodgson G.* America in Our Time, p. 354—356.

ней». Так что, журнал «Тайм» внезапно проникся возвышенными мыслями? Отнюдь нет. Сочинившие статью-обзор уловили веяния администрации Р. Рейгана. «Если ветераны войны во Вьетнаме не получат практической помощи и признания своих жертв, младшее поколение американцев сделает неизбежный вывод: служат только глупцы, а служба несет с собой лишь презрение». В Вашингтоне соорудят памятник с именами 57 692 американцев, погибших во Вьетнаме. «Потребовалось почти десять лет,— замечает «Тайм»,— чтобы заставить Америку захотеть этого памятника» [1].

С 1981 г. в США и взялись приравнивать участников проигранной позорной войны к ветеранам второй мировой войны.

Разрядка в действии

Когда авантюра в Юго-Восточной Азии во все возраставшей степени иссушала материальные и моральные ресурсы Соединенных Штатов, тогда элементарная логика побуждала Вашингтон к осмотрительности в отношениях с Советским Союзом. Еще Л. Джонсон положил «первым шагом в моих усилиях улучшить отношения между Востоком и Западом, избегать по возможности резкую брань эры «холодной войны». Этим обменом идеологической риторики ничего не достигается, кроме недобрых эмоций с обеих сторон. На протяжении всего моего президентства мы избегали личных нападок на советских лидеров и выражений типа «порабощенные народы» и «безжалостные тоталитаристы» [2]. При Джонсоне была отчеканена формулировка — политика «наведения мостов» — для обозначения отношений с социалистическими странами. Ее теоретическую основу заложил профессор З. Бжезинский, выбившийся наконец в люди в США к середине 60-х годов. То был первый всплеск популярности Бжезинского.

14 ноября 1966 г. «Ньюсуик» напечатал фотографию преуспевающего дельца средних лет. В вольной позе, с открытым ртом и скрещенными руками, он кого-то поучал. Надпись под фото гласила: «Восходящая звезда». То и был Бжезинский, имевший обыкновение тогда высказываться, по

---

[1] America's Forgotten Warriors.— Time, July 13, 1981, p. 41—43, 38.
[2] *Johnson L.* The Vantage Point, p. 463.

словам журнала, как будто он имел «монополию на истину». Незадолго перед этим он был назначен членом совета планирования государственного департамента, стал своим человеком при дворе президента Джонсона. «Ньюсуик» подчеркнул, что он «среди самых быстро восходящих звезд администрации Джонсона», а причины его возвышения объяснил так: «Внезапный успех Бжезинского в Вашингтоне — пример того, как нужный человек, с нужными идеями оказался на месте в нужное время» [1].

В те годы он был одним из бдительных стражей «тоталитарной модели» социализма чуть ли не в ее первозданной чистоте, созданной Х. Арендт. Хотя пожилая дама, приехавшая в США из Германии, имела в виду «третий рейх», З. Бжезинский в соавторстве с К. Фридрихом распространил ее суждения на социализм и предложил объяснять все происходящее в социалистическом лагере с позиций концепции «тоталитаризма». Эта идеологическая эквилибристика привела бы в великое смущение людей, хорошо знающих суть дела. Не кто иной, как генералиссимус Ф. Франко в период успехов держав «оси», выступая с программной речью 17 июля 1942 г. по случаю годовщины фашистского мятежа в Испании, авторитетно разъяснил: «В Европе существует только один опасный враг — коммунизм и только одна система, способная его победить — тоталитарный режим». Смело ставя знак равенства между социализмом и тоталитаризмом, Бжезинский полагался на фольклорное невежество американских простаков в теоретических вопросах. Он действительно преуспел, расхожая «тоталитарная модель» была принята в правящих кругах США, а придерживаться ее стало не только признаком хорошего тона, но и свидетельством политической благонадежности.

Ригоризм самой теории не требовал больших умственных усилий для овладения ее считанными постулатами и отлично вписывался в традиционный кальвинистский подход американских деятелей к делам международным. Вложив, таким образом, посильную лепту в создание умозрительной модели неприятеля, каковым Бжезинский неизменно считал Советский Союз, он предлагал при помощи политики «наведения мостов» привести развитие событий в мире к торжеству Вашингтона. «Мостостроительство» пришлось по душе администрации. Л. Джонсон, говоря о «мирном про-

[1] Newsweek, November 14, 1966, p. 34.

тивоборстве» с СССР, заимствовал не только идеи, но и сам термин из очередной книги бойкого профессора, а автор ее был вознагражден за труды при правительстве — в избирательную кампанию Г. Хэмфри в 1968 г. Бжезинский стал его советником по внешнеполитическим вопросам. Победа республиканцев перечеркнула политическую карьеру Бжезинского, пришлось переехать из кабинета в государственном департаменте в Колумбийский университет, директорствовать в исследовательском институте по вопросам коммунизма.

Обнаружились и другие прискорбные обстоятельства. Адепты «тоталитарной модели» социализма оказались неспособными дать объяснение коренных тенденций развития современного мира. Сопоставив пухлые тома «теоретиков» типа Бжезинского с реальной действительностью, американские «советологи» указали на то, что эта модель, даже улучшенная А. Мейером, ничего не объясняет. Они занялись постройкой собственной модели, взяв в качестве рабочих чертежей теорию «стадий роста» У. Ростоу. Пришли Р. Такер, Д. Каутский, А. Айкенлес, Т. фон Лауэ и многие другие, попытавшиеся проанализировать тенденции развития СССР в рамках теории «единого индустриального общества». Не вынося вердикта по существу этой теории, достаточно указать, что она не оставила камня на камне от искусственной, сшитой на живую нитку «тоталитарной модели». Коротко говоря, идеологические средства, обеспечившие существование Бжезинского на протяжении примерно полутора десятка лет, девальвировались.

Цену этим «теоретическим» спорам в академической общине США определил Г. Киссинджер, который признавал лишь «теории», имевшие прикладное значение. Он пренебрежительно отозвался о свершениях Бжезинского (не назвав, разумеется, его по имени): «Администрация Джонсона провозгласила политику «мирного противоборства» — расширения торговых и культурных отношений с Восточной Европой,— но почти не добилась больше, чем пропаганды хитренькой теорийки». Уничижительный отзыв понятен — доктрина «наведения мостов» никак не отражала того, к чему в основном продолжали готовиться США — термоядерному Армагеддону. Разговоры о «наведении мостов» были не больше чем маскировка готовности нанести термоядерный удар по всем социалистическим странам, в первую очередь, разумеется, по Советскому Союзу.

Но ведь вот в чем корень вопроса, возмутился Киссинджер, «при обмене термоядерными ударами, независимо от того, как он начнется, американские потери будут исчисляться десятками миллионов человек. Когда мы пришли к власти в 1969 г., оценка потерь США в случае второго (т. е. ответного.— *Н. Я.*) удара СССР превышала 50 млн. убитых от непосредственных последствий, не говоря уже о тех, кто умрет в результате радиации». Логическое завершение стратегических концепций, состоявших на вооружении демократической партии. Какая же это политика, когда американский первый удар обернется такими катастрофическими последствиями для Соединенных Штатов? — спрашивали Никсон — Киссинджер и иные. Задача состоит в том, чтобы погубить социализм, выведя США из-под угрозы ядерной смерти. Как? По канонам «баланса сил», следовательно, в основном руками других и методами психологической войны.

Умышленную сдержанность в тоне официальных заявлений Вашингтона в отношении СССР (при разнузданном антикоммунизме «независимых» средств массовой информации!), отмеченную уже при Джонсоне, проявила и администрация Никсона. Циркулярным письмом 4 февраля 1969 г. Никсон вменил в обязанность госдепартаменту, министерству обороны и ЦРУ: «Наши публичные заявления о Советском Союзе и суждения во время переговоров с ним должны быть спокойными, вежливыми и неполемическими». 18 декабря 1969 г. Киссинджер инструктировал прессу: «У нас нет постоянных врагов, и мы судим о других странах, включая коммунистические и особенно подобные коммунистическому Китаю, на основе их действий, а не по их внутренней идеологии» [1]. К этому Р. Никсон присовокупил в 1980 г.: «Самый эффективный способ вести дела с Советским Союзом — говорить мягко, но твердо, держа наготове большую дубину» [2].

Помимо вооруженной мощи США, их союзников по НАТО и другим агрессивным блокам под пресловутой «дубиной» в Вашингтоне разумели возможности, заложенные-де в традиционной американской политике «баланса сил», использования одних держав против других в «высших» интересах американского империализма. Соответствующая

---

[1] *Kissinger H.* White House Years, p. 156, 84, 135, 192.
[2] *Nixon R.* The Real War, p. 293.

аналитическая работа в «мозговых центрах» США — и уже в августе 1970 г. Киссинджер провокационно обнародовал новейшее по тем временам открытие: «Ныне глубочайший международный конфликт в мире не между нами и СССР, а между СССР и коммунистическим Китаем» [1]. Если так, тогда нужно создать условия для использования Китая против Советского Союза. Итак, руководители администрации Никсона с невероятным высокомерием заключили: им-де подвластно двигать народами и громадными государствами. Прослышав о свежайшем интеллектуальном свершении Никсонджера (так стали насмешливо именовать в вашингтонских канцеляриях дуэт Никсон — Киссинджер), некоторые американские профессиональные дипломаты пришли в ужас. Два ведущих эксперта по советским делам в то время Л. Томпсон и Ч. Болен по собственной инициативе явились к Никсону и, по словам Киссинджера, «дерзко предостерегли президента против любой попытки «использовать» Китай против Советского Союза. Они не ожидали от этого ничего, кроме катастрофических последствий для американо-советских отношений и международного мира» [2].

Куда там! Никсон с Киссинджером закусили удила, взявшись с величайшим энтузиазмом строить дипломатию для пресловутого треугольника в системе «баланса сил» — США, СССР, Китай. Концепция военного строительства, восходившая ко временам Дж. Кеннеди и имевшая в виду готовность вести одновременно «$2^1/_2$ войны» (против СССР, Китая и еще одну «малую» в каком-нибудь другом регионе), была заменена концепцией «$1^1/_2$ войны», что отнюдь не означало снижения темпов гонки вооружений, а следовательно, не оставлялась надежда разорить на этих путях СССР. Усилия США были направлены на то, чтобы выдвинуть на первую линию огня против СССР Китай. Как-то в 1973 г. Никсон и Киссинджер собрали в Белом доме лидеров конгресса. Киссинджер заговорил о Китае: «Мы рассчитываем, что к 1978—1980 гг. Китай сможет убить миллионы советских людей при любом обмене ударами». Президент прервал его: «На наш взгляд, Китай смирится с потерей (при этом) половины своего населения» [3].

К этому сводился в грубом приближении замысел администрации Никсона — Киссинджера, который, естественно,

[1] *Landau D.* Kissinger: The Uses of Power, p. 106.
[2] *Kissinger H.* White House Years, p. 189.
[3] *Woodward B., Bernstein C.* The Final Days, p. 237.

никак не мог быть открыт миру. Только уйдя от дел, оба деятеля сочли возможным растолковать, что, собственно, имели в виду, находясь у руля государственного корабля. Киссинджер: «Разрядка никогда не могла заменить баланса сил» [1]. Никсон: «Политика сдерживания была задумана в отношении монолитного коммунистического мира. Ныне в этом мире есть глубокие противоречия, которые мы должны использовать к нашей выгоде... Нет разрядки без сдерживания... Сдерживание без разрядки опасно, ибо сверхдержавы располагают невероятными ядерными арсеналами, и глупо, так как не дает возможности воспользоваться противоречиями между СССР и Китаем» [2].

Если так, тогда уместно обратиться к тому, какие цели искал Белый дом. Киссинджер в выступлении 31 января 1980 г. предупредил: «Мне не нравится, когда послевоенный период делят на время «холодной войны» и время разрядки. «Холодная война» не была так страшна, а разрядка отнюдь не столь возвышенна» [3]. Словесный туман!

Но для профессора Дж. Гэддиса дело представляется ясным: «Никсон и Киссинджер не скрывали того значения, которое они вкладывали в «разрядку»,— они рассматривали ее как очередное звено в длинной цепи попыток «сдержать» мощь и влияние СССР, однако на основе новой комбинации элементов давления и посулов, что в случае успеха убедило бы русских, что быть в положении «сдерживаемых» в их лучших интересах. Цель, аналогичная сформулированной два десятилетия ранее Кеннаном,— ни больше ни меньше как изменить подход СССР к международным отношениям, интегрировать его стабильным фактором в существующий мировой порядок». Гэддис обсудил эту интерпретацию с престарелым Кеннаном. Да, с воодушевлением подтвердил тот, «Генри проникся моими взглядами лучше всех в государственном департаменте» [4].

Во втором томе своих мемуаров, вышедших в 1982 г., Киссинджер счел необходимым расставить все по своим местам. Он написал: «Важно напомнить, чем была и чем не была разрядка. Ричард Никсон пришел к власти с честно заслуженной репутацией антикоммуниста на протяжении

[1] *Kissinger H.* White House Years, p. 1143.
[2] *Nixon R.* The Real War, p. 283, 286.
[3] *Kissinger H.* For the Record. Selected Statements 1977—1980. N. Y., 1981, p. 262.
[4] *Gaddis J.* Strategies of Containment, p. 289, 283.

всей своей жизни. Он презирал либеральных интеллектуалов, виннвших США за «холодную войну» и веривших, что проявлением доброй воли можно изменить советскую систему. Никсон никогда не доверял Советскому Союзу, он твердо верил в ведение переговоров с позиции силы. Коротко говоря, он был классическим воителем «холодной войны». Тем не менее после четырех бурных лет у власти именно он, так не походивший на миролюбца в расхожем представлении интеллектуалов, как ни парадоксально, впервые за 25 лет вел переговоры с СССР по такому широкому кругу вопросов, касавшихся отношений между Западом и Востоком... Парадокс, однако, не по существу, а внешне. Мы не считали ослабление напряжения уступкой СССР. У нас для этого были свои причины. Мы не отказывались от идеологической борьбы, а, как это ни было трудно, соразмеряли ее с национальными интересами».

И еще, о чем Киссинджер сказал в те времена в задушевной беседе с премьером Израиля Г. Меир: «Если бы я подробно рассказал, что делаю, я бы завоевал на свою сторону Мини (архиреакционер, глава АФТ — КПП.— *Н. Я.*), но потерял бы русских. Я провожу на деле самую жесткую политику» [1].

Администрация Никсона — Киссинджера силилась перевести в плоскость практической политики рекомендации Кеннана — воздействовать на СССР «изнутри». Взять вопросы экономических связей. Как известно, это двусторонний, взаимовыгодный процесс. По логике Киссинджера имелось в виду и иное. В 1974 г. он говорил: «Со временем торговля и капиталовложения могут ослабить автократические тенденции советской системы, постоянно связав советскую экономику с международной экономикой, создав определенную взаимозависимость» [2]. Речь шла о попытке изготовить рычаги давления на СССР через экономику.

Дж. Гэддис довольно точно схватил суть дела, отметив: «Учитывая большое значение, которое Москва придавала экономическим связям, Никсон и Киссинджер стремились извлечь из этого выгоды двоякого рода: интегрировать советскую экономику с западной настолько, чтобы у русских было немного побудительных мотивов для нарушения меж-

---

[1] *Kissinger H.* Years of Upheaval. Boston, 1982, p. 236—237, 1030.

[2] *Peterson P.* U. S.— Soviet Commercial Relations in a New Age. Washington, 1972, p. 3—4.

дународного статус-кво и побудить СССР к политическому сотрудничеству, идя на экономические уступки только в качестве награды за хорошее поведение»[1]. Разумеется, этот образ действия не слишком рекламировался. В мемуарах Киссинджер выразился куда как четко: «Торговля должна следовать за прогрессом в политической области, но не предшествовать ему»[2]. Расчеты были построены на песке, и поэтому обещанный США режим наибольшего благоприятствования и крупные кредиты Экспортно-импортного банка остались на бумаге.

Обращения к клише «холодной войны» в начале 70-х годов, считали в Белом доме, притормаживают колеса психологической войны. Как объяснил Киссинджер сенатскому комитету, «возобновление «холодной войны» едва ли поощрит Советский Союз... к более мягкому отношению к диссидентству»[3]. В скользких формулировках Никсон в докладе конгрессу в феврале 1972 г. «Политика США в 70-е годы» реформулировал приверженность Вашингтона к психологической войне. Он декларировал, что США «будут предпринимать действия для укрепления более позитивных тенденций» в СССР, ибо «мы стремимся поощрять такие тенденции в советской политике, которые говорят о готовности искать изменений на путях эволюции»[4]. Довольно неопределенно, но активизация примерно в это время различных отщепенцев в СССР рассеивает туман официального документа, приуроченного к кануну поездок Никсона в Пекин и Москву.

Этим хитросплетениям Советский Союз противопоставил принципиальную ленинскую внешнюю политику. Были сделаны надлежащие выводы.

Именно в то время спецслужбы США резко активизировали подрывную работу против СССР и других социалистических стран. Вашингтон твердил о своей приверженности к «разрядке», а подрывные радиостанции «Свобода» и «Свободная Европа» вели поджигательные передачи. Они придавали широчайшую гласность антисоветским клеветническим заявлениям отщепенцев всех мастей. ЦРУ стремилось всеми силами создать видимость существования «оппозиции» социа-

[1] *Gaddis J.* Strategies of Containment, p. 314.
[2] *Kissinger H.* White House Years, p. 1134.
[3] *Kissinger H.* American Foreign Policy. N. Y., 1977, p. 172—173.
[4] U. S. Foreign Policy for the 1970's. A Report to the Congress by Richard Nixon. Washington, 1972, p. 18—19.

листическому строю. Официальные заверения Вашингтона о «разрядке», в сущности, были попыткой облегчить эту тайную деятельность.

Советский Союз в этих условиях проявил высокую бдительность. Наша страна пресекла поползновения стратегов психологической войны использовать разрядку в интересах, не имеющих ничего общего с задачами мирного сосуществования государств с различным социально-экономическим устройством. Это соответствовало высшим принципам внешней политики СССР — не допускать вмешательства во внутренние дела друг друга. Вместе с тем Советский Союз вел принципиальную идеологическую борьбу, которая является неотъемлемой частью ленинской доктрины мирного сосуществования.

Равным образом в Москве видели, что администрация Никсона стремится привнести методы «баланса сил» в свою политику в отношении социалистических стран. Не составляло секрета, что американские руководители надеются внести рознь в отношения между социалистическими странами. Официальная риторика Вашингтона была расценена именно так, как ее впоследствии характеризовал не кто другой, как сам Г. Киссинджер. США тогда, признал он, занимались «избитыми дипломатическими успокоениями, при помощи которых даются формальные заверения, рассчитанные как сбить с толку, так и успокоить. Если бы им верили, тогда их цель не была бы достигнута» [1].

Советский Союз учитывал, что администрация Никсона — Киссинджера публично неоднократно высказывалась в пользу ослабления международной напряженности. Мимо этого нельзя было пройти, и 22—30 мая 1972 г. состоялся визит американского президента в нашу страну. «Решение дать согласие на визит Р. Никсона в Москву весной 1972 г. было для советского руководства не простым и не легким, ибо в этот момент происходило очередное обострение военных действий США во Вьетнаме». Однако представлялось возможным «уменьшить угрозу новой мировой войны, политическими средствами воздействия ограничить возможность агрессивных действий империалистических кругов, серьезно двинуть вперед дело разрядки международной напряженности, укрепление всеобщего мира» [2].

Советский Союз добился успеха. Как сказано в коллек-

[1] *Kissinger H.* White House Years, p. 836—837.
[2] История внешней политики СССР, т. 2. 1945—1980, с. 493.

тивном труде советских историков с предисловием А. А. Громыко, «в результате московских переговоров на высшем уровне были подписаны «Основы взаимоотношений между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки». Этот документ обеспечивает базу для сотрудничества на прочной, долговременной основе, без какого бы то ни было ущерба для третьих стран. Впервые за всю историю советско-американских отношений правительство США признало в международно-правовом документе принцип мирного сосуществования государств с различным социальным строем. Стороны обязались «исходить из общей убежденности в том, что в ядерный век не существует иной основы для поддержания отношений между ними, кроме мирного сосуществования», и, таким образом, подтвердили, что в современных условиях спорные вопросы международного характера не могут и не должны решаться с помощью силы.

Были заключены также бессрочный советско-американский Договор об ограничении систем противоракетной обороны и Временное соглашение о некоторых мерах в области ограничения стратегических наступательных вооружений сроком на пять лет. Договор и временное соглашение наложили количественные ограничения на строительство противоракетной обороны (согласно дополнительному протоколу 1974 г. к этому договору, каждой стороне разрешено иметь по одному комплексу ПРО со 100 антиракетами на каждом) и на развертывание межконтинентальных ракет наземного базирования (МБР), на строительство баллистических ракет подводных лодок (БРПЛ) и самих лодок — носителей ракет. Оба документа основаны на принципе равной безопасности СССР и США и недопустимости получения односторонних преимуществ.

Московские переговоры ясно показали, что СССР, проводя классовую, глубоко принципиальную внешнюю политику, сочетает твердый отпор агрессивным поползновениям империализма с конструктивным подходом к узловым международным проблемам, непримиримость в идеологической борьбе — с готовностью развивать взаимовыгодные отношения с государствами противоположной социальной системы на основе мирного сосуществования» [1].

Серьезный подход государства, озабоченного сохранени-

[1] Внешняя политика Советского Союза. М., 1978, с. 219.

ем мира и обеспечением международной безопасности. СССР выступал за полное равноправие, безопасность на основе равенства стратегических потенциалов двух величайших держав современности. Между тем американская сторона руководствовалась несколько иными мотивами, старалась представить эти переговоры как эпизод «силовой дипломатии». Этим домогательствам был дан решительный отпор.

А к каким только ухищрениям не прибегала американская сторона! С определенным подтекстом саморекламы Киссинджер в 1982 г. отзывался о внешней политике администрации Никсона как «византийской». А о собственных деяниях: «Нужно было проявить лицемерие». Что до тактики переговоров, то один документ, направленный в Москву, «историки никак не назовут образцом ясности». В другом случае: «Используя испытанную тактику, я спрятался за Никсона» [1].

СССР был чужд подход Вашингтона к переговорам, который, по мнению Киссинджера, сводился к проблеме, что «либо мы используем их, либо они используют нас» [2]. СССР всегда стоял за равноправие сторон.

18—25 июня 1973 г. состоялся визит Л. И. Брежнева в Вашингтон, ставший важной вехой в борьбе за мир, за разрядку, нормализацию советско-американских отношений. В ходе этих переговоров было подписано девять новых соглашений по различным аспектам советско-американского сотрудничества. Среди этих документов — Соглашение о предотвращении ядерной войны. Во время визита Л. И. Брежнева в США был подписан также документ «Основные принципы переговоров о дальнейшем ограничении стратегических наступательных вооружений». Всего в 1972—1973 гг. было заключено больше двусторонних советско-американских соглашений, чем за все предыдущие годы после установления дипломатических отношений между СССР и США.

«Новый импульс к советско-американскому сотрудничеству дали очередные переговоры руководителей обеих стран в Москве и беседы Л. И. Брежнева с Р. Никсоном в Крыму во время второго визита президента США в СССР (27 июня — 3 июля 1974 г.)... Политбюро ЦК КПСС, Президиум Верховного Совета СССР, Совет Министров СССР, рассмотрев итоги третьей советско-американской встречи на высшем уровне,

---

[1] *Kissinger H.* Years of Upheaval, p. 7, 491, 272, 279.
[2] *Gaddis J.* Strategies of Containment, p. 293.

отметили, что она явилась новым крупным вкладом в улучшение советско-американских отношений, способствует дальнейшей разрядке международной напряженности, утверждению принципов мирного сосуществования государств с различными социальными системами» [1].

Так оно и было. Несмотря на преувеличенные амбиции, Киссинджер к этому времени понял бесполезность фантастических требований в ходе советско-американских переговоров. В силу обстоятельств он определенно не взлетал в политическую стратосферу, а предпочитал ходить по земле. Когда накануне отъезда Никсона в Москву в июне 1974 г. в Белом доме обсуждалась тактика переговоров, министр обороны США Дж. Шлесинджер попытался внушить президенту, что нужно добиться, чтобы СССР в одностороннем порядке ограничил свои стратегические вооружения. Как это сделать? «Вы можете убеждать,— говорил Шлесинджер Никсону,— у вас красноречие великого адвоката, и вы убедите». Киссинджер прокомментировал: «Никакое адвокатское красноречие тут бы не помогло, опустил бы руки Демосфен. Нужно было бы чудо».

Чудес, как известно, не бывает, и в Москве Никсон и Киссинджер, наученные горьким опытом, воздержались выдвигать абсурдные требования. «По всем нормальным критериям,— вспоминал Киссинджер,— эта встреча в верхах была успешной» [2]. Однако комментарии американской печати свидетельствовали, что враги мира и разрядки активизировали свои действия.

Так что же случилось? Какие силы поднимались в США против нормализации советско-американских отношений? Вернемся к 1972 г.

Победа на выборах и начало падения

Мотивы внешней политики США, естественно, удел избранных и допущенных после придирчивой проверки ФБР к государственным тайнам. Впечатлял неоспоримый факт: к исходу первого президентства Р. Никсона из Вьетнама на родину вместо 300 гробов в неделю доставлялись три-четыре. Вывод американских войск из Вьетнама приближался к кон-

---

[1] История внешней политики СССР, т. 2. 1945—1980, с. 495—496.
[2] *Kissinger H.* Years of Upheaval, p. 1158, 1177.

цу, а переговоры с ДРВ, что особенно и неоднократно подчеркивал Г. Киссинджер, близились к успешному завершению. Исход встречи «в верхах» в Москве, пожалуй, впервые за послевоенный период посулил нормализацию американо-советских отношений. Пусть схоласты-семантики на Западе спорили по поводу смысла французского глагола «detendre» и русского термина «разрядка» (первый означает ослабление тетивы лука после выпуска стрелы), разрядка, как таковая, вошла в сознание миллионов всего мира как реальный путь смягчения международной напряженности, а следовательно, отодвигала опасность мировой термоядерной войны.

В Соединенных Штатах все это связывалось с именем Р. Никсона. За исключением неисправимых критиков, не веривших в «нового Никсона», не желавших «выздоравливать» с ним, и, конечно, лидеров демократической партии, истерзанных естественным голодом власти не у власти, подавляющее большинство американцев (следовательно, избирателей!) было довольно итогами его деятельности в Белом доме. В этих условиях усилия победить на выборах 1972 г. для демократов были попыткой с негодными средствами, но они все же поднатужились. Тут же вскрылись новые затруднения для них. Основная беда — отсутствие лидера.

Тот, кто мог претендовать на президентский пост,— сенатор Э. Кеннеди никак не мог оправиться от истории к тому времени трехлетней давности. Находясь в курортном местечке острова Чаппакидик, в ночь с 18 на 19 июля 1969 г. сенатор, по его словам, не удержал машину, и она свалилась с моста в канал. В машине утонула 28-летняя сотрудница аппарата Кеннеди Мери Копечен. Явившись утром в полицию (к этому времени машину с трупом молодой женщины уже нашли), Э. Кеннеди взволнованно рассказал, как глубокой ночью он нырял, пытаясь вытащить Мери, но не преуспел, а в полицию не поторопился, ибо находился в тяжкой духовной депрессии. За «проступок» сенатор получил два месяца тюрьмы условно. Сенат не усмотрел в случившемся ничего страшного («Входи, Тед! Ты по праву среди своих!» — воскликнул лидер большинства в сенате сенатор М. Мэнсфилд, когда несколько смущенный Э. Кеннеди появился в сенате спустя две недели после трагедии [1]), но вся эта история хорошо запомнилась.

---

[1] *Olsen J.* The Bridge ot Chappaquiddick. N. Y., 1970, p. 251.

Коль скоро Э. Кеннеди оказался вне игры, за кандидатуру от демократов схватились сенаторы Э. Маски, Дж. Макговерн, Г. Хэмфри и губернатор Алабамы Дж. Уоллес. Этот последний представлял некоторую угрозу, ибо мог увести у Никсона тех, кто был правее центра. Но в мае 1972 г. Уоллес в результате тяжелого ранения был парализован и выбыл из числа соперников. Хэмфри омрачила тень Вьетнама, Маски, рассмотрев ничтожные шансы на успех, отступился. Остался Дж. Макговерн, который немедленно получил прозвище «Голдуотер левых». Он заговорил об облегчении участи неимущих (расширить социальное обеспечение), предложил сократить на 37% военные расходы, вывести американские войска из Европы, амнистировать уклонившихся от службы во Вьетнаме (их насчитывалось до 100 тыс. человек против 3 млн. хлебнувших горя в войне в Юго-Восточной Азии). Макговерн с прекрасной улыбкой истратил на свою кампанию 28 млн. долл.

58 млн. долл., брошенных на те же цели Никсоном,— критерий серьезности, с которой он подошел к переизбранию. Ближайшие и доверенные советники Никсона составили Комитет по переизбранию президента (КПП), который не очень стеснялся в методах. Под благожелательным патронажем бывшего министра юстиции Дж. Митчелла проворные активисты КПП беспредельно растянули каучуковую этику американской предвыборной борьбы. В июне 1972 г. они умудрились грубо порвать ее — в комплексе зданий «Уотергейт» в Вашингтоне задержали пятерых взломщиков, которые проникли в помещение национального комитета демократической партии. Хотя в числе их обнаружили двух бывших ответственных работников штата Белого дома и главу службы безопасности КПП Дж. Маккорда, эпизод почти не привлек внимания. Макговерн растворил его в общих обвинениях правительства в злоупотреблении властью, а представитель администрации отозвался о случившемся как о «третьестепенном взломе». Пока только и всего.

Рвение КПП подогревалось известным в нем отношением Никсона к переизбранию. Он с почти патологической страстью рвался заполучить максимум голосов, внушая своим доверенным, что только продление его пребывания на вершине власти (президента «закона и порядка»!) гарантирует против возвращения к массовым беспорядкам 60-х годов. Ради достижения этой цели никсоновцы не жалели ничего, ведь речь шла, в сущности, о восстановлении «консенсуса», без которого

уверенное проведение внешней политики представлялось невозможным. Пытаясь вновь сколотить его, Никсон и штат Белого дома прибегли к многим ухищрениям, помимо взлома в «Уотергейте», чтобы скомпрометировать соперников — демократическую партию. Когда были объявлены итоги выборов — Никсон собрал 47,1 млн. голосов против 29,1 млн. голосов, отданных Макговерну,— в КПП удовлетворенно потирали руки. Впервые в истории президент-республиканец получил 521 голос выборщиков (Макговерн — 17!), а 60,7% голосов за Никсона немногим уступали рекорду Л. Джонсона 1964 г. Организаторы триумфа Никсона ласкали себя надеждой, что победителей не судят...

В исторической ретроспективе выборы 1972 г., однако, должны были бы послужить предостережением и для них. В этом году впервые голосовали избиратели с 18 лет (26-я поправка к конституции, вступившая в силу в 1971 г., снизила возрастной ценз на выборах с 21 до 18 лет, что дало в 1972 г. 10,5 млн. новых избирателей), тем не менее голосовало всего 55,7% электората. Где же были симпатии не ходивших на избирательные участки? Наверное, правы английские историки, заметив: «Множество из 62 млн. американцев, не принимавших участие в выборах, могли быть настроены как против Макговерна, так и против Никсона, а это в известной степени ставит под сомнение тезис о том, что американский «центр» в 1972 г. был «республиканским центром». Однако газеты, например западногерманская «Франкфуртер цайтунг» в ноябре 1972 г., выразили мнение многих европейцев и американцев, подчеркивая в передовых, что Никсон — обладатель столь внушительного мандата — и без третьего срока обязан перед историей совершить великие дела» [1]. Никсон и без разъяснений ощутил зов судьбы. Для начала он решил устранить всех неугодных, да еще в высшем эшелоне власти.

Его озарила мысль — ввести против политических противников службу внутренних доходов (ИРС), которая может провести проверку доходов любого в США. Если вскроется уклонение от уплаты налогов, виновного при желании властей настигает тяжелый меч правосудия. Никсон спустил в министерство юстиции список «490 врагов правительства». Отнюдь не инакомыслящих, а в подавляющем большинстве влиятельных людей. Министр финансов Дж. Шульц оторопел, приказание очень необычное. Он слабо запротестовал. Ник-

[1] *Mooney P., Bown C.* Truman to Carter, p. 181—182.

сон, однако, в эйфории успеха уже сверкал идеями, сказав своим помощникам Холдеману и Дину, что Шульц «получил министерство финансов не за прекрасные голубые глаза. Ему, сволочи, оказали честь, дав портфель министра... Я хочу иметь максимум, самые подробные сведения о тех, кто пытался причинить вред... Они сами напросились на это и получат свое. В минувшие четыре года мы не использовали свою силу. Мы вообще не прибегали к ней. Мы не использовали ни ФБР, ни министерство юстиции. Отныне все пойдет по-другому. Наши работники должны либо подчиниться, либо убраться вон!

— Волнующая перспектива! — восхитился Дин» [1].

Надо думать, сведения о намерении Никсона ввести в действие ИРС против политических противников просочились. В великолепной республике каждый по крайней мере раз в год соприкасается с ИРС — подает сведения о своем подоходном налоге. Это ведомство, пожалуй, самое устрашающее, ибо ищейки ИРС возьмут след и того, кто благонамерен и не имеет оснований опасаться ФБР или ЦРУ. А коль скоро в том обществе молятся доллару, у очень немногих хватает мужества уплачивать налоги до последнего цента или избегать сомнительных доходов. У имущих, а они и у власти, автоматически сработал инстинкт самосохранения. Так был дан еще толчок событиям, оказавшимся роковыми для судьбы победоносного президента. Банальный Уотергейт, только что прошедший почти незамеченным, украсил первые страницы газет, пошел в периодическую печать, разросся в книги, разбух в «слушания», вызвал к жизни мемуары и т. д. Да, скорбно прокомментировал сведущий публицист, «нет никакой возможности прочитать все материалы Уотергейта и расследований спецслужб, поверьте мне, ее нет, если не бросить работу и не отдать на это год жизни» [2].

Постепенно разгоравшиеся страсти в связи с Уотергейтом наложили тяжелую печать на политическую жизнь в США. Каковы бы ни были намерения администрации после выборов 1972 г., «Никсон,— говорил Киссинджер,— едва ли правил в течение восемнадцати месяцев развертывавшегося скандала Уотергейта» [3]. Почва уходила из-под ног у Никсона, он попытался было отвлечь внимание новой вспышкой агрессии против народа Вьетнама. В конце 1972 г. США бросили стра-

[1] *Wise D.* The American Police State. N. Y., 1976, p. 323.
[2] The New York Times Book Review, January 9, 1977, p. 13.
[3] *Abrahamsen D.* Nixon versus Nixon. N. Y., 1977, p. 77.

тегические бомбардировщики Б-52 против ДРВ. «Спазм» бомбардировок повлек многочисленные жертвы среди мирного населения, но дорого обошелся ВВС США — по американским данным, было потеряно 16 самолетов Б-52. Уровень потерь совершенно неприемлемый, да и каждый самолет стоил 9 млн. долл. Подписание 27 января 1973 г. в Париже Соглашения о прекращении войны и восстановлении мира во Вьетнаме зафиксировало поражение американской агрессии в Юго-Восточной Азии. По соглашению завершался вывод войск США из Южного Вьетнама. 18 марта 1973 г. последний американский солдат покинул вьетнамскую землю.

Триумфа для Никсона не получилось, именно в эти дни начало рушиться здание его администрации. С января 1973 г. под прицелом телевизионных камер заработала комиссия темпераментного сенатора С. Эрвина, расследовавшая Уотергейт, а федеральный судья Дж. Сирика рассматривал дело «семи» — взломщиков в помещении национального комитета демократической партии. Опытный и въедливый старый юрист Сирика примерно за два месяца судебного следствия сумел убедить подсудимых, что не верит ни одному их слову, а их версия — они-де вломились в помещение в «Уотергейте», дабы разведать планы демократов «устроить бесчинства» против республиканцев,— смехотворна. Он поставил их перед реальной перспективой получить до 40 лет тюремного заключения. Один из подсудимых наконец 20 марта открыл, что «семерке» за большие деньги было поручено сознаться во взломе, с тем чтобы скрыть причастность к Уотергейту «других высоких лиц». Сирика посоветовал виновным сотрудничать с комиссией Эрвина. И пошло! Помощник Никсона Дин вскоре открыл, что речь шла об усилиях президента расправиться со своими противниками полицейскими мерами. Его засадили за подготовку подробных показаний. 30 апреля были вынуждены уйти в отставку замешанные в скандале Холдеман и Эрлихман, не говоря о самом Дине.

Никсоновцы бросились на защиту своего вождя и благодетеля. Вице-президент С. Агню в апреле объявил, что «полностью верит в честность президента Никсона», освещение в печати Уотергейта назвал «недалеким от маккартизма», а о работе комиссии Эрвина отозвался как «о непоправимом попрании чистоты юстиции»[1]. Через полгода он поплатился за эти и другие колоритные суждения в защиту шефа, а пока

[1] Profiles of an Era. The Nixon and Ford Years, p. 14.

внимание расследователей и печати сосредоточилось на одном — говорит ли правду Никсон, уверяющий, что взлом всего-навсего дело рук перестаравшихся помощников. Никсон энергично опровергал возводимые на него «поклепы» — он-де не ведал об Уотергейте и, конечно, не принимал никакого участия в попытках скрыть его следы, выплатив в виде отступного значительные суммы исполнителям. Президент делами показывал, что он выше мышиной возни, затеянной расследователями. Они назначили на 18 июня 1973 г. слушание в комиссии Эрвина коронного свидетеля — Дж. Дина. В этот день комиссия с большой важностью расселась в здании Капитолия. Дин лихорадочно перелистывал свое заявление — ему предстояло прочитать 245 страниц. Но комиссия проголосовала отложить показания Дина на неделю [1].

23 июня 1973 г. Дж. Дин начал давать показания перед комиссией Эрвина, что заняло пять дней. Он прочитал все 245 страниц своих показаний, обличавших Никсона, передал комиссии 47 документов, включая пресловутый список «врагов» президента. За Дж. Дином в последующие две недели прошли другие свидетели, дававшие сенсационные показания. Наконец, 16 июля буквально взорвалась бомба — оказалось, что Никсон, обуреваемый гордыней войти в большую историю, приказал с марта 1971 г. записывать на пленку все, что говорилось в Белом доме и Кэмп-Дэвиде. Комиссия Эрвина и судья Сирика немедленно истребовали пленки. Никсон отказал, ссылаясь на то, что нельзя раскрывать государственные тайны.

Расследователи опротестовали решение президента в высшие судебные инстанции, а быстро убывающие сторонники президента ужаснулись — зачем хранить пленки? — и поражались, как можно было установить аппаратуру для подслушивания по всему Белому дому. Супруга Никсона таяла на глазах, все чаще прислуга из Белого дома видела ее утром со стаканом виски. «Какая глупость хранить пленки...— вздыхала она,— пленки подобны любовным письмам, их надлежит сжигать» [2]. В ожидании решения Верховного суда расследователи трепетали: а что если Никсон распорядится уничтожить пленки? Как вспоминал старший советник комиссии Эрвина С. Дэш, «все — от студента до таксиста — задавали вопрос, почему он не уничтожил пленки? Если бы Никсон

[1] *Dean J.* Blind Ambition, p. 305.

[2] *Woodward B., Bernstein C.* The Final Days, p. 166.

сделал это, он бы отслужил до конца свой второй срок как президент, на основании одних слов Джона Дина никак нельзя было сместить президента или осудить главных заговорщиков Уотергейта. Так почему? По той простой причине, что Никсон в чаду высокомерия власти не верил, что его смогут заставить когда-либо выдать пленки» [1].

Никсон был убежден, что сумеет одержать верх над любыми противниками. Хотя в январе 1973 г. огонь во Вьетнаме был прекращен, американские стратегические бомбардировщики продолжали громить с воздуха Кампучию. То была одна из самых сложных операций психологической войны — не дать мира истерзанной стране, дестабилизировать обстановку в ней, доведя накал страстей до предела. Впоследствии американские государственные деятели, в первую очередь Г. Киссинджер, открещивались от задних мыслей на этот счет, лицемерно ссылаясь на некие «военные нужды». Коль скоро «теоретик» потратил в своих мемуарах немало страниц на это, журнал «Нэйшн», обозревая первый том его мемуаров, вышедший в 1979 г., поставил вопрос ребром: «Именно Киссинджер создал условия, которые сделали возможным захват власти в 1975 г. зверским режимом Пол Пота... Мог ли возникнуть этот чудовищный Франкенштейн без войны, расширенной и затянутой в результате решений Киссинджера?» [2]

Удары были нанесены, видимо, в очень чувствительное место. В следующем томе мемуаров, увидевшем свет в 1982 г., Киссинджер напомнил: вторжение в Кампучию, по словам самого Никсона, «было применением доктрины Никсона в чистейшем виде». Но это никак не снимает вину с США за случившееся, как не убеждает подборка «документов», приложенная к книге, о непричастности Киссинджера к геноциду в Кампучии [3].

Едва ли в Капитолии были посвящены в тайные цели операции — посадить у власти в Кампучии убийц с целью компрометации социализма. Опасались другого — бомбардировки Кампучии приведут к возрождению антивоенного движения в США, сорвут попытки восстановления «консенсуса» во внешней политике. Палата представителей постановила прекратить финансирование операций против Кампучии. Никсон наложил вето. Повторное голосование аннулировало его, и с

---

[1] *Dash S.* Chief Councel. Inside the Ervin Committee. The Untold Story of Watergate. N. Y., 1976, p. 197.
[2] Nation, November 24, 1979, p. 528.
[3] *Kissinger H.* Years of Upheaval, p. 339, 1212—1231.

15 августа 1973 г. бомбардировки прекратились. На Кампучию было совершено более 150 тыс. самолето-вылетов и сброшено свыше 500 тыс. *т* бомб! Тут же принимают закон о военных полномочиях — отныне через 48 часов после приказа президента о введении в дело американских войск за рубежом он должен доложить конгрессу обо всех обстоятельствах этого и прекратить боевые действия в течение 90 дней, если конгресс не решит иначе. Вето президента. Повторное голосование — и закон вступил в силу.

Какие бы честолюбивые планы ни вынашивал Никсон, происходившее на Капитолийском холме было куда как показательно. Трумэн наложил 250 вето, отменено 12; Эйзенхауэр — соответственно 181 и 2; Кеннеди — 21; Джонсон — 30, все вошли в силу, а из 38 вето Никсона отменены 5 [1]. Никсон, по всей вероятности, не разглядел в этом симптомов серьезного ухудшения своего положения. Так, обычные «дрязги» в конгрессе, каких было немало в связи с войной в Юго-Восточной Азии. Наверное, он даже гордился новыми свершениями в психологической войне, каковые, как известно, отнюдь не являются достоянием гласности.

Именно в это время подходила к кульминационной точке и другая операция психологической войны: свержение в Чили в результате заговора ЦРУ демократического правительства С. Альенде. Еще в 1970 г. Г. Киссинджер заявил в «комитете 40-ка», надзиравшим за подрывной работой ЦРУ: «Не вижу, почему нам нужно оставаться в стороне и быть свидетелями, как страна идет к коммунизму в результате безответственности ее народа». Что до Р. Никсона, то он лично давал указания по дестабилизации обстановки в Чили («Пусть экономика там взвоет»,— изрек он [2].) Когда Никсон объявил о выделении 10 млн. долл. или «больше» для завершения операции, директор ЦРУ Р. Хелмс возрадовался: «В этот день я почувствовал, что выношу фельдмаршальский жезл в своем ранце из Овального кабинета» [3]. 11 сентября 1973 г. заговорщики совершили государственный переворот. С. Альенде героически погиб в бою. В стране воцарилась кровавая клика Пиночета, развернувшая массовый террор против всех демократически настроенных в Чили.

---

[1] *Cummings M., Wise D.* Democracy under pressure. N. Y., 1977, p. 348.

[2] Covert Action in Chile 1963—1973. Washington, 1975, p. 33.

[3] Alleged Assassination Plots Involving Foreign Leaders. Washington, 1975, p. 227—228.

США поторопились декларировать свою непричастность к этому подлому преступлению ЦРУ. Как и другие американские президенты в аналогичных обстоятельствах, Никсон прибег к доктрине «правдоподобного отрицания» и даже много спустя написал в своих мемуарах: «После трех лет неудовлетворительного управления, в течение которых чилийская экономика страдала от серии катастрофических забастовок, Альенде в сентябре 1973 г. был свергнут чилийскими военными и, по противоречивым сообщениям, либо убит, либо покончил с собой во время переворота» [1]. Яркий пример доктрины «правдоподобного отрицания» в действии! В США по горячим следам за кровавыми событиями в Чили в докладе сенатской комиссии Ф. Черча в 1976 г. была сделана попытка, по словам ветерана ЦРУ, «грубо извратить доктрину правдоподобного отрицания. Было высказано суждение, что президента могут сознательно держать в неведении относительно подрывных действий, с тем чтобы он мог честно отрицать их. Чепуха! Ни один президент никогда умышленно не изберет неведение, чтобы снять с себя ответственность за действия подчиненных» [2].

То, что в психологической войне представлялось успехами, Никсон, однако, не смог обратить к своей пользе в уотергейтском скандале, тем более что авторство их, несомненно, приписывали себе в тайных сферах Вашингтона и другие, в первую очередь Киссинджер и кадровые работники ЦРУ. Обязательное служение Никсона доктрине «правдоподобного отрицания» оказало ему дурную услугу, он просто не мог открыть самоотверженную службу американскому империализму в международных делах. Тем временем удары по нему утяжелялись. В августе 1973 г. вице-президента С. Агню с большой гласностью обвинили в многолетнем взяточничестве. Правда, поначалу речь шла об этом только в бытность Агню губернатором штата Мэриленд. Он было решился отрицать все. Если так, тогда дело очень быстро приняло серьезный оборот. Пошли слухи, что Агню брал и вице-президентом. Как из-под земли появилось множество компрометирующих документов. Судейские приосанились перед газетчиками и горой встали на защиту честности.

Агню бросился к Никсону за защитой. Президент отказался помочь, посоветовав ему уйти в отставку. С министерством

[1] The Memoirs of Richard Nixon, p. 490.
[2] *Rozitzke H.* CIA's Secret Operations, p. 240.

юстиции уже было договорено, что в этом случае Агню не подвергнется уголовному преследованию. Он согласился, объявив, что «не оспаривает» одно из обвинений — уклонение от уплаты подоходного налога. 10 октября Агню подал в отставку и в тот же день предстал перед судом, где ему разъяснили: формулировка «не оспаривает обвинения» означает признание вины. Отставного вице-президента на месте оштрафовали на 10 тыс. долл. и дали три года условно. В книге «Уйди без шума... или будет по-другому» (1980 г.) Агню утверждал, что он ушел в отставку, опасаясь за свою жизнь. Помощники-де Никсона были легки на расправу. Если бы не прямая физическая угроза, он бы боролся за свой пост и с уходом Никсона стал бы президентом![1] Весомый «гонорар» за попытку новейшего прочтения Уотергейта Агню получил без большого промедления в июне 1981 г. Новое судебное разбирательство и приговор: вернуть 248 735 долл., полученных в виде взяток в бытность вице-президентом.

Уотергейт!

Освободившись от Агню, Никсон пригласил в вице-президенты лидера республиканцев в палате представителей Джеральда Р. Форда, известного приверженностью к спорту и, по его словам, чистым нравам в политике. Товар нужно было показать лицом, и Дж. Форд с величайшим удовлетворением констатировал: он «подвергся самой тщательной проверке ФБР, которая когда-либо проводилась в отношении кандидата на государственную должность. С 13 октября 350 специальных агентов из 33 отделений ФБР опросили более 1000 человек, составив отчет на 1700 страницах. Позднее я узнал, что агенты даже допросили человека, который играл в школьной футбольной команде со мной более 40 лет назад в Гранд-Рапидс. Тогда во время матча школьных команд я коснулся игрока после свистка и был удален с поля. ИРС проверила мои декларации о доходах, другие правительственные ведомства провели собственные проверки». Итак, ФБР убедилось в благонадежности вице-президента! Форд решил еще подкрепиться при принятии присяги псалмом из Псалтыря, избрав после совещания с семьей текст: «Да услышит тебя Господь в день печали...» Устремив взор на этот псалом (супруга дер-

[1] Time, June 9, 1980, p. 16.

жала перед ним раскрытую Библию), Дж. Форд 6 декабря 1973 г. принял присягу [1], правда тогда и в мемуарах перепутав номер в Псалтыре — речь шла не о 20-м, а о 19-м псалме. Но ведь важна не буква, а дух — вместо Агню рядом с Никсоном встал считавшийся честнейшим Форд.

Но за что драться? 12 октября Верховный суд поддержал требование Сирики — президент должен представить пленки с записями бесед в Белом доме. Началась неразбериха и безобразие. Эрвин согласился было на ограниченный доступ к этим материалам, но прокурор А. Кокс, назначенный Никсоном каких-нибудь полгода назад специально для расследования Уотергейта, выступил против. 19 ноября Никсон велел министру юстиции уволить Кокса, вместо этого министр с заместителем сами ушли в отставку. Кокса все же прогнали, но заступивший на его пост Л. Яворский занял еще более резкую позицию. Никсон тянул с предъявлением записей, ссылаясь на нежелание открыть государственные тайны. А на страницах «Вашингтон пост» журналисты К. Бернстайн и Б. Вудворд стали печатать статьи, в которых вскрывалась подноготная усилий Никсона заткнуть рот разоблачителям. Источник их сведений — некий сотрудник Белого дома, зашифрованный ими кличкой Глубокая Глотка. Он буквально извергал поток информации из секретных досье Белого дома, ФБР и министерства юстиции. Вставала неприглядная картина: Никсон, оказывается, ввел в дело ФБР, чтобы не допустить вскрытия истинных обстоятельств Уотергейта. Но информатор заклинал своих собеседников: «Будьте осторожны... ибо жизнь всех в опасности» [2]. Сообщения Глубокой Глотки давали возможность комиссии Эрвина требовать документы, которые обильно подтверждали злоупотребления правительства.

Внешне, особенно на страницах «Вашингтон пост», дело выглядело так, как будто некий честный человек, задыхавшийся в грязи никсоновского Белого дома, изливал переполнявшее его негодование прямо газетчикам. Однако многие обстоятельства указывали на то, что охота на Никсона носила организованный характер. Холдеман взял быка за рога, заметив по поводу статей Бернстайна и Вудворда, развернутых уже в 1974 г. в книгу «Вся президентская рать»: «Вудворд, несомненно, защищает ЦРУ в обмен на информацию.

[1] *Ford G.* A Time to Heal, p. 106, 109.
[2] *Bernstein C., Woodward B.* All the President's Men. N. Y., 1975, p. 348.

В самом деле, изучение книги Вудворда и Бернстайна «Вся президентская рать» свидетельствует об удивительном совпадении. О ЦРУ в ней почти не упоминается, хотя Вудворд признает, что он впервые заинтересовался Уотергейтом, услышав заявление Маккорда (одного из взломщиков, задержанных полицией во время налета на помещение национального комитета демократической партии.— *Н. Я.*) о том, что он работал на ЦРУ. Странно» [1]. Маккорд утверждал расследователям, что неудача со взломом, который был проведен умышленно неуклюже в расчете на «завал», была подготовлена ЦРУ с целью компрометации Никсона.

По своим соображениям в комиссии Эрвина аналогичную версию выдвинул заместитель председателя комиссии сенатор Г. Бейкер. К итоговому докладу комиссии было приложено частное мнение Бейкера на этот счет с очень неопределенным выводом: изученные материалы, «по-видимому, поднимают многие вопросы без ответа по поводу роли ЦРУ в делах, не подпадавших под ее законную компетенцию» [2]. Оно и понятно. С. Дэш заметил: «Они (Бейкер с помощниками.— *Н. Я.*) уверовали, что Уотергейт был операцией ЦРУ, на мой взгляд, они возродили первоначальное представление Маккорда, жаловавшегося на эти интриги. Я лично изучил досье ЦРУ и доклады в пользу точки зрения Бейкера и не нашел в них ее подтверждения. Сенатор Эрвин, также изучивший материалы, согласился со мной» [3]. Вывод комиссии Эрвина о непричастности ЦРУ к Уотергейту был широчайшим образом распропагандирован как в упоминавшейся книге Бернстайна и Вудворда, так и в мемуарах главного свидетеля обвинения против Никсона Дж. Дина. На продаже этих двух книг издательство «Саймон энд Шустер» заработало баснословную прибыль — более 30 млн. долл., что, надо думать, предопределило сказочные гонорары авторам [4].

Коль скоро роль ЦРУ в Уотергейте и его последствиях была исключена, обвинения, накопившиеся против Никсона, вращались вокруг нарушения этики ведения государственных дел и личной нечистоплотности. Так, правительство прекратило дело по обвинению монополии ИТТ в нарушении антитрестовского законодательства, получив от нее 400 тыс. долл.

[1] *Haldeman H.* The Ends of Power, p. 186.

[2] The Final Report of the Select Committee on Presidential Campaign Activities persuant to S. Res. 60, February 7, 1973. Washington, 1974, p. 1144.

[3] *Dash S.* Chief Counsel, p. 213—214.

[4] The Sunday Times, January 15, 1978.

для конвента республиканской партии; компании по поставке молока дали на аналогичные цели 2 млн. долл. и получили возможность беспрепятственно поднять цены на свою продукцию; миллиардер Г. Хьюз подарил семье Никсона 100 тыс. долл., а министерство юстиции сняло ограничение на расширение его игорных домов в Лас-Вегасе. На государственные средства перестраивались, улучшались и содержались два домовладения, принадлежавшие Никсону в Сан-Клементе и на Ки-Бискейне. В официальном докладе для палаты представителей, занявшем 180 страниц, подсчитали до цента государственные расходы на частную собственность Никсона, оказалось — около 17 млн. долл. Для сравнения указали: расходы государства на содержание собственного дома Л. Джонсона — 5,6 млн. долл.[1] Выявили и неуплату Никсоном подоходного налога на 467 тыс. долл. На эти обвинения, подтвержденные под присягой, Никсон смог только заявить с телевизионных экранов на всю страну: «Я не мошенник»[2].

Снова и снова от Никсона требовали сказать, знал он или не знал о том, что в кампанию 1972 г. его сотрудники организовали взлом в «Уотергейте». Постепенно он отработал стандартную формулировку ответа: «В 1972 г. был очень занят. То был год, когда мы нанесли визит в Китай, то был год, когда мы посетили Москву... В этот год я, откровенно говоря, не руководил избирательной кампанией. Я не вел ее. Мне не докладывали о том, что следовало бы сообщить, ибо, честно говоря, я был слишком занят государственными делами, чтобы еще вникать в политическую борьбу» (пресс-конференция 17 ноября 1973 г.)[3]. Расследователи, однако, не желали идти за Никсоном в сферу дел внешних, пожалуй, за одним исключением, и то очень своеобразным.

Они взяли и проверили слухи о том, что Никсон «продавал» посты американских послов. На пресс-конференции 25 февраля 1974 г. президент с большой убежденностью заверил: «Посты послов не продавались, и я назначал только тех, кто бесспорно обладал надлежащими качествами». В этот же день Г. Калмбах был осужден судом за то, что взялся подыскать пост посла в одной из стран Европы некому Саймин-

[1] Impounding of Funds. Government expenditures on President Nixon's Private Property at San Clemente and Key Biscayne. Washington, 1974, p. 95, 179.

[2] *Bernstein C., Woodward B.* All President's Men, p. 367.

[3] Presidential Statements on the Watergate break-in and its investigation. Washington, 1974, p. 66.

гтону, представлявшему США на Тринидаде и Тобаго. За что Саймингтон дал 100 тыс. долл. на нужды республиканской партии. Калмбах дал эти показания при условии, что не будет подлежать дальнейшему уголовному преследованию по другим аналогичным делам. Американская Фемида, конечно, этим удовлетворилась, но комиссия Эрвина все же проявила некоторую любознательность.

Выяснилось, что немало послов, назначенных Никсоном, расплачивались за свои посты звонкой монетой. Комиссия подсчитала — от них получено в избирательный фонд партии 1,8 млн. долл., и еще 3 млн. долл. дали шесть человек, ожидавших назначений в момент, когда комиссия Эрвина заинтересовалась этой практикой. С эпическим спокойствием констатировалось, что особой популярностью пользовались посты послов в европейских странах. За них обычно давалось не менее 100 тыс. долл. У. Анненберг заплатил за пост в Лондоне 250 тыс. долл., У. Уотсон — за Париж 300 тыс. долл., на такую же сумму раскошелилась за Люксембург тароватая дама Р. Фаркас. У сенатора К. Пелла вырвалось: «Страны Бенилюкса, по-видимому, самые дорогие для занятия места послов». Комиссия еще добавила, что из 112 послов США за рубежом 34 никогда не имели отношения к дипломатической работе. Никаких выводов в отношении богачей, покупавших посольские посты, разумеется, сделано не было. Комиссии было отказано в получении документов Белого дома с обоснованием назначения послов, а расследование связи между дачей 300 тыс. долл. и получением поста посла предприимчивой Р. Фаркас не состоялось. Прокуратура воспротивилась [1]. Фокус расследования не сходил с Никсона, а он все пытался прикрыться занятостью важными международными делами.

Никсон все же начал расставаться с записями бесед в Белом доме, истребованными судебными решениями, сопроводив это обращением к народу 29 апреля 1974 г.: «Мы живем во времена великого вызова и великих возможностей для Америки... Мы, наконец, выполняем надежду человечества на ограничение ядерных вооружений, этим я буду заниматься через несколько недель в Москве на встрече с советскими лидерами... Каждый день, потраченный на Уотергейт, потерян для работы, которую нужно выполнить вашему президенту и вашему конгрессу для того, чтобы справиться с труднейшими

[1] The Final Report of the Select Committee of Presidental Campaign Activities, p. 492—496.

проблемами, касающимися вашего благополучия, вашей безопасности, что может затронуть самую вашу жизнь» [1]. Опубликование 1254 страниц записей бесед президента, даже отредактированных штатом Белого дома, произвело гнетущее впечатление. Подход к делам, конечно, был совершенно не таким, как в публичных выступлениях. Однако Белый дом предал гласности не все пленки, Яворский потребовал еще 64 пленки. В который раз закрутилась судебная машина.

А Никсон снова и опять делами пытался показать, что для него внешняя политика куда важнее, чем Уотергейт. 10 июня он отправился посетить страны Ближнего Востока, а затем в Москву. Президент возглавлял внушительную делегацию, в которую входил государственный секретарь Киссинджер. Вероятно, он надеялся, что в США не осмелятся замахнуться на Никсонджера. Однако замахнулись, и еще как! На первой же остановке президентского самолета в Зальцбурге (Австрия) начальник штата Белого дома, которым после Холдемана стал Хейг, доложил президенту, что Киссинджер вне себя — «Нью-Йорк таймс» в передовой припомнила о подвигах Киссинджера, распорядившегося в свое время подслушивать телефонные разговоры 17 своих сотрудников. Киссинджер собирается объясниться с прессой. Никсон ответил Хейгу: «Передовица не обвинение, всего-навсего статья и ни черта не значит. Если же Киссинджер устроит пресс-конференцию, он сыграет им на руку, впутав Уотергейт в нашу поездку» [2].

Именно это сделал Киссинджер. Он созвал в Зальцбурге корреспондентов и мелодраматически, со слезами, увеличенными стеклами очков, заявил: «Нельзя вести внешнюю политику США в таких обстоятельствах, когда ставятся под сомнение характер и честность государственного секретаря. Если дела не разъяснятся, я подаю в отставку». Он дал понять, что только Никсон повинен в проведении слежки в Вашингтоне. «Эта вызывающая нелояльность к человеку, даровавшему ему беспрецедентные власть и престиж, не вызвала никаких комментариев в прессе» [3]. В США более 50 сенаторов тут же публично вступились за «честь» Киссинджера, заявив о его полной поддержке. Так и развели Никсона и внешнюю политику...

---

[1] Presidential Statements on the Watergate break-in and its investigation, p. 91.
[2] The Memoirs of Richard Nixon, p. 1009.
[3] *Schlafly Ph., Ward Ch.* Kissinger on the Couch, p. 775.

Никсон ничего не понимал. Как-то в телефонном разговоре с Киссинджером он отозвался о двигавших Уотергейт: «Им ничего не нужно, кроме разрушения. Иногда мне хочется послать все ко всем чертям. Посмотрю, как они будут руководить страной. Трагедия в том, что, если уйду я, рухнет все. Русские будут искать других, китайцы потеряют доверие, а о европейцах уж говорить не приходится. Они просто не понимают, что губят все, черт возьми, не возьму в толк — зачем?» [1]

27 июня 1974 г. комиссия Эрвина вручила сенату итоговый доклад. 1250 страниц очень убористого текста, и все о различных злоупотреблениях Никсона со многими рекомендациями, как в будущем не допустить их повторения при других президентах. Хотя Эрвин с шестью коллегами не кутались в тоги, осудили они главу государства с суровостью римлян времен античного Рима. Поистине позвякивала медь торжественной латыни в заключительных словах Эрвина: «Подтверждение моему выводу о том, что жажда политической власти породила Уотергейт, я нахожу в словах, произнесенных самым красноречивым и ученым среди римлян — Марком Туллием Цицероном: «Большинство людей склонны напрочь забывать о справедливости, стоит страсти к военной мощи или политической славе овладеть ими». Вспомним изречение Энея: «Когда речь идет о короне, нет святости дружбы, нет веры». Никсон, грозно писал Эрвин, «попытался превратить Америку Джорджа Вашингтона в Рим Юлия Цезаря».

Наверное, показалось мало, и Эрвин еще заклеймил Никсона с сообщниками как осквернителей догм христианства: «Они игнорировали предостережения, содержащиеся в Библии, переведенной при короле Якове: «Нет ничего сокровенного, что бы не открылось, и тайного, чего бы не узнали. Не обманывайтесь: бог поругаем не бывает. Что посеет человек, то и пожнет». Сенатор составил эти поучения из Евангелия от Матфея (10, 26), а может быть, воспользовался аналогичным текстом Луки (12, 2), добавив без отточий фразу из Послания к галатам апостола Павла (6, 7). Сославшись на перевод «при короле Якове» (1611 г.), Эрвин открыл свою сущность фундаменталиста: он пользовался переводом, по которому усваивали Слово отцы-пилигримы, а

[1] *Kissinger H.* Years of Upheaval, p. 581.

не принятым ныне в США исправленным изданием 1885 г. Чтобы больше не было Уотергейтов, Эрвин потребовал «честности» от тех, кому вверяются государственные посты [1].

Вслед за комиссией Эрвина, вызвавшей тени великих античного мира, юридический комитет палаты представителей, в задачу которого входили перевод эмоций и негодования в рамки закона и возбуждение дела об импичменте президента, также апеллировал к древним. Председатель П. Родино напутствовал остальных 37 членов комитета на окончательный вердикт: «Во всей тщательной работе нашего комитета я как председатель руководствовался простым принципом — все равны перед законом... Почти 15 столетий тому назад император Юстиниан, к имени которого восходит термин юстиция, установил этот принцип для свободных граждан Рима» [2]. Правда, Юстиниан правил в Византии, но какое значение это имеет для нынешних в Вашингтоне, считающих, что США теперь занимают на планете место, никак не уступающее тому, на котором находился Рим в известном тогда цивилизованном мире.

За считанные недели после возвращения Никсона из Москвы выяснилось, что, несмотря на ученые отсылки к древним, Библии и пр., пришла к завершению банальная, если угодно, чиновно-бюрократическая интрига. Обвинения против Никсона на глазах канализировались в направление, не слишком опасное для строя, существующего в США. На рассмотрении палаты представителей было 14 резолюций об импичменте, первую из них внес еще 31 июля 1973 г. конгрессмен Р. Диннан — осудить президента за бомбардировки Кампучии. Суть ее, объяснял член юридического комитета Дж. Конейрс, подхвативший инициативу Диннана, проста: «Президент единолично развязал широкие боевые действия против суверенной страны и последовательно отрицал это как перед конгрессом, так и перед американским народом». Под жестким руководством Родино вопрос о Кампучии был исключен при подготовке формулы импичмента. Дело-де «секретное». Конгрессмен Дж. Сайберлинг сказал «для протокола», когда подходили к концу слушания в комитете (занявшие 2258 страниц!): «Ну вот, это часть той же тенденции, которую мы и разбирали,— попытки скрывать информацию, секретность можно оправдать только тем, что об-

[1] The Final Report of the Select Committee on Presidential Campaign Activities, p. 1102—1103.

[2] *Woodward B., Bernstein C.* The Final Days, p. 280.

народование фактов поставит в затруднительное положение некоторых лиц»[1].

Выбросили не только все, касавшееся внешней политики, но и гору фактов о финансовых злоупотреблениях Никсона и его сообщников, прежде всего данные о мошеннических проделках монополий. Оно и понятно. Как можно было обвинять Никсона в получении денег от компаний, продававших молоко, например, когда 16 членов юридического комитета сами брали от них взятки, и т. д. 27 июля юридический комитет утвердил 27 голосами против 11 первое обвинение — президент препятствовал осуществлению правосудия; 29 июля 28 против 10 прошло второе обвинение — злоупотребление властью; 30 июля 21 против 17 третье — президент подлежит импичменту за отказ подчиниться требованиям комитета о выдаче материалов. Тут Дж. Конейрс сделал попытку добавить четвертое обвинение, касавшееся бомбардировок Кампучии. Отвергли 26 голосами против 12. 10 конгрессменов из числа оставшихся в меньшинстве приобщили к формуле импичмента свое мнение: «Отказавшись рекомендовать импичмент президента Никсона за обман конгресса и народа в таком деле, как систематические бомбардировки нейтральной страны, мы тем самым в принципе устанавливаем: любые цели, пусть те, которые президент считает законными, оправдывают неконституционные меры»[2].

Итак, президент подлежал импичменту по трем указанным обвинениям. Рассмотрение их заняло бы много времени в палате представителей, ибо они были сформулированы не очень конкретно. События, разыгравшиеся в первых числах августа, избавили США от затяжного конституционного кризиса. Во исполнение единогласного решения Верховного суда 24 июля Никсон 5 августа наконец предал гласности записи трех его бесед в Белом доме 23 июня 1972 г., т. е. спустя неделю после Уотергейта. Хотя эти материалы пресса окрестила «дымившимся пистолетом», они, в сущности, не открыли ничего существенного, разве в который раз подтвердили: из уст Никсона с величайшей легкостью выскакивали гнилые слова и как сквернослов он имел немного рав-

---

[1] Hearings before the Committee on the Judiciary. House of Representatives 93rd Congress, 2nd Session pursuant to H. Res. 803. Washington, 1975, p. 2058.

[2] Impeachment of Richard M. Nixon, President of the United States. Report of the Committee on the Judiciary House of Representatives. Washington, 1974, p. 327—328.

пых себе. В американской историографии Уотергейта укрепилась точка зрения, что 23 июня 1972 г. Никсон и Холдеман договорились использовать ЦРУ против ФБР, чтобы не допустить расследования Уотергейта. Из отдельных фраз в промежутках между бранью следовало, что Никсон был крепко «завязан» на спецслужбах, в первую очередь ЦРУ и ФБР. Хотя в тот день он обозвал А. Даллеса «сукиным сыном» и презрительно отозвался о Р. Хелмсе («мы защищали Хелмса от чертовского количества вещей»), в этих разговорах проскальзывало убеждение собеседников (Никсона и Холдемана), что само ЦРУ уже замешано в Уотергейте. Как заметил Холдеман, «Грей (директор ФБР.— *Н. Я.*) обратился к Хелмсу и сказал, что мы вмазались прямо в центр операции ЦРУ с целью скрыть Уотергейт» [1].

Все это как-то слабо вяжется с упомянутой точкой зрения о том, что Никсон мог-де легко приказать ЦРУ. В любом случае неизбежное многомесячное обсуждение импичмента в палате представителей, а затем в сенате могло пролить неожиданный свет на спецслужбы, что не было в интересах всемогущей «криптократии». Никсона осадили ближайшие соратники, включая сенатора Б. Голдуотера, заклиная, требуя и нажимая, чтобы в интересах государства он не доводил до импичмента, подал в отставку. Никсон метался, запил и в пьяном угаре как-то обратился к Хейгу: «У вас в армии умеют разрешать трудности. Кто-нибудь оставит пистолет». Он вопросительно посмотрел на Хейга. Тот промолчал, а выйдя от президента, строжайше запретил его врачам давать Никсону любые лекарства. Снотворное уже убрали, как приглядывали и за тем, чтобы президент не дотянулся до пресловутого «черного портфеля», от нажатия кнопки в котором развязывается термоядерная война. Вечером 7 августа Киссинджера вызвал Никсон. Президент, будучи сильно навеселе, объявил ему, что уходит в отставку. Тягостный разговор вдвоем со стаканами виски в руках в маленькой комнате в Белом доме прервало рыдание Никсона. Скорчившись в кресле, он плакал навзрыд.

«Никсон жаловался — что он сделал стране и народу? Пусть ему объяснят. Как это случилось? Как пустяковый взлом вызвал все это? Киссинджер попытался было вернуть разговор к хорошим временам и успехам. Никсон впал в истерику. «Генри,— сказал он,— ты не ортодоксальный еврей,

---

[1] *Lasky V.* It didn't start with Watergate, p. 406—411.

а я не ортодоксальный квакер. Но нам нужно помолиться». Никсон упал на колени. Киссинджер увидел, что у него нет выхода, и также опустился на колени. Президент громко молился, прося помощи, покоя, мира и любви. Почему президента и страну терзают из-за таких мелочей? Киссинджер решил, что президент закончил. Но Никсон не поднимался, он в слезах растянулся на полу, ударяя кулаком по ковру и восклицая: «Что я наделал? Что случилось?» С трудом Киссинджер поднял президента, усадил в кресло и кое-как выбрался из комнаты. Вскоре Никсон разыскал его по телефону и попросил никому не говорить о его слабости. Бесполезно, описанная сцена со слов единственного свидетеля Киссинджера, рассказавшего всем, всем, всем, оживила книгу Вудворда и Бернстайна [1].

Последний акт Никсона у власти. Несмотря на мольбы и даже шантаж Холдемана, президент отказался помиловать сообщников по Уотергейту. Он прекрасно понимал — в этом случае после отставки сам пойдет под суд. 8 августа Р. Никсон объявил, что уходит в отставку, отныне президент — Дж. Форд. Утробный вой удовлетворения в средствах массовой информации, довольный рык в конгрессе. Журнал «Ньюсуик» попросил институт Гэллапа провести специальный опрос по поводу отставки президента. Итоги: 22% сочли «его действия в отношении Уотергейта недостаточно серьезными, чтобы оправдать отставку». Еще 33% нашли: «Политические противники Никсона несправедливо раздули его деяния, чтобы вынудить его покинуть пост» [2]. И это после полутора лет беспрецедентной яростной кампании в США против президента Ричарда М. Никсона! Так почему же он оказался неугодным и почему был выгнан с позором?

Подлинные мотивы крутой расправы с президентом, первой в истории США, едва ли станут достоянием нынешнего поколения, а последующим они, наверное, будут безразличны, историки не в счет. Тем не менее их можно уяснить, установив, что перестал делать Вашингтон. Не прошло и недели после ухода Никсона, как в сенатском комитете по иностранным отношениям открылись «слушания» вопроса о разрядке, точнее, обсуждали проблему «отношений США с коммунистическими странами». В первый их день, 15 августа 1974 г., приглашенный высказаться Дж. Кеннан задал тон на

[1] *Woodward B., Bernstein C.* The Final Days, p. 423.
[2] *Sorensen T.* Watchmen in the Night, p. 11.

последующие два месяца обсуждения, указав: «Во-первых, о разрядке и отношениях с Советским Союзом. Я должен заявить, что никогда полностью не понимал употребления слова «разрядка» в связи с этими отношениями... В усилиях недавней администрации способствовать лучшим отношениям с СССР не было решительно ничего нового и, на мой взгляд, не было необходимости в новом слове, чтобы говорить об этом» [1].

Примерно через год, 15 июля 1975 г., в комитете по внешним делам палаты представителей А. Гарримана спросили: «Как вы считаете, разрядка, как мы знаем ее сейчас, работает или может работать?» Гарриман рубанул сплеча: «Мне не нравится это слово. Мы должны забыть об употреблении его» [2]. Президент Дж. Форд со своей стороны запретил использовать слово «разрядка» правительственными ведомствами США. Почему? «Самая серьезная критика разрядки, если она правильна, заключается в том, что она лишила Запад психологического напряжения, необходимого для обеспечения достаточных военных расходов» [3]. Вероятно, в суждении английских историков есть громадная доля правды. Однако разрядка не только термин, но и конкретная политика, связанная в США с именем Г. Киссинджера, который удержал свой пост государственного секретаря при Дж. Форде. Ему был отпущен этот срок, надо думать, чтобы на деле показать Вашингтону некоторые результаты разрядки, помимо очевидных и распубликованных.

Он был весьма активен во время рабочей встречи Л. И. Брежнева и Дж. Форда в районе Владивостока 23—24 ноября 1974 г., на которой был согласован «объем и характер дальнейших совместных шагов в области ограничения стратегических наступательных вооружений». Советско-американские контакты способствовали созыву в 1975 г. Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, во время которого США занимали «в основном» конструктивную позицию [4]. Киссинджер в это время говорил о скором достижении новых соглашений с СССР, новой встрече «в верхах», хотя информированные американские газеты под-

---

[1] Détente. Hearings before the Committee on Foreign Relations, p. 61.

[2] Reassessment of U. S. Foreign Policy. Hearings before the Subcommittee on Future Foreign Policy. Research and Development, p. 6.

[3] *Mooney P., Bown C.* Truman to Carter, p. 252.

[4] См.: Внешняя политика Советского Союза, с. 224—225.

метили: «Публичный оптимизм государственного секретаря не всегда находит отражение в его беседах с американскими официальными лицами»[1]. Следует помнить другое — до ноября 1975 г. Киссинджер оставался и на посту помощника президента по национальной безопасности, т. е. шефа ЦРУ. Когда Форд сместил его, Киссинджер, по его словам, «был крайне недоволен»[2].

К этому времени полностью обанкротилась крупнейшая операция психологической войны начала 70-х годов — попытки американских спецслужб вызвать к жизни в социалистических странах силы, враждебные социализму. Это выразилось в СССР в поисках «лидеров», которые при незримой, но ощутимой поддержке из-за океана должны были возглавить их. Судьба их (на память приходят Солженицын и Сахаров) общеизвестна — советские люди с гневом отвергли их потуги начертать для нас иной путь. Но ради обеспечения фона для подрывной работы отщепенцев именно при Никсоне официальный Вашингтон несколько снизил накал антисоветской, антикоммунистической пропаганды, а американский империализм стал рядиться в тогу христианского приличия и «миролюбия». Иначе и быть не могло, ибо отщепенцам нужно было указывать на некий «идеал». Звериный оскал империализма, понятно, никак не мог служить такого рода «идеалом».

Получилась осечка и с другой частью замысла Никсонджера — планами немедленно использовать Китай.

Никсон открыто говорил в 1968 г.: «Мы должны понять... по крайней мере через шесть-семь лет Китай будет обладать значительным ядерным потенциалом»[3]. Никсон и Киссинджер, как мы видели, уже подсчитывали миллионы убитых в СССР и Китае в термоядерном конфликте, который им представлялся не за горами. Они обманулись.

Могущественные в Соединенных Штатах не простили Никсону, а затем и Киссинджеру («Когда Рональд Рейган обещает, что в случае избрания (в 1976 г.) он выгонит Генри Киссинджера, его шумно приветствуют»[4]) то, что в погоне

---

[1] The Vladivostok Accord: Implication to the U. S. Security, Arms Control, and World Peace. Hearings before the Subcommittee on International Security... Washington, 1975, p. 182.

[2] *Kissinger H.* Years of Upheaval, p. 435.

[3] Nixon on the Issues. N. Y., 1968, p. 13.

[4] Time, March 22, 1976, p. 26.

за гипотетической целью они пошли на определенную нормализацию американо-советских отношений. Больше того, в озарении политики «баланса сил» они-де определенно игнорировали идеологические соображения, в какой-то мере пустили по ветру идейный арсенал США, точнее, капитализма. В этих условиях победа принципов мирного сосуществования была неизбежна. Чтобы предотвратить этот исход, убрали Никсона, максимально скомпрометировав его, разумеется, выставив иные, указанные выше причины.

...На июнь 1982 г. пала десятилетняя годовщина взлома в «Уотергейте». В программе новостей одна из американских телекомпаний передала беседу с Никсоном. «Теперь я не возражаю, чтобы другие оглядывались назад и занимались критикой. Спрашивали, почему это случилось и тому подобное. Если они думают, что этим послужат интересам государства, пусть их... Но я никоим образом не буду принимать участия в этом. Я смотрю в будущее, а они вольны смотреть назад». Едва ли Никсон получит возможность делать это. По данным опроса, помещенным в «Вашингтон пост» рядом с этими бойкими словами, в соотношении 2 против 1 американцы считают: «Бывшему президенту не дозволено принимать какое-либо участие в национальных делах»; семеро против одного указывают: Никсон виновен в Уотергейте; 56% опрошенных считают: в свое время его нужно было предать суду [1].

Никсон в политическом смысле, вероятно, человек конченый. Но изменил ли Уотергейт методы ведения дел на высшем уровне? По тому же опросу, 36% считают — «очень возможен», а 39% — «вероятен» другой скандал типа Уотергейта. Только 20% отрицают это, 5% не высказали никакого мнения. Представитель Белого дома по связям с прессой при Никсоне Р. Зиглер категорически заявил: «Уотергейт не изменил ничего, решительно ничего. Разве стали чуть полегче на поворотах».

Те, кто прослыли правдолюбцами, отнюдь не расцвели. Ушедший в отставку престарелый С. Эрвин написал две книги, которые не может издать. «Сейчас не лучшее время продавать рукописи»,— говорит он. Дж. Сирика судействует на прежнем месте, хотя теперь не очень загружен делами. «Я не думаю,— говорит он,— что вся эта мерзость, мне не следовало бы употреблять это слово — мерзость, скажем

[1] The Washington Post, June 17, 1982.

известность, хоть чуть-чуть изменила меня». А. Баттерфилд, доведший до сведения сенатской комиссии о системе подслушивания у Никсона, еще при Форде потерял свой довольно высокий пост руководителя Федеральной администрации по авиации. Он никак не может найти подходящего места в бизнесе, его, опытного администратора, держат на задворках. «По сей день мне приходится расплачиваться за то, что я говорил правду»,— сожалеет он. Черный американец Ф. Уилс, охранник в «Уотергейте», который обнаружил взлом и поднял тревогу, последние десять лет мыкается по большей части безработным. «Я один из миллионов без работы, обычный черный, пытающийся выжить, как любой другой рядовой черный в США»,— сказал он [1].

Такой итог Уотергейту подводится в США в его десятилетнюю годовщину. Как этого добились сильные в той стране?

---

[1] *Meyer L.* How Watergate still haunts those who lived it.— The Washington Post Magazine, June 13, 1982, p. 12—15.

ВЕРА ПО-АМЕРИКАНСКИ

Приступить к восстановлению «согласия» в США, возрождению американского мессианского духа выпало на долю Дж. Форда. Он верил и доказывал: пришло время «излечения» от Вьетнама и Уотергейта. Л. Джонсон как-то отозвался о Форде как о человеке, слишком долго игравшем в американский футбол без шлема, со всеми вытекающими последствиями. Форд, разумеется, придерживался иного мнения о своих способностях. На пресс-конференции 9 сентября 1974 г. он открылся: «По воскресным дням я сижу перед телевизором, передо мной гора бумаг, и я стараюсь сосредоточиться в промежутках между ударами клюшек на экране».

Вероятно, уже из описанных особенностей характера видно, что подход Дж. Форда к государственным делам носил в высшей степени прагматический характер. Вопрос вопросов: как быть с Никсоном? Администрация Дж. Форда — Н. Рокфеллера (ставшего вице-президентом) нашла выход — 8 сентября президент объявил: «Сим Ричарду Никсону полностью и безоговорочно даруется прощение за все проступки, которые он, Ричард Никсон, совершил, мог совершить или принимал в них участие в период с января 1969 г. по август 1974 г.». Растерянность печати, негодование всех, кто ожидал, что Уотергейт оправдает буквальное значение: поднимутся шлюзы и очистительный поток промоет авгиевы конюшни правительственной структуры США. Ближайший соратник президента Дж. Терхорст, назначенный всего месяц до этого представителем Белого дома по связям с прессой, презрел четверть века работы с Фордом и подал в отставку. Не истек еще 1974 год, как Терхорст выпустил книгу о Форде, дружественную по содержанию, однако кончавшуюся едкими словами: «Прощение Никсона авансом противоречит моему пониманию конституции с ее кредо равенства перед законом богатых и бедных, сильных и слабых. У меня не было выбора, кроме отставки» [1].

Форд спустя несколько лет опишет, как он терзался перед дарованием прощения: «Выступавшие против считали, что это, вероятно, не даст возможности американскому народу узнать всю правду об Уотергейте... Возможно, я и ликвидировал эту возможность» [2]. По опросу общественного мнения прощение Никсона обошлось Форду резким падением популярности — с 71 до 49%. Для иных тяжкий ущерб, который понес Форд, был неизбежной жертвой ради хорошего в их понимании дела. Как написал в то время Р. Рейган,

[1] *TerHorst Y.* Gerald Ford and the future of the Presidency. N. Y., 1974, p. 240.
[2] *Ford G.* A Time to Heal, p. 168.

«ведь в истерии Уотергейта усматриваются нападки на «бизнес» как источник всех зол» [1].

Прощение Никсона подвело черту под Уотергейтом, а осужденные на различных процессах двадцать с небольшим участников и исполнителей преступных приказов отделались легкими сроками. Почти все они были амнистированы, последним вышел на свободу по весне 1979 г. бывший министр юстиции Митчелл, отсидевший 19 месяцев.

В 1975—1976 гг. прошли поверхностные расследования ЦРУ, ФБР комиссиями Н. Рокфеллера, Ф. Черча (сенат), О. Пайка (палата представителей). Скороговоркой осудили, и иногда даже в крепких выражениях, эксцессы политического сыска, поклялись не допускать их в дальнейшем. Журналисты славно потрудились в дозволенной свыше сфере — только наивный мог уверовать, что во время «слушаний» оглашались факты, серьезно подрывающие веру в американскую государственность. Профессор Б. Гросс, далеко не только ученый (в прошлом он входил в круг высшей вашингтонской бюрократии), трезво оценил последствия сознательно суженного фокуса внимания различных шумных «расследований». Он заметил: «Недавние расследования конгресса сосредоточились на ЦРУ и ФБР, очень незначительно были затронуты другие органы федерального правительства и совсем прошли мимо тайных операций полиции и крупных корпораций. Но даже на своем узком участке расследователи не пошли далеко. Члены комитетов, занимавшиеся расследованиями, имели основания опасаться, что стоит им копнуть поглубже, как они сами, находящиеся под негласной слежкой, получат возмездие».

Сотрудники ЦРУ и ФБР, как подобает «лояльным американцам», пылали рвением защитить свою патриотическую работу от докучливых политиков, лгали, как рядовые полицейские, расследователям конгресса, причем нисколько не опасаясь обвинений в лжесвидетельстве. Бывший сотрудник ЦРУ Майлс Копленд писал о взглядах своих коллег на этот счет: «Почти все они заверяли меня бесстыдно и даже с оттенком гордости: «Конечно, мы будем лгать в комитетах конгресса!» Они считают, что только так подобает поступать лояльным американцам». Оглядываясь на прошлое, бывший заместитель директора ФБР Уолтер Салливан был еще откровеннее: «Я не знаю ни одного случая, включая меня, чтобы

[1] *Damm H.* Sincerely, Ronald Reagan. Ottawa, 1976, p. 77.

кто-нибудь в ФБР задавался вопросом, действуем ли мы в рамках закона. Мы, естественно, были прагматистами» [1].

Правда, нескольких работников из ФБР все же привлекли к ответственности. Судебное разбирательство затянулось на несколько лет. К исходу 1980 г. приговорили к умеренному штрафу в 8500 долл. У. Фелта и Э. Миллера, высоких чинов в ФБР в начале 70-х годов. 15 апреля 1981 г. президент Р. Рейган простил обоих, указав: они «действовали из высших побуждений». Прокурор, проведший многотрудный процесс над ними, печально откомментировал: «Будет в высшей степени прискорбно, если этим устанавливается прецедент — правительство может нарушать конституцию, а затем прощать себя» [2].

К этому свелась ответственность тех, кто многие годы попирал даже тамошнюю законность...

Иначе и быть не могло, и дело не в том, что гора родила мышь. Начатое при Форде имело в виду не только реабилитировать запятнавшие себя США, ставки были куда выше — реидеологизировать всю политику Вашингтона, в первую очередь, разумеется, внешнюю. Наглядно показать: руль государственного корабля отныне-де в честнейших руках. Недаром был сделан такой акцент на личной порядочности Форда, будто бы приверженного к охране правопорядка в высшем значении слова. А в 1976 г. праздновался 200-летний юбилей США, что дало возможность до конца опустошить американские идеологические арсеналы, пустив в ход все образцы идейного оружия. Пусть разнокалиберного, но бившего в одну цель — представить США оплотом «прогресса», страной, которая-де уже в наше время являет собой высокоморальное будущее человечества. Даже Г. Киссинджер, ощутив веление времени, попытался было заговорить на близких подступах к юбилею чуждым ему языком.

Недавно, совсем недавно он бросал направо и налево сентенции бисмарковского толка, отрицая саму мораль в политике. («Бывают времена, когда национальная безопасность превыше законов»,— ответ группе сенаторов в сентябре 1974 г.) [3]. Он отнесся к уотергейтскому скандалу как многомудрый политик, считающий неуместным вторжение диле-

[1] *Gross B.* Friendly Fascism. The New Face of Power in America. N. Y., 1980, p. 306.
[2] US News and World Report, April 27, 1981, p. 11.
[3] *Gelb L.* The Kissinger Legacy.— The New York Times Magazine, October 31, 1976, p. 13.

тантов, озабоченных порядочностью, в сферу государственных дел. «Я встретил мрачного Генри Киссинджера,— писал журналист в «Ньюсуике»,— вынужденного наблюдать, как рассыпается памятник ему под дождем из серной кислоты Уотергейта. «Американский народ все еще не понял, насколько серьезно ранена страна,— сказал он,— это Дюнкерк» [1]. Но сам-то не понял, куда целили «моралисты»! А когда на самом исходе президентства Форда заговорил о морали, то «теоретик» оказался в высшей степени неуклюжим. «С самого начала американцы считали,— выдавил он наконец из себя,— что США имеют моральный вес, превосходящий их военную или экономическую мощь» [2]. И все в том же ключе, упустив, однако, что оправдал давнее «подозрение» его недругов в США. «У Генри,— говорят некоторые, хорошо знающие его,— нет бога» [3].

Нет, не дотянул, определенно не дотянул Киссинджер до критериев «страны бога и моей», принявшей его. В угаре прагматической политики упустил, что полагается там истово верить в бога, ссылаться на него при каждом случае, искренне или нет — оставим вопрос открытым. По-другому, конечно, рассудили бы о нем, если бы киссинджеровские посулы Вашингтону оправдались. А коль скоро нет, тогда и открыли: государственный секретарь — безбожник, а откуда тогда черпать силу богобоязненным США в их внешней политике? И обнаружили — понятно, крайне своевременно, как раз в то время, когда сильные в США выписали рецепт для исцеления от всех бед,— державу их ведет не кто иной, как господь, а они сами — дисциплинированные воины Христа. То, что вожди означенного похода — сверхбогачи, правящие в США, в личной и деловой жизни никак не следуют христианской этике даже в грубом приближении, по их удобной логике, к делу никакого отношения не имеет.

Конечно, значение религии в американском мировоззрении никогда не упускалось в США. Хотя бы в президентство Р. Никсона. Он настаивал, что «применение основных принципов нашей великой религиозной традиции может в значительной степени помочь разрешению ряда наших трудностей» [4]. Он, как и многие другие президенты, клянущиеся

---

[1] Newsweek, August 5, 1973, p. 24.

[2] *Kissinger H.* America and the World: Principle and Pragmatism.— Time, December 27, 1976, p. 41.

[3] *Schlafly Ph., Ward Ch.* Kissinger on the Coach, p. 785.

[4] Nixon on the Issues, p. 96.

в верности конституции, предавал забвению известное положение об отделении церкви от государства. М. О'Хэр, одна из лидеров атеистического движения в США, как раз во время их 200-летнего юбилея сочла своевременным напомнить: «Наверное, все в мире знают: Ричард Никсон проводил крупные религиозные церемонии в Белом доме... Влияние этих незаконных и неконституционных церемоний, устраиваемых им, увеличивало вес религии в жизни страны»[1]. В период Уотергейта один из чинов юридического комитета палаты представителей заметил: «Президент проводил эти завтраки в Белом доме с молитвами. Я мог бы потребовать его импичмента за нарушение принципа отделения церкви от государства»[2]. Сказано, конечно, далеко не серьезно.

В избирательной кампании 1976 г., совпавшей с празднованием 200-летнего юбилея США, выплеснулась во всю ширь традиционная американская идеология. Организаторы надлежащего словесного паводка, конечно, не искали неведомых путей, а направили его в каналы, давным-давно указанные, скажем, к тому времени покойным главой ФБР Э. Гувером. Он подытожил в своем основном труде, увидевшем свет еще в 1958 г. (сразу после спутника!): «Для нашего возрождения мы, американцы, можем извлечь очень много из борьбы против коммунизма... Коммунисты подчеркивают важность изучения идеологии... А если каждый американец потратит немного времени каждый день, меньше времени, чем требуют коммунисты на свою идеологию, на изучение Библии, основных документов американской истории, правительства и культуры? В результате возникнет новая Америка, бдительная, сильная и всегда на службе бога... Философия только отрицающая или сиюминутная философия, что часто бывает сегодня, никогда не совладают с коммунистическим вызовом»[3].

В предвидении этих выборов в правившей республиканской партии громко заявил о себе Р. Рейган. Он очень энергично высказывался по всем текущим проблемам, неизменно следуя описанной концепции «американизма». Вот философия Р. Рейгана, изложенная в одной из книжек, предложенных в том году американцам. Как водится, пример из античных времен: «Циники в Древнем Риме ставили под

[1] The American Issues Forum. A National Bicentennial Discussion. Washington, 1976, p. 512.
[2] *Showcross W.* Sideshow, p. 332.
[3] *Hoover E.* Masters of Deceit. N. Y., 1959, p. 311—313.

сомнение все римские добродетели, высмеивали все критерии как предрассудки среднего класса и повели своих учеников вниз по дороге полного отрицания и неверия. Они преуспели, о чем свидетельствует упадок и падение Римской империи». А как обстоят дела у духовных наследников того Рима, в США? «Ныне страна изголодалась по духовным ценностям. Наш народ жаждет уверовать в свою страну и самих себя. Пусть это будет нашим делом». Прежде и превыше всего — вера, благотворное влияние которой Рейган иллюстрировал на личном примере: «Я и дня не мог бы исполнять свои обязанности, если бы не обладал глубокой верой в бога и не чувствовал, что могу каждодневно обращаться к нему за помощью... Бог иногда, вероятно, устает, слыша, как я прошу его помощи, дабы быть сильным, мужественным и мудрым. И дня не могу прожить без его помощи».

А как верить? Рейган недвусмысленно указал: «Мне всегда представлялось, что Христос собственными словами дал нам основание принимать буквально чудо его рождения и воскрешения. Он сказал: «Я сын бога». Он наговорил так много, что перед нами выбор прост: либо верить ему, либо предположить — он был величайшим лжецом. Если мы поверим последнему, тогда мы должны спросить: как шарлатан мог бы оказывать известное нам влияние на весь мир на протяжении двух тысяч лет?»[1] Чистейшей воды фундаменталист!

Укрепив указанные высоты теории, он спустился атаковать американскую повседневность, наступая весьма методически. В наше время он реформулировал в доступных терминах давно и хорошо известное кредо республиканской партии. Как заметил некий злоязычный критик Рейгана, «ядро рейгановской социальной теологии — оставить все в покое, ибо бог так создал мир, что он станет рогом изобилия для всех нас, если только не позволять бюрократам мочиться в садах Эдема. Итак, Дарвина снова вытащили из биологии и поместили в социологию. Оставить все в покое, пусть люди будут предоставлены самим себе, лучшие станут героями-производителями, а остальные тихо угаснут в приютах национальной сети ясель, акции которой покупаются и продаются на нью-йоркской бирже»[2].

---

[1] *Damm H.* Sincerely, Ronald Reagan, p. 88, 77, 83, 43.
[2] *Hoffman N.* Know Thy President.— The New York Review of Books, June 25, 1981, p. 27.

Первым, кто ощутил силу рейгановского натиска, был Дж. Форд, вознамерившийся сохранить за собой президентское кресло. Методы Рейгана ему очень не понравились. В самом деле, обижался Форд: «Мое скромное положение среди республиканцев значительно в меньшей степени объяснялось личной антипатией ко мне, чем чувствами, вызванными в их сердцах Рейганом. Он разъезжал по городам и весям, преподнося вариации на тему его Универсального Слова. Он разглагольствовал о неком человеке в штате Нью-Джерси, который перестал получать пособие ветерана, ибо администрация по делам ветеранов известила его, что он умер, о «королеве социального обеспечения» в Чикаго, обстригавшей налогоплательщиков на 150 тыс. долл. в год, о строительстве на государственную субсидию дома в Нью-Йорке со швейцаром в гаражах. Корреспонденты проверяли его утверждения и находили их преувеличенными, но Рейган продолжал рассказывать все те же басни и добавлял новые смехотворные обвинения» [1].

Опережая события и почитая себя уже кандидатом в президенты, Рейган апеллировал и к тем, кто поддерживал демократическую партию. Он определенно стремился сломать партийные грани, оформив к выборам широкую коалицию. Ссылаясь на избирательную статистику, он утверждал: «Традиционно американская политическая система носила двухпартийный характер. В последнее время она сдвинулась в сторону непартийной системы, ибо регистрация в пользу обеих главных партий падает, все больше и больше людей рассматривают себя «независимыми»... Объективный урок для республиканцев — перестать взвизгивать «мы также» после каждого заявления демократов и даже прекратить проповедовать республиканизм, а сосредоточиться на том, чтобы излагать свои убеждения доступно и ясно». Основной лозунг, надо думать подсказанный богом, который, как он верил, мил сердцам его соотечественников независимо от партийной принадлежности: «Свобода и собственность всегда были неразрывны в умах американцев. Верховный суд США в 1972 г. подтвердил: «Между личной свободой и частной собственностью существует коренная взаимозависимость. Каждая из них бессмысленна без другой» [2]. Верховный суд, стоит ли добавлять, также богопослушен до крайности.

[1] *Ford G.* A Time to Heal, p. 334—335.

[2] *Reagan R., Hobbs Ch.* Ronald Reagan's Call to Action, p. 135, 131.

К конвенту республиканской партии Рейган преподнес такой сюрприз, что у Форда буквально опустились руки. Его администрация, по всей вероятности, все еще полагала, что ресурсы политики «баланса сил» в классической интерпретации (каковая требует держать язык за зубами по поводу целей державы-балансира) не исчерпаны, а Рейгану в этом мерещилась угроза балансирования на грани мира. Как и каждый американский руководитель со времен основания республики, Рейган, адепт политики «баланса сил», однако, изложил ее в такой форме, которая едва ли в глазах Форда и Киссинджера сулила успех. «Любой американский президент не может больше проводить сдерживание коммунизма по его периметру. Американское общественное мнение больше не потерпит войны вьетнамского типа, ибо оно из-за либеральной прессы не видит угрозы коммунизма и не может усмотреть в этих войнах защиту свободы и нашей страны. А Россия все еще враг номер один»[1]. С этим врагом, растолковывает Рейган, нужно бороться не только самим Соединенным Штатам, но и пытаться использовать против СССР другие державы, которые-де безропотно будут действовать по американской указке.

Ко всему этому Рейган добавил открытый антисоветизм, что смазывало контуры «баланса сил» и вело к конфронтации США и СССР. И вот что получилось, по словам Форда: «Рейган предложил добавить положение «мораль во внешней политике» к избирательной платформе. Помимо прочего там восхвалялся Солженицын за «мужество и приверженность к морали», хельсинкские соглашения квалифицировались как «отнимающие у тех, кто не имеет свободы, надежду когда-либо обрести ее», наконец, республиканцы обязывались вести внешнюю политику, в которой «не будет места тайным соглашениям, скрытым от народа». Против этого я пришел в ярость. По сути дела, очень ловко осуждалась внешняя политика правительства. Киссинджер хотел, чтобы я обрушился на рейгановцев. Они собираются публично унизить нас, говорил он, и мы не должны позволить им это... Но если бы мы приняли их вызов, то попали бы в ловушку — потерпели бы поражение при голосовании на конвенте, а следовательно, и при выдвижении» Форда кандидатом в президенты[2].

Он избежал «ловушки» — добавления рейгановцев про-

[1] *Damm H.* Sincerely, Ronald Reagan, p. 75.
[2] *Ford G.* A Time to Heal, p. 385.

шли,— но собрал едва достаточно голосов, чтобы стать кандидатом на президентских выборах. Вице-президент Н. Рокфеллер взглянул трезво на шансы Форда и не стал выступать с ним. Форд взял в напарники сенатора Р. Дола и — в бой! И тут же наверняка пришел в сильнейшее раздражение: едва успел, и с великими трудами, отделаться от фундаменталиста в родной партии — и на тебе, пришлось скрестить копья с истовым евангелистом — Дж. Картером. Так неужели соперники взметнулись в стратосферу теологии и схватились там? Вовсе нет, теология носила очень прикладной характер и была заземлена на текущих проблемах.

Л. Уиллер, внучка известного в 30-е годы сенатора Б. Уиллера, не отмеченная, как и дед, светлыми взглядами, к тем выборам подарила Америке книгу о Картере, в которой с большой похвалой отозвалась о нем и походя решила религиозно-схоластические вопросы. Она объяснила: «Конкретное содержание религиозных воззрений Картера свидетельствует о том, что он не фундаменталист. Его деятельность в социальной сфере отличает его от фундаменталистов и их доктрины «дарованного свыше вознаграждения». Доктрина эта проста — бесполезно пытаться улучшить что-либо в мире, ибо близко пришествие Христа. Равным образом Картер не разделяет полнейшей уверенности фундаменталистов в своей непогрешимости. (Действительно, сравним с сентенцией Рейгана: «Я ужасаюсь, когда думаю — в семинарии дают выпуск за выпуском служителей культа, которые, вероятно, являются в большей степени работниками в области социального обеспечения, чем священниками, и вижу целое направление в церкви, учащее молодежь подходить к Библии с собственными убеждениями, что принимать и что не принимать»[1].— *Н. Я.*).

...В целом, по мнению историка Р. Хофштадтера, евангелизм — антиинтеллектуальное течение в американской жизни. Ныне находятся люди, удивляющиеся, как вообще интеллигентный человек может говорить о Христе. Как заметил журналист Х. Томпсон, «Я всегда чувствую себя неловко в присутствии разглагольствующих о своих чувствах к Христу или к любому другому божеству, ибо обычно они далеко не умны... Может быть, слово «глупцы» подойдет еще лучше». И тот же Томпсон отзывается о Картере как об одном из умнейших политиков, другие тоже согласны с этим мнением.

[1] *Damm H.* Sincerely, Ronald Reagan, p. 83.

Картер умудрился сочетать острый ум инженера-специалиста по ядерным устройствам с глубокими религиозными убеждениями» [1].

Первого — наследия службы Картера в подводном флоте США в 1948—1953 гг. на выборах в 1976 г., естественно, не усмотрели, а о его религиозных убеждениях наслышались куда как много. Высветилось — губернатор штата Джорджия (с 1970 г.) баптист Картер устроил рядом со служебным кабинетом молельню, раз в три-четыре недели читает проповеди в церкви, еще «известно, что он ежедневно молится, читает Библию каждый день перед отходом ко сну» [2], на военной службе провел рождественское богослужение в торпедном отсеке подводной лодки и т. д. Как-то в ту кампанию он произнес стандартную речь, на этот раз в синагоге. Есть вопросы? «Губернатор, — отозвалась женщина,— мы все читали, и скажу с величайшим замешательством о... э-э... нескромности в Белом доме, когда, знаете, Джек Кеннеди, э, жил там. Когда он был президентом. Понимаете, о чем я говорю?» Картер кивнул. «Так как вы относитесь, э, ко всему этому?» Картер улыбнулся. «Библия учит,— сказал он,— что прелюбодеяние — грех. Я верю в Библию» [3].

«Плейбой», как и следовало ожидать, с восторгом приветствовал вступление Картера в сферу профессиональных интересов журнала и добился у него интервью. Тираж достойного органа более 5 млн., почему не появиться на его страницах, рассудили Картер с советниками? Лукавейшие сотрудники журнала в беседе с ним удостоверились, что Картер молится не 20, а даже 25 раз на день, и задали вопрос: «Не может случиться так, что ваше представление о том, что «греховно» и что «аморально», создающее у вас чувство, что вы слышите глас бога, может побудить вас нажать не ту кнопку?» Ответ: «Гарри Трумэн был баптистом. Некоторые превратно представляют веру баптистов. Хотите узнать ее — читайте Новый завет... Что касается упомянутых вами действий, то я не могу изменить учение Христа. Я не могу менять учение Христа! Я вместе со многими в нашей стране верю в него. Евреи верят в Библию. У них те же заветы».

Ушел, увернулся от взрывоопасного вопроса, но тертые журналисты зашли с другой стороны и добились своего — все же прояснилась связь высокой морали с личными каче-

[1] *Wheeler L.* Jimmy Who? N. Y., 1976, p. 140—141.
[2] *McMorrow F.* Jimmy. The Candidacy of Carter. N. Y., 1976, p. 44.
[3] *Wooten J.* Dasher. N. Y., 1979, p. 351.

ствами Картера. Под градом ловко поставленных вопросов Картер открылся: «Я стараюсь не грешить сознательно. Тем не менее я знаю, что все равно согрешу, ибо я человек и поддаюсь искушениям. Бог установил для нас некоторые, почти невозможные критерии. Христос говорит: «Говорю вам: каждый, кто смотрит на женщину с вожделением в своем сердце, уже совершил прелюбодеяние». Я смотрел с вожделением на многих женщин. Я совершил прелюбодеяние в моем сердце много-много раз. Бог об этом знает и прощает мне. Я не осуждаю любого, кто не только смотрит на женщин с вожделением, но и, будучи в браке, прелюбодействует» [1].

А Форд восхитился и обрадовался. Процитировав это интервью, он назвал его «прекрасной новостью». И подробно растолковал почему: «На протяжении всей кампании Картер говорил о религии, на мой взгляд, неуместно. Я всегда ощущаю близость к богу, обращаюсь к нему за помощью и поддержкой, но не считаю целесообразным рекламировать мои религиозные убеждения. Картер, я был уверен, совершил серьезную ошибку. Это интервью наносит ему ущерб на всем Юге» [2]. Он ошибся, религиозные восторги Картера было кому оценить — по различным подсчетам, 35—50 млн. населения США разделяют взгляды евангелистов. Возможно, интервью с «Плейбоем» имело свои издержки, но кто может подсчитать плюсы — по крайней мере Картер проявил терпимость.

Форду приходилось платить по счетам всей «администрации Никсона — Форда», как умышленно именовал своих противников Картер (конечно, он не упоминал особо Уотергейт...), да еще за Киссинджера и за Рейгана. Евангелист Картер оказался на диво практичным. Он обещал и обещал. Для внешних дел: «Политика баланса сил, возможно, работала в 1815 г. или даже в 1945 г., но она имеет куда меньшее значение в наши дни». Он торжественно обещал: «Мы можем сократить нынешние расходы на оборону на 5—7 млрд. долл. в год». Иначе и быть не может, ибо «я одобряю концепцию разрядки». Еще он объяснил: «Нашей страной правит в качестве президента г-н Киссинджер, а Форд продемонстрировал неспособность к руководству» [3].

Оба кандидата знали — это пустая риторика. Форд поста-

[1] Jimmy Carter: A Candid conversation with the democratic candidate for the presidency.— Playboy, October 1976, p. 66, 69—70, 86.

[2] *Ford G.* A Time to Heal, p. 403.

[3] Jimmy Carter in his own words. N. Y., 1976, p. 119, 123, 125.

рался доказать свой государственный подход и в результате прямого подстрекательства соперника сделал, мягко говоря, поразительное заявление по поводу целей политики США в отношении социалистических стран Восточной Европы: «США никогда не признавали и не признают господства над ними Советского Союза. Я восхищаюсь мужеством польского народа и всегда поддерживал надежды американцев польского происхождения на свободу их древней страны. Наша политика заключается в том, чтобы любыми мирными путями помочь странам Восточной Европы в их усилиях меньше зависеть от СССР и устанавливать все более тесные отношения с Западом и, конечно, с Соединенными Штатами»[1].

Так и проходила эта кампания, оживлявшаяся политическими остротами. Республиканцы, например, повторяли о Картере: «В глубине своего сердца он познал твою жену». Разрыв в результате был небольшой: победитель Картер получил 40,2 млн. голосов, проигравший Форд собрал 38,5 млн. голосов. Едва ли успех Картера можно было назвать прочной победой, евангелизм не был адекватен тому, что сплачивало его партию со времен Рузвельта. Сенатор Г. Харт был близок к истине, когда сказал: «У Картера нет идеологии, поэтому нет идеологически связанного блока. Он сражался с демократической партией и победил ее. Но он не создал картеровской коалиции»[2]. И это тогда, когда выход Рейгана на национальную арену был симптомом резкой реидеологизации политической жизни в США!

Картер у власти

Конечно, новый президент был не только богопослушен, но и прост, всячески подчеркивая, что он из народа — всего-навсего фермер, возделывающий земляные орехи. Дошел до всего своим умом и собственным трудом. Как фольклорный выходец из народа приобрел широкие познания? Например, в музыке: «Я знаю каждую ноту во всех концертах Рахманинова и всех операх Вагнера. Я даже могу сравнивать технику игры на пианино»[3]. О роли народных масс в истории

[1] *Ford G.* A Time to Heal, p. 410.
[2] The Guardian, June 24, 1977.
[3] *Kucharsky D.* The Mind and Spirit of Jimmy Carter. N. Y., 1976, p. 18.

он помимо прочего узнал из романа Л. Н. Толстого «Война и мир», оповестив многолюдный митинг:

«В этой книге, написанной Толстым, я думаю, 1415 страниц, на которых рассказывается о походе Наполеона на Россию в эпоху 1812—1815 гг. Наполеон никогда не терпел раньше поражений и думал, что может победить, но он недооценил суровость русской зимы и любовь русских крестьян к своей родине. Чтобы не быть многословным, скажу: следующей весной он потерпел поражение и отступил. Это изменило ход истории и, вероятно, затронуло и наши жизни.

Так вот, основная цель книги, на что Толстой указал в эпилоге,— он написал эту книгу не о Наполеоне, русском царе или даже о генералах. Он писал о студентах и домохозяйках, о парикмахерах и фермерах, о солдатах. Главная мысль книги: ход человеческих событий и даже величайших исторических событий определяется не руководителями наций или даже государств, как президенты, губернаторы или сенаторы. Над ними господствует коллективная мудрость, мужество, преданность, проницательность, бескорыстие, сострадание, любовь и идеализм простых людей. Если это правильно в отношении России, где был царь, и Франции, имевшей императора, насколько это вернее в отношении нашей страны, конституция которой возлагает на нас прямую ответственность за определение того, каким является и должно быть наше собственное правление» [1].

Только над какой страной стал президентствовать горячий поборник эгалитаризма, если судить хотя бы по приведенным словам, Дж. Картер?

Давно канула в прошлое «война с бедностью» Л. Джонсона, и с тех пор положение стабилизировалось. Ниже уровня бедности в 1964 г. жило 14,7% населения, в 1969 г.— 12,1%, в 1977 г.— 11,6%. В абсолютных цифрах число бедняков с 1969 по 1977 г. несколько выросло — с 24,1 млн. до 24,7 млн. человек. Что касается распределения доходов, то на долю низшей половины всех семей в 1977 г. приходилось 26,1%, а доля верхней трети в высшей половине — 41,3% всех доходов.

Еще показательнее стоимость личного имущества и активов самого высшего слоя, составлявшего 1% населения США. В конце эры Рузвельта этот один процент владел 23,3% всего личного имущества и активов. В 1972 г.— 25,9%. Но даже в нем резкая дифференциация: полпроцента семей в США вла-

[1] Jimmy Carter in his own words, p. 19.

дели в 1972 г. 20,4% всего личного имущества и активов страны (в 1958 г. 21,7%). Так выглядит дело по последним опубликованным данным[1]. О каком перераспределении доходов может идти речь? Богачи остаются богатыми, цепко держащими собственность и проистекающую отсюда власть. Правда, президент может обругать кое-кого из них. Картер как-то бросил: «Рад, что я независим от (Эдварда) Кеннеди... Мне не нужно целовать его зад»[2].

Взобравшись на вершину этой социальной структуры, баптист Картер краеугольным камнем декларированной им внешней политики положил моралистический подход, развязав пресловутую кампанию в защиту «прав человека» во всем мире. Если для всего человечества без изъятия, то как трактовать положение в этой области в самих США? Как опровергнуть хотя бы описанную статистику, отражающую имущественное или иное неравенство в цитадели капитализма с сопутствующей массовой безработицей, произволом судебных и карательных органов? Крючкотворы в Вашингтоне в этом отношении взвалили на себя непосильную ношу. В одном из официальных документов палаты представителей, специально посвященном «правам человека», они легкомысленно взялись мостить пропасть между кучкой богачей и сверхбогачей и трудовой Америкой, прибегнув к нехитрой статистической софистике: «Данные о доходах на 1970 год, считая по группам в 20% всего населения (от «богатейших» до «беднейших»),— богатейшие 38,8%, 24,1, 17,4, 13% и беднейшие 6,7%». Выравняли, значит, оставив за скобками размеры имущества и растворив высшие полпроцента в верхней группе, куда отнесли 20% от всего населения. Упустили и то, что в США равные возможности становятся все более неравными.

Показалось мало, и добавили: «Пытки или политические убийства государством или его органами неизвестны в США... Нет никаких данных о пытках, жестоких, бесчеловечных или унизительных наказаниях, налагаемых государством». Поразительно! Какие нужны еще «данные» к повседневной практике американских карательных органов — начиная от систематических избиений задержанных полицией до бесчеловечной процедуры смертной казни в США обычно на электрическом стуле или в газовой камере. Для «доказательства», что в американском тюремном мире тишь да блажь, привлекли

---

[1] Statistical Abstract of the United States, 1979, p. 462, 460, 470.
[2] Jimmy Carter in his own words, p. 57.

мнение пресловутой организации «Международная амнистия», детища западных спецслужб, в первую очередь ЦРУ. Оказывается, заключили знатоки из «Международной амнистии», «есть подозрение, что немало людей, быть может, «оформлены» по обвинению в уголовных преступлениях, хотя подлинная причина — их политическая деятельность... но число дел (рассмотренных «Международной амнистией») не оправдывает времени и усилий, затраченных на это»[1]. Примерно такими квазиправдивыми методами «очистили» лик великой «демократии», и с нескрываемым азартом Вашингтон взялся за проведение кампании в защиту «прав человека» за пределами США.

Официально вверили ее ведение государственному департаменту, хотя разработка и выполнение провокационной затеи по понятным причинам прямо входили в компетенцию подрывных ведомств — ЦРУ и К°. Как подчеркнул заместитель государственного секретаря X. Картер (однофамилец, но не родственник президента!) в феврале 1981 г., «самому богу известно — идея «прав человека» как неотъемлемой части внешней политики имела очень мало сторонников на ответственных постах в Вашингтоне как при провозглашении этой политики, так и теперь. Для киссинджеровцев то было вторжение простаков в высокие планы реальной политики. Для кадровых дипломатов она оказалась препятствием для нормального ведения внешних дел... Что касается забот о правах человека вообще, то в госдепартаменте считают — пытки не предмет для публичного или частного обсуждения джентльменами. Они свято верили — от большинства новых инициатив скоро откажутся»[2]. Брезгливость американских кадровых дипломатов понятна, Картер попытался поломать разграничение методов внешней политики, установленное еще при Трумэне, введя госдепартамент прямо в пекло психологической войны.

Коль скоро кампания за «права человека» означала бесцеремонное вмешательство во внутренние дела других стран, иностранные, не американские наблюдатели попытались диагностировать неслыханное рвение объявившихся за океаном правозащитников. Английские историки нашли: «Истинная цель этой политики была не столько в том, чтобы распростра-

[1] Human Rights Conditions in Selected Countries and the U. S. Response. Washington, 1978, p. 298, 294—295.

[2] *Carter H.* Life inside the Carter State Department.— Playboy, February 1981, p. 98, 262.

нять американские ценности за рубежом... сколько их подтверждение внутри страны... Задача не вызывает сомнений — возродить мощь Америки как внутри, так и вне страны, восстановив доверие к ее институтам, ее делу, ее ценностям и, конечно, преодолеть последствия Вьетнама и Уотергейта, напомнив американцам — они обладатели «явного предначертания», которого лишены другие народы»[1]. Эта кампания действительно была одним из средств для восстановления «консенсуса» внутри страны. Но все же то была подсобная цель, главное — администрация Дж. Картера, ударив в барабаны защиты «прав человека», попыталась опробовать новейшие образцы вооружения психологической войны. Специально сконструированные и изготовленные для использования против СССР и других социалистических стран.

Дело ведь отнюдь не ограничивалось пропагандистским треском из Вашингтона, а неотъемлемой частью кампании стало налаживание открытых и конспиративных связей с теми в социалистических странах, кто синхронно с администрацией Картера заговорил о мнимом попрании «прав человека» Советским Союзом и нашими союзниками. Голоса этих одиночек усилили мощные радиопередатчики подрывных радиостанций, которые заговорили даже о «группах» этих самых «правозащитников», будто бы объявившихся в социалистических странах. Во всем этом легко различался почерк ЦРУ и других западных спецслужб. Так пошло выполнение стратегии психологической войны — попытаться из ничего (хотя с затратой немалых сумм) заложить основание для возникновения параллельных структур или, если угодно, неких организаций, альтернативных существующей власти. «Дело» для каждой такой структуры внешне могло выглядеть безобидно — помимо правозащитной деятельности, скажем, религиозные группы, «свободные профсоюзы», объединения любителей музыки, все что угодно, с единственным обязательным условием — претендовать на независимость внутри своих стран.

Малоосведомленным торопились внушить — то и есть некая «демократия» в действии, принятая-де на Западе, в первую очередь в США. При этом, разумеется, умалчивалось, что в самих США слабые поползновения создать параллельные структуры неизменно, быстро и эффективно пресекаются. Причем структуры, не имеющие решительно никакого отно-

[1] *Mooney P., Bown C.* Truman to Carter, p. 263.

шения к политике, например раздавленные на рубеже 60-х и 70-х гг. в США фестивали поп-музыки. Тогда десятки и сотни тысяч молодых людей, частично носившихся с «контркультурой», на собственном опыте убедились, что влечет за собой попытка собрать самозваные сборища. Стоило им наметить тот или иной городок или окрестности его, где можно попеть, почитать стихи, блеснуть экстравагантной модой, как немедленно следовало запрещение местного суда. Скажем, по «санитарным» соображениям...

Картеровский замысел о защите «прав человека», естественно, приветствовали отщепенцы в социалистических странах. Выступая в 1978 г. в подкомитете палаты представителей, Я. Новак (возглавлявший долгое время вещание на Польшу радиостанции ЦРУ «Свободная Европа») подхалимски распинался: «США — моя приемная страна задолго до того, как я стал американским гражданином, я уяснил из тесного общения с американцами, что внешняя политика, основывающаяся на целесообразности и руководствующаяся только силовой игрой в старом стиле Меттерниха (Киссинджера поругивать стало модой.— *Н. Я.*), целиком и полностью чужда американским традициям и идеалам, из которых родилась американская демократия и государственность. Выведя защиту прав человека из тени, президент Картер помог восстановить представление о США как о великой державе, безоговорочно поддерживающей свободу и демократию. Когда недавно американский журналист спросил польскую диссидентку в Варшаве, что означает политика прав человека для нее и ее страны, она ответила: это вернуло моральные ценности политике и позиции США. Нельзя защиту прав человека считать только делом правительства. Ее полное воплощение в жизнь требует активного участия и параллельных усилий всего американского народа» [1]. Далеко и широко замахнулся служилый из ЦРУ! Провокационная кампания в защиту «прав человека», несомненно, одно из заметных слагаемых в сумме причин, приведших к прискорбным событиям в Польше.

Но, как известно, психологическая война без маячащей за ней военной мощи — ничто. Отбросив предвыборные обещания о сокращении военных расходов, Картер форсировал гонку вооружений. Хотя сенатор Г. Джексон, перефразируя

[1] Institute for Human Rights and Freedom. Hearings and Markup before the Subcommittee on International Operations... Washington, 1978, p. 46.

религиозные речи Картера о том, что он вторично «родился», радостно возгласил: «Президент — вновь родившийся ястреб», администрация Картера в гонке вооружений учла потребности психологической войны. Именно в 1977—1981 гг. миф о «советской военной угрозе» получил второе рождение. Ссылаясь на нее, Вашингтон занялся безумными военными приготовлениями. Бесконечные рассуждения о реальности этой угрозы основывались на «безупречном» источнике — открытии ЦРУ во второй половине 70-х годов: СССР-де тратит на оборону в два раза больше, чем считали раньше американские эксперты.

То, что статистические басни ЦРУ не отражают истинного положения вещей — примерного равенства в стратегических вооружениях, нисколько не заботило администрацию Картера. Как справедливо указал бывший аналитик ЦРУ А. Кокс в исследовательской статье на исходе президентства Картера, «в течение последних четырех лет ложное представление о том, что будто бы было большое повышение советских оборонных расходов, никогда не исправлялось... Представление о военном превосходстве СССР — иллюзия, которая в основном основывается на непонимании истинного положения вещей» [1]. Но тут же следовали доказательства «миролюбия» США — в июне 1977 г. Картер приостановил программу выпуска бомбардировщика Б-1, а в апреле 1978 г. отложил производство нейтронной бомбы.

А как дело обстояло в действительности? Что касается бомбардировщика Б-1, то запланированные 240 самолетов стоимостью до 90 млн. долл. каждый на деле оказались бы куда менее эффективными, чем крылатые ракеты, в пользу которых высказался Картер, «перепрыгнув» через стадию пилотируемых самолетов. Продолжалась и разработка компонентов нейтронного оружия.

Но администрация Картера действовала не в вакууме, она была связана обязательствами продолжить переговоры с Советским Союзом в развитии советско-американских соглашений в 1972—1974 гг. об ограничении стратегических вооружений. По очень многим причинам, не последнюю роль среди которых играли настроения в мире против термоядерной смерти, Вашингтон не мог не завершить их. На это потребовалось семь лет.

---

[1] *Cox A.* Why the Kremlin «Doubled» Arms Outlay.— International Herald Tribune, August 21, 1980.

18 июня 1979 г. Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев и президент США Дж. Картер подписали в Вене Договор между СССР и США об ограничении стратегических наступательных вооружений (ОСВ-2). Договор учитывал интересы обеих сторон и являлся разумным компромиссом. Суть его — количественные ограничения и сдерживание качественного совершенствования этих вооружений. Вступление в силу договора, подчеркивала «Правда» 20 июня 1979 г., «откроет путь дальше — к ОСВ-3, послужит стимулом для более быстрого продвижения вперед на переговорах по другим вопросам ограничения соревнования в военной области».

В июле 1979 г. сенатский комитет по иностранным отношениям с пристрастием обсудил текст договора. Пригласили профессуру. «Ястребы», среди которых особенно выделялись профессора Р. Пайпс, Ю. Ростоу и А. Улам, яростно атаковали ОСВ-2, требуя не допустить ратификации. Пайпс вообще настаивал, что «нужно создать потенциал для нанесения стремительного, точного упреждающего удара, чтобы уничтожить, насколько это возможно, вражеский ядерный арсенал». Накал злобы Пайпса в отношении СССР побудил сенаторов, вероятно чисто по-человечески, поинтересоваться, что лежит в основе его взглядов. Профессор объяснил, что «русские» просто «не люди». Поэтому, «как специалист в русской истории, я должен драться до конца, дабы это различие между американцами и русскими не смазывалось».

Профессор Ростоу обратился к античной истории, настаивая, что конфликт между СССР и США «наилучшим образом осветил Фукидид, описав причины Пелопоннесской войны, уничтожившей греческую цивилизацию... Римляне говаривали — хочешь мира, готовься к войне, и в отношениях с русскими нужно поступать именно так». Выслушав еще профессорские рассуждения о том, что в ОСВ-2 нужно внести разные поправки, сенаторы изумились. Последовал следующий диалог:

«**Сенатор Джавитс.** Мой друг, все ваши речи направлены против договора. Так и скажите просто об этом, ибо все ваши слова и увертки — вздор. Вы несете чепуху. Вы не хотите договора. Зачем вы говорите нам, что нужно заново вести переговоры по поводу этого договора, заведомо зная — вы тем самым выхолащиваете его суть. Мы играем словами.

Ростоу. Я не характеризовал подход нашего правительства таким образом, но думаю, что это правильная оценка.

Джавитс. Да не о правительстве я говорю, а о вас!»

Приглашенный в комитет в качестве профессора Киссинджер ускользнул от ответа, был бы он за ОСВ-2, если бы оставался государственным секретарем. Он высказался за ратификацию договора (разумеется, с поправками!), и «я бы использовал ее, чтобы указать СССР — ход будущих переговоров будет зависеть не от каждого мелкого спора с нами, а от общей политики СССР, критерии которой будут разработаны вашим комитетом единолично или вместе с правительством». Вот так, самодовольно добавил Киссинджер, нужно использовать «увязки».

Несмотря на клекот «ястребов», поразительные призывы Киссинджера и пр., комитет все же рекомендовал сенату ратифицировать Договор ОСВ-2. Сенаторы прислушались к мнению тех, кто указывал — ратификация в интересах США. Профессор С. Гоффман подчеркнул, что противники ОСВ-2 «извращают существо дела и их выступления — вопиющий пример запугивания... Я пришел к выводу, что серьезность нашего положения перед лицом СССР значительно преувеличена». Гоффман обратил внимание: «Мы почти всегда терпели неудачи не из-за нехватки материальной силы, а из-за пороков политического анализа... Другими словами, повинны не мускулы, а мозги». Председатель комитета Ф. Черч воскликнул: «Ваше выступление самое лучшее». Слова Черча в полемике с Пайпсом как бы подводили итог обсуждению: от ратификации «зависит конечный выбор для нашего поколения, и если вспыхнет ядерная война, то я уверен — выжившие в ней оглянутся на это обсуждение и проклянут нас всех за то, что мы не сделали необходимых шагов для ее предотвращения»[1]. Комитет высказался за договор. Ратификация зависела от правительства и сената.

Но с осени 1979 г. начала нарастать очередная антисоветская кампания на Западе. По самым различным поводам распространялись домыслы о политике СССР. Администрация Картера вдруг заговорила о своем беспокойстве по поводу «безопасности» Западной Европы. Как США уже озаботились «обеспечить» ее, известно. Еще в 60-е годы в соответствии с доктриной «гибкого реагирования» Вашингтон разместил на базах в Западной Европе 7 тыс. ядерных зарядов. Знающий

[1] The SALT II TREATY. Hearings before the Committee on Foreign Relations. U.S. Senate. 96th Congress. 1st Session. July 1979. Washington, 1979, pt. 2, p. 51—52, 60; pt. 3, p. 12—13; pt. 2, p. 222—223; pt. 3, p. 293, 280, 282; pt. 2, p. 57.

американский публицист Дж. Голдсборо, проведший 15 лет в Европе, в своей книге, вышедшей в 1982 г., тоном беспристрастного ученого сообщил: «С американской точки зрения, гибкое реагирование имело дополнительное преимущество, переводя ядерную войну с американской на западноевропейскую территорию... Перебросив тактическое ядерное оружие в Европу, США ввели идею ограниченной ядерной войны, ограниченной в этом случае Европой... Тем самым избегалась стратегическая ядерная война, затрагивающая сами Соединенные Штаты, но становилась более вероятной тактическая ядерная война только в пределах Западной Европы» [1].

Надо думать, эта перспектива по большому счету никак не устраивала западноевропейских лидеров. В сумме причин, приведших в 1966 г. к выходу Франции из военной организации НАТО, осознание этого очевидно. Почти на протяжении 20 лет за фасадом атлантической «солидарности» таилась острая тревога по поводу американских замыслов использовать Западную Европу как громоотвод в ядерной войне. Вот администрация Картера и постаралась рассеять опасения своих союзников — в высших интересах безопасности осенью 1979 г. был обнародован американский план «модернизации ядерных сил» на этом театре. Вашингтон разъяснил, что западным европейцам как воздух нужно размещение на континенте американских ракет среднего радиуса действия!

В самом начале сентября 1979 г. на научную конференцию стран НАТО в Брюсселе приехал Киссинджер. Сказанное им не оставило сомнений — союзники США обязаны принять американский план: «Говорю вам то, что я не мог бы сказать, будучи на государственном посту,— наши европейские союзники должны прекратить просьбы о том, чтобы мы расширили стратегические гарантии, которых мы не имеем в виду, а если бы и имели, мы бы не захотели их выполнить, так как это означало бы рисковать уничтожением цивилизации». Иными словами, судьбы Западной Европы и США в случае ядерной войны различны. Киссинджер еще добавил: «Пусть это прозвучит бестактно, но тайная мечта всех европейцев избежать ядерной войны, а если она разразится, то пусть она пройдет над их головами как война между стратегическими силами США и СССР» [2].

[1] *Goldsborough J.* Rebel Europe. How America can live with a Changing Continent. N. Y., 1982, p. 156—157.
[2] *Kissinger H.* For the Record. Selected Statements 1977—1980, p. 240—241.

С этой мечтой нужно расстаться.

После непродолжительного периода выкручивания рук сессия совета НАТО в декабре 1979 г. приняла решение о размещении в Западной Европе с 1983 г. 572 новых американских ядерных ракет (108 пусковых установок ракеты «Першинг-2» и 464 крылатые ракеты наземного базирования). «Это решение,— заметил Дж. Голдсборо,— полно противоречий. Объявленное официально Вашингтоном как средство противодействия новым советским ракетам среднего радиуса действия СС-20, оно, по словам одного американского официального деятеля, «установит прямую связь между обороной Европы и американскими стратегическими силами сдерживания». Выступая за это решение, Киссинджер одобрил план, который он сам осудил как невыполнимый, ибо если решение А принять нельзя, то в равной степени неприемлемо решение Б, прямо возвращающее к решению А. Очень немногие заметили это противоречие. М. Банди, сыгравший в качестве помощника президента по национальной безопасности при Кеннеди главную роль в принятии тогдашних фатальных решений, указал, что нынешнее «решение», в сущности, шаг назад к массированному возмездию» [1].

В случае размещения этих 572 новых американских ракет НАТО получит более чем полуторное превосходство над странами Варшавского Договора по количеству носителей ракет средней дальности и еще больше по ядерным зарядам. Эта акция нарушит равенство ядерных вооружений сторон в Европе; больше того, будет нарушен баланс стратегических сил СССР и США, ибо эти ракеты, предназначенные для «превентивных» ударов по советским межконтинентальным баллистическим ракетам, являются оружием стратегическим. Ракеты «Першинг-2» с дальностью в 2500 *км* могут достичь объектов в СССР через 5—6 минут после пуска, т. е. американские стратеги надеются «уменьшить силу ответного удара по территории США в случае нападения па СССР» [2].

Наращивание стратегических вооружений, естественно, Вашингтон попытался обосновать ссылками все на ту же «советскую военную угрозу». В конце декабря 1979 г. для этого была использована помощь СССР дружественному Афганистану. Помощь эта, оказанная в соответствии со статьей 4 советско-афганского договора, оказалась необходимой, ибо США, прибегнув к методам психологической войны, стреми-

[1] *Goldsborough J.* Rebel Europe, p. 163.
[2] Откуда исходит угроза миру, с. 69.

лись дестабилизировать через ЦРУ обстановку в этой стране, поставив под угрозу завоевания апрельской революции. После введения ограниченного контингента советских войск в Афганистан администрация Картера объявила о введении различных «санкций» в отношении СССР. 4 января 1980 г. Картер заявил, что ратификация Договора ОСВ-2 «замораживается».

От бесконечной болтовни на самом высшем уровне в США о «советской военной угрозе» и прочем даже на Капитолийском холме голова кругом пошла.

Когда стало известно, что 25 июля 1980 г. правительство США приняло директиву президента № 59, предусматривающую ведение «ограниченной ядерной войны», сенатский комитет по иностранным отношениям 16 сентября 1980 г. провел секретные слушания. Рассекреченные (со многими купюрами) 16 февраля 1981 г., они производят ужасающее впечатление, пролив, пусть слабый, свет на удручающий психологический климат, в котором живут американские политики. Обращаясь к государственному секретарю Э. Маски и министру обороны Г. Брауну, председатель комитета Ф. Черч сказал:

«Напоминаю обоим министрам — эпохальное исследование проблем национальной безопасности заключали слова (я цитирую): «США ныне стоят перед перспективой — в ближайшие 4—5 лет СССР будет обладать военными возможностями нанести уничтожающий удар, поэтому нам нужно значительно увеличить воздушную, наземную и морскую мощь, атомный потенциал, ПВО и гражданскую оборону, с тем чтобы сдержать войну и иметь разумную гарантию, что в случае войны мы выдержим первый удар и сможем в конечном счете достичь своих целей».

Это зловещее предостережение... было высказано не в 1979 г., а в 1950 г. Так завершался документ, известный как директива СНБ-68, законченная 7 апреля 1950 г. Оба министра припомнят, что основным ее автором был П. Нитце... Директива СНБ-68 стала движущей силой массированного военного строительства в США в 50-е годы. Эти документы — от директивы СНБ-68 до директивы № 59 — указали направление, поощряли и придали поистине библейскую непогрешимость военным программам и бюджетам». Но, указав, что в директиве СНБ-68 говорилось о «сдерживании» войны, Черч задал вопрос по поводу директивы № 59: «Почему же мы изменили нашу стратегическую доктрину, что это означает,

сколько будет стоить и, самое главное, почему она заставит нас поверить, что мы можем вести и выиграть ограниченную ядерную войну?»

После тяжелой руки цензуры, конечно, трудно выяснить, как именно объяснили это оба министра. Браун даже процедил: «Мы должны быть очень осторожны в публичных заявлениях». Но суть? Браун напомнил: «Применение нами первыми тактического ядерного оружия... всегда входило в политику НАТО, в доктрину НАТО...» О чем еще говорили, кто знает, но вот поучительный диалог:

«**Сенатор Глен.** Я уже запутался в этих «вероятно» и «невероятно». Речь идет о столь невероятном, когда рассматривается возможность уничтожения целых стран.

Министр Браун. Да, мы выглядим безумцами, рассуждая об этом.

Сенатор Глен. Это — самое здравое суждение из высказанных сегодня. Согласен... Итак ведь (директива № 59.— *Н. Я.*) трактует не о том, что мы собираемся уничтожить пару их пусковых установок или что-нибудь где-нибудь в Сибири, а многократно увеличим те 20 млн. человек, которые они потеряли во второй мировой войне, о чем они говорят в каждой речи... Теперь им нужно призадуматься — дело идет о многократном увеличении этих потерь, а не о том, что мы планируем уничтожение их пусковых установок в Сибири» [1].

Вот и определили среди своих параметры того, что известно под эвфемизмом «ограниченной ядерной войны». Да, ядерная агрессия куда как «ограниченна»: незадолго до этих слушаний в ежегодном отчете министра обороны проскользнула цифра — подлежат ядерному удару 200 советских городов [2].

Отставной американский контр-адмирал Ж. Ларок, организовавший в 1972 г. Центр оборонной информации, пытается воззвать к разуму. Он, профессиональный военный моряк, высмеивает разговоры об «отставании» США в стратегических вооружениях и иллюстрирует это в знакомой ему сфере — сфере ядерных возможностей американского подводного флота. Летом 1981 г. он говорил: «Каждая из наших стратегических подводных лодок может уничтожить 160 совет-

---

[1] Nuclear War Strategy. Hearings before the Committee on Foreign Relations, U. S. Senate, 96th Congress, 2nd Session on Presidential Directive 59. Washington, 1981, p. 1—2, 15, 22—23.

[2] Annual Defense Department Report, FY 1978. Washington, 1977, p. 68.

ских городов, а каждая новая подводная лодка «Трайдент» сможет уничтожить более 240 советских городов... Флот США может вести ядерный обстрел СССР с подводных лодок около трех месяцев. Даже если русские смогли бы эвакуировать население городов... мы бы все вгоняли бы тысячи ядерных зарядов в СССР по крайней мере три месяца. Мы держим все время непосредственно у их берегов (на подводных лодках) более 3000 ядерных боеголовок». Что там составители плана «Дропшот» по сравнению с нынешними, держащими палец на кнопке термоядерной войны...

«Новые правые» на марше

В 1970 г. Б. Голдуотер выпустил книгу «Совесть большинства», по существу, заключительную часть трилогии, в которой уточнялось и разъяснялось сказанное им в книгах «Совесть консерватора» (1960 г.) и «Почему не победа?» (1962 г.). Те книги были написаны в спешке в предвидении президентской кампании 1964 г., трактат «Совесть большинства» — обдуманный символ веры называющих себя «консерваторами». Голдуотер заявил: «Я не думаю, что средний американец, забытый американец, молчаливое большинство, желает, чтобы дядя Сэм взял на себя распоряжение всеми сторонами его жизни и работы. По моему пониманию, это величайший урок сегодняшнего дня. Более трех с половиной десятилетий Новый курс, Справедливый курс, Новая граница, Великое общество, все либеральные политические движения предлагали готовый ответ, если угодно, панацею для решения всех проблем, стоящих перед американцами,— федеральные ассигнования. Правительство тратило средства на жилища, на здравоохранение, на просвещение, на обеспечение гражданских прав и занятости, на нужды городов, на помощь фермерам... Но сегодня перед нами больше внутренних проблем, чем видела или слышала раньше любая страна мира».

Отсюда его настояния — сократить расходы на социальные нужды, «американская система» сама-де позаботится обо всем. Реформулировка традиционных принципов республиканской партии? Не совсем. Уже заголовок книги говорил, что Голдуотер заглядывал далеко за партийные границы, претендуя на выступление от имени «большинства». В бли-

стательном противоречии с собственными рассуждениями насчет сверхценности американского «индивидуализма» Голдуотер настаивал на расширении военной мощи США, укреплении американской государственности по всем линиям. «Возросшая стоимость боевой техники,— декларировал он,— не должна служить основным соображением при определении размеров расходов на оборону» [1]. Голдуотер убеждал, что монументальное здание государственно-монополистического капитализма не раздавило истины времен «laisser-faire» [2], напротив, само давление современного государства оживляет милые его сердцу принципы. И конечно, основная, красная нить книги — лютый антикоммунизм.

Когда в 1970 г. Голдуотер напечатал эту книгу, он, вероятно, пребывал в эйфории по поводу возможностей республиканцев при Никсоне. Спустя примерно 10 лет, в 1979 г., он признал, что ошибся: «Величайшим потрясением моей жизни был тот миг, когда я внезапно осознал — этот тип, которого я знал как брата, мошенник с головы до ног». Дело, разумеется, не в одном Никсоне; к исходу 70-х годов получилось так, по словам Голдуотера, что «стоит любому президенту, республиканцу или демократу, открыть рот, как средний американец восклицает: «Опять дерьмо!» И так оно есть. И так должно быть». По причине, по крайней мере для Голдуотера, ясной: «Страна изголодалась по руководству так, как не было когда-либо еще при моей жизни... Поэтому я все возвращаюсь ко временам старины Гарри Трумэна. Хотя я и не соглашался с его политикой, я восхищался решительностью этого типа».

Эти истины Б. Голдуотер изрек в беседе с публицистом Д. Бродером. Собеседник 71-летнего сенатора все же нашел: «Если похвальба Трумэну, исходившая из уст Голдуотера, представлялась странной, то выделение этого агрессивного сторонника сильной президентской власти как образца для государственного руководства звучало еще ироничнее. Ведь сам Голдуотер почти три десятилетия был противником сильной президентской власти». Времена, однако, изменились, ибо на сцену вышли те, по кому тосковал Голдуотер,— молодая поросль консерваторов. Он заверил собеседника: «Молодые консерваторы куда более речисты, чем мы, и они готовы

[1] *Goldwater B.* The Conscience of a Majority. N. Y., 1970, p. 13—14, 113.

[2] Полная свобода капиталистического предпринимательства от государственного регулирования.

учиться. Они знают, что говорят... Эти мальчуганы далеко превосходят нас»[1].

Откровения Голдуотера и многих других в том же духе составили содержание большой книги Д. Бродера «Смена караула. Власть и руководство в Америке». История ее появления в высшей степени поучительна, «дирекция издательства «Саймон энд Шустер» выдала Бродеру 40 тыс. долл. аванса за проспект в 8 страниц... Непосредственная задача редакторов заключалась в том, чтобы выпустить книгу к президентским выборам 1980 г.»[2]. Издательство преуспело, обеспечив молниеносное написание и издание рукописи почти в 900 машинописных страниц. Голдуотер, должно быть, остался доволен. Он относил свое поражение в 1964 г. за счет средств массовой коммуникации, которые «занимаются политическими убийствами и выходят сухими из воды... очень искусно связав меня со всеми идиотами от крайне правых... которых прочно повесили мне на шею»[3].

Книга эта — впечатляющий пример того, как именующие себя «консерваторами» организовали массированное пропагандистское наступление для овладения вершиной политической власти страны — Белым домом и Капитолием, причем при видимой поддержке электората. Они обозначили себя «новыми правыми». Термин впервые вошел в обиход в 1962 г. (журналист Л. Эдвардс) и в 1969 г. (консервативный публицист С. Эванс) и тогда имел относительно узкое значение — так именовались усилия по объединению молодежи в противовес «новым левым». Только в 1975 г. с легкой руки консервативного публициста К. Филлипса этот термин получил современное значение. Что же за ним кроется?

Один из ведущих деятелей «новых правых» Р. Вижери сформулировал их символ веры крайне доступно:

«Говоря откровенно, мы должны остановить социализм...

Говоря прямо, мы схватились с коммунизмом в масштабах всего мира...»

Как на апостола «новых правых» Р. Вижери ссылается на П. Уэрича, ибо он «наилучшим образом символизирует» движение. Пол Уэрич, доказывает Вижери, представляет политическую философию новых правых, которая аналогична военной философии Дугласа Макартура: «Нет замены побе-

[1] *Broder D.* Changing the Guard. Power and Leadership in America. N. Y., 1980, p. 173—174.
[2] Time, September 1, 1980, p. 42.
[3] *Goldwater B.* The Consience of a Majority, p. 187, 175.

де». По существу, Пол доказывает, что мы находимся в состоянии войны. «Она не ведется пулями, снарядами и ракетами, тем не менее это война. Идет война идеологий, идет война идей, война за наш образ жизни. Мы должны вести ее с таким же напряжением сил и ресурсов, как настоящую войну» [1].

Война... Против кого? Сенатор Дж. Хелмс, которого ныне называют в США самым влиятельным политиком помимо пребывающего в Белом доме, в своем основном «теоретическом» труде (занявшем 122 страницы) определил: «Единственным хранителем свободы в мире всегда была христианская вера... Дьявол все еще за работой в наше время, обещая изобилие материальных благ нациям, которые откажутся от христианского наследия... Сатана не устает искушать Америку... а в последние двадцать пять лет... слишком многие в нашем народе ведут себя так, как будто бога нет... В сущности, ничто не отличает этих людей от самых убежденных коммунистов, которые считают, что зло — следствие не греха, а существования частной собственности».

Итак, отстоять святость института частной собственности, защитить ее от любых покушений, каковые, доподлинно известно сенатору, не меньше чем дело рук дьявола. Каковой, по его глубокому убеждению, является и в обличье тех, кто стоит за социальное обеспечение. Сославшись на Библию, Хелмс объявил: «Никогда Христос не упоминает о правительстве, занимающемся социальным обеспечением, не говоря уже о том, чтобы одобрять его». И тут же, не переводя дыхания, пример из времен античных, вероятно прозвучавший сладкой музыкой в ушах Собственника:

«Примерно за полстолетия до рождения Христа в римском сенате выступил великий оратор Марк Туллий Цицерон. Задумайтесь над его словами и сопоставьте их с затруднительным положением США в 1976 г.: «Налогами облагают,— жаловался Цицерон,— наш хлеб и наше вино, наши доходы и наши инвестиции, нашу землю и нашу собственность ради ничтожных существ, недостойных названия людей...» В римских законах, как и в нашей конституции, были ссылки на «всеобщее благо» народа. Цицерон предостерег сенаторов от ложного понимания слова «благо». Используя его, «алчные тираны прибегнут к любым эксцессам, чтобы превратить

---

[1] *Viguerie R.* The New Right — We are ready so lead, p. 55, 178, 140, 58—59.

нас в рабов». Политики Рима вежливо выслушали, но игнорировали совет. Они продолжали расточать государственную казну ради приобретения политической поддержки масс. Так и погубили Рим» [1].

Вслед за Хелмсом, выпустившим свой «теоретический» опус в 1976 г., в 1977 г. пресловутый профессор Р. Пайпс, претендующий на знание России и СССР, указал: «Вот этой этики среднего класса, буржуазии, в основе протестантской, нет и в помине в советской культуре. Коммунистическая революция в 1917 г., устранив от влияния русскую буржуазию (класс, который Ленин определял как в культурных, так и социально-экономических терминах), привела к власти мужика». Засим просвещенный профессор объяснил в энергичных выражениях, что с «мужиком» прекрасный американский собственник не может иметь никаких дел и т. д. [2] Тем самым блистательно продемонстрировал классовую основу конфликта между капитализмом и социализмом на международной арене.

В 70-е годы, особенно во второй половине их, сентенции такого рода приобретали все большее хождение в Соединенных Штатах. На глазах происходила скоростная плавка — отливалась идеология «новых правых» — бесстыдная проповедь кондовых истин буржуазии и толкуемой вкривь и вкось христианской этики. Все это требовало денег и денег. Они потекли широким потоком в кассы центров, где создавалась идеология «новых правых». Только мультимиллионер Ричард Меллон Скайф из Питсбурга отдал с 1970 г. на их дело свыше 100 млн. долл. Об этом стало известно, ибо местная газета «Питсбург пост» восхвалила благодетеля в серии статей [3]. А сколько щедрых покровителей остались в тени!

За 70-е годы набрали силы такие научно-исследовательские центры, как Американский институт предпринимательства, Центр изучения стратегических и международных проблем Джорджтаунского университета, Гуверовский институт, Исследовательский институт внешней политики Пенсильванского университета, Институт анализа внешней политики в Кембридже, Фонд Наследия в Вашингтоне и многие другие.

[1] *Helms J.* When Free Men Shall Stand. Grand Rapids, 1976, p. 118—119, 79, 46—47.

[2] *Pipes R.* U. S.— Soviet Relations in the Era of Détante. Boulder, 1981, p. 147.

[3] *White C., Gill W.* Why Reagan Won. The Conservative Movement 1964—1981. Chicago, 1981, p. 62—63.

В изданном Фондом Наследия громадном томе (более 1000 страниц!) докладов и рекомендаций для администрации Рейгана особо выделялось, что неверно трактовать «итоги этих выборов как победу прагматизма над идеологией». Напротив, успех «новых правых» и объясняется их приверженностью к своей идеологии. «Настоящий государственный деятель,— заявили составители,— стратег с воображением, прагматизм — мудрый наставник, но опасный хозяин... Политическое воображение и консервативная философия отнюдь не чужды друг другу» [1].

Распространение ее поставил на конвейер политический квартет — П. Уэрич, Р. Вижери, Г. Филлипс и Т. Долан. Им около сорока, но этой рекламированной причине они не синильные зубры реакции, понимают-де нужды молодежи. Эти сеятели плевел идеологии «новых правых» заботились не столько о «просвещении», сколько об организованном оформлении движения, не обращая внимания на партийную принадлежность (республиканцы или демократы) вновь обращаемых. В списках тех, кому бесперебойно рассылает материалы машина, созданная Вижери, более 20 млн. имен, а 4,5 млн. человек шлют ему деньги. Пусть взносы на дело «новых правых» невелики, но переводов-то миллионы!

Долан основал Национальный консервативный комитет политического действия, который собрал 7,6 млн. долл. к кампании 1980 г. на очень нужные цели — изгнать неугодных «либеральных» кандидатов на выборах на всех уровнях. «Я читаю Библию ежедневно»,— заявил Филлипс, и создал комитеты по связи с телеевангелистами, которых расплодилось в США немало. Первый из них — Дж. Фолвелл, считающийся основоположником в 1979 г. «морального большинства». В книжонке «Слушай, Америка!» он утверждает, что бог не одобряет равные права для женщин, ОСВ-2, разрядку, социальное обеспечение, либерализм и т. д. Фолвелл и другие прочно угнездились на телевидении и радио. Еженедельно их слушают по радио 115 млн. и смотрят по телевидению еще 14 млн. человек.

Как-то Фолвеллу задали вопрос: «Некий сенатор спросил вас, когда вы уберетесь из политики, а вы ответили: когда он уберется из бизнеса морали». Как понять? Проповедник ответил: «Религия и политика. Полагаю, что проблема проста.

[1] Mandate For Leadership. Policy Management in a Conservativo Administration. Ed. by Ch. Heatherly, p. VII—VIII.

Отцы-основатели не собирались отделять бога от государства, только церковь от государства», а посему, заявил Фолвелл, фундаменталисты останутся в политике. Если бы не велась с участием Фолвелла кампания по всем 50 штатам, заметил Филлипс, «сенат мог бы ратифицировать ОСВ-2 летом 1979 г.» [1]. Определил, следовательно, роль фундаментализма в светских делах. И все же, к чему апеллировали «новые правые»?

Они очень напористо представляли себя выразителями нутряной американской мелкобуржуазной морали и идеологии, которая, как известно, персонифицируется. Оставалось поэтому сфокусировать ее на кандидате в президенты на выборах 1980 г., придать ей национальное политическое звучание. В американском политическом мире для этого предпочтителен видный мужчина с широкой улыбкой и отличной дикцией.

Задолго до этих выборов Р. Рейган высказывался по всем и всяческим проблемам администрации Дж. Картера. К каждой из них он прилагал аршин «новых правых».

Это окупило себя. После победы Рейгана на выборах опрос Харриса показал: Рейган добился успеха «потому, что консерваторы, в особенности белое моральное большинство, оказали ему массированную поддержку». Если в 1976 г. за Картера отдали голоса 56% баптистов, то теперь эти же 56% получил Рейган. Еще бы! Рейган привел фундаменталистов в дикий восторг, выразив несогласие с теорией эволюции и открыв: человек создан богом точно так, как сказано в Библии. Что там «обезьяний процесс» над учителем Скопсом 55 лет назад в глухом тогда штате Теннесси! США облетело фото: улыбающийся Рональд Рейган, а рядом гордо красуется Джерри Фолвелл. Никаких сомнений — моральное большинство и иные верующие в их движении отдали свои сердца Рейгану [2].

Руководитель избирательной кампании Рейгана в 1976 г. и взятый на эту роль в 1980 г., Дж. Сеарс подметил: «Существует разрыв на поколение между тем, что Рейган думает он знает о мире, и реальностью. Он живет в 1952 г., видит все только в белых и черных красках». За суждения такого рода Сеарса прогнали. Еще бы! Рейган в речи в Чикаго объявил:

---

[1] *Viguerie R.* The New Right — We are ready to lead, p. 59.
[2] *Evans R., Novak R.* The Reagan Revolution, p. 215, 213, 208.

война во Вьетнаме была благородным делом [1]. Как заметили авторы книги о Рейгане, «во время кампании, например, когда европейские лидеры игнорировали эмбарго, наложенное президентом Картером на поставки зерна русским, Рейган жаловался: мера слишком мягка. Он выступил за введение полного бойкота в торговле, не понимая, что ФРГ, Франция и другие континентальные державы не рвутся к конфронтации с Москвой по поводу Афганистана, ибо экономически они заинтересованы много больше в разрядке, чем Америка».

Вместо этого вооружаться и вооружаться, дабы добиться военного превосходства над Советским Союзом. Уже во время кампании наскоро подсчитали: Рейган собирается потратить до 1985 г. по крайней мере на 250 млрд. долл. больше на военные цели, чем предусматривал уже раздутый военный бюджет администрации Дж. Картера [2].

Неизбежно встает вопрос: как можно победить на такой платформе, кого же новый президент повел за собой? Журнал «Тайм» заметил о его сторонниках: «Новые правые — конфедерация разнообразных политических и религиозных групп, которых связывает воедино их враждебность к тому, что они считают эксцессами либералов и левых и эрозией основных ценностей Америки» [3]. Они исповедуют и проповедуют «новый американский патриотизм, который берет свое начало от празднования двухсотлетия... Сложные импульсы пробудились в американском мышлении относительно собственной страны и ее места в мире. Итак, вновь на сцену вышел патриотизм со своими двоюродными братьями — ксенофобией и шовинизмом» [4]. Людей с таким мировоззрением отлично устраивает программа новой американской администрации. «Патриоты», конечно, размахивают национальным флагом, но они совершенно точно знают в долларах и центах цену своего «патриотизма». Экономические посулы нового президента — снижение налогов, в первую очередь на капитал, и урезывание расходов на социальные нужды — соответствуют алчным инстинктам американской буржуазии. По этой причине помимо описанных он получил прочную поддержку Собственника. Он «свой» — в 1980 г. Рейган наконец нарушил

---

[1] *Germond J., Witcover J.* Blue Smoke and Mirrors. Why Reagan Won and Why Carter Lost the Election of 1980. N. Y., 1981, p. 210.

[2] *Smith H. and others.* Reagan The Man, The President. N. Y., 1980, p. 109—110, 118, 121.

[3] Time, December 8, 1980, p. 30.

[4] Time, March 30, 1980, p. 53.

то, что называл «личным принципом» — не сообщать данных о собственном финансовом положении.

Выяснилось, что оно исчисляется в 3 млн. долл. Конечно, размеры личного состояния не бог весть какие большие (у Картера было и того меньше — 900 тыс. долл.). Но ведение личных дел достойно всяческих похвал с точки зрения буржуа: в 1979 г. в росписи его доходов и расходов значится, например, поступление 481 долл.— проценты, выплачиваемые дочерью Рейгана на сумму, данную ей отцом в долг[1]. Не могло не произвести благоприятного впечатления на собственника и затянувшаяся попытка супругов Рейганов провернуть операцию с продажей виллы в Калифорнии. За дом, купленный ими в 1956 г. за 27 тыс. долл. и в который они вложили еще 60 тыс. долл., Рейганы запросили 1,9 млн. долл. В начале 1982 г. вилла перешла к новому хозяину, уплатившему указанную сумму.

Коль скоро на выборах 1980 г. ломались копья в связи с коренными принципами современной американской государственности, Картер и Рейган иногда сражались в тени фигуры Франклина Д. Рузвельта. Картер повторял: «Горжусь, что я принадлежу к демократической партии... Я верю в наследие и миссию Франклина Д. Рузвельта... Каждый крупный шаг вперед, каждый шаг вперед в жизни наших граждан в минувшие полстолетия от коллективного договора до установления уровня минимальной заработной платы, от социального обеспечения до медицинского обслуживания оказались возможными благодаря усилиям демократов, преодолевавших сопротивление республиканцев».

Трудно было оспаривать в предвыборной борьбе сказанное Картером, ибо американцы как-никак помнят прошлое. Рейган, однако, нашелся. Вот как, по его словам, он интерпретировал социальную политику Рузвельта (разумеется, с позиций идеологии «новых правых»): «Я указал, что новый курс был введен по образу фашизма Муссолини, это было задолго до того, как термин «фашизм» стал бранью в устах либералов, а именно — вводилось государственное руководство и контроль при сохранении частной собственности». Естественно, повторение Рейганом в 1980 г. несостоятельных обвинений в адрес Рузвельта вызвало бурю в аудитории. «Тут,— удовлетворенно закончил Рейган,— мне пришел на помощь почтенный историк; правда, он был одинок, подтвер-

[1] Time, August 11, 1980, p. 25.

див на основании своих разысканий, что я прав, и выразив удивление по поводу моего глубокого знания истории» [1].

Рейган, однако, использовал рузвельтовское наследие весьма своеобразно. Он часто ссылался на Франклина Рузвельта, прося рассматривать себя как лидера новой политической революции, отца возрождения консерватизма, который радикальным образом изменит американскую концепцию правления, как это сделал Рузвельт своим «новым курсом». Рейган повторно заверял, что он заодно с настоящим Рузвельтом, который в 1932 г. вел кампанию под лозунгом — правительство «чрезмерно дорого», «мы должны ликвидировать бесполезные учреждения», а взяв власть, Рузвельт изменил свой курс, расширив правительство, против чего Рейган выступал всю вторую половину своей жизни. Сторонников Рейгана сладостно волнует мысль — он может стать консервативной республиканской версией Рузвельта [2].

Едва ли. Рузвельт, считавший себя президентом «всего народа», имел очень широкую поддержку. Что до Рейгана, то в 1980 г. он избран большинством — 51% от всех голосовавших. Но явились-то на выборы лишь 52,4% имевших право голоса. Следовательно, за Рейгана — 26,7% всего взрослого населения Соединенных Штатов. Основная их масса — «молчаливое большинство», из которого, если считать по партийной принадлежности, за Рейгана проголосовало 25%, обычно поддерживавших демократическую партию. Дж. Фолвелл откомментировал: «Вот христиане поднялись со скамей в храмах, пошли на избирательные участки и вызвали эту лавину» [3].

А если спуститься с высот теологической риторики на политическую арену США, нужно сказать: имущие, американский Собственник, проголосовали за своего президента.

О Рейгане

В день инаугурации нового президента, 20 января 1981 г., «Вашингтон пост» напомнила: «Не будет преувеличением сказать, что Рональд Рейган сегодня становится президентом в результате единственного драматического события — полу-

---

[1] *Germond J., Witcover J.* Blue Smoke and Mirrors, p. 301—302, 211.
[2] *Smith H. and others.* Reagan The Man, The President, p. 149.
[3] Time, November 17, 1980, p. 13, 17.

часовой речи, которую он произнес по национальному телевидению 27 октября 1964 г. в пользу кандидата в президенты Барри Голдуотера»[1]. Текст этой самой речи, называвшейся «Встреча с судьбой», и напечатала газета 20 января 1981 г.

Когда в 1964 г. Рейган говорил о «встрече с судьбой» (название взято у Ф. Рузвельта, который в 1936 г. обещал в будущем устроить США такую встречу), он, вероятно, в самой сжатой форме сформулировал программу «новых правых». Эта речь не была внезапным озарением, а явилась наиболее полным вариантом его еженедельного получасового выступления по телевидению на протяжении восьми лет — с 1954 по 1962 г. Тогда по контракту с гигантской монополией «Дженерал электрик» Рейган объяснял преимущества капитализма не только по телевидению, но и выступая очень часто на 135 ее заводах по всем США. Подсчитано, что четверть своего времени в эти восемь лет Рейган отдал этой своего рода идеологической службе «Дженерал электрик».

Авторы, вероятно, самой известной в США книги о президенте Р. Рейгане подчеркивают: «Тогда президент «Дженерал электрик» Ральф Кординер проповедовал необходимость лобовой защиты капиталистической системы среди рабочих и служащих компании. Услуги Рейгана высоко ценились. В эти годы Рейган отработал речь, которой было суждено сыграть неслыханную роль в судьбах его и страны. В этой речи Рейган наносил громовые удары, выступая против коммунизма»[2]. Как бы ни были довольны руководители исполинской монополии, прямолинейная защита прелестей капитализма выставила ее в невыгодном свете. В 1962 г. программу по телевидению пришлось прикрыть. В 1964 г. Рейгана попросили повторить речь в пользу Голдуотера. Он не спас его от поражения, однако как идеолог затмил неудачливого кандидата.

Воодушевленная сказанным Рейганом, группа калифорнийских миллионеров попросила его в 1966 г. баллотироваться в губернаторы штата. Он с сомнением спросил профессионального политика К. Уайта: «Разве избираются в губернаторы на основе одной речи?» Уайт заверил: «Избираются на основе куда менее значительных свершений»[3]. Жизнь доказала справедливость этого суждения. Идеологического заряда речи оказалось достаточным, чтобы поднять Рейгана еще до

---

[1] The Washington Post, January 20, 1981.
[2] *Evans R., Novak R.* The Reagan Revolution, p. 26.
[3] *White C., Gill W.* Why Reagan Won, p. 27.

уровня Белого дома. Что же проповедовал Рейган в той речи, которую читали в столичной газете в день его вступления в должность?

Он объяснил: «Нам все говорят — нужно выбирать между левыми и правыми. На мой взгляд, нет ни правых, ни левых. А есть либо вверх, либо вниз». Выше в понимании Рейгана — укреплять капитализм, ниже — идти по пути социализма. Он звал жертвовать жизнью, чтобы жил капитализм, обращаясь к таким аналогиям: «Должен ли был Моисей сказать детям Израиля остаться в рабстве у фараонов? Должен ли был Христос не пойти на крест? Должны ли были патриоты у моста в Конкорде побросать мушкеты и не сделать выстрелов, прозвучавших на весь мир? Мученики истории не были дураками... Вы и я встретились с судьбой. Либо мы сохраним для своих детей эту последнюю, лучшую надежду человечества, либо мы обречем их на последний шаг — в тысячелетия мрака»[1].

Те же мотивы пронизывали инаугурационную речь президента Р. Рейгана 20 января 1981 г. В заключение ее он процитировал слова из дневника американского солдата, убитого в 1918 г. во Франции, клявшегося сражаться за то, чтобы «Америка победила в этой войне»[2]. Это кредо Рейган неустанно проповедует. По просьбе журнала «Парейд» он собственноручно написал статью «Что означает для меня 4 июля», день принятия в 1776 г. Декларации независимости. «Этот день,— сообщил Рейган,— больше, чем день рождения нации. Он также знаменует единственную истинную идейную революцию во всей истории. Бывали революции до и после нашей. Но в этих революциях просто сменялись правители. Наша же революция изменила самую концепцию правления». Кто совершил это в представлении Рейгана? Да, 56 человек, подписавшие Декларацию независимости. Перечислив их профессии — адвокаты, торговцы, дельцы, Рейган ликующе сообщил: «Они были мягкими, богатыми, образованными людьми, а не неумытой чернью»[3].

Вот по стопам этих людей Рейган и зовет идти нынешние Соединенные Штаты, а среди лоцманов-теоретиков, прокладывающих путь, президент восхвалил считающегося экономистом Дж. Джилдера. Его книга «Богатство и бедность»

[1] The Washington Post, January 20, 1981.
[2] The Washington Post, January 21, 1981.
[3] Parade, June 28, 1981, p. 5.

вышла в 1981 г. Воспитанник семьи Рокфеллеров, Джилдер скромно объяснил свой вклад в науку, а также в практику администрации Рейгана: «Моя книга открыла наступление консерваторов. Вместо того чтобы извиняться за капитализм как своего рода прагматическое решение проблем производства или призывать к сокращению социального обеспечения по бюджетным причинам, я своей книгой утверждаю — капитализм самая моральная система, равно как самая производительная, а социальные программы, которые считаются благодетельными, на деле углубляют и увековечивают бедность».

В книге, названной деловой печатью «капиталистическим манифестом», как истина в конечной инстанции провозглашается: «Ключевая роль богатых в капиталистической экономике — не забавлять низшие классы и не нянчиться с ними, а инвестировать, предоставлять чистый и вне бюрократических стеснений капитал. В целом класс богачей и выполняет эту роль. У них на потребление идет небольшая часть их капиталов. Большая часть их денег идет на создание предприятий, дающих занятость и обеспечивающих товарами потребителей». Что до остальных, то «бедные должны не только работать, но работать больше, чем классы, стоящие над ними» [1]. Посему нужно снижать налоги на богачей, сокращать социальное обеспечение и т. д.

Бесстыдные откровения побудили журналистов спросить Джилдера, во что же он верит. Его ответ бесподобен: «Я верю в свободную капиталистическую систему в рамках космического порядка, основывающуюся на абсолютной истине. Я верю в существование абсолютных истин, общество со временем, без сомнения, отразит их своей организацией и политикой». Его попросили назвать главную среди этих абсолютных истин. Ответ: «В книге «Богатство и бедность» я проповедую абсолютную истину «Давайте, и вам воздастся». Если люди хотят давать, посвящать себя задачам, выходящим за пределы их эгоизма, они больше преуспеют, дадут больше обществу и получат большее вознаграждение».

Чуть ли не росчерком пера этот названный журналом «Бук дайджест» «любимый экономист администрации Рейгана» перечеркнул весь опыт новейшей истории, изображая капитализм в пастельных тонах, так, как он изображался не позднее 1914 г.! В своей практике администрация Рейгана,

[1] *Gilder G.* Wealth and Poverty.— Book Digest, August 1981, p. 24, 32, 36.

заявив о некой концепции «рейганомики», приверженности к «новому федерализму», и пытается повернуть стрелки часов истории вспять. Сам Рейган обнаружил величайшую государственную мудрость у президента США в 1923—1929 гг. К. Кулиджа, «политической реабилитации которого Рейган немало способствовал, повесив портрет Кулиджа на почетном месте в своем кабинете» [1]. Но именно «достижения» Кулиджа и обожаемого им тогда — а ныне и Рейганом — министра финансов США 20-х годов мультимиллионера Э. Меллона облегчили падение США в пучину мирового экономического кризиса 1929—1933 гг.

Новейшая мудрость Дж. Джилдера и наметившаяся практика администрации Р. Рейгана — снижение или отмена пособий и выплат по социальному страхованию, экономия на первоочередных нуждах здравоохранения и просвещения — возвращают страну к тем двадцатым, оказавшимся преддверием к экономическому кризису. В ежегодном послании о положении страны 26 января 1982 г. президент Рейган признал, что США переживают «период спада». Он объяснил это за счет наследия предшествующих десятилетий, когда проводилась политика, восходящая к «новому курсу» Ф. Рузвельта. Правительство тогда отвечало на спады увеличением расходов. Его правительство, заверил Рейган, будет поступать по-другому, «сокращая темпы государственных расходов», т. е. урезая статьи бюджета прежде всего на социальные нужды [2].

От этого, твердят сторонники «рейганомики», воспоследуют самые благодетельные последствия для США. Именно такая теория и практика в свое время привела в Белый дом их принципиального противника Ф. Рузвельта. В связи с праздновавшимся в январе 1982 г. 100-летием со дня рождения Рузвельта журнал «Тайм» подметил: «Принципы Рузвельта ныне подвергаются нападкам консерваторов... Рейган пытается демонтировать весь новый курс. Он отрицает это, однако его объяснения звучат довольно наивно» [3]. В любом случае «рейганомика» идет вразрез с тем, что было проведено при Рузвельте,— социальным реформированием во имя спасения и укрепления капитализма.

Поборники «рейганомики» твердят, что у них-де есть свобода маневра. Однако стоит учесть основное направление по-

[1] *Evans R., Novak R.* The Reagan Revolution, p. 4.
[2] The New York Times, January 27, 1982.
[3] Time, February 1, 1982, p. 28.

литики администрации — чудовищную гонку вооружений (на пять лет первоначально запланировали истратить 1,5 триллиона долл., и уже пошли разговоры, что эта сумма значительно возрастет), как проясняются жесткие границы этой самой «свободы». Обозревая литературу о Рейгане, «Нью-Йорк ревью оф букс» очень уместно заметил: «Ни у президента, ни в одной из этих книг нельзя найти ответа на центральную проблему консерватизма администрации — как примирить принципы laisser-faire с состоянием постоянной мобилизации. Военные нужды не только взвинчивают налоги, но ведут к централизации политики правительства... Рейгановцы окажутся в тупике, ибо они сами не видят выхода из состояния перманентной готовности против красных... Пока наш главный дипломат рассматривает дипломатию если не как прямое предательство, то, по крайней мере, слабость, трудно представить себе, как правительство найдет политику, ведущую к сокращению военных расходов» [1]. Безудержная гонка вооружений обернется самыми тяжкими последствиями для США.

С 1981 г. Вашингтон резко усилил военные приготовления с целью добиться пресловутого «превосходства» над Советским Союзом. Проводится в жизнь программа по созданию межконтинентальных баллистических ракет «MX», ракет подводного базирования «Трайдент-2», крылатых ракет, стратегических бомбардировщиков Б-1 и т. д. Помимо попыток дестабилизировать стратегический паритет, все это имеет в виду навязать СССР обостренные условия гонки вооружений, попытаться измотать советскую экономику.

Сторонники этого курса в США, метко прозванные американским журналом «Форин полиси» «антисоветской бригадой» [2], по словам Дж. Голдсборо, и «обосновали интеллектуальную основу курса Рейгана — увеличивать американский военный бюджет, привести русских к экономическому банкротству и внутреннему распаду (то, что мы сами можем потерпеть банкротство и претерпеть распад, для них не так важно)... Но бòльшая часть этих теорий умозрительна. Политика антисоветской бригады, выступающей в различных обличиях, является политикой отчаяния» [3].

Так оно и есть. Беда, однако, заключается в том, что ныне для влиятельных сил в США она представляется бесспор-

[1] The New York Review of Books, June 25, 1981, p. 23.
[2] Foreign Policy, Winter 1979, p. 28.
[3] *Goldsborough J.* Rebel Europe, p. 165—166.

ной. Ее обосновали в свое время «теоретики», теперь дело перешло в руки практиков. Показательным в этом отношении является приход в январе 1982 г. на пост помощника по национальной безопасности У. Кларка, который никак не подпадает под профессорский облик, ассоциировавшийся раньше с этой должностью. «Рейгану нужен не теоретик типа Киссинджера, а администратор» [1]. Куда устремлены помыслы Совета национальной безопасности, показывает интервью Р. Пайпса, данное с благословения Кларка: США и их союзники «должны помочь» достижению целей описанной политики [2].

Это значит, что в тени безумной гонки вооружений активизируется психологическая война. Восстановлен влиятельный в эру Эйзенхауэра Совет консультантов по разведке при президенте, координирующий на высшем уровне все виды подрывной работы американских спецслужб. Новый устав ЦРУ, введенный в действие исполнительным приказом президента 4 декабря 1981 г., снимает ограничения на деятельность ведомства в США, а главное — активизирует работу ЦРУ против тех, кого Вашингтон считает своими противниками. В новом уставе подтверждается доктрина «правдоподобного отрицания», а именно: «Специальные операции означают деятельность, проводимую в поддержку национальных целей за рубежом таким образом, чтобы роль правительства не была видна или официально не признавалась» [3].

В мае — июне 1982 г. администрация Рейгана объявила, что открывает «крестовый поход» против коммунизма. В преддверии поездки Рейгана в Западную Европу в начале июня для совещания с лидерами НАТО были преданы огласке (разумеется, в кратком изложении) директивы правительства об «обороне» конкретно на ближайшие пять лет, а в общих чертах на все 80-е годы. «Нью-Йорк таймс» подчеркнула, что эти директивы, занявшие 125 страниц, уже были в целом изложены в речи У. Кларка 21 мая 1982 г., «однако тон его речи был куда более сдержан, чем текст директив».

В соответствии с ними генеральной целью политики США объявляется «нанесение поражения Советскому Союзу на любом уровне конфликта — от партизанских действий до термоядерной войны». Принципиально нового в этой поста-

[1] The Washington Post, January 6, 1982.
[2] Time, March 1, 1982, p. 11.
[3] The New York Times, December 5, 1981.

новке вопроса агрессорами нет, реформулируется то, что говорилось Вашингтоном со времен президентства Трумэна. В сущности, новые директивы не больше чем плагиат в основном директивы СНБ-68 1950 г., естественно, с учетом сдвигов в военной технике. По понятной причине трумэновцы не говорили о том, к чему зовут теперь в Вашингтоне: «Космос следует использовать для американских военных целей».

Новым только является предельный цинизм в изложении целей американского империализма. Черным по белому, свидетельствует «Нью-Йорк таймс», в документе записано: «Планировщики политики пошли дальше директивы № 59 президента Картера, предусматривавшей для американской ядерной стратегии нанесение ударов по определенным целям, имеющим военное или политическое значение. Новая ядерная стратегия требует от американских вооруженных сил быть в состоянии вывести из строя всю военную и политическую структуру как СССР, так и его союзников». Вести для этого, если потребуется, «длительную термоядерную войну». Вот и разрешили с каннибальской логикой десятилетия споров военных теоретиков о характере термоядерной войны, если она разразится!

Для этой войны и готовится новейший вид оружия — нейтронная бомба, о начале производства которой было объявлено в очередную годовщину атомного сожжения Хиросимы 6 августа 1981 г. Администрация Рейгана приспосабливает к военным целям лучшие достижения научно-технической мысли. Как иначе расценить первый запуск космического корабля «Колумбия» 12 апреля 1981 г., т. е. в день, когда Юрий Гагарин в 1961 г. открыл дорогу человечеству в космос?

Плагиатчики директивы СНБ-68, естественно, планируют свою стратегию, как это делается в Вашингтоне на всем протяжении послевоенного периода, в предвидении действий на случай войны и в «мирный» период. Применительно к нему они побивают все рекорды цинизма, объявив: «В качестве дополнения к военной стратегии на мирное время в директивах предусматривается, по существу, объявление экономической и технологической войны СССР». А именно: «разрабатывать системы вооружений, которым русским будет трудно что-либо противопоставить, навязывать им непропорционально большие расходы, открывать новые области военного соперничества, заботясь о том, чтобы прежние советские ка-

питаловложения устаревали». Предельно четкая формулировка давно известной стратегии «изматывания» социализма на путях гонки вооружений.

И конечно, прямо сказано в директивах, «нужно усилить психологическую войну», что означает: «Мы должны оживить и усилить силы для специальных операций, дабы использовать мощь США там, где введение в дело обычных вооруженных сил было бы преждевременно, неуместно или неэффективно, особенно в странах Восточной Европы». Приведя эту выдержку из документа, «Нью-Йорк таймс» пояснила: «Термин «специальные операции» является эвфемизмом для обозначения партизанских действий, диверсий и тому подобного» [1]. Как будто это требует объяснения!

В начале июня Рейган явился в Западную Европу популяризировать именно ту часть директив, в которых идет речь о действиях в «мирное» время, добиваясь от своих союзников поддержки американской политики экономической блокады Советского Союза и мобилизации их на психологическую войну. Если США и их единомышленники в странах капитала пойдут на вмешательство во внутренние дела социалистических стран (помимо прочего, методами, предусмотренными в описанных директивах), тогда, самодовольно предрек Рейган в речи в английском парламенте, «марш свободы и демократии приведет к тому, что марксизм-ленинизм останется на пепелище истории». Он добавил, что ждет возникновения «сопротивления, если нужно вооруженного», в социалистических странах [2]. Что это, как не заблаговременная маскировка «специальных операций» американских спецслужб? Больше того, подстрекательство!

По возвращении в США 23 июня 1982 г. Рейган в штабквартире ЦРУ подписал новый закон о засекречивании подрывной работы американских спецслужб.

Это законодательство было принято 315 голосами против 32 в палате представителей и 81 голосом против 4 в сенате. Отныне подлежат тюремному заключению до 10 лет и штрафу до 50 тыс. долл. лица, предающие огласке имена тех, кто сотрудничает с ЦРУ, «даже если эта информация почерпнута из официальных источников» [3].

Подписание закона Рейган превратил в торжественную церемонию. Сначала он произнес речь перед сотрудниками

[1] The New York Times, May 30, 1982.
[2] U. S. News and World Report, June 21, 1982, p. 73—74.
[3] The Washington Post, June 11, 1982.

ЦРУ, заполнившими зал на тысячу мест. О чем именно говорил там президент, руководство ЦРУ категорически отказалось сообщить. По завершении своей секретной речи ликующий Рейган появился перед зданием ЦРУ. Гремел военный оркестр, услаждавший слух избранной аудитории маршами и мелодиями шовинистических песен. Но еще большее удовлетворение собравшиеся получили от выступления президента, когда оркестр смолк. Рейган произнес в их адрес немало лестных слов, назвав «героями мрачной борьбы в сумерках»[1]. Шпионы, террористы и диверсанты были объявлены им участниками крестового похода за свободу, глобальной кампании за права человека.

Коль скоро делается акцент на проведении политики на путях психологической войны, тогда методы традиционной дипломатии становятся в известном смысле препятствием. Неизбежный конфликт между системой Совета национальной безопасности с ЦРУ и К° и государственным департаментом Рейган решил в пользу аппарата У. Кларка, уволив в отставку государственного секретаря А. Хейга, предавшегося было иллюзиям о том, что он ведет внешнюю политику. Агрессия Израиля против Ливана летом 1982 г. дает поучительный пример тому, как США чужими руками проводят свою империалистическую политику, не останавливаясь перед поощрением геноцида. Эта агрессия иллюстрирует усилия Вашингтона держать под контролем даже периферию региона, богатого нефтью.

Курс администрации Рейгана не может не встречать сопротивления как внутри страны, так и за рубежом. Особое беспокойство везде вызывает возросшая агрессивность Вашингтона.

Больше того, вызывающий цинизм, с которым Вашингтон при Рейгане отваживается на меры, не могущие не осложнить обстановку в мире, ставит под угрозу международную безопасность. Американский историк Г. Херкан печально рассуждает: «Парафируя 5 августа 1963 г. договор о запрещении ядерных испытаний в трех средах и делая это за несколько часов до наступления 18-й годовщины атомной бомбардировки Хиросимы, президент Кеннеди сравнил это с первым шагом по дороге в тысячу миль. Для Кеннеди этот договор был «шагом к миру, шагом к разуму, шагом от войны». С тех пор американцы почти не сделали прогресса в

[1] The Washington Post, June 24, 1982.

этом направлении, больше того, есть основания утверждать: если и есть движение, то только вспять.

В прошлом году, в ту же годовщину — 18-ю со дня подписания этого договора (добавим: в годовщину Хиросимы! — *Н. Я.*) президент утвердил к производству нейтронное оружие. На циферблате часов Судного дня, изображенного на обложке журнала «Бюллетень ученых-атомщиков», минутная стрелка была отодвинута на 12 минут до полуночи по подписании договора о запрещении ядерных испытаний в трех средах. Теперь, после решения Рейгана о производстве нейтронного оружия, ее перевели в положение — 4 минуты до полуночи...»[1] Очень известный в США историк Г. Коммаджер с глубокой тревогой отозвался о политике США. Он сказал: «Новая администрация возрождает «холодную войну». Картер отказался от разрядки и ОСВ-2. Рейгановцы, по-видимому, готовы выбросить за борт все». Коммаджер призвал Америку к реализму и прежде всего к нормальным отношениям с Советским Союзом, напомнив бесплодность угроз в адрес нашей страны в прошлом[2].

Понимание того, что будущее человечества зависит прежде всего от развития отношений между США и СССР, ныне распространяется все шире. Антивоенные выступления в самих США и в других странах мира свидетельствуют о том, что курс, направленный на гонку ядерных вооружений, проводимый Вашингтоном, поднимает волну всеобщего протеста. «Внешняя политика, построенная на борьбе и конфронтации с силами мирового революционного процесса, может вести только к неудачам»[3],— подчеркивается в главной политической резолюции XXII Национального съезда Компартии США.

Что касается нашей страны, то СССР неизменно стоит за политику мира. В письме Л. И. Брежнева Р. Рейгану 25 мая 1981 г. указывалось: «...мы не ищем противоборства с США, не покушаемся на законные интересы Америки. Мы хотим иного — хотим мира, сотрудничества, чувства взаимного доверия и благожелательности между Советским Союзом и Соединенными Штатами Америки»[4]. Советский Союз дает все

---

[1] The Washington Post Book World, January 1982, p. 6.
[2] Worldview, July 1981, p. 5.
[3] XXII Национальный съезд Коммунистической партии США. 23—26 августа 1979 года. М., 1982, с. 164.
[4] Правда, 1981, 22 ноября.

новые доказательства своей приверженности к миру. Это особенно важно сейчас, когда человечество как бы подошло к развилке дорог, стоит перед ответственным выбором, от которого зависит вся его судьба.

Выступая с докладом на торжественном заседании в Москве, посвященном 112-й годовщине со дня рождения В. И. Ленина, товарищ Ю. В. Андропов подчеркнул: «...приемлемой альтернативы мирному сосуществованию нет... «холодная война» и гонка вооружений не имеют перспектив, а война «горячая» никому не принесет победы.

Но некоторые правительства, как и люди, склонны забывать об опыте, об уроках истории. Так, видимо, происходит сейчас с вашингтонской администрацией, пытающейся толкать на опасный путь все развитие международных отношений. Понятно, что на этом пути Соединенные Штаты не добьются успеха. Но нельзя не считаться с тем, что подобная политика ухудшает ситуацию в целом, усиливает опасность войны. Ответом на это может быть только повышение бдительности и, одновременно, еще более упорная борьба за сохранение мира. Именно эти задачи решает внешняя политика, которую проводит наша страна» [1].

На второй специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН по разоружению в июне 1982 г. Советский Союз предпринял шаг исключительной важности, взяв на себя обязательство не применять первым ядерное оружие. СССР сделал это в одностороннем порядке. Если другие державы, имеющие ядерное оружие, возьмут на себя аналогичное обязательство, угроза ядерной войны на деле будет ликвидирована. Советский Союз выдвинул программу поэтапного ядерного разоружения, выступил за ограничение и сокращение как стратегических вооружений, так и ядерных вооружений в Европе.

Неуклонная борьба нашей страны за мир и международную безопасность отвечает интересам всего человечества. Советская Программа мира на 80-е годы исходит из решений XXVI съезда КПСС перекрыть все пути для гонки вооружений. Громадная притягательная сила советских предложений и в том, что они конкретны — идет ли речь о запрещении и ликвидации химического оружия, или о создании безъядерных зон, запрещении размещения в космическом пространстве

[1] *Андропов Ю. В.* Ленинизм — неисчерпаемый источник революционной энергии и творчества масс. М., 1982, с. 20—21.

оружия любого рода, или ограничении военно-морской деятельности и т. д. СССР поставил перед Вашингтоном ясный выбор. В какую сторону будут развиваться события, покажет будущее.

Борьба, безусловно, трудная. В ней нужно постоянно помнить о зияющем разрыве между словами и делами Вашингтона. В речи в Юрике 9 мая 1982 г. президент Р. Рейган, как водится у американских политических деятелей, сделал отсылку к временам античности. Он привел слова Демосфена, сказанные в Афинах 2000 лет назад: «Кто в здравом уме судит по словам, а не делам другого, находится ли он в мире или войне с ним?» Уместное напоминание, полностью применимое к политике современного Вашингтона.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Почему, собственно, в этой книге избран ракурс «Силуэты Вашингтона»? Разве нет материалов, позволяющих выйти за рамки начертанных «силуэтов»? По большому счету на большее не замахнуться. И по причинам слишком очевидным. Американский публицист Дж. Хоган открыл свою большую книгу «Шпики», вышедшую на рубеже 70—80-х годов, журналистски заостренным, но по сути очень правильным суждением: «По всей вероятности, в стране, где надеются иметь всего по два — автомобилей, детей и домов, мы должны иметь и две истории. У нас они есть: известная печатная история, или «версия Диснея», которая столь же широко доступна, как и неизбежно навязывается, и другая, остающаяся тайной, погребенной и не имеющей названия» [1].

Хоган попытался рассказать о соотношении собственности и власти в США под специфическим углом зрения: какими методами стоящие на вершине этой пирамиды сохраняют и охраняют свое привилегированное положение. Так кто они, подлинные правители Соединенных Штатов? Сверхбогачи! Пересказывая содержание сентябрьского номера за 1982 г. журнала «Форбс», столичная «Вашингтон пост» поместила статью под заголовком «Перечислим самых богатых 400 человек в США». Журнал «Форбс», откровенно представляющий себя «орудием капитализма», потратил год на составление этого списка. Выяснилось, что в наше время мультимиллионеры очень застенчивы, когда заходит речь о размерах их состояний.

Вот ведь что происходило, по словам «Вашингтон пост», когда журнал «Форбс» подступил к ним с расспросами: «Взять Ф. Марса, самого богатого человека, проживающего в районе Вашингтона. Он настолько замкнут, что никогда его фото не печаталось в газетах. Это типично для 400 мультимиллионеров, включенных в список журналом. Большинство из них отказались отвечать на вопросы «Форбса»... А Ричард

[1] *Hougan J.* Spooks, p. XI.

Меллон Скайф, один из наследников Меллона, «энергично опровергал» оценку «Форбсом» его состояния — 500 млн. долл.». Но мы-то уже имели случай указать: этот самый Скайф легко выложил в 70-е годы на поддержку «новых правых» более 100 млн. долл. Наверное, в его опровержении есть доля истины: не бросил же он пятую часть своего состояния на это дело,— вероятно, оно больше 500 млн. долл.

Как бы то ни было, журнал «Форбс» поименно перечислил этих 400 сверхбогачей. Список открыл Д. Людвиг — 2 млрд. долл., а всего в США миллиардеров более дюжины. Один из них, Н. Хант, «два года назад потряс комитет конгресса заявлением, что он не знает размеров своих капиталов, пояснив: «Как-то некий тип спросил меня об этом. Я ответил — не знаю. Но я знаю людей, точно знающих, сколько они стоят. Они-то в общем не стоят много»[1]. Что, это эксцентричная выходка мультимиллионера перед избранниками американского народа в Капитолии? Отнюдь нет.

Американский профессор Б. Гросс, сделавший попытку показать место сверхбогачей в США, обнаружил аналогичный феномен: «Если вы спрашиваете, сколько стоит яхта, как-то заметил Дж. П. Морган, вы недостаточно богаты, чтобы позволить себе купить ее. К этому старому принципу ныне нужно добавить: если вы точно знаете, сколько у вас денег, вы не богаты. По-настоящему богатые люди просто не в состоянии исчислить рыночную стоимость их недвижимости, акций, произведений искусства и драгоценностей, фондов и прочего и затрудняются, когда нужно припомнить размеры их банковских счетов в различных странах. Когда сверхбогача спрашивают о размере его состояния, как это случилось с Н. Рокфеллером в конгрессе перед восхождением (в действительности он «снизошел») на пост вице-президента, он должен был обратиться для подготовки ответа к экспертам по финансовым вопросам».

Когда точные размеры состояний сверхбогачей, или принцев доллара, скрыты по причинам, конечно, не одного

[1] The Washington Post, August 28, 1982.

описанного высокомерия ко всем остальным смертным, тогда, по словам Гросса, «многие из сверхбогачей и богачей, конечно, не сообщают о своих доходах правительственным ведомствам. Больше того, подавляющее большинство богачей вообще не платят налогов или если платят, то немногим больше обычного служащего. В 1978 г. только 1779 человек сообщили органам министерства финансов, что их годовой доход более миллиона долларов». А миллионеров в США в 1979 г. было 520 тыс. по сравнению со 121 тыс. в 1969 г. и 27 тыс. в 1953 г.[1]

Сверхбогачи резко выделяются в этой серой массе миллионеров. Правоверный идеологический оруженосец монополистического капитала экономист П. Самюэлсен (сам попавший в разряд миллионеров) огорчился: «Если мы составим пирамиду из детских кубиков, приняв каждый кубик за тысячу долларов, то ее пик будет выше Эйфелевой башни, в то время как почти все мы не поднимемся выше метра от земли»[2]. Обладатели громадных состояний знают, как переводить собственность во власть. Они во главе истеблишмента, правящего в Соединенных Штатах.

Толковый «Словарь американского наследия» определяет истеблишмент как «избранную группу людей, обладающих властью, которые правят правительством или обществом путем негласных соглашений или решений». Отправляясь от этого определения, Гросс подчеркивает: «Американский истеблишмент объединяет отнюдь не только государственных деятелей. Равным образом это не коалиция частных центров силы. Это переплетение двух структур — в политике и экономике, которые при капитализме никогда не были независимы друг от друга. Речь идет о современном партнерстве крупного капитала и правительства... Частные соглашения, решения и тайна, окружающая все это, играют решающую роль в функционировании истеблишмента. Это усиливает уже присущую истеблишменту загадочность. Поэтому

[1] *Gross B.* Friendly Fascism, p. 60, 62.
[2] *Samuelsen P.* Economics. N. Y., 1973, p. 309.

эту структуру часто называют невидимым правительством». Или, если угодно, как мы видели, криптократией.

Трудно определить численный состав истеблишмента. По понятным причинам любые оценки в значительной степени гадательны. В качестве примера можно привести мнение Р. Таунсенда, возглавлявшего среднюю компанию до поглощения ее гигантской монополией ИТТ: «Америкой правят для себя 5000 человек, которых активно поддерживают 50 000 претендентов, рвущихся занять их места. Я пришел к этой цифре путем следующих подсчетов: 2500 руководителей крупнейших корпораций, 500 политиков, лоббистов и председателей комитетов конгресса, 500 банкиров, 500 владельцев важнейших фирм, 500 лидеров профсоюзов. Если вас не устраивают мои цифры, представьте собственные...» [1] Гросс, например, представил. Приняв численность головки истеблишмента в 4—6 тыс. человек, он расширял его общую численность до 224—336 тыс. человек. Много? Гросс ответил: «Менее чем две десятых одного процента от населения США или менее чем одна сотая одного процента от населения некоммунистического «свободного мира» находятся под руководством американского истеблишмента... Едва ли в истории человечества столь немногие определяли судьбы столь многих на нашей планете» [2]. Какие бы поправки ни вносить в приведенную статистику, общая картина не изменится: современная государственная и социальная структура США никак не соответствует расхожему представлению о существующей-де в этой стране и на Западе «демократии».

Внутри истеблишмента существует тесное объединение его лидеров по многим каналам и через различные общества, деятельность которых окутана тайной. Один из редакторов американского журнала «Эсквайр», Р. Розенбаум, в конце 70-х годов в сенсационной статье обратил внимание на общество «Черепа и костей», чуть не сотню лет существующее

[1] The New York Times Book Review, April 30, 1972, p. 11.
[2] *Gross B.* Friendly Fascism, p. 55—58.

в Йельском университете. Через это общество, которое именует себя масонским, прошло в свое время немало отпрысков привилегированных семей в США. Розенбаум перечисляет в числе членов этого общества видного государственного деятеля США 30—40-х годов Г. Стимсона, Г. Люса и других.

Розенбаум настаивает, что в последние десятилетия членство в обществе «Черепа и костей» нередко своего рода подготовительные курсы для работы в ЦРУ не рядовым сотрудником, а прямо в руководстве ведомства. «Можно спросить Билля Банди или Билля Бакли, ушедших в ЦРУ прямо из «Черепа и костей», или Джорджа Буша, руководившего ЦРУ, были ли навыки, полученные ими в этом обществе, полезны для тайных дел в ЦРУ (добавлю: на жаргоне Йельского университета слово «шпик» обозначает члена общества «Черепа и костей», а в ЦРУ так называют агентов)... Разве не может ЦРУ использовать старших членов общества «Черепа и костей» для вербовки новых?» и т. д.

На основании своих многолетних разысканий Розенбаум утверждает: общество «Черепа и костей», а оно не единственное в правящем классе США, «тайная организация истеблишмента, которая вводит новые, жизнеспособные гены в правящую элиту, давшую, например, Г. Стимсона». Члены общества связаны деловыми и семейными узами на всю жизнь. Вступающий в общество знает: о нем позаботятся. «Спросите Дж. Ричардсона, члена «Черепа и костей», который ныне надзирает за состоянием Рокфеллера, богато ли это общество и действительно ли каждый новичок в нем получает в дар 15 тыс. долл. и ему гарантируется безбедное существование на всю жизнь». Он занимает видное положение в бизнесе, политике — где угодно, и обязательно руководящий пост[1].

Загадки, загадки, загадки...

---

[1] *Rosenbaum R.* An Elegy for Mumbo Jumbo.— Esquire, September 1977, p. 85, 150, 149.

«Новые правые», или как их еще могут называть в Соединенных Штатах, с приходом администрации Рейгана перешли в открытое наступление по всем линиям. Многие руководители движения молоды, «отцы» сумели воспитать «детей». В предисловии к одной из книг, дающей портрет лидеров «новых правых», Рейган довольно определенно писал: «Вероятно, самая примечательная черта современного консервативного движения в том, что множество его лидеров, наверное большинство, принадлежат к поколению, которое прошло через бурные антивоенные демонстрации, его ассоциируют с Джейн Фонда и высоким накалом радикальной левой деятельности. Однако в то время, когда другие жгли государственные флаги, участвовали в сидячих забастовках, эти люди получили образование в колледжах и университетах, где с евангелистским рвением учили либеральным и радикальным идеям. Больше того, они вступили в жизнь закаленные враждебностью к ним в студенческих городках и глубоко преданные ценностям и институтам, которые стремились подорвать радикалы» [1].

Слов нет, это люди решительные. И с безумной прямолинейностью они в наше время стремятся гальванизировать капитализм, что влечет реакцию как во внутренней, так и во внешней политике США. Деяния этих людей в современных Соединенных Штатах отнюдь не должны заставлять отказываться от исторического оптимизма. Уже по той причине, что едва ли им удастся пресечь генеральную линию прогресса.

Как отмечалось в политическом обзоре газеты «Вашингтон пост» в конце лета 1982 г., «Рейган наверняка знает сентенцию президента Эйзенхауэра, занесенную им в свой дневник в ноябре 1954 г. (дневники Эйзенхауэра вышли в свет в 1981 г.— *Н. Я.*): «Мы должны не умиротворять и не взывать к разуму твердолобых консерваторов, а полностью

---

[1] *Robert J.* The Conservative Decade. Emerging Leaders of the 1980's. Westport, 1980, p. VIII.

игнорировать или, если это нужно, давать им отпор... Стоит любой партии попытаться отменить социальное обеспечение, ликвидировать правительственные программы в области труда и сельского хозяйства, об этой партии больше не услышат в американской истории» [1].

Администрация Р. Рейгана встала именно на этот путь. Посмотрим, куда он приведет!

[1] The Washington Post, August 29, 1982.

Содержание

Яковлев Н. Н.

Я47 Силуэты Вашингтона: Полит. очерки.— М.: Политиздат, 1983.— 414 с., ил.

Случаен ли внешнеполитический курс нынешней администрации Р. Рейгана? В новой книге профессора Н. Н. Яковлева сделана попытка ответить на этот и некоторые другие злободневные вопросы. История США с 1945 г. раскрывается преимущественно через личности тех, кто определял политику Вашингтона от Трумэна до Рейгана. Правящие круги США используют для осуществления своих внешнеполитических целей не только дипломатию, но и ЦРУ. Рассказывая об этом, автор привлекает многие малоизвестные или неизвестные широкому советскому читателю факты политической жизни США.

Книга адресована читателям, интересующимся актуальными вопросами современной международной жизни.

$Я\frac{0804000000-009}{079(02)-83}260-83$

66.4(7США)
32И

Н. Н. Яковлев

СИЛУЭТЫ ВАШИНГТОНА

Политические очерки

Заведующий редакцией *А. В. Никольский*
Редактор *Н. В. Попов*
Младший редактор *Л. А. Блинкова*
Художник *В. А. Иванов*
Художественный редактор
Е. А. Андрусенко
Технический редактор *Н. К. Капустина*

ИБ № 3072

Сдано в набор 14.07.82. Подписано в печать 29.11.82. А00206. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 1. Гарнитура «Обыкновенная новая». Печать высокая. Условн. печ. л. 22,68. Условн. кр.-отт. 24,57. Учетно-изд. л. 24,77. Тираж 200 тыс. экз. Заказ № 2490. Цена 1 р. 80 к.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Ленина типография
«Красный пролетарий». 103473,
Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.

1 р. 80 к.

Со дня основания Соединенных Штатов по сей день (и во веки веков, объясняют президенты своему народу) непременный залог всего и всяческого прогресса — священный институт частной собственности. Любые другие формы общественного устройства, по их мнению, ересь. Это проливает яркий свет на суть американской демократии. Поборники ее признают единственно разумной и приемлемой форму организации общества — американскую, основанную на частной собственности, порождающей громадное имущественное неравенство. И коль скоро владение собственностью в американском понимании тождественно «свободе», защита ее любыми средствами и есть высший долг Собственника.

ПОЛИТИЗДАТ